

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

BEYOND THE TARTAROS

A Muslim world in the heart of Europe between Elbe, Bug and Kama

ПО ТУ СТОРОНУ ТАРТАРА

Мусульманский мир в сердце Европы между Эльбой, Бугом и Камой

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш.МАРДЖАНИ АКАДЕМИИ НАУК РТ
ИНСТИТУТ КАВКАЗСКИХ, ТАТАРСКИХ И ТУРКЕСТАНСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ (МАГДЕБУРГ, ГЕРМАНИЯ)**

«Beyond the TARTAROS»

**A Muslim World in the Heart of Europe
between Elbe, Bug and Kama**

«По ту сторону ТАРТАРА»

**Мусульманский мир в сердце Европы
между Эльбой, Бугом и Камой**

Сборник научных трудов

Казань – 2017

УДК 930.253
ББК 79.3
П 41

Научный редактор: *Р.С. Хакимов*

Ответственные редакторы / Editors:

*М.М. Гибатдинов, М. Хотопп-Риеке, Ш. Тайлиг /
Marat Gibatdinov, Mieste Hotopp-Riecke, Stephan Theilig*

Составители: *Р.Р. Абызова, А.А. Зиннатуллина*

«Beyond the TARTAROS». A Muslim World in the Heart of Europe between Elbe, Bug and Kama = «По ту сторону ТАРТАРА». Мусульманский мир в сердце Европы между Эльбой, Бугом и Камой. Сборник научных трудов / Отв. ред. М.Гибатдинов, М.Хотопп-Риеке, Ш.Тайлиг. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT), 2017. – 452 с. + 16 с. цв. вкл.

В данный сборник вошли материалы, подводящие итоги работы Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и наших зарубежных коллег в рамках реализации проекта «Материалы по истории и культуре татар в зарубежных архивах» в 2017 г. Отдельный раздел посвящен материалам и результатам выставки «Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии».

Cover-Collage sampled by M. Hotopp-Riecke under usage of (from above to down left and right): Document Rep. XI Tartarei 271A fasc 5, “concerning the arrival and dispatch of Emisary Kirim Gasi, envoy of the Tatar Khan Ivas Giray in the Szczecin camp in December 1677” taken from the Prussian Secret State Archive; Telegraph of the Supreme Army Command of the German Reich concerning the greeting transmission to Major General Erich F.W. Ludendorff by the “Vice President of the Mohammedan Military Shura” (Osman Tokoumbet) from 12.9.2018, Signature: Akte Russland 105 Bd 3 Aug 1918 Juno1919, taken from the Political Archive of the Ministry for Foreign Affairs of Federal Republic Germany; Vignette “Riding Tatars” illustration taken from the poem “Min kərəşce” by Shihabutdin Nigmati in journal Tatar Ədəbiatı (publisher: Shafi Almas), Nr. 1, january 1944, Berlin, p. 43; Postcard “Tartarei” in the Art Nouveau style, Germany, 1902, ICATAT-archive Magdeburg; Wooden Tatar chandelier from Museum Gardelegen, Germany, made by “Kazan Tatar Nasibulla in 1916” by order of Otto Stiehl, photo by Stephan Theilig, ICATAT-archive; painting “Kazanian Tatar” by Wilhelm Kiesewetter, oil on canvas, 1842, with permission of the Museum for European Cultures.

ISBN 978-5-94981-277-8

ISBN 978-3-9819118-3-1

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань (Kazan), 2017
© Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT),
Магдебург (Magdeburg), 2017

Приветственное слово

На протяжении многих лет нами ведется активная совместная работа с зарубежными коллегами в Германии, прежде всего с Институтом Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИСАТАТ) и Бранденбург-Прусским музеем (Вустрау), по выявлению и изучению неизвестных или забытых страниц совместной истории татар и немцев.

В ходе успешной реализации проекта «Материалы по истории татар в зарубежных архивах» был выявлен большой пласт документов в архивах Германии и других стран, теперь мы приступаем к новому проекту по написанию истории татар в Европе, где эти материалы займут свое достойное место, а также уже начата реализация проекта по описанию татарских захоронений в Европе и составлению Сводного каталога имен военнослужащих – выходцев из Республики Татарстан и Казанской губернии, захороненных на военных кладбищах Европы. Выполнить такой огромный объем исследовательской работы было бы невозможно без активного участия наших зарубежных коллег-татароведов, которым мы благодарны за помощь и сотрудничество. Немецкие архивные материалы важны для нас тем, что позволяют по-новому взглянуть на историю взаимоотношений татар и Европы. Это были не только войны и конфликты, но и торговля, дипломатия, культурные и научные связи. С Германией связаны имена многих выдающихся деятелей татарской истории, живших, учившихся и работавших в этой стране: Гаяз Исхаки, Муса Бигиев, Габдрашит Ибрагимов и др. Их наследие является важной частью нашей истории, равно как и творческое наследие выдающихся немецких ученых, тюркологов, востоковедов и исламоведов, внесших значительный вклад в изучение и понимание объек-

тивной истории нашего народа. Отраднo, что сегодня уже сложилась замечательная когорта молодых европейских исследователей, увлеченных изучением истории татар. Надеемся, что культурные контакты и сотрудничество между нашими народами, имеющие многовековую историю, будут развиваться и продолжаться будущими поколениями ученых.

Рафаэль Хакимов

Доктор исторических наук Рафаэль Хакимов, директор Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ, вице-президент АН РТ.

EINHEITSGEMEINDE
Hansestadt Gardelegen
Die Bürgermeisterin

Algenstedt, Berge, Breitenfeld, Dannefeld, Estedt, Gardelegen, Hemstedt, Hottendorf, Jeggau, Jävenitz, Jerchel, Jeseritz, Kassieck, Kloster Neuendorf, Köckte, Letzlingen, Lindstedt, Mieste, Miesterhorst, Peckfitz, Potzehne, Roxförde, Sachau, Schenkenhorst, Seethen, Sichau, Solpke, Wanefeld, Wiepke, Zichtau

Liebe Leser,

es freut mich sehr, dass die alte Hansestadt Gardelegen zur Ausstellung „*Türcken, Mohren und Tartaren. Muslime in Brandenburg-Preußen*“ anlässlich von über 600 Jahren deutsch-tatarischer Kulturkontakte einen Beitrag leisten konnte, der noch dazu so einen enormen Anklang fand in den deutschen und russländischen Medien als auch in Kultur und Wissenschaft unserer Länder.

Die Hansestadt Gardelegen beherbergte immer wieder in ihrer Geschichte Muslime aus dem Osten Europas, unter ihnen Tataren und Baschkiren. Dies war der Fall in der Napoleonzeit, als muslimische Reiter im Ortsteil Isenschnibbe einquartiert waren. Dies galt auch für den Ersten und Zweiten Weltkrieg, wo hunderte Insassen von Kriegsgefangenenlagern, Zwangsarbeiter sowie Soldaten der verschiedenen Armeen in und um Gardelegen schwere Zeiten durchlebten oder sogar ihr Leben ließen. Davon zeugen heute noch die Kriegsgräberstätten auf dem Gardelegener Friedhof, die in den letzten Jahren mit viel Engagement erneuert bzw. umgebettet wurden. Auch unter ihnen waren Muslime aus Mittelasien, der Wolga-Ural-Region und dem Kaukasus. Doch all diese Begegnungen mit Gardelegen passierten im Kontext von Krieg, Gewalt und Tod. Auch unter den Soldaten der Sowjetarmee, die in der DDR-Zeit in Gardelegen stationiert waren, befanden sich Muslime.

Aber immer schon gab es auch friedliche Kontakte in Kultur und Wissenschaft zum islamischen Kulturkreis in und aus Gardelegen, der Altmark und Mitteldeutschland, wie die Ausstellung in Kasan eindrucksvoll präsentieren konnte. So veröffentlichte der Orientalist Abraham Hinkelmann, der in Gardelegen als Schul-Rektor arbeitete, 1694 die erste vollständige Ausgabe des Koran in Deutschland in arabischer Sprache, die zweite in West-Europa überhaupt. Der alte Handelsverbund der Hanse von Brügge bis Pskow brachte Handelsgüter aus dem Orient nach Deutschland. Durch den internationalen Hansebund profitierten auch die östlichsten Handelsstädte wie Nowgorod und Lemberg, wo traditionell muslimische Tataren lebten und mit deutschen und baltischen Kaufleuten in Austausch traten.

Leider werfen im 21. Jahrhundert wieder Kriege ihre Schatten bis nach Mitteldeutschland: Auch in Gardelegen nahmen wir Menschen aus dem islamischen Kulturkreis auf nach den Kriegen in Ex-Jugoslawien, in Kurdistan und Syrien.

Umso mehr freut es mich, dass wir der friedlichen Tradition der Hanse folgend, zum ost-westlichen Austausch beitragen können, dass der 'Tatarenleuchter' aus Gardelegen einerseits Zeugnis ablegen kann von der Beschäftigung mit Kunst und Kultur auch unter widrigen Bedingungen im I. Weltkrieg. Andererseits zeugt das Interesse an diesem Stück gemeinsamer christlich-islamischer bzw. tatarisch-deutscher Kulturgeschichte davon, wie wir interreligiöse und interethnische Beziehungen im 21. Jahrhundert unter Bedingungen von Demokratie und Freiheit gestalten können. Der Leuchter reiht sich als Mosaikstein ein in die Landschaft des Wissenschafts- und Kulturaustausches von Sachsen-Anhalt mit der Republik Tatarstan und der Russländischen Föderation.

Gerne unterstützen wir auch weiterhin im Rahmen unserer Möglichkeiten die Aktivitäten rund um deutsch-tatarische Projekte im Zusammenhang mit dem nunmehr schon recht prominenten Tatarenleuchter aus Gardelegen und freuen uns immer über Gäste aus Tatarstan in unserer schönen Stadt, sei es von der Akademie der Wissenschaften, seien es Kaufleute, Unternehmer oder Touristen.

Mandy Zepig
Bürgermeisterin der Hansestadt Gardelegen

EINHEITSGEMEINDE
Hansestadt Gardelegen
Die Bürgermeisterin

Dear readers,

I am very pleased that the old Hanseatic town of Gardelegen was able to make a contribution to the exhibition «Turks, Moors and Tartars. Muslims in Brandenburg-Prussia» on the occasion of more than 600 years of German-Tatar cultural contacts, which also found such an enormous echo in the German and Russian media as well as in the spheres of culture and science of our countries.

The Hanseatic town of Gardelegen has repeatedly hosted Muslims from Eastern Europe, including Tatars and Bashkirs. This was the case in the Napoleonic period, when Muslim horsemen were quartered in the district Isenschubbe. This also applied to the First and Second World War, where hundreds of inmates of prisoner of war camps, forced laborers and soldiers of various armies in and around Gardelegen experienced hardships or even lost their lives. The war cemeteries on the Gardelegen cemetery, which have been renewed or reburied with great dedication in recent years, still bear witness to this. Among them were Muslims from Central Asia, the Volga-Ural region and the Caucasus. But all these encounters with Gardelegen happened in the context of war, violence and death. Also among the soldiers of the Soviet Army, who were stationed in the GDR period in Gardelegen.

But there have always been peaceful contacts in culture and science with the Islamic culture in and out of Gardelegen, the Altmark and Central Germany too, as the exhibition in Kazan impressively presented. Thus, the orientalist Abraham Hinckelmann, who worked as a school rector in Gardelegen, published in 1694 the first complete edition of the Koran in Germany in Arabic language, the second in Western Europe at all. The old trade association of the Hanseatic League from Bruges to Pskow brought merchandise from the Orient to Germany. The international Hanseatic League also benefited the easternmost trading cities, such as Novgorod and Lviv, where traditionally Muslim Tatars lived and exchanged goods and ideas with German and Baltic merchants.

Unfortunately, in the 21st century, wars are once again casting their shadows all the way also to Middle Germany. In Gardelegen,

too, we welcomed people from Islamic cultural sphere after the wars in ex-Yugoslavia, Kurdistan and Syria.

Therefore, I am all the more pleased that, following the peaceful tradition of the Hanseatic League, we can contribute to the East-Western exchange that the 'Tatar Chandelier' from Gardelegen on the one hand can bear witness to the study of art and culture even under adverse conditions during the First World War. On the other hand, interest in this piece of common Christian-Islamic or Tatar-German cultural history shows how we can shape interfaith and inter-ethnic relations in the 21st century under conditions of democracy and freedom. The chandelier joins as a mosaic stone in the landscape of science and culture exchange of Saxony-Anhalt with the Republic of Tatarstan and the Russian Federation.

We are happy to continue to support as far as possible the activities related to German-Tatar projects in connection with the now quite prominent Tatar candelabrum from Gardelegen and always look forward to guests from Tatarstan in our beautiful city, be they from the Academy of Sciences, be they merchants, businessmen or tourists.

Mandy Zepig

Mayor of the Hanseatic city of Gardelegen.

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА
Ганзейский город Гарделеген
Бургомистр

Дорогие читатели,

Я очень рада, что старый ганзейский город Гарделеген смог внести свой вклад в выставку «Турки, Мавры и Татары – мусульмане в Бранденбурге-Пруссии», приуроченную к 600-летию немецко-татарских культурных связей, отзвуки которой в немецких и российских СМИ, а также в сферах культуры и науки наших стран были очень обширны.

Ганзейский город Гарделеген неоднократно принимал мусульман из Восточной Европы, включая татар и башкир. Так было и в Наполеоновский период, когда мусульманские всадники были расквартированы в районе Исеншнйббе. Это также относится и к Первой и Второй мировым войнам, когда сотни заключенных из лагерей для военнопленных в Гарделегене и вокруг него, принудительные рабочие и солдаты различных армий испытывали лишения или даже погибали. Военные захоронения на кладбище Гарделеген, которые были восстановлены или перезахоронены с большим усердием и заботой в последние годы, все еще свидетельствуют об этом. Среди них были мусульмане из Средней Азии, Волго-Уральского региона и Кавказа. Но все эти встречи с Гарделегеном происходили в условиях войны, насилия и смерти. Мусульмане были и среди солдат Советской Армии, которые находились в Гарделегене в период ГДР.

Вместе с тем, в Гарделегене и за его пределами, в Альтмарке и в Центральной Германии всегда существовали мирные контакты с мусульманской цивилизацией в области культуры и науки, как это выразительно представила выставка в Казани. Так, востоковед Абрахам Хинкельман, работавший директором школы в Гарделегене, опубликовал в 1694 году в Германии первое полное издание Корана на арабском языке, второе в Западной Европе в целом. Старая торговая ассоциация Ганзейского союза от Брюгге до Пскова привозила в Германию товары с Востока. Из международного Ганзейского союза также извлекали пользу и восточные торговые города, такие как Новгород и Львов, где традиционно

жили татары-мусульмане, обмениваясь идеями и товарами с немецкими и балтийскими купцами.

К сожалению, в XXI веке войны вновь повсеместно отбрасывают свою тень, как и в Центральной Германии. В Гарделегене мы радушно принимаем людей мусульманской культуры после войн в бывшей Югославии, Курдистане и Сирии.

Поэтому я тем более рада, что, следуя мирным традициям Ганзейского союза, мы можем способствовать обмену между Востоком и Западом, что «татарская люстра» из Гарделегена, с одной стороны, может свидетельствовать о развитии искусства и культуры даже в неблагоприятных условиях Первой мировой войны. С другой стороны, интерес к этой части общей христианско-мусульманской или же татаро-немецкой истории показывает, как мы можем формировать межконфессиональные и межэтнические отношения в XXI веке в условиях демократии и свободы. Люстра соединяет Саксонию-Анхальт с Республикой Татарстан и Российской Федерацией как часть мозаики научных и культурных взаимоотношений.

Мы с удовольствием продолжим поддерживать, насколько это возможно, деятельность, связанную с германо-татарскими проектами, в связи с ставшей теперь знаменитой «татарской люстрой» из Гарделегена, и всегда с нетерпением ждать гостей из Татарстана в нашем прекрасном городе, будь то представители Академии наук, или же бизнесмены и туристы.

Мэнди Цепиг

Бургомистр Ганзейского города Гарделеген

Г-жа Мэнди Цепиг является бургомистром ганзейского города Гарделеген (с июля 2015 года), изучала юриспруденцию в Университете Мартина-Лютера (Галле-Виттенберг) и более 10 лет проработала в качестве юриста. С 2013 г. неоднократно избиралась в Городской совет ганзейского города Гарделеген.

Приветственное слово

Дорогие друзья,

«Чувство общей опасности и общего врага каждый раз оказывалось очень полезным для общественного единения и для более легкого предотвращения внутреннего раскола». К сожалению, это предвидение грядущих событий шотландского философа эпохи Просвещения Адама Фергюсона (1723–1816) до сих пор сбывается. Почти на всем протяжении истории именно чувство превосходства и враждебности против чужаков является основным двигателем для разжигания войн. Символом, вокруг которого легче всего происходило единение людей, являлась религия.

На протяжении многих столетий это понимали многие христианские и исламские правители, стремясь возглавить истинно верующих и сохранить собственную власть, они стали сеять чувство страха, ненависти и глубокого презрения по отношению к «язычникам» или «неверным». После того как в начале XVIII века наступил временный перерыв в длительном военном противостоянии Европы и Османской империи, начался век Просвещения. За очень короткий временной промежуток философы, ученые, путешественники, художники и просвещенные правители смогли перебросить мосты между различными культурами. Два мира смогли взглянуть друг на друга и прийти к взаимовыгодному сотрудничеству. Аналогичную оценку духовному развитию Османской империи в данную эпоху дал турецкий историк Ахмет Рефик Алтынай, назвав ее «временем тюльпанов» (*Lâle Devri*).

В XIX веке стали торжествовать идеологии национального превосходства и получения сверхприбыли в экономике. Последняя стала оборотной стороной этнических ограничений свобод. В 1900 году почти треть жителей мира находилась под европейским колониальным гнетом. Османская империя хотя и не была колонизирована, но в результате объявления дефолта в 1875 году все государственные доходы были переданы под контроль консорциума семи основных европейских стран-кредиторов.

Одной из важнейших задач исторических исследований является выявление периодов мирного и взаимовыгодного сосуществования людей. Именно в этих периодах можно найти ответы на вопросы, стоящие сегодня перед обществом. Своими трудами мы бы хотели внести свой небольшой вклад в решение данной задачи.

Др. Андреас Бодекер
Директор Фонда Ерхарда Бодекера

Доктор Андреас Бодекер на протяжении 4-х лет управлял Бранденбург-Прусским музеем. Известный банкир, историк, читающий лекции и публикующий статьи по истории Пруссии, в настоящее время работает в качестве юриста в Берлине и управляет частными фондами.

Sehr geehrte Leser*innen,

Liebe Besucher*innen der Ausstellung «Türcken, Mohren und Tartaren. Islam in Brandenburg-Preußen».

Die Magdeburger Wissenschaftslandschaft wie die Region Mitteldeutschland insgesamt tragen eine historische Verantwortung bezüglich unseres akademischen und rechtlichen Erbes: Beginnend mit Besuchen des islamischen Gelehrten Ibrāhīm ibn Ya‘qūb im 10. Jahrhundert bei Kaiser Otto I. bis zu dem 1728 etablierten Institutum Judaicum et Muhammedicum in Halle unter Johann Heinrich Callenberg existiert eine lange Tradition von Wissenstransfer und Diplomatie mit dem islamischen Süden und Osten Europas. Das Magdeburger Recht sorgte im Mittelalter für stabile Verhältnisse von Prag und Leipzig bis Kiew und Poltawa, von Berlin und Magdeburg bis Krakau und Lemberg. Das Magdeburger Recht galt für alle, so zum Beispiel in Lemberg auch für die Gleichstellung von Muslimen, Tataren, sowie Christen, Armeniern, Juden, Deutschen, Russen und Ukrainern.

Die Magdeburger akademischen Partnerschaften mit Institutionen in Amman/Jordanien, Kasan/Tatarstan, in der Türkei und auf der Krim können als die Fortsetzung solchen Erbes angesehen werden.

Doch über viele Jahrhunderte beherrschte immer wieder der Geist der Konfrontation, des Chauvinismus und der Gewalt die Beziehungen zwischen den mitteldeutschen Ländern und den östlichen sowie südlichen Nachbarn. Aus dieser Perspektive die Artikel und Illustrationen dieses Sammelbandes rekapitulierend, ist ein Paradigmenwechsel nicht zu übersehen: Waren in den vergangenen Jahrhunderten vor allem Kulturkontakte zwischen Menschen Mitteldeutschlands und dem Orient im Kontext von Krieg, Militär und Gewalt angesiedelt sowie männlich dominiert, so ist hier ein Wandel zu verzeichnen. Die tatarisch-deutschen als auch die akademischen Beziehungen zum islamischen Kulturkreis insgesamt werden im 21. Jahrhundert dagegen mehr vom Geist des Zusammen-Lernens getra-

gen und sie werden weiblicher: Frauen werden sichtbarer als Macher*innen, als Aktivist*innen, in Strukturen und Themenbereichen, an der Hochschule und in der Kunst. Dies zeigt auch dieses Buch.

Dabei sind wir gefordert nicht nur direkt an unserer Hochschule Magdeburg-Stendal bei der Ausbildung als Fachübersetzer*in, sondern die Wissenschaftler*innen übernehmen immer auch die Funktion von Kulturübersetzer*innen, von Vermittler*innen. Dem trägt unsere Hochschule Rechnung zum Beispiel durch die Initiative «Integration von politischen Flüchtlingen mit akademischen Hintergründen». Und auch Projekte unserer Cross-Media-Student*innen in Kooperation mit dem ICATAT wie die preisgekrönte Online-Video-Reihe «#Hallo Islam!» widmen sich den gesellschaftlichen Herausforderungen zeitgemäß.

Gerade angesichts hysterischen Fremdenhasses und scheinbar wegbrechenden Normen und Werten im internationalen Umgang, sind Kooperationsprojekte wie dieses Buch, sowie oben beschriebene internationale Zusammenarbeiten umso wichtiger. Wissenschaft und Kultur müssen, gerade weil sie Vermittler und Motor von Entwicklung und Austausch sind, frei und unabhängig sein. Nur dann – wie die historischen Beispiele des Magdeburger Rechts und des Hanse-Bundes zeigen – können sie zum Wohle der Menschen wirken unilateral, inklusiv und partizipierend.

Kooperationsprojekte zwischen Magdeburger und Kasaner Instituten wie «Geschriebenes Erbe / Yazma Miras» und «Ali und Hanife. Museum über Land», unsere Trägerschaft der Deutsch-Jordanischen Universität aber auch studentische Projekte unserer Hochschule wie «Neue Nachbarn» oder «Our Story» sind mutmachende prosperierende Teile einer sich enger vernetzenden Wissenschafts- und Kulturlandschaft.

In diesem Sinne wünschen wir der Exposition an ihren künftigen Ausstellungsorten, dem Buch sowie der Arbeit in weiteren Koopera-

tionen zwischen Elbe, Mittelmeer und Ural viel Erfolg für eine fruchtbare und friedliche Zusammenarbeit,

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Anne Lequy'. The signature is stylized and cursive, with the first letter 'A' being particularly large and prominent.

Prof. Dr. Anne Lequy
Rektorin Hochschule Magdeburg-Stendal
ICATAT-Fellow Magdeburg

Dear Readers,

Dear visitors of the exhibition «Turks, Moors and Tatars. Islam in Prussia and Germany».

The Magdeburg science landscape as well as the region Middle Germany as a whole bear a historical responsibility regarding our academic and legal heritage: Beginning with visits of the Islamic scholar Ibrāhīm ibn Ya'qūb in the 10th century with Emperor Otto I to the 1728 established Institutum Judaicum et Muhammedicum in Halle under Johann Heinrich Callenberg exists a long tradition of knowledge transfer and diplomacy with the Islamic South and East of Europe. The Magdeburg law ensured stable conditions in the Middle Ages from Prague and Leipzig to Kiev and Poltava, from Berlin and Magdeburg to Krakow and Lemberg/Lviv. The Magdeburg law applied to everyone, for example in Lviv, for the equality of Muslims, Tatars, as well as Christians, Armenians, Jews, Germans, Russians and Ukrainians.

The Magdeburg academic partnerships with institutions in Amman / Jordan, Kazan / Tatarstan, Turkey and the Crimea can be seen as the continuation of such heritage.

But for many centuries, the spirit of confrontation, chauvinism, and violence has repeatedly dominated the relations between the Middle German states and their eastern and southern neighbors. From this perspective, recapitulating the articles and illustrations of this anthology, a paradigm shift is not to be overlooked: were in the past centuries mainly cultural contacts between people of Germany and the Orient in the context of war, military and violence settled and male dominated, so here is a change to record. In the 21st century, however, the Tatar-German as well as the academic relations to countries of Islamic culture as a whole are more supported by the spirit of learning together and become more feminine: women become more visible as makers, as activists, in structures and subject areas, at the university and in art. This shows also this book.

At the same time, we are challenged not only at our University of Applied Sciences Magdeburg-Stendal in training as a specialist interpreters, but the scientists also always assume the function of cultural translators, of mediators. Our University takes this into account, for example, through the initiative «Integration of political refugees with

academic backgrounds». And projects of our cross-media students in cooperation with the ICATAT such as the award-winning online video series «#Hallo Islam!» dedicate themselves to social challenges in a contemporary way.

Precisely in the face of hysterical xenophobia and seemingly breaking away norms and values in international dealings, cooperation projects such as this book, as well as international cooperation described above, are all the more important. Science and culture must be free and independent just because they are mediators and drivers of development and exchange. Only then – as the historical examples of Magdeburg law and the Hanseatic League show – can they work for the benefit of people unilaterally, inclusive and participatory.

Cooperation projects between Magdeburg and Kazan institutes such as «Written Heritage / Yazma Miras» and «Ali and Hanife. Museum across Land», our sponsorship of the German-Jordanian University as well as student projects of our university like «New Neighbors» or «Our Story» are encouraging prospering parts of a more closely networked scientific and cultural landscape.

In this sense, we wish the exhibition at its future exhibition venues, the book and the work in further cooperation between the Elbe, Mediterranean and Urals much success for a fruitful and peaceful cooperation.

Prof. Dr. Anne Lequy

Rector of the University of Applied Sciences Magdeburg-Stendal
ICATAT-Fellow Magdeburg

Anne Lequy was born in France in 1971 and obtained her German-French doctorate at the Universities of Metz and Leipzig in 1999. In April 2014, she took over as Rector. Anne Lequy is, among others, the project leader of the German-Jordanian University (GJU) in Germany, Vice-President of the Rectors' Conference of the Saxony-Anhalt (LRK) and Country Spokesperson of the Universities of Applied Sciences / Saxony-Anhalt in the Hochschulrektorenkonferenz (HRK). She was one of the founding members of the university alliance for medium-sized businesses in 2014 and has been a member of the Landeshochschulrat Brandenburg since 2016 as well as a fellow of ICATAT since 2013.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	19
<i>Introduction</i>	21

I. Tatar Materials in Foreign Archives – Татарские материалы в зарубежных архивах

<i>Stephan Theilig. Between fear, hope and admiration. Iconographical representation of Tatars and Turks</i>	30
<i>Mieste Hotopp-Riecke. Lieux de mémoire of Tatars in public space of Germany: Tatarian craftwork, art and graveyards (A workshop report)</i>	42
<i>Искандер Гилязов. Некоторые источники по истории татар в фондах Восточного отдела Берлинской библиотеки: общая характеристика</i>	69
<i>Исмаил Керимов. Канцелярия Крымского ханства</i>	83
<i>Темур Куриштов. Крымскотатарские документы в архивах и библиотеках Германии</i>	99
<i>Динара Марданова. Татарское рукописное и старопечатное наследие в архивах г. Алматы</i>	112
<i>Ляля Муртазина, Марат Гибатдинов. Документальные следы двух татарских студентов в Америке</i>	130
<i>Лариса Усманова. Татарские материалы в архивах Японии: подходы к выявлению и изучению</i>	140
<i>Лариса Усманова, Ильгизар Ахмедов. Судьбы тюрко-татарских эмигрантов на Дальнем Востоке (по материалам Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи)</i>	148
<i>Адолат Рахманкулова. Некоторые аспекты социально-экономической жизни крымских татар в Узбекистане в постдепортационный период</i>	190
<i>Ильдар Харисов. Звуковые записи татар-военнопленных периода Первой мировой войны в архивах Вены и Берлина</i>	202
<i>Диляра Усманова. Краткий обзор следственных дел польско-литовских татар 1940–1941 гг. из «Особого архива Литвы» (Вильнюс, Литва)</i>	208

II. Turks, Moors, Tatars – Muslims in Prussia and Germany – Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии

<i>600 лет прямых контактов татар и немцев (основные вехи)</i>	229
<i>Штефан Тайлиг. Муса Джалиль – новые места и факты</i>	261
<i>Stephan Theilig, Mieste Hotopp-Riecke. German-Tatar Places of Remembrance – Musa Dshalil in Archive Projects and New Intercultural Discourses</i>	264
<i>Искандер Гилязов. Два пропагандистских лагеря Первой мировой войны – Halbmondlager и Weinberglager</i>	277
<i>Мисте Хомонн-Рике, Руперт Кайзер. Татарский светильник из Гарделегена. Свидетельство немецко-татарской истории в ратуше старого ганзейского города</i>	282
<i>Mieste Hotopp-Riecke. From the Altmark to the Orient of Europe: The Tatar luster from Gardelegen. From history evidence of German-Tatar contacts in the town hall of an old Hanseatic city and elsewhere in the Altmark region</i>	290
Media Mirror of Yazma Miras Activities 2017 / СМИ о выставке	304

III. A Muslim World in the Heart of Europe – Мусульманский мир в сердце Европы

<i>Holger Schuckelt. Relations between Saxony and the Crimean Tatars in the 17th and early 18th centuries</i>	311
<i>Фолькер Адам. Крымскотатарское национальное самосознание в Добрудже – от его истоков и включая постсоциалистический период</i>	332
<i>Egdūnas Račius. Muslims of the European part of the former USSR</i>	362
<i>Рамиль Беляев. Эволюция контактов татар Финляндии с единоверцами в СССР (Краткий обзор)</i>	374
<i>Overview</i>	382
<i>Appendix</i>	385
<i>Report on activities 2014–2017</i>	386
<i>List of figures of color inset</i>	403
<i>Archive Adresses for research in Germany</i>	406
<i>Сведения об авторах</i>	418
<i>Index</i>	420
<i>Указатель</i>	432

ВВЕДЕНИЕ

Во времена нарастающего национализма, активной инструментализации истории и концентрации внимания на религиозных и культурных различиях, а не на общности, часто упоминаются первобытный страх перед неведомым незнакомцем, негативные стереотипы и клишированные образы врага. На протяжении почти 800 лет этот стереотипный образ врага включал в себя клише «диких татар», мусульман с Востока, которые уже в тринадцатом веке были известны как «адские орды выходцев из подземного мира (Тартара)».

Перед лицом истерики СМИ по таким темам, как миграция, интеграция и ислам в Европе, а также дискуссий о национальной идентичности, мы выбрали названием книги «По ту сторону Тартара», поскольку даже в XXI в. продолжают сохраняться стереотипные отрицательные отношения к татарам, исламу как угрозе для Европы и т.д. Предрассудкам и уничижительным стереотипам, во многом являющимся следствием невежества, неинформированности и нежелания знать, мы противопоставляем фактические знания на основе архивных материалов и международное сотрудничество, совместные исследования и встречи лицом к лицу.

В данный сборник вошли материалы, подводящие итоги работы в 2017 г. Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и наших зарубежных коллег, таких как Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (Магдебург, Германия), Бранденбург-Прусский музей (Вустрау), Университет Симанэ (Япония) и др., в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)». В 2017 году в рамках реализации данной программы были организованы: международная конференция «Материалы по истории и культуре татар в зарубежных архивах» (Казань, 23.05.2017), выставка «Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии» (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», июнь – июль 2017 года), круглые столы: «Татары и мусульмане в Германии: история и современность» (Казань, 24.07.2017), «Изучение архивных документов по исто-

рии татар в архивах Польши» (Варшава, 08.06.2017); конференция «Мусульмане в Центральной Германии вчера и сегодня» (ИСАТАТ и Университет Отто фон Герике в Магдебурге, 9–10.09.2016), заключены договора о копировании документов в архивах Германии и Польши. Сотрудниками ИИ АН РТ и зарубежными коллегами проведены многочисленные архивные и археологические изыскания, выявлены новые документальные материалы и артефакты, связанные с разными периодами истории татар, в том числе пребыванием Мусы Джалиля и других татарских военнопленных в Германии.

Первый раздел сборника составляют статьи, освещающие последние открытия и результаты актуальных исследований татарских материалов в архивах Германии, Австрии, Швеции, Японии, США, Литвы, Узбекистана и Казахстана.

Второй раздел включает в себя материалы, полнее раскрывающие исторический контекст экспонатов выставки «Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии» и не вошедшие в подготовленный ее организаторами каталог¹.

Заключительный раздел включает в себя материалы, отражающие взаимную историю контактов мусульманского и европейского миров на протяжении всей истории на примере Германии, Финляндии, Добруджи, стран Восточной Европы.

Все статьи на русском и/или английском языках публикуются в авторской редакции и отражают личные взгляды авторов, что не обязательно отражает позицию редакционной коллегии.

¹ Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии. Каталог выставки (Казань, июнь – июль 2017 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 64 с.

Introduction

Science and Heimat beyond the Tartaros

In times of growing nationalisms, massive instrumentalization of history and a focus on religious and cultural opposites rather than commonalities, it is often referred to primitive fear of the supposed stranger, to negative stereotypes and clichés of enemy images of the «other». For nearly 800 years, this stereotype of enemy images has included the cliché of the wild Tatars, the Muslims from the East, who, as early as the thirteenth century, were known to have come from the Tartaros, hordes of hell from the underworld.

In the face of media hysteria around topics such as migration, integration and Islam in Europe as well as social discourses on national identity, we chose the book title «Beyond the Tartaros», because even in the 21st century stereotypical negative relationships are still established between the Tatars, Islam as a threat in Europe and the alienation of the «Christian-Jewish Occident». Against prejudices, against pejorative stereotypes we set facts, joint research and encounter. Factual knowledge based on archive materials and international cooperation at eye level.

All scientists who have contributed to the exhibition in the Museum of Islamic Cultures as well as the accompanying conference on this publication feel obliged to do so. Working in intercultural teams with the ambition of creating sustainable works that sustain the above principles and make them accessible to younger generations through books, edited archival materials, and teaching materials, is the academic fundament that has bound us for nearly a decade.

Therefore, in our research projects, publications and teaching, we use regional intercultural history (embedded in a larger context), above all the long history of Eastern European Islam, the autochthonous Euro-Islam and try to think it together with the Islam discourse of migrant intellectuals in the west¹. By exploiting the potential of various ethnic groups in our regions – such as Turks, Kurds, Arabs and

¹ Hotopp-Riecke 2011, p. 18.

Tatars – we support both the acceptance and tolerance of «foreigners» in our societies, as well as the mental health aid for young migrants, in order to secure the opportunity for participation in social and cultural life. Researching and teaching together also means that we not only learn about multi-ethnicity in the European past. No, we work in mixed Tatar-German or Crimean Tatar-German project groups, so to speak as a mirror of our research goal¹. Unfortunately, the research landscape is still too divided in East and West, North and South.

Reference is made here to the «Manifesto of Euro-Islam: Where is our Mecca» by Rafael Khakimov, the former presidential adviser of the Republic of Tatarstan «*The world has become a multicultural society. It is becoming an ummah, not only Muslim, but at least united on issues of peace and the protection of human rights and the interests of the state. Search a community can not emerge against the will of God*»².

The Tartaros-R

Although Henscheid and Henschel in their «cultural history of misunderstandings» argue that the Tartaros, in which the Titans and the three-headed goddess of witches or elves – Hecate (Trivia) were banished, have nothing to do with the Tatars, but they do ethnic as well as art historical connections to these. So it is said that with the arrow of the Tatar in Shakespeare's «Macbeth» as well as with the Tartaro in Verdi's opera «*Tu labbro d'un Tartaro*» no creatures of the underworld are meant and mine also «*of course not a Chained Titan, who shoots an arrow out of the Tartaros, but someone from the same tribe that Genghis Khan in the 13th century – no, not led, but had to defeat, before he could break out to his great military campaigns, the Tatars (without the first «r») in northern Mongolia, not to be confused*

¹ One could consider the Hiddensee-Protocol «Tatars, Germans and European Identity» as such a mirror of ideas, prospects and activities. See online under URL: <http://icatat.files.wordpress.com/2011/07/protokoll-von-hiddensee.pdf> [23.10.2012].

² Khakimov 2006, p. 108.

with the inhabitants of today's Tatarstan Republic»¹. The use of Tartaro's term by Shakespeare and other poets and composers establishes relationships between the ancient gods of the Celts and Teutons – the so-called dreaded 'little ones' or 'good people' under the earth, the gnomes, elves, and imps – on one and the other the personified evil, the primeval fear of the apocalyptic riders from the East on the other side, whether Scythians, Huns or Tatars: «*The Huns (pseudo-Tatars) thus described approximate to imaginable inhabitants of Tartar underworld, at least subterranean climes, where indeed Titanias antique namesakes, but also the elves of the Celtic / Welsh legend*»². This «cipenaper» («kidnapper»), as Shakespeare's Oberon or Alberich as its equivalent in German legends world, as Goethe's Erlkönig, which Herder derives from the Danish «elverkönig», so that which transforms the «Midsummer Night's Dream» into smoothy lovely-poetic language³, becomes so closely related to the Tatars and Huns. This also resonates well when the Germans are sometimes called «Huns» by the British in times of crisis, which means that they return home to the Barbarian «East»⁴. The legend of the origin of the Huns published by the Grimm Brothers also makes such a connection: «*The origin of the Huns has been told from time immemorial: Filimer, Gandarich's son, the fifth king of the Goths since their emigration from Skanzien, found certain among his people divining women called Aliruns in the Gothic language. He no longer wanted to tolerate these, but chased them away from the middle of the people into the wilderness. When the aliruns wandered around in the desert for a while, they were seen by the forest people called fauns and fig leafmen, and they mingled. The tribe, which emanated from the forest people and Alirunen, was*

¹ There the troll Puck speaks in the original: «I go, I go; Look how I go – / Swifter than arrow from the Tartar's bow» («I hurry, I hurry!» See how I hurry: / So flies from the bow of the Tartar arrow» [About August Wilhelm Schlegel]), Elsewhere Macbeth characterizes it: «Nose of Turk and Tartar's lips». See: Henscheid 1997, p. 245; s.a.: Schmidt 2007 (1902), p. 1182a.

² Henscheid 1997, p. 246.

³ Ibidem. p. 246.

⁴ Ibidem. p. 246.

small, ugly and wild; it used to live in the moth swamps. Soon, however, they moved out and came to the border of the Goths»¹.

This urge, or its manifold possibility of association with any reign of terror, experience of violence or confrontation with the stranger, makes the terms Tartarus/Tartaros and Tatar seem predestined to find symbolic use in all artistic genres. Whether in poetry, in film, in music, in the theater or in literature, the symbol of the Underworld, of the Otherworld connected with the destructive stranger of the `Tartars` continued to attract viewers and readers till to the beginning of the 21st century in their spell.

There are already profound investigations into the origin of the Tartarus-R and its first use, for the representation of `Tartars`, Huns, Scythians and Turks as barbarians in several works by colleagues such as Schmieder², Kolditz³ and Klopprogge⁴ as well as other scientists who, however, make no reference to today's Tatars, but treat the phenomenon only in a historical context. However, the fact that in the Russian language the Greek term Tartaros (Τάρταρος) is used as Tartar (Та́рар) is pointed in a certain direction.

The most recently anchored in regional German dialects term `Tatern` is hardly used today. In the Reader's Forum of the Lexicon of Threatened Words it is discussed whether `Tatern` should be placed on the Red List of threatened words, so far it is not yet listed there⁵. Ultimately, it is crucial to this study that the correct term is Tatar and not Tartar (as wide spreaded untill today in anglo-american sphere), and if the Tartaros-R is used, this may indicate, first, negligence on the part of the writer, or second, the deliberate reference to the mystic-negative background of «Tartar» from «Tartarus».

¹ Grimm 1965, pp. 150–151, item 378. In another "legend of the Huns", the Turkish Ergenkon saga seems to be taken up, cf. Grimm 1965, pp. 351–352.

² Schmieder in summa / diverse.

³ Kolditz 2013, pp. 163–198.

⁴ Klopprogge 1997, pp. 81–101.

⁵ See: Mrozek, the relevant chat ist o find under URL: <http://www.bed-rohte-woerter.de/forum/index.php?bwsid=f24b0bb4f867ea9005c98d73b8772d33> [02.03.2016].

Figure 1. Election poster for the far-right AfD party to vote among the Russian-speaking population of Germany by using old stereotypes (2017).

Figure 2. Meat-raw-egg-people-wild. Card from a bestselling game «TARBU» in Germany (Edition Hasbro 2009, original by MB 1990, author Brian Hersch).

Beyond the Tartaros

For the reasons described above, however, neither the Tartaros-R nor the historical background of Eastern European Islam is present to young generations. However, media discourses and political debates about the – often unwanted – «others» or «aliens» are very well present. Many do not realize that these xenophobic discourses did not originate from nothing, but have their prehistory precisely in these now sinking narratives of «Tartars», Hunns etc... For this reason, we are trying innovatively to introduce new research findings on German-Tatar history into recent discourses and to anchor, utilize and broaden them through interdisciplinary cooperation outside the university and academy.

If we do not constantly re-think our subjects and interdisciplinarily rearrange, network and connect with the reality of life here, we may be able to continue the ancient subjects of Ottoman studies, History or Turkology in a traditional way, but grope always in the traps of the Ivory tower, in which an exaggerated fan purity of the teaching led us in my eyes.

For example, a hundred years ago, generalized scriptural knowledge about, for example, Islam in Europe was immensely more dense and deep. It can be presumed that the knowledge of our existing common Christian-Jewish-Islamic or just oriental-occidental history 15 years ago nobody published seriously about the Islam in Germany before the so-called «immigrant worker» ('Gastarbeiter') – and even this was ignored or at least criminally neglected about for decades. Specialist discourses of Islamic sciences, European history or Turkology included the Tatars of Poland, Lithuania, Prussia and Saxony even just as a footnote in the history and whimsical insider tip of academics.

But this is changing, must change, if we want to counter the sometimes hysterical debates on Western European «Euro-Islam» with factual knowledge and serious analysis as well as with complementary offers regarding networking with the autochthonous Euro-Islam discourses of Eastern Europe. Colleagues such as Stephan Theilig, Egdūnas Račius and David Motadel should be strongly supported, because the significance of the latest research findings regarding the tensions between fascist and communist ideologies and schools of thought of Islam in Europe, especially those of Tatar origin, are both historically relevant, ambivalent and useful for aha-effects in the Euro-Islam discourse of East and West. We would like to understand the following quote by David Motadel concerning the research on Islam in the 20th century as a whole concerning Europe and Islam concerning the past 1000 years. Motadel writes: «Historians of Islam, if they ask the question, tend to downplay the importance of the Islamic world during the Second World War». «In World War II, Islam did not matter, even though Muslim soldiers and groups fought on both sides» said Jacob M. Landau in his classic about the history of Pan-

Islamism»¹. But «All in all, the mobilization of Muslims during the both world wars is an important chapter in the political history of the Islamic world in the 20th century» says Motadel². In other words, anyone who still considers the «strangers», the «Tartars», «Islam», the outdated eyeglasses of the 20th century, will not be able to overcome today's upheavals, rising racism, nationalism, and Islamophobia-phenomena, which, precisely because of the lack of historical-political education, are on the rise.

We read the title «Beyond the Tartaros» synonymous with «Beyond old stereotypes», «Beyond new demarcations», «Beyond bad attributions and tunnel views», on the other hand with friendly academics, on this side with the joy of critically discovering and reflecting on Archive materials for a lively usefully knowledge transfer. The joy of working together for precisely these concerns is the purpose of this book.

Mieste Hotopp-Riecke.

Literature:

Grimm, Jacob und Wilhelm: *Sage von den Hunnen*. In: *Deutsche Sagen. Zwei Bände in einem Band*. München: Winkler, 1965, 351–352.

Grimm, Jacob und Wilhelm: *Ursprung der Hunnen*. In: *Deutsche Sagen. Zwei Bände in einem Band*. München: 1965, 350–351.

Henscheid, Eckhard / Henschel, Gerhard / Kronauer, Brigitte: *Kulturgeschichte der Missverständnisse: Studien zum Geistesleben*. Stuttgart: Philipp Reclam, 1997.

Hotopp-Riecke, Mieste: *Plädoyer für Perspektivenwechsel. Mehr Achtung für die Geschichte des Islam in Deutschland und Osteuropa ist nötig*. [Pleading for a change of perspectives: More respect for the history of Islam in Germany and Eastern Europe is needenly] *Islamische Zeitung*, Nr. 188 / Feb. 2011 (26.01.2011), p. 18.

Hotopp-Riecke, Mieste: *Der stigmatisierte Andere in Sekundärstereotypen: Tartarennachricht und Hackfleisch Tartar als deutsche Erinnerungsorte*. In: (Theilig, Stephan) *Historische Konzeptionen von Körperlichkeit. Interdisziplinäre Zugänge zu Transformationsprozessen in der Geschichte*. Berlin: Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2010, 107–136.

¹ Landau, Ya‘aqov M.: *The politics of Pan-Islam. Ideology and organization*. Oxford: Clarendon Press, 1994, 438 p.

² Motadel, David 2017, p. 16.

Khakimov, Rafael S.: *Russia and Tatarstan at a Crossroads of History*. – Kazan: Institute of History, Academy of Sciences of Tatarstan, 2006, 192 S.

Klopprogge, Axel: *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert. Ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Harrassowitz, Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens, 1993.

Klopprogge, Axel: *Das Mongolenbild im Abendland*. In: (Conermann, Stephan / Kusber, Jan) *Die Mongolen in Asien und Europa*. Frankfurt a.M./Berlin/New York u.a.: Lang, Bd. 4, 1997, 81–101.

Kolditz, Sebastian: *Petschenegen – Kiptschaken – Tataren. Beobachtungen zu griechischen und polnischen Quellennachrichten für die Geschichte der Slavia Asiatica*. In: Lübke, Christian / Miftakhova, Ilmira / Scheliha, Wolfram von (Hrsg.): *Geschichte der Slavia Asiatica. Quellenkundliche Probleme*. Leipzig: Leipziger Univ.-Verl., 2013, S. 163–198.

Motadel, David: *Für Prophet und Führer. Die islamische Welt und das Dritte Reich*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017.

Schmidt, Alexander: *Shakespeare Lexicon 2*. New York: Cosimo, 2007 (1902).

Schmieder, Felicitas: *Der Einfall der Mongolen nach Polen und Schlesien – Schreckensmeldungen, Hilferufe und die Reaktion des Westens*. In: (Schmielewski, Ulrich) *Wahlstatt 1241. Beiträge zur Mongolenschlacht bei Liegnitz und zu ihren Nachwirkungen*. Würzburg: 1991, 77–86.

Schmieder, Felicitas: *Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Jan Thorbecke, Beiträge zur Geschichte und Quellenkunde des Mittelalters, 1994.

Schmieder, Felicitas: *Kunde von den Mongolen : 1245 – 1247 / Johannes von Plano Carpini, hrsg., übers. u. erl. von F. Schmieder*. Sigmaringen: Thorbecke, Fremde Kulturen in alten Berichten, 1997.

Schmieder, Felicitas: *Wenn die Tartaren kommen. Endzeitliche Umdeutungen: Wie die mongolischen Reiter vom Feind zum Freund wurden*. In: (Jeismann, Michael) *Das 13. Jahrhundert. Kaiser, Ketzer und Kommunen*. München: Das Jahrtausend, III, 2000, 53–57.

Schmieder, Felicitas: *Das Eigene, das Fremde und das Andere: Fremd- und Selbstbilder – Faszination und Distanzierung / Die soziale Praxis: Konfrontation und Ausgrenzung, Assimilation und Integration*. In: (Fouquet, Gerhard / Mayer, Ulrich) *Lebenswelten. Quellen zur Geschichte der Menschen in ihrer Zeit*. Stuttgart: 2: Alteuropa 800 bis 1800, 2001, 222–241.

I

Tatar Materials in Foreign Archives

—

Татарские материалы в зарубежных архивах

**BETWEEN FEAR, HOPE AND ADMIRATION.
ICONOGRAFICAL REPRESENTATION
OF TATARS AND TURKS¹**

In early modern Europe the image of Muslims, especially from the Ottoman Empire and Tatars was in Christian Europe dominated by the so-called «Türkenfurcht» – the «fear of Turks» as the confrontation between Christianity and Islam was one of the main themes in paintings and single-leaf woodcuts in the 15th and 16th centuries. With the secularization of Western Europe during the Thirty Years War and especially after the siege of Vienna and the Reconquest of Hungary, illustrations in the late 17th and early 18th century evoked a completely new reception of the oriental hemisphere in the Holy Roman Empire of the German Nation. The combination of the developing Orientalism and turquerie shows a remarkable change in imaging the european Muslim-World. Views are no longer dominated by fear, but by the self-confidence of an assumed Western European superiority.

Keywords: Türkenfurcht, Holy Empire, Ottoman Empire, representations.

In the 18th century a famous French philosopher described the confrontation with the Ottoman Empire and the Tatars in the following way:

«Les Turcs et Tatares vivent assez proche de nous, mais nous ne les connaissons cependant pas suffisamment ... Presque tout ce qui a été dit sur leur religion et leur législation est faux; et les conclusions que l'on tire quotidiennement contre eux, sont sans fondement»².

¹ This article based on an article, published in «The Golden Horde Civilization». – 2017. – № 10. – P. 290–295.

² Christopher Todd et al. (Ed.), Les oeuvres complètes de Voltaire, vol. 20 : Le fanatisme, ou Mahomet le prophète. De l'Alcoran et de Mahomet, Oxford, Oxford University Press 2002.

Some years before, the same author – it was Voltaire by the way – described in his play *Mahometa* completely different Orient and a completely different Islam. He only focused on blind religious fanaticism, war-mongering, perfidiousness, sexual excesses, richness, decadence, despotism and brutality. It was a dramatic mixture of common stereotypes and prejudices, based on the vision of the Islamic world since the late Middle Ages. Through the early Modern Ages this vision was dominated by the Ottoman expansion policy. For centuries Christian monarchs were confronted with a completely different and ominous power, based on an Oriental Islamic culture.

As a consequence, a multitude of stereotypes and prejudices, combined in the context of propaganda, influenced the common way of thinking about the other. Many references originate from the Holy Roman Empire, namely the topos of the Turks and Tatars as «Renner und Brenner» (runner and burner) or «Geißel Gottes» (god's flagellum), the image of a diabolic, omnipotent tyrant.

The plurality of concepts concerning the Oriental enemy is consigned on various single-leaf woodcuts in leaflets, but also in poems, songs or in informative militaria, especially battle topographies¹.

These standardized characteristics gave a differentiation and legitimation for one's own policy and identity. Illustrations were used to motivate and scare but also to advance the payment of taxes. Therefore these conceptions of the Turkish and Tatar enemy had a unique

¹ Wolfgang Harms, «Feindbilder im illustrierten Flugblatt der Frühen Neuzeit», in: Franz Bosbach (Ed.): *Feindbilder. Die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Frühen Neuzeit*, Bayreuth, Böhlau, 1991, p. 141–177; Wolfgang Harms, *Das illustrierte Flugblatt der frühen Neuzeit: Tradition – Wirkungen – Kontexte*, Stuttgart, Hirzel, 2008; Almut Höfert, *Den Feind beschreiben. Türkengefahr und europäisches Wissen über das Osmanische Reich 1450 – 1600*, Frankfurt a.M. / New York, Campus, 2004; Michael Schilling, *Bildpublizistik in der Frühen Neuzeit. Aufgaben und Leistungen des illustrierten Flugblatts in Deutschland bis um 1700*, Tübingen, Niemeyer, 1990. Especially concerning the context of warfare Jutta Schumann, «Das politisch- militärische Flugblatt in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts als Nachrichtenmedium und Propagandamedium», in: Wolfgang Harms / Michael Schilling (Ed.), *Das illustrierte Flugblatt in der Kultur der Frühen Neuzeit*, Frankfurt a.M., Lang, 1998 – P. 227–258.

political-functional intent and played an important role in defining a Christian-German identity¹.

The first remarkable change of imaging the other did not begin in the Holy Roman Empire until the 18th century. The increasing number of illustrations and the victories against the Ottoman Empire since the Siege of Vienna in 1683 or the Victory of Belgrade in 1717 advanced into a more differentiated debate after centuries of a *convictio belliciosa*². The image of the brutal and omnipotent Turk was supplemented by a desire for exotism, better known as Orientalism. The following examples will show this shift in imaging the Turkish other, beginning in the early 16th century³.

Especially in the 16th century the emperors of the Holy Roman Empire had to defend their countries against the Ottoman expansion attempts towards Hungary and Austria. The first raids started against Carinthia and Styria during the 15th century. The emperor needed the support of the electors and the other imperial estates for the defence. He had to show and explain the danger for the whole empire and to encourage a propaganda campaign within the German population against the Ottomans and Tatars to create a continuous situation of fear⁴.

¹ Johannes Burkhardt, «Reichskriege in der frühneuzeitlichen Bildpublizistik», in: Rainer Müller (Ed.), *Bilder des Reiches*, Sigmaringen, Thorbecke, 1997. – P. 51–96.

² Joachim Eibach, «Annäherung – Abgrenzung – Exotisierung. Typen der Wahrnehmung des Anderen in Europa am Beispiel der Türken, Chinas und der Schweiz», in: Joachim Eibach / Horst Carl (Ed.), *Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medienereignisse*, Hannover, Wehrhahn, 2008. – P. 13–74.

³ Maximilian Grothaus, «Vorbildlicher Monarch, Tyrann oder Despot? Europäische Vorstellungen vom Osmanischen Reich zwischen Renaissance und Aufklärung», in: *Frühneuzeit-Info*, no 6, 1995. – P. 181–203; Michael Hochedlinger, «Die französisch-osmanische Freundschaft 1525–1790» in: *MIÖG*, 102 (1994). – P. 104–164.

⁴ Stephan Theilig, «Wenn der Preußenadler mit dem Erbfeinde der Christenheit will. Bündnisideen und preußisch-muslimische Soldaten im 18. Jahrhundert», in: *Militärgeschichte. Zeitschrift für historische Bildung*, no 3, 2007. – P. 10–13; Stephan Theilig, «Die erste osmanische Gesandtschaft in Berlin 1763/64. Interkulturalität und Medienereignis», in: Joachim Eibach / Horst Carl (Ed.), *Europäische Wahrnehmungen*, op.cit. – P. 131–160; Stephan Theilig, «Die Geschichte der Moscheen in Berlin und Brandenburg», in: Stefan Bresky / Brigit-

For this purpose he especially used the new medium of leaflets. In a combination of texts and images they depicted the confrontation between Orient and Occident – namely the German territories – as a clash of divergent cultures, divisive confessions and differently structured societies. The «fear of Turks» became a unifying element of the empire. The characteristic of defining identity can be seen in the following example of a definition *ex negativo*, the self-definition through dissociation and description of the other¹.

In 1530 a leaflet titled «Der arme Leute Klag» (The Poor Man's Sorrow) was published. (Figure 1) It was produced during the Ottoman Raids in the woods of Vienna by the famous wood-cutter Hans Guldenmundt. The attacks by irregular troops, the *Akinci*, were not as unusual as they were presented in this leaflet. Supporting the troops with robberies and the spread of rumour or fear was an instrument of warfare, as the *Sacco di Roma* shows².

The leaflet consists of a text and images that dramatically illustrate the content of the text itself. The main theme is the calling for God against these diabolic enemies:

Oh Lord on the highest throne
See the misery
Caused by the ravage of the Turkish tyrant
In the woods of Vienna

Ruffianly they murdered virgins and women
Splitted the babies into two parts
They bursted and steaked them
Put them on top of sharpened pales

te Vogel (Ed.), *Fremde? Bilder von den «Anderen» in Deutschland und Frankreich seit 1871*, Berlin, Deutsches Historisches Museum, 2009. – P. 25–27.

¹ Stephan Theilig (Ed.), *Historische Konzeptionen von Körperlichkeit. Interdisziplinäre Zugänge zu Transformationsprozessen in der Geschichte*, Berlin, Frank & Timme, 2011.

² Peter Burschel, «Verlorene Söhne. Bilder osmanischer Gefangenschaft in der frühen Neuzeit», in: Birgit Emmich / Gabriela Signori, *Kriegs, Bilder in Mittelalter und Früher Neuzeit*, Berlin, Duncker & Humblot, 2009. – P. 157–182.

Oh Holy shepherd Jesus Christ
You're full of mercy
Turn away your anger about us
And rescue us from the Turkish hands

In the center two orientally-dressed and bearded men with scimitars are shown. They are also armed with bows and arrows. This armor representation is intended to show their underdeveloped barbaric status – a contradiction to the reality, as Ottoman soldiers were the first modern troopers, armed with fire weapons and artillery.

The two soldiers, shown as Tatars, are murdering children and pregnant women. The viewer could draw parallels between the Ottoman attacks and biblical scenes like the killing of children in Bethlehem. This topos is always used as a sign for diabolic cruelty and undefined brutality. More examples can be found in almost every epoch, like in the context of the French repressions against the Huguenots in the late 17th century¹. (Figure 2).

This leaflet seemed to be very popular since some years later wood-cutter Hans Weigel the Elder republished a colored version. There are only minor differences in typography. Both leaflets stand in the tradition of the hereditary enemy syndrome – the imaging of Turks as the born enemy of Christianity and personified antichrist.

During the 16th century the Austrian-Ottoman conflict continued in Hungary. Especially in the Third Turkish War between 1593 and 1606 («The Long Turkish War») the stereotypes concerning the brutality and the diabolism of muslim soldiers were reinforced and propagated. One example for this is a woodcut in the 1596 edition of the very popular and famous Warbook of Leonhardt Fronsperger². (Figure 3). The first edition was published in the name of emperor Maximilian II in 1573. This warbook is one of the main sources for the campaigns

¹ Anonym, Spiegel der Frantzoesischen Tyrannei, Das ist: Ausfuerlich=Umstaendliche Erzehlung der unmenschlichen Grausamkeit / Welche die Frantzoesische Nation wider die so genannte Reformirte im Koenigreich Franckreich / sie zur Catholischen Religion zu zwingen / das verwichene 1685te Jahr ; Mit Sengen / Brennen / Schmaeuchen / und dergleichen abscheulicher Marter / unerhoerter Weise veruebet; Mit hierzu dienlichen Kupffern zum Druck befoerdert, 1686. – P. 88.

² Leonhardt Fronsperger, Ein Kriegßbuch, Franckfurt, 1596.

and the development of warfare in the Holy Roman Empire. Fronsperger himself served in the army near the Hungarian border.

The woodcut shows the propagandistic view on the enemy: Men, women and also children are enslaved, murdered and assaulted. The background shows a burning town and the Ottoman chief exhibits a cut off head as a trophy. Once again the Ottomans are displayed as different from the Germans because of their self-representation, their strange clothes and weapons. Once again they are presented in a dramatic scene of violence. The fact that also Christian monarchs dealt with slaves – what is known from Venetian sources or the tales by the great Miguel de Cervantes – does not affect the image of the Ottoman enemy¹.

At the same time something changed in the discourse between Orient and Occident. The Ottoman Empire had to solve domestic problems, which affected also the power and moral of its troops. Consequently the troops lost more battles than before, especially in Hungary². This loss of military power and the numerous victories of Christian armies were used by the Christian propaganda to show the divine will to strike and to succeed against the Turks and therefore the necessity to continue the war.

The «Geschichtsblätter» of Franz and Abraham Hogenberg published in 1606 can be understood in this spirit, showing revenge for centuries of Turkish and Tatar terror³. (Figure 4). These «Geschichtsblätter» were published in different and numerous editions throughout Europe and were very popular. The Hogenberg collection of leaflet woodcuts depicts the battles in western Hungary and above all the battle for the fortress of Papa on August 19, 1597. On this day imperial troops attacked the Ottoman garrison and massacred the de-

¹ Andrea Pühringer, «Christen contra Heiden? Die Darstellung von Gewalt in den Türkenkriegen», in: Michael Kurz et. al. (Ed.), *Das Osmanische Reich und die Habsburgermonarchie*, Wien / München, Oldenbourg, 2005. – P. 97–119. For the reception of violence see Andrew Wheatcroft, *The Ottomans. Dissolving Images*, London, Penguin, 1995.

² Joseph von Hammer-Purgstall, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, vol 4 and 5, Pest, C.A. Hartlebens Verlage, 1829; Nicolae Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Darmstadt, Primus, 1993, vol 3.

³ Franz Hogenberg / Abraham Hogenberg (Ed.), *Geschichtsblätter*, Nördlingen, Uhl, 1993.

feated enemy. The depicted brutality can only be understood in the context of an age-long confrontation in this region. The leaflet shows the same cruelties by imperial troops on Turkish men, but legitimizes the deeds in context of revenge: Ottoman war prisoners were broken on the wheels, hanged on hooks, splitted in two, beheaded etc. The background shows the burning fortress of Papa, the foreground shows the imperial camp.

In contrast to the examples shown, the situation on the Austrian-Ottoman border was relatively peaceful during the 17th century, as the empire fought in the Thirty Years War and the Ottoman Empire was threatened by the Russian expansion. Things changed when Köprülü Mehmet Pascha became grand vizier. He rearranged and reformed the government and reorganized the finances. After these reforms his successor Kara Mustapha had a new and unknown power in his hands. Now it was the time to fulfil the plans of sultan Süleyman Khanune: the conquest of Vienna¹. In 1683 he amassed more than 168 000 men and marched directly towards the heart of Austria. The fear of the German and Austrian population was enormous, even the emperor fled. The 7 000 defenders in Vienna were surrounded by the enemy with no hope left. The imperial estates and electors refused the requests for aid. Only the Duke of Lorraine, Charles V, and the Polish king, Jan III Sobieski were able to deploy a rescue force in the name of the emperor. What followed was one of the most widely known spectacles in early modern European history and the end of the Ottoman European expansion policy.

Both the immense concentration of Ottoman siege troops and the battle itself on September 11 and September 12 is shown on a battle painting «The Battle by the Kahlenberg» by an unknown artist, now presented in the German Historical Museum in Berlin. (Figure 5).

Like traditional war paintings, this one shows a topographic-analytical presentation of the siege in the background and in the foreground a detailed presentation of the two commanders: Kara Mustapha and Jan Sobieski, framed by battle scenes. War paintings like

¹ Walter Sturminger (Ed.), *Die Türken vor Wien in Augenzeugenberichten*, München, Deutscher Taschenbuchverlag, 1983; Joachim Zeller (Ed.), *Jan Sobieski. Briefe an die Königin. Feldzug und Entsatz von Wien 1683*, Berlin, Buchverlag Der Morgen, 1981.

this were not, like leaflets, made for mass consumption or shown in public galleries. In most cases they were meant for the buyer's representation and legitimation. A unique characteristic of paintings concerning the Turkish Wars is the explicit cultural friend-and-enemy distinction in aspects of clothes and utensils: The Turks and Tatars wear turbans and have scimitars, Christian knights and riders wear armors and helmets. The other central accentuation is the Oriental richness¹. The painter draws attention to tents and rich clothes, the interior and canons, scimitars, shields, drums, golden and silver dishes, but also to exotic animals and precious horses with expensive pelmets. Incidentally the German word for helmet is Schabracke, a loan word from the Turkish *çaprak*. The painted Ottoman soldiers are fleeing – but not as defeated diabolic warriors but rather as exotic and foreign soldiers. The escape took place partly in order, partly chaotically. But the adverse commander guides his troopers in a marching order. On his head a little black servant can be seen, in German called *Kammermohr*. In this case Kara Mustapha is honored, presenting him as a capable commander who shows his ability to control his troops in case of defeat.

This painting is, on the one hand, a typical victory in battle-style paintings. On the other hand, it is a victory against a strange, foreign and exotic enemy, characterized not by his cruelty but by his power and Oriental richness².

My last example illustrates a little more precisely this commencing change in imagination. The painting titled «Prince Eugen von Savoyen» represents the prince Eugene of Savoy as the splendid victor of the battle of Belgrade in 1717. (Figure 6). His white horse storms through the defeated Muslims. The levage and the marshal's baton characterize the prince as a military genius. Fama, Victoria and Clio float above him and interpret the victory as an immutable law of salvific history. In terms of the iconography, this painting by Jacob van Schuppen is considered as a conventional Allegory of Victory. Yet the interesting fact is that the defeated Ottomans and Tatars are not painted as dark figures in order to characterize them as enemies. They are rather painted in detailed, magnificent costumes and weap-

¹ Johannes Burkhardt, *Reichskriege*, op. cit., p. 53.

² Stephan Theilig, *Historische Konzeptionen*, op. cit.

ons. Van Schuppen thereby reflects the longing for foreign cultures à la mode of the Chinoiserie at the beginning of the 18th century.

Moreover, the Ottomans are lying at the feet of the prince, begging for mercy. This is a new topos which started at the time around the battle of Vienna. Their weapons – bows, arrows, shields, daggers and scimitars – are allegorized as signs for underdevelopment. This is used for defamation, as seen before¹.

Finally, the established stereotypes that advanced during the century of Turkish fear are so common that the later politically impotent Ottoman Empire could be held responsible for things in retrospective, which were originally not caused by themselves – but they could be! From now on, an ambivalent image of the Ottoman Empire and the Orient prevailed – one of fascination and disgust at the same time, which is created by the victor's historiography. A development of imaginations started at this point in time, which until today dominates our view on the Orient. It marks the beginning of a new discourse on Orientalism in the 18th and 19th centuries and is the root of today's Eurocentric debates in the context of globalization².

¹ Gottfried Liedl / Manfred Pittioni / Thomas Kolnberger (Ed.), *Im Zeichen der Kanone. Islamisch-christlicher Kulturtransfer am Beginn der Neuzeit*, Wien, Mandelbaum, 2002.

² Edward Said, *Orientalism*, London, Penguin, 2003; Jürgen Osterhammel, «Edward W. Said und die 'Orientalismus'-Debatte. Ein Rückblick», in: *Asien Afrika Lateinamerika*, no 25, 1997. – P. 597–607; Christine Peltre, *Orientalisme*, Paris, Pierre Terrail, 2004; Gérard-Geroge Lemaire (Ed.), *Orientalismus. Das Bild des Morgenlandes in der Malerei*, Potsdam, Ullmann / Tandem, 2005.

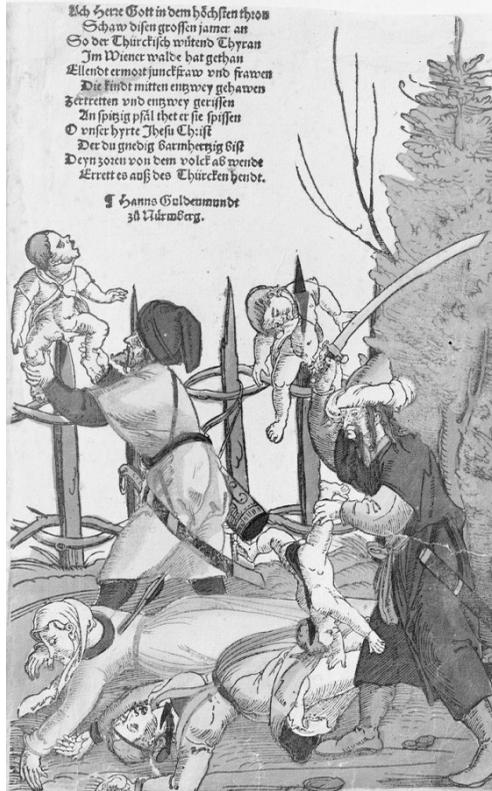

Figure 1

Figure 2

Figure 3

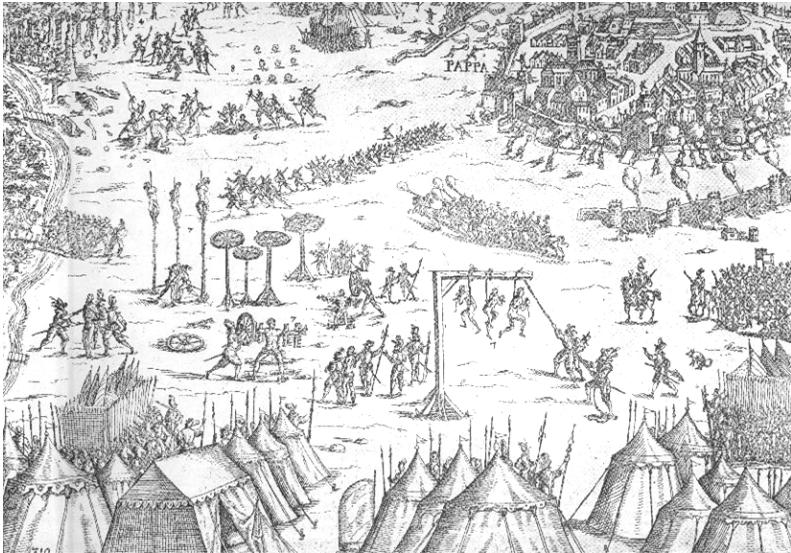

Figure 4

Figure 5

Figure 6

**LIEUX DE MÉMOIRE OF TATARS IN PUBLIC SPACE
OF GERMANY: TATARIAN CRAFTWORK, ART AND
GRAVEYARDS (A WORKSHOP REPORT)¹**

The article discusses the end of an era on the example of Tatar art and German-Tatar cultural artefacts in public space of Middle Germany. This era was the long duration (*longue durée*) of negative stereotypes about the Tatar people, a bad image of Tatar people in German collective mind. These negative stereotypes influenced the discourse of alienation / othering in Germany since the 13th century. It is argued that this negative image has been superimposed since the turn of the 21st century, displaced by a modern self-image of the Tatars in Germany. Places of memory that are negatively charged on one side, such as the Battle of Legnica or the so-called Tatar storms, sink in the collective memory. They are replaced by new joint German-Tatar memorial sites (*lieux de mémoire*) such as the life and work of the poet Musa-Dshalil, the care of Tatar tombs in Germany and the very diverse, agile Tatar art scene in Germany.

Keywords: Tatar Art, stereotype research, *longue durée*, *lieux de mémoire*, Tatar-German history.

¹ This article covers thoughts and reflections from two lectures. One was held at the Otto-von-Guericke University Magdeburg in the framework of the ICATAT conference “Stranger. Nearness. Homeland. – Muslims in Middle Germany yesterday and today” on September 10, 2016. The second lecture “*Lieux de mémoire of Tatars in public space of Germany: Tatarian craftwork, art and graveyards*” was to be heard during the conference «*Материалы по истории и культуре татар в зарубежных архивах*» on the occasion of the opening of our exhibition “Turks, Moors and Tatars. 600 years Tatar-German cultural relations” at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, on May 24, 2017. More information on both events can be found in the appendix chapter “Report on activities 2014–2017” in this book.

Though it's hard to resist
Got to be brave
Keeping my faith, aha.
snow falls down on ground again
and its like everything left under snow
flow waters, flow months, flow years.
Alsu & Jamala¹

During conversations with colleagues from the Crimea, the Dobrudja, the Baltic and Tatarstan, there were always two moments of astonishment². Sometimes Tatar colleagues were able to tell about the great attention that Tatar artefacts in German museums, Tatar art in public places in German cities and villages draws. In Tatarian media and science discourses on Tatar art some Tatar stories and artists from Germany are certainly more well-known than among German academics and media-makers themselves. On the other hand, there are also Tatar legacies or even those considered “Tatar”, which are known only in the regional environment in Germany, but not so much on the Black Sea or the Kama and the Urals.

That is why we at ICATAT and our colleagues have been devoting some years to the transfer of knowledge regarding common German-Tatar historical artefacts and shared narratives that are still under-represented or under-researched. Together with the associations TAMGA e.V.³, Tatarlar Deutschland e.V., the Tatar-Bashkir Culture Society, the Society for Eastern European Advancement and Crimean Tatar initiatives such as QIRIMLI not only works ICATAT in the field of science, but is also committed to cultural and art transfer

¹ Taken from the songs *Thank you*, lyrics by Susana Alim qızı Camaladinova (Jamala) and *Син гомер агышларым* (Winter's song), lyrics by *Alsu Rälif qızı Abramova*.

² All illustrations for this article included in color in the appendix.

³ Founded in 2006 in Berlin as “Intercultural Integration Association TAMGA e.V.”, disbanded in 2014, head of this association was Venera Gerasimov-Vagizova. She is also heading the Union of Tatars of Germany “Tatarlar Deutschland e.V.” together with Bari Dianov. See: <http://www.tatarlar-deutschland.de/>. Venera khanum was also the head of newspaper project *Alt-Bash*, which received the crystal feather award of journalism in 2007.

projects. This article presents art made by Tatar artists, some of whom stand for themselves, some of whom represent or have been influenced by German, Tatar and / or Islamic art. It is a review article and can only throw light in this briefness, to stimulate in the context of German-Tatar cultural contacts to reflect new potential and to secure old artifacts. This text does not discuss what Tatar art is, should be or was, but simply reflects factions on the range of works of art that Tatars have created in Germany as a dazzling part of a common German-Tatar *Lieu de Mémoire*.

Lieux de mémoire and imaged communities

My observations of the Tatars' images and cultural identity are theoretically based on three main ideas. When I speak about *lieux de mémoire* (places of memory), I first refer to Pierre Nora's theory¹. *Lieux de mémoire* in our societies can be commemorated by people in various forms, not only but also at physical places with memorials made of stone: in the form of a national monument; in material, geographical places of memories and fixed on certain days of the year; in different literary forms, such as a novel, legend and saying; in national symbols, national dishes, national holidays and articles of clothing. In this consideration, I refer to art, architecture and literature, to the graves of war of Tatars in Middle Germany / Saxony, the Tatar tower of Magdeburg, the Tatar Luster of Gardelegen and various texts of the German-Tatar contacts, which enable us to create a truthful image of the past. The second basic idea of my perspective on Tatar-German past is the theory of "*longue durée*" ('long term') of Fernand Braudel². The geo-historical structuralism of Fernand Braudel suggests that in a long period of historical events, with brief moments of prosperity and social ruptures, social, political, economic, geographical structures and notions change very little or do not change at all – we can exemplify it with a negative image of the Tatars in the last eight centuries, which can one discover still in dozens of novels and stories.

¹ Nora, Pierre, 1984–1993, in summa.

² Braudel, pp. 47–85.

The third component of my perspective on German-Tatar history is the theorem of “imagined communities” by Benedict Anderson. He argues in the direction of confessional community versus blood community. The term ethnicity therefore describes togetherness as consisting of different factors and as negotiable. Ethnicity is the more or less purposeful action of individuals and collectives and is often referred too in social science theories as “social construction”. Calling a community “community” solely on “national identity” must therefore make suspicious, because “national affiliation does not have to rest on real blood community is completely self-evident: everywhere are especially radical «nationalists» often of foreign descent”¹ he argues. The view that “tribal consciousness” is usually conditioned primarily by political common fates and not primarily by “descent”² and the above explained approaches brings Benedict Anderson together in his concept of the “imagined communities”³. Thus, «nation» as an invention is a construct that was possible only under certain historical constellations. Language and origin, for example, are but two components of ethnicity, but by no means the determinants of the constitution of community. From nationalism, which overstates these categories to racism, it is only a small step: *“Nationalism thinks (...) in historical-fateful terms, while racism dreams of everlasting impurities that, from the beginning of time, propagate in an endless series of disgusting copulations: out of history”*⁴. Thus, “the negro would forever be a Negro” and the “Jew, the brood of Abraham” forever Jew ... If in the context of this investigation of 'the Tatars' is mentioned, so should always be thought that this is the perspective of old thinking and Ethnic processes such as self- and foreign ascriptions and linguistic and social heterogeneity are often underestimated. The images of 'the Tatars' therefore usually reflect the foreign view of the corresponding ethnic groups without a

¹ Weber 1921/1972, p. 528.

² Ibidem. p. 241.

³ Anderson 2005, in summa.

⁴ Anderson 2005, p. 133 and 150.

differentiation, which has long and intensely debated in Volga, Crimean or Lipka-Tatarian ethnicity discourses¹.

Even in the 21st century, however, this semantics of ethnicity and ethnos is not deeply rooted in Germany's mass media discourse. For example, when Russia is constantly being talked about and not about the Russian Federation (Russländische Föderation), it negates the presence of other peoples besides the Russians. At least there is in the German language, the differentiation between “Russisch” (русский) and “Russländisch” (российский), which is translated in English equally undifferentiated as “Russian”. Speaking of Turkish migrants, rather than Turkish migrants, negates the multi-ethnic situation in Turkey and continues again ethnic discrimination in Germany. Mendel speaks of the “ethnic straitjacket” which is still based on the outdated notion of ethnicity = territory². The historical discourses on the origin and significance of the Cossacks in the Russian Federation and Ukraine – mostly ignoring the Tatar component – also point to the difficulty of dealing with modern concepts of ethnicity³.

Undoubtedly, ethnic and national stereotypes are most vividly represented: *“In relations between peoples, of greatest importance is the image, which one nation has of another or which is being presented to one nation of another, etc. Such global ideas, to a greater extent than political manifestos, determine the climate of relationships between peoples in interpersonal interactions, and often for a very long time”*⁴. I believe that with the help of new mass media, globalization, and elimination of the system of restrictions this particular “longue durée” could be destroyed, as since begin of 21st century we are at a turning point or at the final phase of Western European negative perceptions about the Tatars. The attitude to the Tatar graves, to the Sabantuy-celebrities, the Dshalil-discourse in Germany as well as the art of Tatar artists in Germany is one evidence of this fact.

¹ Arslanova 1997/98, p. 30–41 u. Iskhakov 2007, in summas well as Chal-ikow 1988, p. 3–59. Concerning identity and the construction of the “National” see further: Binder 2006, and Sam Beck / John W. Cole 1981, both in summa.

² Mendel 2002, pp. 362–377.

³ Bürgers 2007, pp. 349–366; s.a.: Susi K. Frank 2007, pp. 203–223.

⁴ Jaworski 1987, p. 63.

Owing to a variety of articles, books, personal visits and conferences, the Tatar graves in Middle and Eastern Germany are becoming memorial places for people in the 21st century. There is one noticeable feature, which distinguishes them from the true German, French or Saxon places of memories, such as the “Zwinger”, “Kyffhäuser”, “Trabant” and “Wartburg”¹: Tatar graves are joint German-Tatar *Lieux de mémoire*. The paradigm shift can also be exemplified by the long-vanished Tatar cemetery for the soldiers of the Prussian army in Goldap, where they were buried not like Muslim enemies, or Tatar conquerors, but as allies and soldiers of the Prussian or Saxon army. From 1745, this East Prussian town housed the garrison cemetery of the so-called “Bosniakenregiment”. In publications, we can find just fragmentary information about this place and about the rules and rituals of the burial². Neither has scientific literature previously written for a long time about Tatar graves in German settlements in general. They were mentioned only in publications by Norbert Fischer³ and Marian Füssel⁴ as well as in several publications of the author⁵. While we know little about the Tatar cemetery in Goldap, numerous publications have appeared on the Tatar graves of Middle Germany, in Saxony and Brandenburg.

For instance, the official name of the street and the particular place, “Am Tatarengrab” (“At the Tatar Grave”) near the village of Kleinbeucha and on the edge of the Saxon town of Dippoldiswalde are well established in the regional culture, which can be perfectly illustrated by the amazing stories about these graves. Newspapers and magazines published a number of articles in German language on the graves in Dippoldiswalde and Kleinbeucha near Bad Lausick⁶.

¹ The Dresden Castle Art Collection oft he “Zwinger”, the Memorial for Kaiser Barbarossa near the Harz mountains named “Kyffhäuser”, the legendary GDR-car “Trabant” as well as the Thuringian castle of “Wartburg”, where Martin Luther translated the Holy Bible are *lieux de mémoire* in the German standard volumes concerning this theme, see: François / Schulze 2001, et all.

² Theilig 2013, pp. 268–270.

³ Fischer 2003, p. 285.

⁴ Füssel 2012, pp. 185–207.

⁵ Hotopp-Riecke

⁶ See: Becker 1963; Müller 1999; Günther 2008; Schulreich 1998a & 1998b; Hotopp-Riecke 2009; Hotopp-Riecke 2012; Hotopp-Riecke 2017.

However, whether because of the lack of literature, or due to the lack of awareness, some authors presented the facts inaccurately or even wrongly, other authors just shared their assumptions about the Tatars. Since about ten years, however, there has been an increasing convergence of activities that bring together Tatar and German initiatives in art and science around these graves.

Islamic architecture and art of the past in Germany

The view on Islamic Art and Culture in Europe remains determined by a lack of knowledge and ignorance regarding the long tradition of European Islam and as part of it the Tatars, their culture and history. Dozens of books, journals and conferences pick up the issue of Euro-Islam, but merely in the one-dimensional focus of western-European euro-centrism. Behind the German borderline of the rivers Oder-Neiße Islamic life is seemingly non-existent¹. In his book “Euroislam Architecture” the art-historian Christian Welzbacher argues that “*the first occidental mosque, which was used by an active Muslim community, was the Shah Jahan Mosque in the English city of Woking 1889*”². But he is wrong, if I use *his* definition of Europe, I have to add at the very least, that the first occidental mosques were built in Poland–Lithuania many decades before. Indeed, the intellectuals of Poland who saw themselves as defenders of the occident are regrettably ignored by Western Europeans, due to Eurocentric negligent research by old-fashioned researchers of the West. In Poland and Germany a Tatar Muslim culture has been alive for several centuries. In another statement Welzbacher is quite right: He notes that the architectural influences on contemporary construction of Mosques in Germany originate from archetypes in Arabic and Ottoman architecture.

In several German cities and parks a number of architectural monuments can be stylistically subsumed under the phenomenon of

¹ Here one can read exemplarily Amirpur / Ammann 2006; Golz 2005; Malik 2004 or Remien 2007, all in summa. Nowhere in that books regarding European Islam is the indigenous autochthonous Tatar or Bashkir Islam mentioned at all.

² Welzbacher 2008, p. 30.

“romantic orientalism”, for example the Tobacco-Mosque in Dresden¹, the Mosques in Schwetzingen, Sommerswalde or Potsdam. Those buildings were used as (Tobacco) factories, Summer-Pavillions or electric pumping stations without being influenced by Islamic beliefs or history in any way. The only Mosques, which were actually used by Muslim believers, are intensively interwoven with Tatar history of Poland and Germany² like for instance the former Mosque of Wünsdorf close to Berlin. This wooden Mosque was built in a camp for prisoners of World War I. Twelve thousand Tatar and Bashkir Muslim prisoners from Russia lived in this “wine hill camp”. In the nearby “crescent camp”, also built for war prisoners, such as Algerians, Indians, Afghans amongst others who served in the entente-armies of France and Great Britain³. The imams in the camp who were serving the Muslim prisoners were Volga-Tatars: Abdurreshid Ibrahim and his follower Alim Idris. A second mosque is also deeply connected with the Muslim-Tatar history of Poland and Germany: The Ahmadiyya-Mosque in Wilmersdorf, Berlin, which was originally founded and built from 1924 to 1928 in an Indo-Persian style by the Islamic Community Berlin (Islamische Gemeinde Berlin)⁴. The Islamic World Congress Germany, an association founded by around 60 Muslim emigrants from USSR in 1932⁵, the German Muslim Society founded on March 22. 1930 and the Islam-Archive Germany⁶

¹ Constructed by the German businessmen Hugo Zietz in 1909, today functioned as a restaurant, beer garden, theatre, cultural center and office building owned by Adi Keitzman. S.a.: <http://www.1001maerchen.de/> [18.12.2009] and <http://www.kuppelrestaurant.de/index1.html> [22.12.2009].

² See Höpp 1997.

³ See Höpp 1995, 32–35.

⁴ This Society *Islamic Community Berlin* was founded 1922 by Muslims from 41 countries, mostly followers of the Ahmadiyya Anḡuman Iṣat-i-Islam Lahore (أحمدية أنجمن اشاعت اسلام) The Berlin branch of the Ahmadiyya Lahore followed at that time the traditions of the Woking Islam Mission of Great Britain. See: <http://www.aaiil.org/text/articles/others/briefhistoryberlinmuslimmission-germany.shtml> and <http://berlin.ahmadiyya.org/> [22.01.2015].

⁵ The Islamic World Congress united Islamic Associations from all over Germany on 27 May 1933. See: Abdullah 1987 and Ahmad 2006, p. 3–14. (See also: <http://berlin.ahmadiyya.org/berlin-mission-june06.pdf>).

⁶ It was founded in 1927. Today the headquarter of the Islam Archive Germany is situated in the city of Soest (<http://www.islamarchiv.de/>). The first Ger-

are followers of that mosque-community. Today the Mosque is used by the Ahmadiyya Lahore Community and the German branch of the Naqshbandiyya brotherhood¹. Two institutions, namely the Islamic World Congress as well as the Islam Archive, constitute themselves in the tradition of the first Muslim Tatar dzhemaat, founded 1731 in Potsdam under King Frederick William I. of Prussia² (popularly known as “the Soldier-King” [der Soldatenkönig]). They are associating the history of the Tatar community with the presence of that Mosque in Berlin today and even with the long tradition of tolerance and multi-ethnicity in Brandenburg-Prussia.

Close to the above mentioned former prisoner’s war-camp in Wünsdorf, lies the cemetery for Hindu, Sikh and Muslim soldiers of WW I. The so called Tatar stone, a memorial stone with bilingual sentences is dedicated to the thousands of captured Kazan-Tatar Muslims and was restored mid 2000’s by the support of the contemporary Tatar community of Berlin lead by Venera Gerasimov-Vagizova. This particular Tatar stone at the former prisoner’s camp bears a real reference to Tatar history, while other “Tatar stones” like those in Saxony-Anhalt or Lower Saxony have no references to real Tatars but to the so called “Taters”, the ethnonym of gypsies,

man Islamic Journal *Muslim Revue* is still published by the Islam-Archive Soest (near Dortmund).

¹ The Naqshbandiyya-Haqqaniyya sufis meet every Thursday in the Ahmadiyya mosque with his Sheikh Ahmad Erwin Khors-Helle in order to hold sufi-meditation *ḍikr*. See Böttcher 2003, p. 359.

² The statute of today’s Islamic World Congress is stating that „the Association Islamic World Congress is the successor of the Islamic World Congress, founded in October 31 1932 and registered on May 31 1933 by the municipal court of Berlin-Wilmersdorf. This was the leading Organisation of Muslims living in the German Reich. With it is the Association Islamic World Congress adverting to the history, traditions and the ancient code of behavior of the first Islamic Community in German lands, founded by the Edict of Potsdam in 1739. The Islamic World Congress considers themselves as their beneficiary and upholder. However, the above mentioned Edict of Potsdam by Frederick William I., King in Prussia, should not be confused with the tolerance proclamation issued by Frederick William I., Elector of Brandenburg and Grand Duke of Prussia, in Potsdam on October 29, 1685, as a response to the revocation of the Edict of Nantes by the Edict of Fontainebleau.

gamblers, Slavic, Hunnic or Turcic people or just “the aliens from the East” in the German medieval times...

Let me digress briefly to the field of toponymics: In North- and Northern East-Germany one finds dozens of places with Tatar-etymology like Tatar pillar¹, Tatar mountain², Tartar channel³, Tartar swamp, Tartar stone, Tater road, Tatar hills, Tater bushes, Tater hole, Tater corner, Tatar graves and so on. Around these places are shrouded in sagas and lyrics. Two different kinds of texts can be distinguished. The first kind refers to toponyms with Tatar components. These have been passed down into the German languages through various forms. On the one hand, one should distinguish between the texts which really have to do with the Tatar history, such as the sagas of Tatarstone near Neidenburg (Nidzica in Western Prussia, today Poland), the Tatar road of Wahlstatt (Legnickie Pole, Lower Silesia, today Poland), the Tatar hill near Przeworsk (Kopiec Tatarski in County Przemyśl, Poland) or the Tatar tombs of Klein Beucha and Dippoldiswalde (both Saxony)⁴. In the village Klein Beucha near Leipzig is located the tomb of “Jussuf, the son of Mustapha”, who died after the “Völkerschlacht” (Battle of Nations or Leipzig Battle) in 1813. In some oral traditions and written records he is mentioned as a Cosack Hetman, but as we found out in 2013, he was probably a Lipka-Tatar Officier and was entombed together with his horse on top of a small hill outside the village⁵. In the surroundings of another Saxon city – Dippoldiswalde – lays the ‘Tatar tomb’ of Mustafa Sulkiewicz, a Tatar Ulan of the ‘Royal Polish and Saxon Duke’s Army’s Schiebel-Pulk’. He died on 1 July 1762 in

¹ These Anti-Gipsy-pillars stood once in regions of today’s Lower Saxony, Saxony-Anhalt, Mecklenburg and Hessen. On wooden plates were drawings or carvings depicting gallows, bullwhip and torture in order to make clear that foreigners/gamblers/gypsies were not welcome. There are still field names who are evidence of these pillars close to Hildesheim, Braunschweig, Bad Gandersheim, Helmstedt, Harz mountains and Dithmarschen amongst others.

² In the city of Seehausen/Börde near Magdeburg, in Hamburg, Wustrow, Seesen, Rübeland, Stormarn etc.

³ In Berlin-Steglitz; see under URL: <http://www.berliner-stadtplan.com/item: Düppel> [18.10.2017].

⁴ See: Günther 2008, pp. 9–10, and Hotopp-Riecke 2009, pp. 19–24.

⁵ See: Hotopp-Riecke 2014, pp. 59–83.

a battle of the Seven Years War (1756–63). The graveyard and tomb-obelisk were looked after by local people, and even during WW II a descendant of Mustafa Sulkiwicz, Leon Sulkiwicz, who was a POW by the Wehrmacht, renewed the tomb with his own scarce money¹.

On the other hand, one can see a bulk of literature with narratives of passed-down imaginations on 'Tartars' or 'Taters' regarding many toponymes who have nothing to do with the Tatars of today but more with gypsies, errant's, blacksmiths or lansquenets of the past.

These people have left their traces in names such as Tartar Mountain in Seehausen (Börde), the Tatar Stone in the vicinity of Taterhill in Altmark-region, the Tatar Swamp of Berlin or other above mentioned toponyms in Mecklenburg-Vorpommern, Saxony-Anhalt, Schleswig-Holstein, Brandenburg and Lower Saxony. In the sagas, poems and fairy tales relating to these toponyms predominantly gypsies and vagabonds are mentioned as Tatars in a negative manner. And as we can see it was not the Tatars who bequeathed something; instead, it were Germans and Polish people who invented those legends. How these legends and sagas functioned is well documented in the case of the Lajkonik-Tradition of Kraków. A 'Tatar Khan' riding a wooden horse gave rise to a folk tradition, based on the Tatar invasion of 1240/41 or of 1287. But, as the Polish historian Łukasz Olszewski pointed out, the genesis of the Lajkonik-Festival arose from Protestant processions of German settlers or from the inspiration of a Donnybrook Fair in Southern France rather than from the Tataric invasion 600 years ago². While the burial rituals and the orientation to Mecca of the Middle German Tatar graves were still made according to Islamic custom, the grave stones and grave plates were already more influenced by German culture, because they were simply made by German artisans.

So, only a few examples of German architecture are related to Tatar history, namely to the above mentioned Battle of Liegnitz/Legnica. Those are for instance the Tatar Tower of Magdeburg and the city-wall around the castles gate of Lübeck. They were built by Germans because of the Tatar fear in the 13th century.

¹ See: Schäfer 2007, p. 7.

² See: Olszewski 2009 and Hotopp-Riecke 2009, pp. 21–25.

But again as in case of the Tatar graves: Not *by* Tatars but by Germans or even worse in fear *of* Tatars.

Islamic cultural heritage: Calligraphy, Architecture, Ornaments

What else can one discover whilst searching for Islamic, and especially for Tatar influences on calligraphy, architecture, ornaments, arts and crafts? There is no obvious legacy in the public sphere like buildings or sculptures, but in German archives, collections and libraries one finds varied evidence of Muslim Tatar material culture like handicrafts, ornaments and calligraphies as well as reminiscences of architecture. The first Janissary corps of the Polish-Saxon king Augustus II¹ for instance brought influences in music and fashion, whereas the above-mentioned Tatar soldiers brought their own emblems and ornaments, weapons and helmets. In libraries and archives are stored hundreds of manuscripts and books with ornaments, silk sheath and calligraphies, printed books of the *Berlin Tatar Library* like “Almanya ve Şark” (Germany and the Orient)² and manuscripts by the Crimean Khans³, hand written diaries of Tatar soldiers⁴ and Tatar poem-manuscripts etc.

¹ He installed that Janissary Music Corps only for representative reasons in 1729. Frederick Augustus I or Augustus II the Strong (German: *August II. der Starke*; Polish: *August II Mocny*; Lithuanian: *Augustas II*; 12 May 1670 – 1 February 1733) was Elector of Saxony (as Frederick Augustus I) and King of Poland and Grand Duke of Lithuania (as Augustus II). See: Müller 1984, p. 110–111.

² That book series was founded by Tatar emigrants at the begin of the 20th century in Berlin. I found only the first book inside the collections of the Berlin Prussian Secret State Archive.

³ I discovered more than 300 handwritten letters, passports, notices, invitations etc. which exchanged the Khans of Crimea and the Grand Dukes of Brandenburg-Prussia respectively the Kings of Prussia from 1599 until 1786 at the Prussian Secret State Archive. Together with the collaborators of Prof. Dr. Ismail Kerimov, head of the NII (National Research Institute for Crimean Tatar history, language, culture and literature) at the KIPU (Crimean University for Engineering and Pedagogies) we will translate and publish them in the next years.

⁴ Above mentioned Volga-Tatar soldier of Russian Army, POW's of the WW I., did write diaries, letters as well as a Russian-Tatar Pocket Dictionary while sitting in the Weinberg-camp. The box with that objects inside lays in the

Some German museums store hundreds of objects of Tatar origin or made by German researchers and artists like Wilhelm Kiesewetter (1811–1865). In the Museum of European Cultures there are two archive sections solely dedicated to Volga-Tatar and Crimean Tatar material culture. They hold drapery, jewelry, scarfs, tubeteykes / hats and shoes. Two eminently exhibits by Wilhelm Kiesewetter are the miniature-models of the Bağçasaray Palace and a Crimean Tatar mountain village. Kiesewetter was a painter and ethnographer from Berlin, who traveled through Crimea, Russia, Caucasus and Scandinavia between 1838 and 1853. He lived among Crimean Tatar families for two years in Gursuf, Aqmescit and Bağçasaray, where he studied the culture and daily life of his environment. He wanted to show Western Europe how these far away cultures lived, in order to promote ideas of mutual appreciation. The Museum of European Cultures today stores more than hundred sixty exhibits, among them three miniature models of Crimean Tatar places, 34 canvasses and 11 drawings and lithographs with Crimean Tatar topics, two with Volga-Tatar themes and eleven canvasses from Crimea regarding Gipsies life of that time¹. The department for Volga-Tatar exhibits includes around 50 subjects like clothes, shoes and jewelry. These exhibits by Kiesewetter like around 990 other were never displayed together in a coherent exhibition. Only some parts were shown over 80 years ago, after Dr. Hans Findeisen and his wife, Nata Findeisen, collected them in the Soviet Union before the Great Terror and the beginning of deportations. The museum started collecting Tatar objects in 1916. At that time the collection of Carl Wache was purchased by the Museum of Anthropology, the predecessor of today's Museum of European Cultures². Carl Wache collected Crimean Tatar textiles (marama) while traveling through Crimea by the beginning of the 20th century. The ethnologists Hans and Nata Findeisen traveled through Crimea and the Caucasus during 1929 by mission of the museum. They

manuscript-archive of State Library Berlin (<http://staatsbibliothek-berlin.de/en/orientabteilung/start.html> [24.11.2009]). Collaborators of the ICACAT Berlin together with artists and scientists of the Tatar community in Berlin are currently translating and preparing it in order to publish it.

¹ See: Kaulbach 2005, pp. 4 & 23.

² See in www under URL: <http://www.smb.spk-berlin.de/smb/sammlung-en/details.php?objectId=10> [12.12.2014].

wanted to save whatever they could reach, because “the Europeanisation did a quantum jump in his advancement”¹. Meanwhile, Hans Findeisen collected objects in the Caucasus whereas his wife Nata worked together with the famous Crimean Tatar ethnographer and painter Hussein Bodaniniskiy (1877–1938). He arranged the first Museum after the February-revolution in 1917 and was the first director of the Khan Palace Museum of Bağçasaray. After being sacked from his job by the Stalinist administration he – as a member of the ‘Intelligentsiya’ – was murdered in 1938, due to “nationalist activities”². Following his death the main part of the exhibits were destroyed or disappeared.

Later exhibits of Dobrudža-Tatar origin were added to the collections of the Museum of European Cultures enriching the already existing collection. That material was collected between 1935 and 1938 by the German economist and journalist Gustav Adolf Küppers (1894–1972) who was commissioned by the museum to travel no less than five times to South East Europe³. Many of those exhibits were confiscated after WW II by the Red Army and restored following appropriate negotiations and treatments⁴. German and Tatar scientists, artists as well as members of the Tatar communities in Poland and Germany wanted to create a similar exhibition based on that material

¹ Two letters written by Hans Findeisen to the director of the museum from 19.10.1929 & 3.11.1929 (Archive-No: Archiv SMB-PK, EM, Akte I B 111, Nr. E 999/29, E 1236/29) See: Thietmeyer 2009.

² See: Thietmeyer 2010.

³ All information’s regarding the Museum of European Culture Berlin are taken from the Manuscript “Materielle Kultur und Identität. Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin” (Material Culture and Identity. To history and ethnography of the Crimean Tatars at the Museum of European Cultures – State Museums of Berlin) by Dr. Elisabeth Thietmeyer, the vice director of the Museum. Thank you for giving the permission for getting a preview into that article.

⁴ The SES (Saxony Ethnographic State Collections) of today includes – beside the Museum in Dresden – also the Grassi-Museum in Leipzig. Before the Crimean Tatar exhibits were restoring to the Museum in united Berlin, for instance some pictures of Kiesewetter were sending back from USSR to the Grassi-Museum of Leipzig in GDR. Some pictures were used by the Soviets as cover plates of the used wooden cases.

in 2010 in Berlin through cooperation with Polish and Crimean Tatar scientific institutions but failed¹.

However, not only Berlin has a rich tradition in saving Tatar cultural objects: The Military History Museum of the German Bundeswehr (MHM) and the so called “Türkische Cammer” (Turkish Chamber) of the Saxony National Art Museum in Dresden covers a lot of Tatar art exhibits and crafts like horse harnesses, tents or tableware². From the times of Polish-Saxon dual monarchy onwards they have been stocking tents, ceramics and other art exhibits in excellent condition. These are mostly described as Ottoman collections, but they also include a couple of Crimean Tatar artifacts inside. This exhibition was opened for the first time in March 2010. Apart from this complete new exhibition there are a lot of other exhibits regarding Tatar history in Saxon Libraries and Museums. At this point, I will present only a short list of relevant art subjects concerning military history. In the MHM one can find helmets, swords, lances, flags, uniforms of the Tatar Ulans of Saxon, the Saxon Janissaries and the Janissary musicians as well as canvasses like “Janissary Officer” by Rudolf Trache³ or “The 1. Royal Saxon Ulan-Regiment No. 17” by Theodor von Götz⁴. In the Armory and Etching Cabinet of the *Staatliche Kunstsammlungen Dresden* one can also find exhibits and artifacts regarding the Tatars. The words of the Vice Minister of Culture, Autonomous Republic of Crimea, Ismet Zaatov clearly manifests the importance of such exhibits regarding the self-awareness of the Crimean Tatar people in the contemporary times. According to Zaatov “(The) ethnographic accuracy (of Kiese wetters

¹ Barbara Igielska, the curator of the exhibition “Tatarzy Polsce” in Szczecin 2008/09 offers still the catalogue under URL: <http://zamek.szczecin.pl/wystawy.php?id=100> [22.11.2017] and the related documentary “Tatarskie Ślady” is to find under: <https://www.youtube.com/watch?v=nwfQT1T4sH4&feature=youtu.be> [22.11.2017].

² See online under URL: <https://ruestkammer.skd.museum/ausstellungen/tuerckische-cammer/> [22.11.2017] as well as the article by Holger Schuckelt in this volume.

³ Military History Museum Dresden, Inv. No.: MHM, BAAU8371. The most Janissary musicians were Northern Africans, the so called ‘Blackamoores’, while the Janissaries themselves came from Poland and Hungary and were a present by the Ottoman Sultan from Constantinople. See: Bauer 2006, p. 16.

⁴ Military History Museum, Inv. No.: MHM, Hc-505.

paintings, the author) is of tremendous scientific value. His works can be used to build a true picture of the Crimean Tatars in the first half of the nineteenth century (...) no traces of which are left on the peninsula after the deportation”¹.

Germany's artist with Tatar roots and the contemporary fine Arts

In Western Europe and especially in Germany a new generation of artists and architects who are keen on bridging cultures together now on the agenda. A wave of Mosque-building has been exploding since the beginning of the new millennium. For example in Germany 60 new mosques have been built since the unification in 1989. Moreover, Oriental inspired garden-architecture is in vogue such as the *Orient Garden of Berlin*, constructed in 2005, in the city-borough Berlin-Marzahn². We have to note that there is also a growing interest in literary circles on these topics and dozens of books and articles have been published about the new mosques and the harsh islamophobic and xenophobic reactions of some levels of society against the public presence of Islam in Germany. Apart from these developments Tatar artists from the former USSR, from Turkey, Poland and the Dobrudja have also been working since the fall of the iron curtain in Germany presenting a new wave of Tatar music, sculptures, poems, performances, leather art, literature and calligraphy. An unfinished project of the Tatar community in Berlin regarding art and architecture is related to the above-mentioned Gardens. In the city-borough of Lichtenberg were planed the construction of the “Garden of Tatar-German Friendship“. This Garden project came out as a joint cooperation between the Berlin municipality, the Volga-Tatar community of Berlin, and the Departments of Environment at the Kazan and Yar Çallı (Nabereshnye Chelny, Tatarstan) municipalities. Hence, this project is not constructed solely by orient-inspired German architects and engineers but their counterparts from the municipality departments we

¹ Before the job at the ministry he worked as the director of the Crimean Tatar Museum in Aqmescit (Simferopol). See Tietmeyer 2009, p. 12.

² See online under URL: <http://www.gruen-berlin.de/parks-gaerten/gaerten-der-welt/orientalischer-garten/informationen/> [28.12.2009].

mentioned above also participated in the process¹. It is an oscillating spectrum between European and Oriental, Tatar and German, between traditional and modern perspectives, which present the image of all these arts and artists.

For instance Rashid Sagadeev, a Tatar sculptor from Archangelsk, is working regularly in Germany with wood or ice. The actor Maxim Mehmet, the painters Dinara Daniel², Schamil Gimajew³, Rais Khalilov⁴, Renata Tumarova⁵, Dschamilia Hergenreder⁶, Nouria Khadeeva⁷ and musicians like Guzel Kurmaeva, Alyana Pirola⁸,

¹ See: TAMGA news under:

<https://tamga.wordpress.com/2010/05/10/tatarische-initiative-in-berlin-der-kulturgarten-der-deutsch-tatarischen-freundschaft/> [22.11.2017].

² Dr. Dinara Daniel was born in Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation. She lives since 1998 in Heidelberg, Germany. After studying medicine at Ufa University, she worked as a doctor and research assistant at the clinic in Ufa and at Heidelberg University Hospital. Since childhood and school, she has been passionate about art, painting in acrylics, pastels and watercolors, in large and small formats. She paints people, their moods and movements in dance as well as light and colors in nature. See more: <http://www.dinaradaniel.de>

³ See selected biographies at the end of this article and Figure 25.

⁴ Born in 1961 in Vorkuta / Northern Russia. He lives and runs since 1993 in Berlin. Education: 1978–1979 studied at the College of Art, specialization Stage Design / Ryazan; 1981–1986 studies at the Muchina – Art Academy for Artistic and Industrial Forming. Field of study – Design / Leningrad; 1987–1989 painting classes at the Art Academy / Riga; 1985–1993 various activities as a graduate designer, lecturer at the polygraphic school / Leningrad and on Pushkin – Lizeum / Riga. Since 1996 member of the BBK (Federal Association of Visual Artists), since 1983 solo and group exhibitions in Germany and abroad. See: <http://www.rais-khalilov.de>

⁵ Born 1979 in St. Petersburg, Russian Federation, 1997–2001 studies of fine art and painting at the Academy of fine arts in St. Petersburg, 2002–2006, studies of fine art and painting at the University of Art, Berlin. She exhibited in more than 60 individual and group exhibitions, was represented at over 20 art fairs and nearly 30 catalogs were published. She lives and works in Berlin. See: <https://www.renatatumarova.de>

⁶ See selected biographies at the end of this article and Figure 21.

⁷ See: <http://www.nkkunst.de>

⁸ Was born as Alyana Abitova in Uzbekistan, the pianist received her first musical education in Tashkent at the Music School «V. A. Uspensky» and Uzbekistan State Music College «M. Ashrafi». In 2008 she finished her studies at the Academy of Music «Hanns Eisler» Berlin. Since 2008 she is one of the schol-

Aydar Gainullin¹, Timur Vaghabov², Guzal Hilbertz-Enikeeva³, Musa Malikov⁴, Enver İbrahimoglu⁵, Aida Garifullina⁶ as well as the photographer Ryszard Stanisław Dąbrowski (Berlin)⁷, the camera operator / film director Nasur Yurushbaev (Leipzig)⁸ and the authors/artists Alia Taissina (Weil am Rhein), Suzan Emine Kaube

arship holders of “Yehudi Menuhin-Live Music Now e.V.”. Her successful debut with the orchestra of the Junge Philharmonie Cologne, with which she played concerts in 28 cities in Spain in 2004, was followed by numerous concert appearances in various countries and concert halls in Europe. See: <https://www.some-handsome-hands.com/alyana-pirola>

¹ See selected biographies at the end of this article, see further: <http://aydar.net>

² Musician, Violinist living in Berlin, born in Usbekistan, member of the Philharmonia of Nations lead by Justus Frantz; also involved in cultural youth education projects conducted by the lkj (Landesvereinigung kulturelle Kinder- und Jugendbildung Saxony-Anhalt e.V.) in cooperation with ICATAT.

³ Guzal Hilbertz-Enikeeva is a phenomenal sound wizard with distinctly lyrical qualities and high virtuosity. Guzal was born in 1975 in Taboschar / Tadjikistan. She was already on the podium for the first time at the age of 6 and was celebrated as a wonder child. Her parents gave her a highly professional education at the prestigious Uspensky School in Tashkent for high talented children. Even then she gave solo and orchestral concerts, was heard on the radio and appeared on television. Today she gives concerts in Germany and all over Europe. See: <http://www.guzal-enikeeva.com>

⁴ Saxophonist, singer. See: *Муса Маликов, «В наше время – лучший голос страны»* under URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QmitM4 SEEvs> [22.11.2017].

⁵ He is an Crimean Tatar musician, living in Magdeburg (Saxophone, Clarinet, Flute) since 2017, member of the University-Big-Band and engaged in intercultural Projects conducted by the lkj (Association for cultural child and youth education Saxony-Anhalt).

⁶ See under URL: <https://www.br-klassik.de/aktuell/br-klassik-empfehl/cd/cd-tipp-aida-garifullina-opernarien-100.html> [22.11.2017].

⁷ He descends from Polish Tatars. His Tatar grandmother was a shaman, see: <https://ewamaria2013texts.wordpress.com/2014/04/02/der-fisch-und-ich/> and <https://ewamaria2013texts.wordpress.com/2014/05/29/wyklady-profesora-dabrowskiego-viii-antonina/> [22.11.2017].

⁸ Yurushbaev, Nasur: *Jusufs Grab*. In: Hotopp-Riecke, Mieste / Theilig, Stephan (Eds.): *Fremde, Nähe, Heimat. 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen*. Schriftenreihe des ICATAT, Nr. 1, Berlin: ProBusiness, 2014, pp. 153–158.

(Pinneberg), Ildar Kharissov (Berlin), Nazilya Nagimova (Münster)¹, Gulnaz Valeeva (Leipzig)² or Dzhuliya Gerasimova (Magdeburg)³, all these artists and writers are standing for a complex, energetic, colorful and lively Tatar art scene in Germany. Whether this art can be called Islamic or whether it must be called Tatar should be decided individually. Just as religion is free in Germany and thus a private matter, so do artists of Tatar descent believe it equally: motives from Islamic culture can be processed, but they do not have to be, it is not a must. Motifs from the Tatar sagas and folklore world can be there, but they do not have to be there.

Conclusion and outlook

So I can conclude that art, media and craftworks of Tatars in Germany are strongly related to social circumstances like migration, rising self-awareness, to remembrance on lost or gone generations, between felt and real home or as a respond to xenophobia/islamophobia. The art of all these different artists as well as the bestselling books like that of Alina Bronsky, Gusel Jachina and Zana Valiullina determine more and more the image of the Tatars in Germany in the 21st century. They have taken the place of old stereotypical determinants, which were associated still at the end of the 20th century with attributes such as «pagan», «murdering», war and violence by nomads from the East.

The œuvre of the German artists with Tatar roots could be seen respectively can show – like Maciej Musa Hassanovitch Konopacki said that “The Tatars of Poland are an agile dynamic piece of the Polish society. While in Europe the discussions regarding the so called Euro-Islam do not come to an end, Europe has to recognize that we

¹ See selected biographies at the end of this article and Figure 20.

² Author of several books, f.i. see: Valeeva, Gulnaz / Awde, Nicholas: *Tatar Phrasebook*. London: Bennett & Bloom, 2009; s.a.: Gulnaz Valeeva: *Мин татап – Я татапка*. In: Hotopp-Riecke, Mieste / Theilig, Stephan (Eds.): *Fremde, Nähe, Heimat. 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen*. Schriftenreihe des ICATAT, Nr. 1, Berlin: ProBusiness, 2014, pp. 159–163.

³ student of Computational Visualistics at the Otto-von-Guericke-University Magdeburg, member of the Union of Tatars in Germany “Tatarlar Deutschland e.V.”, see Figure 24.

are here – Tatars, European Muslims – for hundreds of years in the heart of Europe!”¹ Consequently, we have to note that there are shared histories but indeed different memories in the collective minds of Germans and Tatars living in our countries.

However, as well as the exhibition and publications on “Germania Slavica” show that Slavic and German history are closely interwoven, so can the publications and our exhibition in Wustrau, Berlin and Kazan as places of memory in the collective memory of Germans and Tatars show how interwoven the “Germania Tatarica” was and is. These intercultural places of memory in the collective mind can be in the German-Tatar context the Sabantuy celebrations in Germany, life and work of the poet Musa Dshalil, the wooden handicraft art in the POW-camp Wünsdorf. Of course, these imaginary places are linked to the past, but overlap even older, fading stereotypical images, obsolete sinking stereotypes such as the meatsteak Tartar or the “Tatar fear” of the past eight centuries. However, the contemporary modern places of memory with great public appeal are the books and texts, exhibitions and works of art created with and by Tatars in Germany. In this sense, we are actually witnessing an epochal change: the *longue durrée* of negative Tatar stereotypes is coming to an end. A centuries-old long-distance relationship is replaced by an inclusive, close-up relationship now. For nearly 200,000 people of Tatar descent in Germany try to find their way between often prejudiced majority society, the very different regions of origin and their own way into the future in Germany. In this respect, bringing these fragmented communities together would play a crucial role in presenting the interconnectedness of the Tatar-European and German history.

In order to be able to analyze these topics, which are only briefly mentioned in this article, further fundamental research work has to follow. An overview is required: How many sources / materials are use to reach in which archives, collections, exhibitions and – for

¹ Taken from Maciej Konopacki’s speech on the occasion of the vernissage of the exhibition “Tatarzy Polscy. Historia i kultura Tatarów w Polsce” (Tatars of Poland. History and art of the Tatars in Poland). See: Hotopp-Riecke (2008: 25–27) or in www under URL: <http://tamga.wordpress.com/2009/01/14/ausstellung-%E2%80%99Epolnische-tataren-geschichte-und-kultur-der-tataren-in-polen/> [12.12.2009].

instance – how many Tatar graves / tombstones and / or reports / documents are to find in which landscapes/archive? Because only those who know the past can shape the present.

Selected short biographies of mentioned artists:

Aydar Gaynullin

Aydar was born on January 12, 1981 in Moscow. He started playing button accordion when he was 8 in J.S. Bach Children Musical School #21 (Professor T. Krupchanskaya). In 1994 Aydar won the “New Names” award of Russian Culture Foundation and International Association of Peace Foundations. Graduated from Alfred Schnittke Moscow Music College (Professor A. Ledenev) in 2000. The same year was enrolled in Gnessin Russian Music Academy (class of Professor F.Lips). Graduated with honors in 2005 and entered the postgraduate course in Gnessin Academy (Professor F.Lips). He also entered Hanns Eisler School of Music Berlin (Professor Gudrun Wall). Aydar performs in the best concert halls of the world: Great Hall of Berlin Philharmonic, Gaveau Hall in Paris, Wigmore Hall in London, Concertgebouw in Amsterdam, Kennedy Center in Washington, Moscow International House of Music, State Kremlin Palace and others. Aydar Gaynullin is world renowned button accordion player, vocalist and composer, member of the Cinematography Academy, winner of diverse National Russian and international awards.

Suzan Emine Kaube

Suzan Emine Kaube has Dobrudja-Tatarian roots, was born as Emine Ese in 1942 in Pendik/İstanbul, where her Turkish/Tatarian parents had moved to from Romania/Bulgaria during the foundation years of the Republic of Turkey. After completion of the renowned Erenköy Girls Lizeum for she began her studies at the University of İstanbul. By the way she worked in an office of the 'Denizcilik Bankası' shipyard and became acquainted with a German ship building student. 1964 she went together with him to Germany, where she lived for a few months in Ulm/South Germany until moving to Berlin, what was called The Western (Free) Berlin at that time. Since 1972 Suzan Emine Kaube has intensified her work as a painter. The techniques she

acquired in Germany on various summer schools and in Turkey in private lessons from friendly painters. In various stages, she has created expressive or abstract work with charcoal, watercolors, oil and acrylic as well in collage technique. Her topics include environmental pollution, terror, fleeing, and fear: The whole catalogue of problems actual in these times. She lives in Pinneberg near Hamburg. Her pictures have been exhibited in various European and Turkish centres. In addition to painting she deals with literature, published novels and poetry volumes. See more: <http://www.suzaneminekaube.de/>

Iskender Yediler

Iskender Yediler (born 1953 in Eskişehir, Turkey) is a German-Turkish sculptor with Crimean Tatar roots who has lived in Germany since his childhood. He studied sculpture with Ulrich Rückriem in Düsseldorf. In 1961 Yediler came to Germany. From 1972 to 1974 he attended in Munich, first the College for Design, then the Highschool, which he graduated in 1979 with a diploma in graphic design. From 1981 to 1983 Yediler studied sculpture at the Academy of Fine Arts in Munich, then he attended until 1987, the State Art Academy Dusseldorf. Yediler has exhibited internationally in galleries since 1988. From 2002, a number of saint sculptures were created in public spaces, including Bonn, Munich and Cologne. In 2004, the artist realized together with the Goethe Institute Kiev a “door project” in Simferopol (including at the Zincirli-Medresse). Iskender Yediler lives and works in Berlin today. See more: http://yediler.de/_website/

Dschamilia Hergenreder

Djamilia Hergenreder was born April, 25. 1958 in Tashkent, in Uzbekistan. She was influenced artistically from the beginning by her father Anwar Nasyrow (1918–1990). He was one of the most famous painters in Uzbekistan. In Tashkent, she graduated from the College of Fine Arts in painting and graphic arts and especially learned the subtleties of watercolor painting from the painter and educator Jakob Furmgarz. In 1994 her family moved from Uzbekistan to Germany. Djamilia Hergenreder exhibited her paintings at almost 30 exhibitions in Uzbekistan and Germany, at solo and group exhibitions. Her motto as an artist is: “Understanding and friendship between very different people is born by studying the culture and history of other peoples,

and we finally have to learn to love one another”. More information on her website “Color play in my soul” under URL: <http://www.djamila.info/>

Schamil Gimajew

Shamil Gimajev visited in Kazan, the art school, which he left in 1973 as an art teacher. Even as a teenager, he had worked out many basics himself, always in the wake of his brother, who also hit the artistic career. In 1976 it was time, his dream came true – he was accepted at the Repin Institute of the Academy of Arts in Leningrad. There he not only studied the old masters, but also got to know his future wife Ute from Germany, who is currently working as a restorer in the Rheinsberg Castle. In 1983 the family moved to Berlin-Lichtenberg. Wall paintings in the style of graffiti art are located at several Berlin houses, the most famous at one of the places of remembrance of German history, the Berlin Wall¹.

Nazilya Nagimova

Nazilya Nagimova was born in 1982 in Kazan. Since 2004 she lives in Münster, Germany. 1997–2002 studies in Kazan at the Art Academy, 2002–2004 studies at the State University of Culture and Arts in Kazan, 2004–2013 studies at the Kunstakademie Münster. Since 2013 freelance artist. Nazilya Nagimova works mostly in two directions – painting and felt. Her pictures show little everyday stories from life in her Tatar homeland. Felt tells little stories, but the material is also used as a mediator for warmth and melancholy that pervades the centuries, since 2011 master student at the Henk Visch class. See further: <http://nazilya-nagimova.de>

Literature:

Abdullah, Muhammed Salim: *...und gab ihnen sein Königswort, Berlin – Preussen – Bundesrepublik. Ein Abriss der Geschichte der islamischen Minderheit in Deutschland.* Altenberge: CIS, 1987.

Ahmad, Nasir: *Die Berliner Moschee und Mission der Ahmadiyya-Bewegung zur Verbreitung des Islam, Lahore. Geschichte und Gegenwart*

¹ S.a.: <http://www.maz-online.de/Lokales/Ostprignitz-Ruppin/Kuenstler-portraet-Schamil-Gimajew>

einer internationalen islamischen Gemeinschaft in Berlin (The Berlin Mosque and the mission of the Lahore Ahmadiyya Movement for the Propagation of Islam. History and presence of a international Muslim community in Berlin), Berlin Muslim Mission "The Mosque", 2006.

Amirpur, Katajun / Ammann, Ludwig (Eds.): *Der Islam am Wendepunkt. Liberale und konservative Reformer einer Weltreligion* (Islam at a turning point. Liberal and conservative reformers of a world religion). Bonn: Bundeszentrale für Politische Bildung / bpb, 2006.

Anderson, Benedict: *Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts*. (Original: *Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism*, 1983). Berlin: Ullstein, 1988/1998, citations according Campus-edition New York / Frankfurt a.M. 2005.

Arslanova, Alsu A.: *К вопросу об этнониме «татары»*. (To the question of the ethnonym «Tatars»). In: *TATARICA. Звездный час татарской истории* (TATARICA. Star Time of Tatar History). Kasan: Institut for History at the Academy of Sciences of Tatarstan, 1 Winter, 1997/98, pp. 30–41.

Bauer, Gerhard: *Eine 'Völkerschau der Völker Europas' – Ausländisches Militär in Dresden* (A 'Exhibition of European people' – Foreign Military in Dresden). In: Heuser, Franz-Joseph (ed.): *Sammeln, Erforschen, Bewahren, Ausstellen*. No. 10, Militärhistorisches Museum der Bundeswehr in Dresden: DMM, 2006, pp. 16–18.

Beck, Sam / Cole, John W.: *Ethnicity and nationalism in Southeastern Europe*. Amsterdam: Antropologisch-Sociologisch Centrum, Univ., Papers on European and Mediterranean societies No. 14, 1981, 144 p.

Becker, Gottfried: *Das Tatarengrab von Kleinbeucha*. In: Neue Geithainer Stimme. Geithain, 1963.

Binder, Beate / Kaschuba, Wolfgang / Niedermüller, Peter: *Inszenierungen des Nationalen. Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts*. Köln: Böhlau, Alltag & Kultur, 2006.

Böttcher, Annabelle: *Naqschbandiyya-Haqqaniyya*. In: Grübel, Nils / Rademacher, Stefan (eds.): *Religion in Berlin. Ein Handbuch* (Religion in Berlin. A Manual), Berlin: WeißenseeVerlag, 2003, p. 359.

Braudel, Fernand: *Geschichte und Sozialwissenschaften. Die longue durée*. In: (Honegger, Claudia) *Schrift und Materie der Geschichte. Vorschläge zu einer systematischen Aneignung historischer Prozesse*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1977, pp. 47–85.

Bürgers, Jana: *Mythos und Museum. Kosakenmythos und Nationsbildung in der postsowjetischen Ukraine am Beispiel des Nationalparks Chortycja* (Myth and museum. Cossack myth and nation building in the post-Soviet Ukraine using the example of the Chortycja National Park). In: (Pietrow-Ennker, Bianka) *Kultur in der Geschichte Russlands. Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007, 349–366.

Chalikow, A.H.: *Zur Herkunft, der Entwicklungsgeschichte und der Verbreitung der Bezeichnung "Tataren" im mittleren Wolgaraum und im Uralgebiet* (The origin, history of genesis and distribution of the name "Tatars" in the middle Volga region and in the Urals). In: (Bakai, Mónika) *Tatarische Etymologische Studien II*. Szeged: Universitas Szegediensis de Attila József nominata, 30, 1988, 3–59.

Fischer, Norbert: *Raum für Tote: die Geschichte der Friedhöfe von den Gräberstraßen der Römerzeit bis zur anonymen Bestattung*. Braunschweig / Kassel: Thalacker / AG Friedhof und Denkmal, Zentralinstitut und Museum für Sepulkralkultur, 2003.

François, Etienne / Schulze, Hagen (eds.): *Deutsche Erinnerungsorte*, (German places of memory) 3 Vol., München: Beck, 2001.

Frank, Susi K.: *Anthropologie als Instrument imperialer Identitätsstiftung: Russisch-sibirische Rassentheorien zwischen 1860 und 1890* (Anthropology as an Instrument of founding a Imperial Identity: Russian-Siberian racial theories between 1860 and 1890). In: (Pietrow-Ennker, Bianka) *Kultur in der Geschichte Russlands : Räume, Medien, Identitäten, Lebenswelten*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007, 203–223.

Füssel, Marian: *Der inszenierte Tod. Militärische Sterbe- und Beerdigungsrituale im Siebenjährigen Krieg*. In: Pröve, Ralf / Winkel, Carmen (Eds.): *Übergänge schaffen. Ritual und Performanz in der frühneuzeitlichen Militärgesellschaft*. Pp. 127–152 (Series "Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit" 16, Göttingen V&R Unipress).

Golz, Konrad / Pfeiffer, Karin: *Weltreligionen (Worls religions)*. 6. edition, Düren: Stolz, 2005.

Günther, Thomas: *Das Tatarenggrab bei Dippoldiswalde*. In: *Reichstädter Nachrichten*. Reichstädt / Dippoldiswalde: Ortschaftsrat Reichstädt, Januar 9/10. 2008.

Höpp, Gerhard: *Die Moschee in Wünsdorf*. In: *Die Mark Brandenburg*. Berlin: Lucie Großer, 19; Halbmond und Krummschwert. Märkisch-Orientalisches, 1995, 32–35.

Höpp, Gerhard: *Tod und Geschichte oder Wie in Berlin prominente Muslime bestattet wurden*. In: (Höpp, Gerhard / Jonker, Gerdien) *In fremder Erde. Zur Geschichte und Gegenwart der islamischen Bestattung in Deutschland*. Berlin: Das arabische Buch, Zentrum Moderner Orient, 1996.

Höpp, Gerhard: *Muslims in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wünsdorf und Zossen, 1914–1924*. Berlin: Das Arabische Buch, Studien / Zentrum Moderner Orient, Geisteswissenschaftliche Zentren Berlin e.V., 6, 1997.

Hotopp-Riecke, Mieste: *Am Tatarengrab von Kleinbeucha. Sachsen: Eine Ortschaft ist stolz auf ein seltenes Element ihrer Geschichte*. In: *Islamische Zeitung*, Berlin, 28.1. p. 8, 2012.

Hotopp-Riecke, Mieste. *Tataren in Sachsen. Von der Krim nach Kleinbeuch* (mit Anja Hotopp). In: ZENITH. Hamburg/Berlin, 23.5.2013, URL: <http://www.zenithonline.de/deutsch/gesellschaft/artikel/von-der-krim-nach-kleinbeucha-003660/> [20.6.2017].

Hotopp-Riecke, Mieste: *Sachsens Geschichte in Granit. Baschkirenstein und Tatarengräber in Sachsen*. In: *Altabash*, No. 57 (6), November/December, 2009, pp. 19–24.

Hotopp-Riecke, Mieste: *Zur Rolle der Tatarengräber Mitteldeutschlands als deutsch-tatarischen Erinnerungsorten*. In: Hotopp-Riecke, Mieste / Theilig, Stephan (Eds.): *Fremde, Nähe, Heimat. 200 Jahre Napoleon-Kriege: deutsch-tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen*. Berlin: Bussines, 2014, S. 59–83.

Iskhakov, Damir Mavlyaveevič/ Izmaylov, Iskandar Lerunovič: *Введение в этногенез и этническую историю татарского народа* (Development in ethnogenesis and ethnic history of the Tatar people). Kasan: ИИМ AN RT, Ethnogenesis, 2.1., 2007.

Jaworski, Rudolf: *Osteuropa als Gegenstand historischer Stereotypenforschung*. In: *Geschichte und Gesellschaft. Widerstand und Dissens in Osteuropa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 13. Jahrg., H. 1, 1987, 63–76.

Kaulbach, Barbara / Tietmeyer, Elisabeth (eds.): *Der Maler und Ethnograph Wilhelm Kiesewetter (1811–1865) auf der Krim* (The painter and ethnographer Wilhelm Kiesewetter at Crimea). Goethe-Institute Kiev, 2005.

Malik, Jamal (Ed.): *Muslims in Europe, from the margin to the centre*. Münster: Lit, 2004.

Mendel, Ruth: *Die ethnische Zwangsjacke. Der Platz der Türken in Deutschland* (The ethnic straitjacket. The place of the Turks in Germany). In: (Hauschild, Thomas / Warneken, Bernd Jürgen): *Inspecting Germany. Internationale Deutschland-Ethnografie der Gegenwart*. Münster / Hamburg / London: Lit, 2002, pp. 362–377.

Müller, Manfred: *Rundblick-Lesebuch. Heimatgeschichte, Brauchtum und Sagen aus dem Muldentalkreis; eine Sammlung von Erzählungen, Geschichten, Berichten und Anekdoten aus der Zeit zwischen 1500 und 1990*. Beucha / Markkleeberg: Sax-Verlag, 1999.

Müller, Reinhold: *Die Armee Augusts des Starken: das sächsische Heer von 1730 bis 1733 (The army of August the Strong: The Saxon army from 1730 to 1733)*. Berlin (GDR): Militärverlag, 1984.

Nora, Pierre (Ed.): *Les lieux de mémoire*. 7 Vol. Paris: Quarto Gallimard, 1984–1993.

Olszewski, Łukasz: *The Lajkonik. Legend and Tradition*. Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, Kraków, 2009.

Remien, Florian: *Muslims in Europa. Westlicher Staat und islamische Identität. Untersuchung zu Ansätzen von Yūsuf al Qaradāwī, Tariq Ramadan und Charles Taylor (Muslims in Europe. Western state and Islamic identity. Investigation of approaches by Yūsuf al Qaradāwī, Tariq Ramadan and Charles Taylor)*. Schenefeld: EB, 2007, 72 pp.

Schäfer, Dieter: *Das Denkmal Tatarengrab*. In: Dippoldsbote, No. 21, 18. July 2007.

Schulreich, Ekkehard (Red.): *Das Tatarengrab bei Kleinbeucha*. In: *Heimatblätter aus dem Bornaer Land*. Borna: Heimatverein des Bornaer Landes e.V., No. 7, 1998a, p. 73.

Schulreich, Ekkehard: *Interessante Geschichten um Grabstelle bei Kleinbeucha. Völkerschlacht wird gefeiert, doch Tatarengrab verkommt*. In: Leipziger Volkszeitung. Leipzig, 21.10. 1998b.

Theilig, Stephan: *Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert*. Berlin: Franck & Timme, 2013.

Tietmeyer, Elisabeth: *“Materielle Kultur und Identität. Zur Geschichte und Ethnografie der Krimtataren im Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin” (Material Culture and Identity. To history and ethnography of the Crimean Tatars at the Museum of European Cultures – State Museums of Berlin)* Unpublished manuscript from *Festschrift für Peter Heine* Berlin, 2010.

Weber, Max: *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen: J.C.B. Mohr / Paul Siebeck, 1921/1972.

Welzbacher, Christian: *Euroislam-Architektur die neuen Moscheen des Abendlandes (Euro Islam architecture: new Mosques in the West)*. Amsterdam: SUN, 2008, 110 p.

**НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАТАР
В ФОНДАХ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА
БЕРЛИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ:
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

В статье рассматриваются письменные материалы, которые хранятся в Восточном отделе Государственной Берлинской библиотеки, в частности, письма, написанные татарскими солдатами-военнопленными для отправки на Родину, но так и оставшиеся, по каким-то причинам, неотосланными в Россию. Кроме того, дается обзор отдельным источникам из того же собрания Берлинской библиотеки, в которых отражено отношение авторов – татар-военнопленных к своей Родине, войне, плену и Германии.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, Россия, Вайнбергский (Вюнсдорфский) лагерь, Восточный отдел Государственной Берлинской библиотеки, татары, мусульманские военнопленные.

В коллекции Восточного отдела Государственной библиотеки Прусского культурного наследия в Берлине, скорее всего, по случайности отложились некоторые письменные материалы на татарском языке, происходящие из Вайнбергского (Вюнсдорфского) лагеря, среди них и 32 письма¹. По стечению обстоятельств, все сохранившиеся письма написаны в промежуток времени от 29 мая до 1 июня 1919 года. К тому времени война официально уже закончилась, но военнопленные продолжали оставаться в лагере, статус военнопленных с них снят не был, они находились в ожидании репатриации. Остается только предполагать, почему эти письма так и остались неотправленными в Россию. Ни на од-

¹ Эти материалы хранятся в Восточном отделе Государственной Берлинской библиотеки (см.: Stabi-Orientabteilung Ms.orient.Oct.2144). Материалы не пронумерованы. Ниже отдельные ссылки при цитировании не даются.

ном из конвертов нет каких-либо штемпелей почтовых служб, они явно не проходили цензуру. Скорее всего, предполагалось отправить их все вместе с кем-либо из военнопленных, возвращающихся на родину – упоминания о таких посылках имеются в некоторых текстах.

География адресов, в которые направлялись письма – обширна – Казанская, Нижегородская, Самарская, Симбирская, Тамбовская, Томская, Уфимская губернии, г. Екатеринбург, Керчь, Петропавловск, Оренбург, Троицк. Среди авторов и рядовые военнопленные, и довольно известные личности, не являвшиеся военнопленными, но с ними тесно связанные – так, среди них мы видим и Галимджана Идриси, имама Вюнсдорфской мечети (его перу принадлежат два письма – одно матери в Петропавловск, другое – на адрес Народного комиссариата по делам национальностей в Москву), и уже знакомого нам Бедри Кемаледдина (письмо матери в г. Петропавловск), и студента Берлинской консерватории Бари Каримова.

Письма разные по почерку и по стилю, что, конечно, зависело от уровня грамотности автора – среди них, например, письмо Абдулгазиза Давлеткильдеева матери в деревню Тархан Шацкого уезда Тамбовской губернии или письмо Шарифа Бикчантаева в г. Петропавловск, написанные очень грамотными людьми, прекрасным устойчивым почерком и хорошим литературным стилем. Но большинство писем явно написано впопыхах, иногда карандашом, не очень ясным или устойчивым почерком, неряшливо, правда, с соблюдением всех формальных требований – письма на татарском языке в то время имели довольно строгую форму.

Вначале обязательно «высоким стилем» упоминался адресат – чаще всего это родители. Затем отмечался сам адресант – либо коротко «ваш сын», либо, в редких случаях, очень цветисто изображалась жертва плена. Затем практически бесконечно шли приветы – приветы всем родственникам, с перечислением имен и степеней родства, перечислялись буквально все – ближайшие, дальние родственники, соседи, односельчане, друзья, деревенские старики («мәчет картлары») и, в конце концов, – «все, кто знает нас и кто о нас спрашивает». И каждому из них предназначалось трафаретное предложение – «бик сагынып бик саргаеп чукдин-чук күпдин-күп сәламнәр» – довольно трудно переводит-

мое выражение: «с большой тоской, пожелтев от тоски, безмерное количество приветов». Фактически приветы занимали до 80–90 процентов объема большинства писем. После приветов содержалась, как правило, стандартная фраза примерно такого содержания: «если же вы спросите о нашем житье-бытье, то мы, слава Аллаху, живы-здоровы, чего и вам всем желаем».

После этого автор переходил к основной информативной части письма, в большинстве писем она очень лаконична – автор сообщал коротко о своей жизни, что он нормально (или не очень) переносит все тяготы. Очень часто после этого авторы сообщали, что они встречали в плену того или иного знакомого, односельчанина, родственника или что-либо о них слышали.

Наконец, в заключении нередко содержалась опять-таки несколько парадоксальная фраза вроде «сүзем күп иде, яза алмадым, гаеп итмәгез» – «слов было много, но не смог все написать, не обижайтесь» (не обязательно именно в таком виде, но примерно такого содержания). После чего выражалась надежда на скорую и очень желанную встречу и вновь пожелания здоровья и благополучия.

Вот так примерно выглядело «стандартное» письмо обычного военнопленного, адресованное на родину. Если учесть, что наибольший объем письма занимали бесконечные приветствия родным и знакомым, а таковых было немало, чисто внешне письма на татарском языке выглядели довольно объемно. Но, думается, для переводчиков и цензоров в большинстве случаев они не представляли ничего сложного, так как не содержали запрещенной информации и не были слишком большими с содержательной стороны.

Понятно, что абсолютно все письма военнопленных неправильно было бы подгонять под указанный трафарет. Есть среди них и такие, которые абсолютно под него не подходят, они уже написаны, можно сказать, в более модернизированном стиле. Есть письма, написанные с очень четкой, как правило, практической целью или информацией, они содержат короткое приветствие родным, отличаются простым, ясным стилем изложения мыслей (таковы, например, письмо Бедри Кемаледдина отцу в Оренбург с просьбой по возможности прислать денег для продолжения учебы в университете, письмо Бари Каримова в

г. Стерлитамак родителям с сообщением, что он успешно продолжает учебу в консерватории с приложением фотографии). Отметим, что такой стиль присущ больше лицам образованным и по статусу не являвшимся военнопленными.

И в установленный трафарет некоторые вносили свои яркие краски. Чего стоит только красочное описание одним из авторов своей персоны: «без ки илендин аерылган адашдырган кош кебек ят фадишаһның кулында чит жат жирләрде читлекдәге кош кебек бер күрүргә мәрг булып кәфер дошманның кулында тоткын булып бер күрүб сөйләшергә зар интизар булып йөргүче газиз углыңыз Гарифулладин һәр көнне исемә дөшерүб бер күрүб сөйләшергә йөзләренезне бер күрүргә хак тәгалә хәзрәтләрендин сораб бик сагыныб бик саргаеб бик кубдин куб менләрчә дога сәламләремне күндерүб хәер догаңызны өмид итүб калдум» – «от нас, оторванного от родины, как заблудившаяся птица, в руках у чужеземного владыки, в чужой стране, как птица в клетке, страждущего увидеть вас хотя бы раз, пленника в руках у неверного врага, так желающего хотя бы раз увидеться и поговорить, вашего любимого сына Гарифуллы, каждый день вспоминающего вас, мечтающего и умоляющего Бога хотя бы раз увидеть ваши лица и поговорить, с огромной тоской, пожелтев от тоски, огромное количество, тысячи приветствий и молитв и в надежде на вашу благословенную молитву» (письмо Гарифуллы Фаткуллина отцу Зиганше Фаткуллину в деревню Янгилдино Чебоксарского уезда Казанской губернии).

Хотя многие авторы в силу привычки и традиции не могли отходить от установленных канонов написания писем, эти документы содержат ценную информацию и наблюдения о жизни военнопленных и их восприятии плена.

Конец мая – начало июня 1919 года, когда были написаны все используемые нами письма – время несравнимое, например, с 1915–1916 годами, когда война была в самом разгаре, когда еще у германского военного и политического руководства существовали масштабные планы по пропагандистской обработке мусульман-военнопленных. Понятно, что теперь все военнопленные находились в нетерпеливом ожидании возвращения на родину. И этот мотив чувствуется во всех письмах. Причем в нескольких из них, независимо друг от друга, сообщается важный факт – недав-

но небольшая группа в 8 человек была отправлена домой, а следующая, уже более многочисленная, отправка должна состояться эшелонам 7 июня 1919 года (можно предполагать, что так оно и было, и в предотъездной суматохе подготовленные к отправке письма просто затерялись?).

Судя по текстам, в лагере еще оставалось довольно большое количество мусульманских военнопленных – автор одного из писем Фахрелислам Абдуллин из деревни Арсланово Белебейского уезда Уфимской губернии сообщал цифру в 3 тысячи человек. Хотя, по его словам, пленные пели песни и мунаджаты, все равно снабжение оставляло желать лучшего, потому что положение в самой Германии было плохим.

Джамалетдин Хусаинов в письме родителям в деревню Собачий Остров Курмышского уезда Симбирской губернии сообщал о двух тысячах военнопленных, ожидающих отправки домой. Он отмечал, что здесь он встретил немало своих земляков – из деревень Петряксы (четверо), Чембилей (двое) и других.

Габдулмузиб Сабитов в письме своему брату (или дяде) Мухаммедназибу в Екатеринбург отмечал, что военнопленных начали отправлять на родину уже 16 декабря 1918 года. Но затем транспортировка была приостановлена, якобы из-за каких-то козней англичан. Да и сами военнопленные обратились к имаму Г.Идриси, если уж произошла задержка, то лучше возвращаться не в зимние холода, а именно сейчас, летом.

О начавшемся в декабре 1918 года возвращении военнопленных на родину сообщал также Идрис Латыпов в письме родителям в деревню Ярмунча Белебейского уезда Уфимской губернии. Он отмечал, что первый эшелон был составлен 10 декабря, и он оказался в его составе, но заболел и более трех месяцев провел в лазарете. За это время было отправлено 4 эшелона, а потом по неизвестным причинам «атпрафка» остановилась. Он выражал надежду, что односельчанин Фатхулбаян, уехавший 2 января, добрался домой благополучно и сообщил все новости из плена.

Эти сведения дополнял еще один односельчанин Мухаммедшакир, отправивший письмо домой в одном конверте с Идрисом Латыповым. Он писал: «Когда я попал в плен, слава Аллаху, много всего поучительного увидел. Я и еще двадцать девять че-

ловек восемь месяцев работали у одного помещика. Там у меня работа была очень хорошая, я работал машинистом. Оттуда нас 13 января перевели обратно, якобы для отправки домой, говорили, что 21 января отправляется эшелон. Нас даже распределили по вагонам. Потом сказали, что отправят с 21-го до 27-го. А 27-го сообщили, что вообще никакой отправки не будет. Будто бы англичане и французы воспротивились нашей отправке. Вот с тех пор уже пятый месяц находимся в лагере».

Джалалетдин Насыров в письме родителям в деревню по речке Ломба (?) Мамсинской волости Казанского уезда философски замечал: «давно мы уже находимся в плену. И многое нам довелось увидеть. Хорошо еще, что довелось мне это пережить в молодости – среди нас немало седых стариков. По сравнению с ними нам, молодым, гораздо легче. (...) Я три года находился на работе в одной деревне. А сейчас мы находимся в лагере и ждем отправки домой».

Материалы Берлинской библиотеки дают некоторое представление о функционировании почтовой службы в Вюнсдорфском лагере. Кроме писем, в этом собрании хранятся и записные книжки, дневники, различные записи фольклорного характера¹. В письмах, а также в этих записях можно обнаружить некоторые данные о корреспонденции военнопленных.

Так, упоминавшийся выше Габдулмузиб Сабитов сообщал в письме, что он постоянно получал «отправляемые вами в прошлые годы посылки, письма и деньги». Джалалетдин Насыров дает некоторое представление о сроках получения писем пленными: «я уже более полутора лет ничего не знаю о вашем здоровье, потому что письмо, отправленное вами 15 декабря 1917 года я получил только 10 марта 1918 года. А после того никаких ново-

¹ Фактически первой обратила внимание на дневники и воспоминания мусульманских военнопленных и проанализировала их содержание Ингеборг Бальдауф. См.: Baldauf, Ingeborg: *Wie Blätter im Wind. Erinnerungen tatarischer Kriegsgefangenen aus Wünsdorf/Berlin, 1916–1919* // Источники и исследования по истории татарского народа: Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова / Сост. Д.М. Усманова, Д.А. Мустафина; науч. ред. И.А. Гилязов. – Казань: Изд-во КГУ, 2006. – С. 420–433. Здесь же приведены наиболее интересные отрывки из текстов.

стей не было. А мои письма, кажется, все терялись. В 18-м году 8 сентября отправил я вам карточку, а после того вовсе и не писал» (и это письмо конца мая 1919 года, вопреки ожиданиям, адресату тоже доставлено не было...). Фатхелислам Деляверов в своем письме родителям в деревню Слак (ныне Альшеевского района Башкортостана) отмечал: «очень давно я вам не писал писем, не ходили письма. Вы и сами знаете, какой получился перерыв».

По-видимому, ближе к концу войны письма нередко отправлялись на родину не официальным путем, а через возвращавшихся домой товарищей. Нигматулла Ахметзянов из деревни Кряжли Бугульминского уезда Самарской губернии сообщал в письме, что ранее уже отправлял с возвращающимися в Россию солдатами письма и фотографии и выражал надежду, что родители эти известия получали. Это письмо с вложенной фотографией он также отправлял с земляком – муллой Асадуллиным из деревни Мансурово.

А Мухаметзян Брамьков из деревни Бастаново Тамбовской губернии отметил, что письмо он отправляет с группой в восемь человек мусульман из Сибири, и они должны будут отправить это письмо почтой по прибытии в Москву. Этим же сибирякам упоминали в своих письмах и Хусаин Абдрахманов из деревни Анда Сергачского уезда Нижегородской губернии, и Абдрахман Яруллин из деревни Базлово Васильсурского уезда той же Нижегородской губернии.

В записных книжках военнопленных также есть любопытные сведения о получаемой и отправляемой корреспонденции.

Так, один из военнопленных Вюнсдорфского лагеря (его имя, к сожалению, в книжке отсутствует) вел свою статистику, составив таблицу и даже указывая шестизначные номера полученных посылок, согласно которой получалось: в 1916 году в декабре месяце он получил из дома шесть посылок и пять рублей денег. Кроме того, в 1917 году 22 мая были получены две посылки, а 29-го мая – письмо от родителей. 22 июля военнопленный получил письмо из дома, написанное 9 июня. Посылки были получены также 28 августа, 17 и 26 сентября («из деревни сухари»). С посылкой, полученной 4 октября, получилась беда – она была вскрыта, и мыло из нее изъято... Но 4 декабря 1917 года – посылка с «белыми сухарями» от некоей Махубджамал, 5 же декабря –

посылка (без упоминания отправителя), в которой была «восьмушка» чая (это примерно 50 г) и полфунта сахара, а также сухари. Затем хронология автора путается, и он сообщает, что 5 числа месяца шаабана 1917 года он получил две посылки, и еще две 18-го числа месяца рамазана (в одной из них было мыло).

Вот такая нехитрая арифметика, которая позволяет представить, что все-таки почта – письма и посылки военнопленные получали, пусть и с опозданием и некоторыми потерями. И это, бесспорно, в какой-то мере скрашивало их непростую жизнь в плену.

Автор другого блокнота, уроженец деревни Ташбулатово Николаевского уезда Самарской губернии (его имя не названо), записал на русском языке, что он получил письма «от Галяметдина 20 штук, Хусяина – 2, Мусы – 2, Кутлгуша – 4, Ибятюлы – 1, тестя Ишмухамета – 8, Туканая – 6». Записи относятся к 1916 году.

Теперь же обратимся к некоторым важным письменным текстам из того же собрания Берлинской библиотеки. Они довольно разнообразны по тематике, частично этот материал использован Ингеборг Бальдауф в упомянутой выше публикации. Обратимся только непосредственно к источникам, отражающим отношение авторов к войне, плену и Германии, оставив в стороне чисто фольклорные тексты. Думается, что подобные материалы будут точнее отражать общую атмосферу существования людей в лагере.

Сохранившиеся источники относятся к промежутку времени с 1916 по 1919 гг. Судя по всему, некоторые из военнопленных имели свои собственные записные книжки, блокноты, в которые они заносили важную для себя информацию. Например, в собрании Берлинской библиотеки, кроме рассмотренных выше писем, сохранилось 8 блокнотов военнопленных, рукописный русско-татарский словарь, содержащий десятки слов, правда, не организованный по алфавиту, а также отдельные и довольно любопытные бумаги.

Так вот, практически во всех этих блокнотах есть адреса тех, с кем довелось познакомиться или общаться их авторам во время военной службы или в плену. Адреса писались и на русском, и на татарском языках. Некоторые авторы делали заметки на память, фиксируя то, что привлекало их внимание, что они хотели бы запомнить, иногда без всякой связи друг с другом, фактически чи-

сто интуитивно. Или кратко излагали какие-то происходившие в лагере события, причем тоже не всегда по порядку. Так, в одной из записных книжек, кроме десятков адресов, содержится расшифровка азбуки Морзе, здесь же приведены самые известные породы коров, а также названия самых важных химических удобрений (причем последние две информации на русском языке). В этом же блокноте автор явно из любопытства записывал некоторые немецкие и литовские слова арабскими буквами с их переводом. Люди продолжали оставаться людьми, даже в плену – пытливыми, любознательными, интересующимися чем-то новым. Возможно, это была и защитная реакция некоторых пленных против тягот плена или просто природный характер. Во всяком случае, такого рода записи, которые не имеют никакого отношения к войне, политике, даже плену – это часть их настоящей повседневной жизни, той жизни, которую они не хотели выставлять напоказ и делали записи исключительно для себя, для своего пользования.

В блокнотах мы встречаем и чисто религиозные записи – отдельные суры из Корана, некоторые наставительные тексты, молитвы. Но даже подобного рода записи ни в коей мере не являются следствием пропагандистской обработки в лагере – это опять-таки результат их прежних знаний и традиционных идеологических убеждений – ни в одной из книжек нет упоминаний о джихаде и священной войне против неверных, то, чем забивали головы военнопленных особенно в 1915–1916 гг. Правда, в двух блокнотах содержатся аккуратно переписанные стихи и назидательные тексты на турецком языке – Намыка Кемаля¹, Мехмеда Эмина², некоторых других авторов. Но это также вряд ли можно связывать с объявлением «джихада» Османской империей в ноябре 1914 г., это очевидно было следствием давнего интереса та-

¹ Кемаль Намык (1840–1888) – крупный турецкий поэт, прозаик, журналист, историк, общественный деятель. Активный участник конституционного движения в Турции в 1860–1870 гг. Считается первым драматургом и романистом в истории новой турецкой литературы.

² Кечеджизаде Мехмед Эмин Фуад Паша (1814–1869) – турецкий государственный деятель и писатель, великий везирь. Являлся сторонником реформ во внутренней жизни Османской империи.

тарских интеллектуалов к деятельности турецких общественных деятелей и литераторов.

В большинстве записных книжек приведены фольклорные тексты – песни, баиты, мунаджаты – это и традиционные, общеизвестные тексты, но также, по-видимому, результат творчества самих военнопленных, по-настоящему навеянный жизнью в плену. Нельзя сказать, что с точки зрения литературной они совершенны – порой хромает ритм, не ясна рифма, но тематика их достаточно любопытна.

1. Это тексты, которые, казалось бы, никакого отношения к войне и к плену не имеют – о родной стороне, о красотах природы, о любви, иногда о любви трагической.

2. Тексты, которые говорят о красоте родной земли и о том, насколько трудно расставание с ней, сетование на то, что война оторвала людей от родного края. Среди таких были свои «хиты» – потому что, например, один из них «Туган ил – Родная сторона» повторяется в двух из сохранившихся блокнотов, а также полностью приведен в одном из писем, подготовленных к отправке на родину (письмо Гайнельхади Хайретдинова в деревню Татарский Азби Мензелинского уезда Уфимской губернии).

Несколько выдержек из «Туган ил» (блокнот военнопленного Набиуллы Зайнуллина, уроженца Томской губернии деревни Шульдат):

«Сагынам туган үскән илне,
Әллә кай төше бигрәк ямьле иде,
Сөямен шул илемне, уйлап көямен.
Яшел болунлардин шаулап акган
Сулары да татлы тәмле иде,
Бигрәк дә шул сулар тора йөрәкдә. (...)
Атам да анам, туганларым,
Дуст ишләрем, кардәшем шунда,
Барсын да сагынуб жылым, йөрәк ярсуда,
Йәшләремне түгүб жыласам да,
Нич бер кеше миңа карамый әйләнүб,
Ят илләрдә калдым бәйләнүб.
Кайталмыйм, туган илем, сиңа,
Дөнья өзгән безнең араны,
Беткән йул, туган үскән илем исән бул».

Как видим, здесь тема красоты родной земли переплетена с чувством, что вся эта красота осталась далеко, и она недостижима вновь, потому что злая судьба разлучила человека с ней.

3. Стихи о людях схожей судьбы («Мәхбүс шаһзадә – Принц-узник»):

«Ничә еллар бу бәндә ялгыз ултыра башым,
Бер савыт су, бер телем икмәк ирде бәнем ашым.
Күрмәде һич ике күзем якты дөнья нурын,
Көне-төне еглай-еглай бетде инде күз яшем.
Кайда бәнем яшь чагымда назлы үскән чакларым?
Йөз мең алтун торыр иде бәнем менгән атларым.
Алтун илә йиз иткәндер бәнем ултурган тәхетем,
Инде тәхет урнына калды ултурган салкын ташым. (...)
Аһ, насыйб булурмы икән якты дөньяны күрү,
Әллә шул зиндан эчендә чыгачак газиз жаным?
Аһ, әткәем һәм әнкәем, йөзегезне күрмәем,
Иншаллаһ, без сезләрни бакый йирдә күрдәем». (Из блокнота неизвестного военнопленного).

4. Стихи, которые говорят о трагической судьбе отправленных на войну солдат, о трагической судьбе их семей:

«Әй, жан дустым, жылама син,
Хәсрәт чикмә, кайгырма,
Сакла күңел сихәтлеген
Туган илгә кайтурга.
Күрәсен бит: мин егламыйм,
Ник ул кадәр көяргә?
Иң яхшы безнең ичүн
Сабыр итүб түзәргә.
Онытма һәм кайгырма син,
Ихтимал тиз кайтурбыз.
Ә хәзергә, газиз дустымыз,
Әсирмез без фәкыйрьмез.
Онытма, дуст, без бәхетле
Үлгәннәр кардәшләрдән.
Котылдык, мең шөкер улсун,
Коточкыч атышлардан». (Из блокнота Набиуллы Зайнулли-на).

5. Назидательные, скорее, оптимистичные стихи, призывающие учиться, расти, не опускать голову:

Әй, туганлар, укыймыз
Исламият юлларун,
Бирсүн каһарман татарлар
Бер берсенә кулларун.

Әһ, туганлар, жыелабыз
Мәктәб авылы бүлмәгә,
Хак Тәгалә насыб итсүн
Милләт ичүн үлмәгә. (...)

Әй, туганлар, бу кәферләр
Итмәй безгә яхшылык,
Әгәр шулай укумасак,
Артдырурлар вәхшилек.

Әй, туганлар, без укутыйк
Угыллар һәм кызларны,
Кыямәттә нурландырсун
Алар безнең йөзләренә». (Из блокнота Набиуллы Зайнул-

лина).

6. Тексты историко-политического характера, направленные на подъем национального самосознания, ставящие в пример некогда «славные страницы» татарской истории:

Әй татар, мескин бичара
Кайда китде ул шаның
Дөнъяны дер селкетүб
Йөргән батыр Чыңгыз ханың
Кайда синең жиңгән үзең
Белмәгән киң йирләрең
Дөнъяда мисли күрелмәгән
Фидаи ирләрең
Көзге агач яфрагыдай
Дошманны саргайтканың
Кайда итсәң дә һөжүм
Шунда жиңүб кайткануң.
Кайда китде синең ул көчең
Ул байлыгың шанларың
Тик тарих битендә калды
Ялтыраган намларың.

Ник хәтергә алмыйсың
Эй татар углы татар
Син элекдә бай идең бит
Син хәзер ярлы татар
Син элекдә хаким идең
Син хәзер кем әй татар?
Син хәзер куркак йөрәк
Син хәзер кол әй татар.
Кычкырам бит торсаңыз
Уйкугыздан уйгануб.
Нинди эшләр үтде башдан
Бер карагыз уйлануб.

Ну и наконец, отдельно хотелось бы процитировать стихотворение, в котором причудливо сочетается традиционный стиль татарских баитов и реалии жизни военнопленных – речь идет о кончине многих мусульман в плену, но и о том, что оставшиеся в живых помнят о погибших и решили поставить им памятник, и с этой целью организовали сбор пожертвований:

Әжәл шундай нәрсәдер, барчамызга киләчәк,
Ләкин үз түшәкләрендә үлү артык булачак.
Менә безнең кардәшләр монда үлүб калалар,
Шушы алман жирләрендә гүргә илтүб салалар.
Шуларга ядкәр улсун даш куймакчы буламыз,
Шуңар акча жыю ичүн күб ижтиһад кыламыз.
Рәхмәт сезгә, кардәшләр, бик зур ярдәм итдеңез,
Кулыңыздан килгән кадәр акча жыйуб бирдеңез.
Ташка язылачак сүзләр: «лә иләһә ил алла»,
Һәр вакты салават барчамызга иншаллаһ.
Ходай жәннәт насыйб итсүн үлгәнләр һәм безләргә,
Тиз көнләрдә солых булуб кайтсак иде илләргә!

Итак, мы привели лишь несколько ярких примеров текстов литературного плана, происходящих из Вюнсдорфского лагеря. Остальные тексты, а их еще немало, в общем могут быть отнесены к одной из приведенных тем. Как видим, военнопленные в своем творчестве стараются не опускать голову – хотя мотив плена, оторванности от родины и родных для них очень важен и актуален – причем в татарских фольклорных текстах гипербола, преувеличение играют заметную роль. Если уж звучит в тексте

горечь утраты родины, то она еще дополнительно, усиленно окрашивается в беспросветные, безнадежные цвета. И, тем не менее, военнопленные все равно надеются на хорошее будущее и скорое возвращение. И в этом будущем они задумываются и о судьбе своей нации, ее месте в России, о правильном воспитании своих детей – это, бесспорно, можно считать признаком осознания ими собственной ответственности и определенного, насколько это возможно в условиях плена, оптимизма.

КАНЦЕЛЯРИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В статье рассматриваются архивные материалы, связанные с дипломатической перепиской Крымского ханства с правительствами различных стран, в большей степени с Швецией и Пруссией. Выявляются некоторые исторические факты, отражающие социально-экономическую ситуацию в Европе в XV–XVIII вв. Раскрываются особенности военной помощи крымских ханов шведским королям в середине XVII века.

Ключевые слова: Крымское ханство, дипломатические отношения, архивные источники, короли Швеции и Пруссии, межгосударственная переписка.

Один из источников изучения крымскотатарского языка, литературы, истории, культуры и в целом прошлого бытия – переписка и письма времен Крымского ханства. Однако это достояние и сегодня разбросано по различным архивам и заповедникам всего мира. В свое время вся переписка, которую вели писари и канцелярия Крымского ханства, в первую очередь сохранялась в самом государстве (в основном в Бахчисарае). Но такое положение дел продлилось лишь до 1736 года. Известно, что именно в 1736 году, после того как Бахчисарай был захвачен войсками русского генерал-фельдмаршала Бурхарда Миниха, здесь было сожжено все, в том числе и большой архив Ханского дворца. От горящего архива Ханского дворца, пепел которого развеялся по небу, остались лишь 124-томные «Къадыаскер дефтерлери» (Шериат сиджиллери) – «Кадыаскерские тетради» (Судебные реестры), которые в наше время хранятся в государственном заповеднике Санкт-Петербурга и в отделах рукописей некоторых библиотек. (Сегодня сотрудник Научно-исследовательского института при Крымском инженерно-педагогическом университете, кандидат филологических наук О.Д. Рустемов полностью сделал транслитерацию на латинскую графику и перевел на русский язык первый том этого достояния (всего 353 реестра: / по Хиджре – 1017–1023 гг. / от Р.Х. – 1608–1613 гг.). Сейчас идет подготовка к из-

данию собранной в электронном варианте книги, состоящей примерно из 300 страниц). Кроме этих реестров, сохранившиеся различные рукописи и письма, разбросанные по миру, как мы отметили выше, по частям хранятся в архивах и библиотеках разных стран и областей.

Сегодня в основном по причине отсутствия крымскотатарской государственности и, естественно, организационной деятельности, требующей длительного времени, и невозможности серьезного финансирования, такое достояние не собирается, не централизуется, не сохраняется и не изучается на серьезном уровне. Историки, востоковеды и крымоведы приложили немало усилий для изучения этой сферы, однако одним из значительных трудов является книга «Материалы для истории Крымского ханства», состоящая почти из тысячи страниц, которую издали казанский мулла Хусаин Фаизханов и член Российской Императорской Академии В.В. Вельяминов-Зернов в 1864 году в Санкт-Петербурге. Всего в издании отражено 378 писем. (В наше время транслитерацией с арабской вязи на латиницу и переводом на русский язык этих писем серьезно занимается сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры при Крымском инженерно-педагогическом университете, кандидат филологических наук Рефат Абдужемиль, некоторые его труды были опубликованы в изданиях: вышедшем в 2016 году журнале «Крымское историческое обозрение» и последних номерах газеты «Авдет» за 2016 и 2017 гг. — *И.К.*).

Много ярлыков (по словам самого исследователя, около 1000), вышедших из канцелярии Крымского ханства, изучал на протяжении многих лет до войны и наш соотечественник Абдулла Зихни Сойсал в польских архивах. Из-под его пера вышел целый ряд таких ценных статей, как «Политические отношения крымских ханов и польских королей. Письмо Гази-Герай-Хана бин Девлет-Герай-Хана», «Страницы истории» (Данные о ярлыке, который Гази-Герай отправил польскому королю Августу III, и о нем самом), «По случаю одного ярлыка Аджи Селим-Герай-Хана», «Соглашение (договор) Ислям-Герай-Хана с польским королем». Мы смогли найти следующую информацию касательно

биографии и деятельности этого малоизвестного широкому кругу наших читателей ученого.

Абдулла Зихни Соисал (1905–1983) родился в Крыму, в селе Кончек, расположенном недалеко от Керчи. Затем он окончил исторический факультет Краковского университета в Польше. В 1933 году защитил там докторскую диссертацию. Работал в этом же университете и в Институте Востока Варшавского университета. Принимал активное участие в политической деятельности. После войны, по поручению Джафера Сейдамета, на протяжении нескольких лет занимался национальными вопросами крымских татар. С 1955 года его жизнь проходила в Стамбуле. В 1930-е гг. десятки его совершенных исследований, касающихся истории Крыма, были напечатаны в журнале «Эмель»¹. В 1939 году в

¹ Соисал А.З. Къырым ярлыкълары [Крымские ярлыки]. – Варшава, 1939; Соисал А.З. Ханлыкъ девринде Къырым-тюрк культуру [Тюркская культура Крыма в период Ханства]. – Истанбул, 1941. – 27 с.; Зихни А(бдулла) /Соисал/. Тюрк тарихине аит весикълар. (Польша архивлеринде Къырым иле багълы весикълар. Мурад Гирай Султан бин Мубарек Гирай Султаннынъ мектюби) // Эмель. – 1930. – № 19. – С. 205–207; Зихни А. (Краков, Польша). Къырым ханларыле Полония къыралларынынъ сиясий мунасебетлери. Гъазы Гирай-хан бин Девлет Гирай-ханнынъ мектюби // Эмель. – 1931. – № 12 (36). – С. 405–409; Зихни А. (Краков, Польша). Тарих саифелери. (Гъазы Гирайнынъ лех къыралы 3-нджи Буюк Августкъа кондерген ярлыгъы ве кендиси акъкъында малюмат) // Эмель. – 1932. – № 4. – С. 6–16; Зихни Абдулланынъ къыскъа биографиясы // Эмель. – 1933. – № 2. – С. 32–33; Зихни Абдулла акъкъында къыскъа малюмат // Эмель. – 1933. – № 12. – С. 39; Зихни А. Липка татарлары ве ислям дюньясы иле мунасебетлери // Эмель. – 1934. – № 4. – С. 18–27; Зихни А. Аджы Селим Гирай Ханнынъ бир ярлыгъы мунасебетиле // Эмель. – 1934. – № 5. – С. 1–13; Зихни А. Бир лех колонистининъ Къырым хатыраты // Эмель. – 1934. – № 6. – С. 1–7; Зихни А. Ислям Гирай Ханнынъ лех къыралы иле муахедеси (антлашмасы) // Эмель. – 1934. – № 9. – С. 1–19; Зихни А. Дёрдюнджи Мехмет Гирай Ханнынъ Лехистана буюк ярдымы // Эмель. – 1934. – № 10. – С. 25–28; № 11. – С. 13–17; № 12. – С. 9–12; Зихни А. Тарихи къыйметли бир весикъа. (Бир эджнеби тарафындан Къырым ханына миннетдарлыкъ мектюби. Оригиналлы толусынен берильмекте) // Эмель. – 1935. – № 2. – С. 11–16; Зихни А. Къырымын Тюркие ве Лехистан иле мунасебети. (Къырым ханлыгъына аит) // Эмель. – 1935. – № 8. – С. 8–18; Зихни А. Къырым Къанун-ы-Эсасийси. (Къырым ханлыгъына аит) // Эмель. – 1935. – № 9. – С. 13–21; Зихни А. Къырым Лехистан достлугъы. (Къырым ханлыгъына аит) // Эмель. – 1935. – № 10. – С. 14–23, 29; Зихни А. Къара Мустафа – Александр

Варшаве была издана на польском языке книга Сойсала «Документы периода Яна Казимира», состоящая из 104 страниц. В книге представлены переведенные на польский язык 54 ярлыка, битики (письма) и мухаббетнаме (послания). В 1957 году профессор Зигмунд Абрахамович (1923–1990) издал каталог находящихся в Польше тюркотатарских документов. Эти документы относятся к 1455–1672 гг.

Наибольшее количество писем Крымского ханства сегодня хранится в Османском Государственном архиве Турции. Три из четырех канцелярий архива связаны с Крымским ханством. Согласно некоторым сообщениям, в этих фондах находится несколько тысяч писем. Большинство их них – переписка Турецкой империи с Крымским ханством. В 1978 году группа французских

Сулькевич // Эмель. – 1936. – № 1. – С. 16–22; Зихни А. Татарлара даир басы муляхазалар // Эмель. – 1936. – № 3. – С. 9–15; № 4. – С. 16–19; № 5. – С. 9–12; № 6. – С. 9–12; Зихни А. (Сойсал). «Прометей» миллетлерининь диль конференсы. (Истиклял давасында булунган «Прометей» тешкилятына ашагыдаки регионларнын миллетлери киргендир: Азербайджан, Гурджистан, Дон, Идиль-Урал, Ингрия /Ижора/, Карелия, Коми, Кырым, Кубань, Шималий Кавказия, Туркистан ве Украина) // Эмель. – 1936. – № 7. – С. 16–33; Зихни А. (Сойсал). Варшавада Къурултай байрамы. (Кырымдаки

Инджи Къурултайга даир) // Эмель. – 1937. – № 1. – С. 14–23; Зихни А. Кырымтатарларынынь культуры ве къадынларнынь тарихтеки ролю // Эмель. – 1937. – № 4. – С. 25–27; Зихни А. (Сойсал). Варшавада Къурултай мерасиминде нутуклар // Эмель. – 1938. – № 2. – С. 23–31; Зихни А. (Сойсал). «Эдиге батыр». (Макъале ве текст) // Эмель. – 1939. – № 8 (141). – С. 14–21; № 11 (144). – С. 22–25; № 12 (145). – С. 20–23; 1940. – № 1 (146). – С. 22–25; № 2 (147). – С. 18–22; № 3 (148). – С. 15–19; Зихни А. (Сойсал)нынь «Ян Казимир деврине аит весикъалар» китабы хакъында. (Макъаледе бойле дениле: Якъында Варшавадаки Шаркъ институтынынь докторы Абдулла Зихни Сойсал аркъадашымызын лехдже (полякча) «Ян Казимир деврине аит весикъалар» намыле къыйметли бир китабы чыкъмыштыр. 104 буюк сахифейи ве учь адед ярлыгынь фотографыны хави (къапсаган) бу эсере... мезкюр Институтнынь директоры мухтерем профессор, доктор Ольгерд Гурка ве айны институтнынь реиси С. – сенатор Станислав Седлеки тарафындан ильк сёз язылмыштыр. Сойсал тарафындан язылан баш языда Лехистаннынь мухтелиф кутюпхане, архив ве музелеринде Кырым ханлыгына аит 1000-ге (!) якъын ярлыклар булундыгъындан бахс идиюр) // Эмель. – 1939. – № 8 (141). – С. 26–28.

востоковедов издала в Париже копии документов, находящихся в стамбульском музее Топкапы.

В Московском государственном архиве старых дел хранится более двух тысяч документов переписки 1474–1718 гг., отражающих отношения Крыма и России¹.

Согласно сообщению покойного нашего историка Ибраима Абдуллаева, письма крымских ханов XVII века, находящиеся в Королевском архиве Дании, в 1976 году были изданы профессором Езефом Матузом. В первой части этой книги 30 писем переведены с крымскотатарского на немецкий язык, и приведены необходимые комментарии. Среди них есть письма Мухаммед-Герая IV, Чобан Адиль-Герая, Селим-Герая I, Мурад-Герая и многих других высокопоставленных чинов.

В 1970-е гг. в Крымском областном государственном архиве находились такие письма, сохранившиеся с ханского периода: четыре ярлыка Сахиб-Герая, два – Девлет-Герая I, пять – Мухаммед-Герая II, один – Ислям-Герая II, три – Газы-Герая II. Пять из тех, что относятся к XVI веку, – оригиналы.

Особое место занимают послания (мухаббетнаме) крымских ханов королям Швеции. Эти письма находятся в глубоких подвалах Стокгольмского государственного архива (Riksarkivet). 6 ноября 2003 года, спустившись вместе с одним из сотрудников архива Ингридом Эриксоном с помощью специального лифта на пять этажей вниз, мы прошли к одному столу. Ингрид Эриксон достал из помеченных сейфов три картонные коробки и положил их на стол. В этих коробках хранятся письма крымских ханов королям Швеции.

На коробках указаны номера и количество писем. На этих трех коробках указаны такие цифры: I-я коробка № 13–150; II-я коробка № 135–180; III-я коробка № 181–213. На белых бумагах всех писем, состоящих из одной или нескольких страниц, написано черными чернилами, поставленные на них некоторые печати с тамгой – цветные. Некоторые письма сложены, а другие – в раскрытом виде. Каждая страница лежит отдельно, между ними положена специальная толстая белая бумага в формате коробки.

¹ Абдуллаев И. Возрожденный архив: цели и перспективы // Голос Крыма. – 2001. – № 6 (377). – 2 февраля.

Если считать по номерам, указанным на коробках, то количество писем составляет 214 штук. В одном каталоге, копию которого мы взяли в этом же архиве, указано 78 писем, и даны комментарии к ним на шведском языке.

Обложки писем крымских ханов королям Швеции сшиты из цветного шелка и красиво вышиты, они хранятся в отдельной коробке. Ширина обложек составляет 8–10, длина – 30–35 сантиметров. Величина самих ярлыков в раскрытом виде достигает 30–35 см в ширину, 0,5–1 метр в длину. По этой причине многие из них хранятся в виде свернутого рулона.

Ясно, что письма принадлежат не только ханам, среди них есть и письма, от имени калги (второе лицо в ханской иерархии), нуреддина (третье лицо в ханской иерархии) и некоторых военных лиц, полководцев от имени ханов, либо подписанные вместе с ханами.

Один из ярлыков принадлежит Бахадыр-Гераю бин Селямет-Гераю. Дата написания – месяц сефер 1047 года по мусульманскому календарю (июнь 1637 года от Рождества). О самом Резмий Бахадыр-Герае так рассказывается в произведении «Гюльбюн-и-ханан»: Резмий Бахадыр-Герай – сын Селямет-Герай-Хана. Во времена ханства своего отца Бахадыр-Герай был послан в Стамбул в качестве рехина (заложник при султанском дворе) и затем был назначен управляющим делами Янболу. Бахадыр-Герай получил образование в области ильм-у-ирфан у находящихся в Янболу ученых, ариффов (обладатели знаний). И, часто встречаясь с ними, получил много пользы от них. (Турецкий) падишах тринадцатого числа месяца мухаррем 1048 года (1047 ? – *И.К.*) пригласил во дворец Бахадыр-Герая и назначил его правителем Крымского ханства... Вступив на престол, Бахадыр-Герай назначил своих братьев султана Ислям-Герая – калгой и султана Сафа-Герая – нуреддином...

Во время правления ханством Бахадыр-Герай освободил крепость «Азак» и, возвращаясь в Крым, в месяце реджеп (седьмой из арабских месяцев) 1050 года (1640 год от Рождества), в возрасте 40 лет, погиб от чумы. На ханском престоле он пробыл

четыре с половиной года¹. Резмий Бахадыр-Герай и его жена Ханзаде-ханым известны в крымскотатарской литературе и как довольно талантливые поэты.

Как мы отметили выше, письмо Бахадыр-Герая королю Швеции было написано в 1047 году (1637 год от Рождества). В произведении «Гюльбюн-и-ханан» его восхождение на престол датируется 1048 годом.

Письмо начинается так:

«От его Величества Падишаха Великой Орды и великого Юрта, и Крымского престола, и Дешт-и-Кыпчака, и несметного количества Татар, многочисленных Ногаев, и горных Черкесов, и Татов с Тавгачами, правого крыла, и левого крыла, дин-и-мюбин (отличающий добро от зла) и всех мусульман Бахадыр-Герай-Хана бин Селямет-Герай-Хана бин Девлет-Герай-Хана Падишаху Великой Орды, и великого Юрта, и Шведского престола, и многих христиан, обладателю ифтихар-и-азама (большой славы), амиран алем-и-эльмесихийе (правителю христианского мира) мухтар эфакхим-и-кюберан (наивысшему из независимых правителей), обладателю эльтаифете (изящности), эльюсуфии (красоты), эзьял эльхашиме велюкяр (соблюдающему крепкое единство), сахиб-и-эльделяиль, эльмеджит ве эльифтихар (указывающему путь, обладателю почета и уважения), умдет-уль-эрбап (являющемуся опорой для деятелей), эльнакьус зюбдет-уль-эсхап (обладателю самых лучших церковных звонов колоколов), эльарз ве эльнамус мухалесете-и-нишан (символу оказания чести и дружеских отношений), мусадакьат-ы-унван (обладателю титула ответной дружбы), бильфиль (истинно) королю Швеции, нашему другу и брату...».

То есть, как видно, Бахадыр-Герай, утвердив свое правительство, показывает, что он будет находиться в дружественных отношениях с королем Швеции. Несмотря на то что имеются различные источники, указывающие другие даты восхождения на престол Резмий Бахадыр-Герая и его смерти², логически исходя

¹ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны // История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. – Л., 1986. – С. 214.

² Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны / История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. – Л., 1986. – С. 225.

из произведения «Гюльбюн-и-ханан», дата его смерти приходится на 1051 год (1641) по мусульманскому календарю.

В 1047 году, когда было написано письмо Бахадыр-Герая королю Швеции, назначенный ханом на должность нуреддина Сафа-Герай тоже отправляет письмо королю Швеции. Это письмо отправлено из дворца Кады-Сарай (в другом варианте указывается как «Качи Сарай»). Его формат – 42,5 x 30 сантиметров. Послание Сафа-Герая, которое начинается в свойственном тому периоду стиле, после нескольких строк переходит в более детальное обсуждение вопроса. В каталоге архива Стокгольма факсимиле на арабском языке ограничивается нижеследующими строками:

«От его Величества, брата и друга Падишаха Великой Орды и великого Юрта, и Крымского престола, и Дешт-и-Кыпчака, и несметного количества Татар, и многочисленных Ногаев, и горных Черкесов, и Татов (!) с Тавгачами, правого крыла, и левого крыла сердечного и великого, уважаемого Бахадыр-Герай-Хана, пусть его государство существует до Судного дня! Великого нуреддина Сафа-Герай султана, пусть Всевышний и Всесильный Аллах хранит его всегда!..».

Вступление, хоть и небольшое, письма королю Швеции еще одного крымского хана Мехмет-Герай бин Селямет-Герая отличается особенными эпитетами. Этот ярлык был отправлен из Бахчисарая 1-го числа месяца сафар 1065 года по Хиджре (11 декабря 1654 года от Рождества). Его формат – 100 x 35 сантиметров. В ярлыке есть такие строки:

«С милостью и помощью Всевышнего и Благословенного Господа (!), от меня, его Величества падишаха Великой Орды, великого Юрта и Дешт-и-Кыпчака, и Крымского престола, и всех татар, и многочисленных Ногаев, Великого Мехмет-Герай-Хана, пусть его государство существует до Судного дня!..»

Из тех писем, что отправлены из Крымского ханства в Швецию, отдельного внимания заслуживает письмо Мурад-Герай-Хана. Как бы он ни «полировал» свои высказывания письменной дипломатией, между строк можно разглядеть сведения о кровавых столкновениях того времени и попытках Крымского ханства сохранить свое независимое положение. Точная дата написания письма неизвестна. Однако, если учитывать то, что Мурад-Герай

возглавлял ханский престол в 1088–1094 гг. по Хиджре (1678–1683 гг. от Рождества) и победил русских воинов в битве за крепость «Чехрин» в 1089 году, можно предположить, что письмо написано в 1089 (1679) году. Поскольку в письме говорится как раз об этих столкновениях.

Время ханствования Мурад-Герая бин Мубарек-Герая пришлось на сложные времена в сфере политики. Помимо России, он принимал участие в войнах с Польшей и Австрией. Но, как часто случалось в то время, за победу награждали, а поражение не прощали. За поражение в битве с австрийцами за крепость «Вардин» в месяце шевваль 1094 года (сентябрь–октябрь 1683 года от Рождества) был свергнут с престола... В возрасте 69 лет Мурад-Герай умер в 1107 (1695) году в Сарадж-Эли. Он возглавлял Крымское ханство 5 лет и 9 месяцев¹.

В архиве Стокгольма находятся письма и других ханов, калга-султанов, нуреддинов, писарей и приближенных к Ханскому дворцу. Ниже мы приводим их список. Список писем неполный. Указаны личности, подписавшие их, и, если известно, данные о том, откуда и когда отправлено письмо. Даты отмечены по григорианскому календарю. Топонимы, состоящие из двух слов, указаны в классической для Крыма форме, то есть между двумя словами – дефис. Часто в самих письмах так и написано (Акъ-Сарай, Багъча-Сарай, Къады-Сарай, Кок-Козь, Акъ-Месджит, Сюйрен-Сарай, Булгъанакъ-Сарай, Таш-Яргъан и т.д.). Номера такие же, как и в каталоге. Вот письма и личности, подписавшие их:

№ 135 хан Бахадыр-Герай бин Селямет-Герай (Багъча-Сарай, 25 июня 1637).

№ 136 Ислям-Герай (дата написания: 25 июня 1637).

№ 137 нуреддин Сафа-Герай бин Селямет-Герай (Къады-Сарай, 1637).

№ 138 Бахт-Герай (Багъча-Сарай, 25 июня 1637).

№ 141 Меньли-Герай (1637).

№ 142 Джан-Тимур-Бек (1637).

¹ Халим-Герай. Гюльбюн-и-ханан яхут Къырым тарихи. – Акъмесджит: Доля, 2004. – С. 84–86.

№ 143 Ислям-Агъа (в качестве близкого Бахадыр-Герай-Хану человека, 25 июня 1637).

№ 144 Мустафа-Агъа (в качестве высокопоставленного чиновника Ханского дворца).

№ 145 Ислям-Герай бин Селямет-Герай (30 июля 1650).

№ 146 калга Къырым-Герай бин Селямет-Герай.

№ 147 нуреддин Гъазы-Герай бин Мубарек-Герай (Къады-Сарай, 1650).

№ 148 Менъли-Герай бин Ислям-Герай (Багъча-Сарай, 30 июля 1650).

№ 149 Девлет-Бийим (Багъча-Сарай, 1650).

№ 150 Ферах-Бийим султан (Багъча-Сарай, 1650).

№ 151 Сефер-Гъазы-Агъа (1637).

№ 152 Ислям-Герай бин Селямет-Герай.

№ 153 Тимур-Агъа (11 ноября 1654).

№ 154 калга Гъазы-Герай (Акъ-Сарай, 11 ноября 1654).

№ 155 Мехмет-Герай бин Бахадыр-Герай (11 ноября 1654).

№ 156 Мехмет-Герай бин Селямет-Герай (Багъча-Сарай, 11 декабря 1654).

№ 158 нуреддин Адиль-Герай бин Селямет-Герай (Къады-Сарай).

№ 160 Сефер-Гъазы-Ата.

№ 161 Али-Гъазы-Агъа.

№ 162 Абдулькерим-Агъа.

№ 164 Джан-Мырза-Агъа.

№ 165 хан Мехмет-Герай бин Селямет-Герай (Багъча-Сарай, 1 февраля 1661).

№ 166 Ахмет-Герай бин Мехмет-Герай.

№ 167 Селим-Герай.

№ 168 Сефер-Гъазы (на имя Карла X Густава, 1660).

№ 169 нуреддин Мурад-Герай султан бин Селямет-Герай (Кок-Козь, 1654).

№ 170 хан Адиль-Герай бин Девлет-Герай (Багъча-Сарай, 1 сентября 1666).

№ 171 Къырым-Герай султан бин Девлет-Герай султан.

№ 172 Девлет-Герай султан бин Фатих-Герай султан.

№ 173 Тахт-Герай султан бин Фатих-Герай султан.

№ 174 Хисам-Герай султан бин Фатих-Герай султан.

- № 175 Ферах-ханым султан бин Мехмет-Герай султан.
- № 176 калга Къырым-Герай бин Девлет-Герай (Акь-Месджит, 11 июля 1668).
- № 177 нуреддин Девлет-Герай бин Фатих-Герай (Сюйрен-Сарай, 9 августа 1668).
- № 178 Тахт-Герай султан бин Фатих-Герай султан.
- № 179 нуреддин Девлет-Герай бин Фатих-Герай.
- № 180 Тахт-Герай султан бин Фатих-Герай султан (1670).
- № 181 Хаджы-Герай бин Къырым-Герай султан (1669).
- № 182 Ферах бин Мехмет-Герай (1670).
- № 184 Муртаза Али-Агъа (Багъча-Сарай, 11 июня 1668).
- № 185 хан Селим-Герай бин Бахадыр-Герай-Хан (Багъча-Сарай, 1677).
- № 186 калга Селямет-Герай султан бин Бахадыр-Герай (Багъча-Сарай, 2 июля 1677).
- № 187 нуреддин Сафа-Герай султан бин Сафа-Герай султан (Багъча-Сарай, 2 июля 1677).
- № 188 Бахадыр-Агъа (письмо, переданное представителю короля Швеции).
- № 189 хан Мурад-Герай бин Мубарек-Герай султан (Багъча-Сарай, 1679).
- № 190 калга Тохтамыш-Герай султан бин Сафа-Герай султан (Багъча-Сарай).
- № 191 нуреддин султан Саадет-Герай бин Къырым-Герай султан (Булгъанакъ-Сарай, 1678).
- № 192 Хаджы-Герай султан.
- № 193 Ахмет-Агъа.
- № 194 хан Мурад-Герай бин Мубарек-Герай (Багъча-Сарай, 1681).
- № 195 калга Тохтамыш-Герай султан бин Сафа-Герай султан (Акь-Сарай, 1681).
- № 196 нуреддин Саадет-Герай бин Къырым-Герай (Таш-Яргъан, 1681).
- № 197 султан Мубарек-Герай бин Мехмет-Герай-Хан (Сивирен /Сюйрен?/, 1681).
- № 198 Ахмет-Агъа (19 мая 1681).
- № 199. хан Мурад-Герай бин Мубарек-Герай.

№ 200 калга Тохтамыш-Герай бин Сафа-Герай (Акъ-Месджит, 10 марта 1682).

№ 201 нуреддин Саадет-Герай бин Къырым-Герай (1682).

№ 202 Хаджы-Герай бин Къырым-Герай султан (Багъча-Сарай, 1682).

№ 203 Гъазы-Герай султан бин Мубарек-Герай султан (Акъ-Сарай).

№ 204 Мубарек-Герай бин Мехмет-Герай.

№ 205 хан Мурад-Герай султан.

№ 206 хан Мурад-Герай.

№ 207 Ахмет-Агъа.

№ 208 хан Тимур бин хан Мехмет (1712).

№ 209 хан Девлет бин Хаджы Селим-Герай.

№ 210 хан Къаплан-Герай бин эль Хаджы Селим-Герай-Хан (1715).

№ 211 хан Селямет-Герай бин эль Хаджы Селим-Герай (24 декабря 1741).

№ 212 хан Селямет-Герай бин Селим-Герай (15 мая, 1742)...

«С милостью и великодушием Благословенного и Всевышнего Аллаха, от великого хана и повелителя Крыма и Кубани, и Кабарды, и других родов Черкесии и Буджака, и родов Дешт-и-Кипчака и ногаев, и всех родов мурз и татар, правителя, его величества Селямет-Герай-Хана...».

Достаточно интересны и документы Крымского ханства, в том числе и переписка ханства, находящиеся в государственном архиве Австрии. 22–25 января 2006 года при поддержке уже покойного нашего писателя Фейзи Рахмана Юртэра и с помощью моего друга из Германии Мисте Хотопп Рикке в решении организационных вопросов мне выпал шанс поработать в государственном архиве Австрии (Вена, ÖsterreichischesStaatsarchiv. Haus-Hof-und Staatsarchiv. Minoritenplatz 1. A–1010 Wien). Этот архив появился в 1945–47 гг. в результате объединения архивов Судебной палаты, Родовых архивов, административных и многих других архивов. Когда работники архива заводили для меня карточку читателя, по причине того, что я был первым читателем, прибывшим с территории бывшего СССР, задавали очень много вопросов и делали записи.

Конечно, сначала я работал с картотекой. В каталогах с шифром XII 16/1 (1562–1738 гг.) и XII 16/2 (1739–1836 гг.) указан список писем, написанных консулами Пруссии из Стамбула и Крыма. Все карточки написаны от руки на австрийском языке (очень близком немецкому языку).

Заказав материалы, которые привлекли мое внимание, просмотрел оригиналы писем 1655–1657 гг. (Turcica). На одной из папок написано: Ucidangast Tartarischek Gesaudte en Wien Aufenthaltskosten 1655 feb 23 – marz 2.

Письма, связанные в папки толщиной в 15–20 см, с двух сторон обернуты в толстый картон и прошнурованы. Несмотря на то что письма распределены согласно темам и годам, их не стали шивать отдельно. На каждом письме стоит печать государственного архива.

Письма написаны разным почерком, в зависимости от руки писаря, некоторые из них очень красивые и словно напечатаны в издательстве. На некоторых есть старинные (оригинал) сургучные печати. На письмах в каждой папке карандашом указана нумерация страниц. Интересно, что иногда одинаковые письма написаны в двух разных стилях. А в некоторых письмах текст начинается несколькими строками, написанными буквами, затем продолжается только цифрами. То есть эти письма написаны так, чтобы их могли прочитать только люди из узкого круга, а другие – нет. Бумага писем одного формата – 18 x 30 см. Печати на некоторых из них выцвели, на других видны очень хорошо и четко. Некоторые письма, будучи написаны не писарями, а королями Пруссии и постояльцами дворца, сильно отличаются от письма писарей (то есть красивого письма). На некоторых письмах стоят очень тонко сделанные печати. На отдельных письмах к номерам страниц (может, потому что найдены позже?) приписаны буквы. Например, 113^a. Есть письма и в таком виде: текст написан только на одной половине (стороне) листа. Причина тому – чернила видны и с обратной стороны. Если написать и со второй стороны листа, читать будет сложно. Поэтому на второй половине листа тоже написано только с одной стороны. Иногда в письмах можно встретить и четверостишия на прусском языке. В этих папках, кроме писем, хранится и целый ряд протоколов. На них начерчены различные схемы. Некоторые письма написаны в виде запи-

сок, то есть они ограничены несколькими строками. Многие из писем кайзеров (монархов – Avdet) связаны с «церемониалами». В каждой папке примерно 150–180 страниц.

Несколько примеров интересных документов:

1. Записи из канцелярии короля Пруссии:

Список продуктов, приобретенных для потчевания послов, прибывших из Крыма во главе с Мейдан Гъязы Хазнадар-Агъа.

(30 июня – 13 июля 1656 года).

Список подарков, отправленных для послов, прибывших из Крыма во главе с Мейдан Гъязы Хазнадар-Агъа.

(13 июля 1656 года).

2. Список документов татарской миссии, переданных королю Пруссии. (23 ноября 1668 года).

3. В книгах инвентаря канцелярии короля Пруссии:

№ 711417

Письмо, написанное 4 ноября 1660 года IV-Мухаммед-Гераяю.

Письмо, написанное 7 февраля 1661 года Гъязы-Гераяю (в Бахчисарай).

№ 711418

Письмо, написанное в 1661 году от императора А.А. Леопольда I-го везирию Мухаммед-Герай-Хана IV-го Нуреддин Мураду.

Приведем отрывок из письма Фридриха Вильгельма I-го Мухаммед-Герай-Хану IV. Письмо переведено с латинского языка преподавателем латинского языка Крымского медицинского университета, кандидатом филологических наук Ахтемом Мазиновым. Стоит отметить, этот перевод является приблизительным.

«Приветствуем заслужившего славу в военных походах падишаха и нашего любимого друга, выражаем благодарность за отправленные вашим великодушием в качестве подарка первые плоды нового урожая. Сообщаем вам о том, что, с помощью и по воле Всевышнего, мы получили ваше письмо. Падишах всех татар, желающих постоянства и величия на данном Вам Милостью Всевышнего высоком троне, Мухаммед-Герай-Хан. В будущем мы совершим поход, объединив свои силы с военными силами Вашего Величества. В нужное время возможно с оповещением Мейдан Газы-Ага. Дабы сохранить нашу дружбу и отношения,

мы обязательно исполним то, что обещали. Тонкости некоторых вопросов мы более детально раскроем в следующих письмах. Установив дружеские отношения с его величеством ханом, который ясно видит будущее, имя которого известно миру, мы видим, что он – хозяин своего слова... Его величеству желаем благополучия и долгих лет жизни. Мы готовы служить и творить благие деяния. Вена, 7 июля 1656 года».

Кроме того, стоит отметить, что Мухаммед-Герай-Хан IV, известный в народе и в то же время в мире литературы как «Кямилиий» («Безукоризненный») и «Хани», вместе с тем, что правил Крымским престолом, был человеком, любящим литературу, глубоко ее изучающим, погружившимся в ее чудесный поэтический мир. Образно говоря, свойственным его правлению мудрым, в то же время резким, щедрым пером известного повсюду и как правителя, и как поэта Кямилиия (Хани) написаны прекрасные стихотворения. Поэзия правителя-поэта в основном пропитана философскими размышлениями о жизни. В своих тонких строках поэт описывает достаточно высокими художественными красками сильную Любовь (Севги) в живом образе. Между тем, действительно, Софу Мухаммед-Герай-Хан IV – Кямилиий (Хани) приобрел достойное себе место в мировой литературе¹.

Известный путешественник Эвлия Челеби, будучи лично знакомым с Мухаммед-Герай-Ханом, получал его поддержку. В своем «Сейяхатнаме» («Книга путешествий») пишет о нем такие искренние слова:

«Во-первых, достаточно благочестивый, набожный, с мягким характером, спокойный, сторонится запретного (харам), застенчивый и держащийся подальше от пустых желаний лучезарный старик, из числа знающих, щедрый и всегда готов помочь, спешит в совершении благих деяний, на всех советах приветствует правду, склонен к деятелю образования, являлся участником многих бесед великих праведников, изящный, остроумный, много знающий, все мастерства в мире ему знакомы, обладает ловкостью, придерживается сулюка (тариката). Он – один из тех, кто подолгу ведет беседы, много странствует по сушам и морям, среди ученых-исследователей и мудрецов своего времени. Был изве-

¹ <http://blog.i.ua/user/7257836/1712162> (Дата обращения: 15.10.2017).

стен тем, что общался с такими людьми наедине, проводил в своей комнате беседы на темы шариата, научные дискуссии на арабском и персидском языках. Будучи обладателем дивана (сборника) стихотворений, имея чистые и красноречивые стихотворения, писал под псевдонимом «Хани». Но жил будучи постоянно занятым поминанием Аллаха, все его дела и силы направлены на джихат во имя Аллаха. Я не видал такого известного, приносящего пользу предводителя, обладателя короны, степенного великого хана. Пусть Всевышний постоянно хранит его степенность. Ибо на протяжении жизни он делает счастливыми всех людей, окружающих его слуг, рабов и наложниц, творя благие деяния в городе Бахчисарае, занимаясь благоустройством своего города. Пусть Всевышний дарует ему благо в обоих мирах»¹.

Как мы сообщили выше, в Вене хранится и рукопись произведения другого Крымского хана – Дервиш Мухаммед-Герай бин Мубарек-Герая – под названием «История Мухаммед-Герая. История, рассказывающая о войнах Кара Мустафа-паши, со времен Авджи султана Мухаммед-Герая до времен султана Ахмед-Хана тысяча сто пятнадцатого года» («Тарих-и-Мухаммед-Герай. Къара Мустафа-паша дженглеринсёйлер, Авджи султан Мухаммед-Хан вакъитлеринден султан Ахмед-Хан бинъ юз он беш тарихинеджек сёйлер бир макъбуль тарихдюр»), однако это произведение находится не в государственном архиве Австрии, а в государственной библиотеке города Вены (номер хранения: 86). В этой же библиотеке находится произведение Фундуклу – «Тарих» («История»), № МХТ 343, а-d. Кроме того, здесь под номером 83 хранится «Тарих-и-Веджихи» («История Веджиха») Веджих-Эфенди. К сожалению, мы не смогли их увидеть.

¹ Эвлия Челеби Сейяхатнамеси. Хазырлаян: Сейит Али Кахраман. 7 китап. 2 джылт. – Истанбул: Оджакъ, 2010. – С. 514–515.

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В АРХИВАХ И БИБЛИОТЕКАХ ГЕРМАНИИ

В статье дается краткий обзор крымскотатарских документов, выявленных в фондах крупнейших библиотек и архивах Германии, в которых нашли отражение разносторонние контакты Крымского ханства с Пруссией в XVIII в., а также Крыма и Германии в XX в.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Пруссия, Германия, дипломатические контакты, архивные документы.

В истории Крыма и крымцев XVIII век связан с серьезными трагическими событиями: неоднократными опустошительными рейдами русской армии под предводительством Ласси и Миниха в 1735–1738 гг., истреблением тысяч местных жителей, поджогами и разрушениями их жилищ, мечетей, медресе, Бахчисарайского ханского дворца и его уникальной библиотеки с ценнейшими раритетами. В последующие периоды истории подобные трагедии повторялись неоднократно: крупномасштабные волны эмиграции крымских татар после 1783 года, Крымской войны 1853–1856 гг., насильственное изъятие и уничтожение старинных книг и рукописей у крымских татар во второй половине XIX века. Поголовная депортация народа со своей Родины в 1944 году, массовое переименование топонимики, изъятие всех национальных изданий. Все эти действия были направлены на то, чтобы стереть с памяти людей, из истории полуострова напоминание о прошлом.

Таким образом, стремление современных крымскотатарских исследователей по изучению истории Крыма и крымцев, судьбоносных процессов и событий прошлого крайне усложняется отсутствием на полуострове соответствующих письменных, архивных, документальных источников, книг и публикаций.

Мы с большим удовлетворением и признательностью используем возможности, предоставляемые коллегами для работы в

библиотеках и архивах ряда европейских стран, в частности Германии, Швеции, Нидерландах, Польши, Турции.

Из своего личного опыта могу констатировать, что в процессе исследовательской работы я имел возможности пользоваться богатейшими фондами Государственной Берлинской библиотеки, Архива Министерства Иностранных дел ФРГ, фондами библиотек университетов Берлина, Гамбурга и др.

В данной статье сделана попытка обзора крымскотатарских документов, хранящихся в архивах и библиотеках Германии, в которых нашли отражение разносторонние контакты Крымского ханства с Пруссией в XVIII в., а также Крыма и Германии в XX в.

Крымское ханство в XV–XVIII веках в качестве самостоятельной государственности крымскотатарского народа, своим удобным географическим расположением на Евразийском перекрестке активно поддерживало контакты с такими европейскими странами, как Пруссия, Швеция, Польша, Франция, Дания, Австро-Венгрия и другими государствами, осуществляя дипломатические, военные и торговые связи, официальные межгосударственные контакты на уровне послов и т.д.

Крымскотатарско-пруссские контакты второй половины XVIII в.

Одним из интересных исторических периодов во взаимоотношениях между Крымским ханством и Пруссией является время правления короля Фридриха II Великого¹, когда произошла интенсификация сотрудничества с Крымским ханством. Подтверждением этому являются сохранившиеся документы, хранящиеся в различных архивах и библиотеках Германии.

Огромный интерес представляет 46-томное издание под названием «Политическая корреспонденция Фридриха Великого»². Книга печаталась в течение нескольких десятилетий начиная с 1879 года. В каждом томе содержится большой массив материалов в виде различных аналитических сообщений, донесений, которые поступали Фридриху II в период его правления, а также распоряжения и размышления короля Пруссии на ту или

¹ Годы правления: 31 мая 1740 г. – 17 августа 1786 г. – *Т.К.*

² Friedrich König von Preußen. Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. – Berlin. – Verlag Alexander Duncker. – Bd. 1–46. – 1879–1939.

иную тему. Благодаря этим документам можно понять о том, как развивались политические контакты Пруссии с другими государствами, в том числе с Крымским ханством. Практически в каждом томе приводятся документы о взаимоотношении с Крымом в виде анализа сообщений посланников Пруссии в Крымском ханстве: адъютанта и дипломата Фридриха II Александра Гольца, К. Боскампа, Барона Франсуа де Тотта (Франц де Тотт, консул Франции в Крымском ханстве. – *Т.К.*) и другие. Имеются также соответствующие комментарии или рекомендации Фридриха II для дальнейших действий своим представителям.

Интересным представляется период дипломатических контактов во время правления хана Крым-Герая с 1758 по 1764 гг. Хотя первые контакты с королем Пруссии Крым-Герай осуществил еще будучи сераскиром Бужакской орды в 1750 году, когда отправил посла к Фридриху II, «...для выражения дружеских чувств и поддержки в борьбе с половиной Европы»¹. Это был смелый шаг, поскольку эта инициатива могла не понравиться султану Османской империи и крымскому хану, а подобными действиями Крым-Герай мог навлечь на себя их гнев². Как отмечает В. Возгрин, основная цель посольства состояла в том, чтобы заручиться согласием короля для создания в дальнейшем прочного союза, в том числе и военного между Крымом и Пруссией. (Рис. 1).

Спустя несколько лет, когда Крым-Герай стал ханом Крыма, на полуостров прибывает Боскамп, в качестве представителя Фридриха II. Основная цель приезда посланника короля Пруссии состояла в установлении тесных контактов с Крымским ханством для дальнейшего противостояния северному соседу Крыма³ (России – *Т.К.*). Ответный визит состоялся 25 октября 1761 года, в полевую ставку короля Пруссии под г. Штрелен прибывает посольство из Крыма во главе с доверенным лицом крымского хана

¹ Мунд Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. – 1909. – № 43. – С. 3.

² Возгрин В. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырёх томах. Том I. – Симферополь: Тезис, 2013. – С. 846.

³ Мунд Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. – 1909. – № 43. – С. 4.

Мустафа-агой. Посланник на личной аудиенции с Фридрихом II передал верительную грамоту, в которой помимо дружеских и теплых слов в адрес короля, было предложение предоставить в его полное распоряжение вспомогательный 16 тысячный конный корпус крымцев для ведения боевых действий¹. Данная помощь была очень актуальна, поскольку в этот период Пруссия вела Семилетнюю войну против Австрии, союзницей которой была Российская империя.

Идея о военном союзе, предложенная крымским ханом, заинтересовала Фридриха II, для более подробного изучения этого предложения он направляет в Крым в качестве посланника своего адъютанта Александра Гольца, помимо подарков для Крым-Герая посланник получил от короля ключи к шифру, для отправки секретных донесений на французском языке². Спустя некоторое время посланники крымского хана возвращаются на полуостров вместе с А. Гольцем, который был представлен Крым-Гераяу. Примерно к этому же времени относится документ из «Политической корреспонденции Фридриха Великого», где представлено сообщение Эйхеля – личного секретаря Фридриха II, в котором он извещает, что крымский хан предлагает дружбу и сотрудничество с Пруссией и в подтверждение своих слов в короткий промежуток времени готов выдвинуться со своим войском в 60–80 тысяч человек для совместной войны против России³.

Однако перспективы военного и политического союза между Пруссией и Крымским ханством не сложились, поскольку после смерти Елизаветы Петровны на российский престол взшел Петр III, который был дружелюбно расположен к Фридриху II и соот-

¹ Мунд Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. – 1909. – №43. – С.3; Возгрин В. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырёх томах. Том I. – Симферополь: Тезис, 2013. – С. 848.

² Мунд Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // ИТУАК. – 1909. – № 43 – С. 8.

³ Friedrich König von Preußen. Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen. – Berlin. – Verlag Alexander Duncker. – Bd. 21. – S. 85; 13300. An den Etatsminister Graf Finckenstein in Magdeburg Empfänger: Karl Wilhelm Finck von Finckenstein Ort: Strzelin/Strehlen, Datum: 19. November 1761.

ветственно предыдущие договоренности о сотрудничестве с Крымом против России теряли свою актуальность. Несмотря на это посланник Фридриха II продолжал находиться в столице ханства и отправлял различные донесения своему королю. Именно на основе этих донесений и составлены тексты распоряжений, концепции, различные размышления Фридриха II, которые вошли в 46 томное издание «Политическая корреспонденция Фридриха Великого».

Говоря о характере этих текстов, необходимо отметить, что они написаны на французском и немецком языках. Некоторые сообщения совсем короткие, состоящие из нескольких предложений, но есть и более объемные тексты, в которых изучена та или иная ситуация, связанная с Крымским ханством или Османской империей, и даны соответствующие распоряжения и директивы подчиненным.

Документы в архиве МИД Германии относительно пребывания Крымской делегации в Берлине в 1918 году.

В процессе наших изысканий в архиве МИД Германии удалось выявить ранее нам неизвестные документы о пребывании делегации Крымского Краевого правительства в Берлине в 1918 году, в составе министра финансов В. Татищева и министра иностранных дел Дж. Сейдамета. Эти документы в деталях раскрывают все подробности и трудности, с которыми столкнулись представители Крыма в Германии.

Возвращаясь несколько назад, следует отметить, что созданный 26 ноября (9 декабря) 1917 года I Курултай крымскотатарского народа избрал исполнительную власть в виде Директории (Крымскотатарское национальное правительство – *Т.К.*) с соответствующими структурами и службами. Крымскотатарское национальное правительство продержалось у власти несколько месяцев. В конце января 1918 года в результате вооруженного выступления Севастопольских матросов власть в Крыму в свои руки взяли большевики, которые в свою очередь не долго пробыли у власти.

В середине апреля немецкие части подошли к границам полуострова, а спустя несколько дней заняли весь Крым. После оккупации Крыма немецкими войсками Джафер Сейдамет 12 мая 1918 года вернулся из Турции в Крым. 18–19 мая на заседании

Курултая он единогласно был избран Премьер-министром крымского правительства. Однако из-за конфронтации с другими политическими силами ему не удалось сформировать свое правительство, и он снял свою кандидатуру. После этого германское руководство останавливает свой выбор на нейтральной фигуре – генерал-лейтенанте Сулеймане Сулькевиче, выходеце из польско-литовских татар.

С 5 по 15 июня 1918 года им было сформировано Крымское Краевое правительство, поставившее целью, отстаивая интересы Крыма, добиться ее независимости. Должности в кабинете С. Сулькевича распределились следующим образом: премьер-министр, министр внутренних и военных дел – С. Сулькевич, министр иностранных дел – Дж. Сейдамет, министр финансов – граф В. Татищев, министр юстиции – А. Ахматович, министр земледелия – Т. Рапп, министр путей сообщения – Л. Фриман и другие¹.

В это же самое время изменения происходили и в Украине, 29 апреля в Киеве на смену Центральной Раде к власти пришел Павел Скоропадский. Одним из первых его шагов была попытка присоединения Крыма к Украине, чему, естественно, противилось Крымское Краевое правительство. Эти события послужили развитию конфликта между правительством Сулькевича и Скоропадского².

Для прекращения блокады Крымское Краевое правительство принимает решение направить в июле 1918 года делегацию в Берлин, в составе министра иностранных дел Дж. Сейдамета и министра финансов В. Татищева. При этом Джафер Сейдамет снабжался доверенностью правительства, обращением Курултая к германскому правительству (Рис. 2) и письменной резолюцией правления всех татарских общин Крыма, которые в том числе содержали протест против действий Скоропадского. Также крымская делегация планировала провести переговоры об уста-

¹ Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. – Emsdetten, 1952. – S. 195.

² Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. – Emsdetten, 1952. – S. 220–221.

новлении экономических связей с Германией, принятии торгового договора и получении кредита 50 млн. марок. (Рис. 3).

В конце июля Крымская делегация выехала в Берлин, 1 августа прибыла в Киев, где по настоянию немецкой стороны состоялась неофициальная встреча Татищева и Скоропадского, которая оказалась безрезультатной, поскольку последний отказался беседовать с министром непризнанного, как он считал, правительства. В то же время Скоропадский решает отправить в Германию своего представителя для противодействия крымской делегации, а также с целью добиться в Берлине признания Крыма как части Украины.

6 августа крымская делегация прибыла в Берлин, ее как гостей немецкого правительства разместили в отеле «Адлон»¹. Через несколько дней в Берлин прибыли представители Украины. Возглавлял делегацию премьер-министр Федор Лизогуб.

Так как украинская сторона не признавала легитимности крымского правительства, а значит и крымской делегации, то встречалась она только с немецкими политиками и дипломатами, и таким образом пыталась убедить немцев, что Крым должен отойти к Украине. Можно сказать, что в Берлине шла своего рода заочная дипломатическая борьба между представителями двух сторон. Первоначально премьер-министр Украины Ф. Лизогуб провел несколько встреч с государственным секретарем Министерства иностранных дел Германии, в ходе которых обсуждалась и крымская проблема. О результатах этой встречи он сообщил в одном из интервью украинской газете «Возрождение», в котором рассказал о благоприятном решении для Украины крымского вопроса. В интервью Лизогуб отметил, что «все вопросы присоединения Крыма решены в благоприятном для нас смысле». Это было поспешное заявление, поскольку немецкая сторона официально никаких заявлений по этому поводу не делала, а значит о разрешении крымской проблемы говорить было рано, что подтверждается дальнейшим развитием событий.

Как вспоминал Дж.Сейдамет, первоначально в Берлине их приняли несколько прохладно. Немецкое правительство сообще-

¹ Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. – Emsdetten, 1952. – S. 235.

ло крымской делегации о том, что «в соответствии с современным международным положением не считает возможным высказаться о признании независимости Крыма и советует урегулировать эту проблему на личной встрече представителей Крыма с премьер-министром Лизогубом».

После того как руководитель украинской делегации Лизогуб вернулся в Киев, крымская делегация, а точнее ее часть в лице Сейдамета, продолжала настойчиво защищать свои позиции в Берлине. (Рис. 4). Эта тактика оказалась результативной, и уже в течение первых дней сентября в немецкой политике произошел поворот в пользу Крыма. При этом предлагалось конфликт между Украиной и Крымом окончательно урегулировать на основе взаимных переговоров. Об этом успехе население Крыма уведомлялось специальным выпуском газеты «Миллет» и «Крым» от 3 сентября 1918 года. В сообщении говорилось: «Правительство доводит до сведения населения Крыма, что согласно сообщению представителя правительства в Берлине независимость Крыма от Украины официально признана». Дальше в сообщении говорилось, что скоро начнутся переговоры с Украинской стороной о немедленном снятии экономической блокады и разработки экономических отношений между Крымом и Украиной.

Частичный успех, тем не менее, не удовлетворил Джафера Сейдамета, он считал, что крымский вопрос полностью еще не разрешен. Поскольку со дня на день в Берлин должен был прибыть П. Скоропадский, что безусловно ставило под угрозу хрупкие договоренности по поводу Крыма. В этой ситуации единственным выходом было обращение за помощью к Турции. С этой целью он спешно через советника турецкого посольства в Берлине Хикмет бея отправляет Великому визирю Турции Талат-паше письмо с просьбой ускорить официальный приезд в Берлин.

7 сентября в Берлин прибыл Талат-паша (визит длился до 19 сентября – *Т.К.*). Этот приезд практически совпал с прибытием Гетмана Скоропадского, который пробыл в Берлине с 4 по 17 сентября. После приезда в Берлин Скоропадский получил аудиенцию у Императора Вильгельма II. Как вспоминает Сейдамет, Скоропадский имел успех во многих вопросах относительно Украины, но он не получил согласия на присоединение Крыма к Украине. Это, по мнению Дж. Сейдамета, было результатом ак-

тивной деятельности Великого визиря Турции. Вот как об этом вспоминает Дж. Сейдамет: «Талат-паша жил в Берлине в том же отеле «Адлон», что и я. Каждый день между 7 и 8 часами утра мы отправлялись обычно с прогулкой в близлежащий парк. Во время такой прогулки Талат-паша с улыбающимся выражением лица сообщил мне, что немецким командованием в присутствии Императора Вильгельма II в Министерстве иностранных дел были приняты следующие решения: до созыва мирной конференции и признания независимости Крыма снятие блокады на крымской границе. В дальнейшем после окончания войны допустить Крым к мирной конференции»¹. Как считал Сейдамет, этот успех Талат-паши был большой дипломатической победой для Крыма.

В то время как в Берлине происходили указанные события, в Крыму правительство Сулькевича в начале октября согласилось на переговоры с Киевом, отправив туда своих представителей. Несмотря на то что перед поездкой Крымской делегации в Берлин была договоренность о том, что до возвращения в Крым делегации какие-либо переговоры без согласования с В. Татищевым и Дж. Сейдаметом не проводить. Этими действиями Дж. Сейдамет был возмущен, он считал это непродуманным шагом Крымского правительства. Крымская делегация оставалась в Берлине до 10 октября 1918 года. После возвращения в Крым Джафер Сейдамет передал Сулькевичу официальное заявление о выходе из правительства, поскольку был не согласен с решением отправить делегацию в Киев. Это было поспешным решением Сейдамета, поскольку крымская делегация, которая была в Киеве, отстаивала «принцип независимости Крыма и указывала на то, что Краевое правительство берет на себя обязательство защищать независимость Крыма». Переговоры, проходившие в Киеве, ни к чему не привели, время было упущено. Спустя несколько недель, а именно 14–15 ноября, в Крыму произошла смена правительства С. Сулькевича. В это же время власть в Киеве переходит к Симону Петлюре, который в телеграммах, отправленных в украинские посольства и дипломатические миссии от 9 февраля 1919 года,

¹ Kirimal E. Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. – Emsdetten, 1952. – S. 240.

подтверждал, что Крым не принадлежит Украинской Народной Республике.

Джафер Сейдамет окончательно покинул Крым в ноябре 1918 года, эмигрировав в Турцию, где продолжил свою общественно-политическую и публицистическую деятельность, направленную на консолидацию крымскотатарской диаспоры в Турции, Румынии и Польше, вплоть до своей смерти в 1960 году.

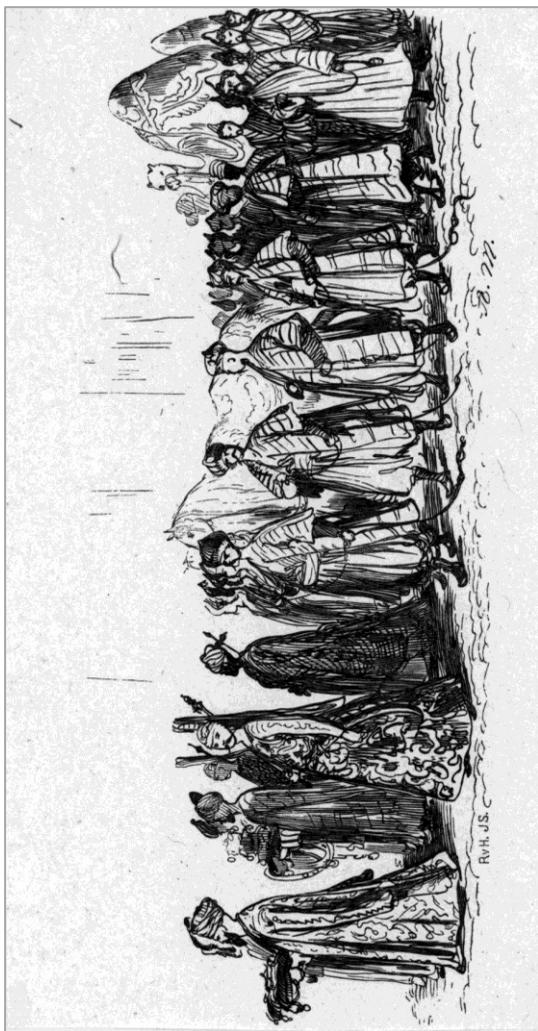

Рис. 1. Процессия крымскотатарского посольства в Пруссии в 1763 году.
Худ. Адольф Менцель. Из кн.: Franz Kugler. Geschichte Friedrichs des Großen.
Leipzig: Mendelssohn, 1856

33587
 Der Staatssekretär
 des Reichswirtschaftsamt.
 I 14324
 IV 4566.

Berlin den 27. Juli 1918.

9/8 Kauf, Reichswirtschaftsamt
 2 Reichswirtschaftsamt

bei A 29775 l 8
 Auf A 29775 vom 17. d. M.

Die Gewährung einer Anleihe von 50 Millionen Mark
 an die Krimregierung kann nach Lage der Verhältnisse
 nicht in Frage kommen. Dagegen würde ich bereit sein,
 den fraglichen Betrag zum Ankauf landwirtschaftlicher,
 für unsere Versorgung zweckdienlicher Produkte--Wein,
 der in erster Linie angeboten wird, hätte dabei wohl
 auszuscheiden-- zur Verfügung zu stellen. Voraussetzung
 eines Vertrags würde natürlich sein müssen, einmal, daß
 die Person des Vertragsgegners angesichts der im Fluß
 befindlichen staatlichen Gestaltung der Krim ausreichende
 Gewähr für eine loyale Erfüllung des Abkommens bietet
 und daß Sicherungen gestellt werden, sodann, daß die Ent-
 wicklung der Transportverhältnisse eine baldige Heran-
 ziehung der angekauften Vorräte einigermaßen sicher er-
 scheinen läßt. Die Prüfung dieser Voraussetzungen dürfte
 dem Reichswirtschaftsamt, dem ich Abschrift dieses Schreibens
 gleichzeitig mitteile, zufallen.

Eine Mitteilung über den weiteren Verlauf der Ange-
 legenheit werde ich mit Dank erkennen.

~~XXXXXXXXXXXX~~
 In Vertretung

[Signature]

An
 Herrn Staatssekretär
 Auswärtigen Amts.

2 v. Blöcher
 W

Рис. 3. Документ с просьбой предоставления Крымскому Краевому правительству кредита в 50 млн. марок.

Seiner Excellenz

dem Herrn Staatssekretär des Auswärtigen Amtes

St. v. Stamm

Beseelt von dem Wunsche, meine ganze Arbeitskraft einzusetzen für das Wohl desjenigen Volkes, welches als erstes die Idee der Selbstständigkeit der Krim fasste, und mit den Waffen in der Hand gegen die Bolschewicki seine Selbstständigkeit verteidigte, hatte ich mich bereit erklärt, als Vertreter der tatarischen Nation in die neugebildete Regierung in Folge des von General Kosch mehrfach ausgesprochenen Wunsches als Minister des Auswärtigen Amtes einzutreten, um meinem Volke, welches in seinem Kampfe um die Selbstständigkeit grosse Opfer gebracht und unersetzliche Verluste erlitten hat, bis zur endgültigen Klärung seiner internationalen Stellung mit all meinen Kräften beizustehen.

Zu diesem Zwecke bin ich gemeinschaftlich mit dem Finanzminister Grafen Tatitscheff im Auftrage der Regierung der Krim nach Berlin gekommen, um hier eine Stellungnahme der Kaiserlich Deutschen Regierung zur Krimfrage anzustreben.

Im Hinblick hierauf und gestützt sowohl auf meine deutsche Orientierung als auf die mir von der Krimmer Regierung erteilten Vollmachten, gebe ich der Hoffnung Raum, dass Sw. Excellenz mir bei dem von mir erstrebten, oben dargelegten Ziele, Ihre für die Krim überaus wertvolle Unterstützung an gedeihen lassen werden.

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr sehr ergebener

Graf Seidametz

Berlin, den 20. August 1918.

Рис. 4. Письмо Дж. Сейдамета Государственному секретарю Министерства иностранных дел Германии.

ТАТАРСКОЕ РУКОПИСНОЕ И СТАРОПЕЧАТНОЕ НАСЛЕДИЕ В АРХИВАХ Г.АЛМАТЫ

В статье дается краткий обзор татарского рукописного и старопечатного книжного наследия в пяти фондохранилищах г. Алматы РК – Центральной научной библиотеке РК, Национальной библиотеке РК, Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова РК, Центральном музее РК, Центральном архиве РК. Источники XVIII–XX вв. тематически охватывают различные сферы арабо-мусульманской науки. Рассматриваются принципы каталогизации и систематизации татарского рукописного и старопечатного наследия этих фондов.

Ключевые слова: татарское наследие, рукописи, старопечатные книги, Алматы, XVIII–XX вв., Республика Казахстан, Российская империя, чагатайский, среднетюркский, старотатарский язык.

Массовое заселение татарами¹ казахских степей начинается в XVIII веке, а присутствие предков татар в этих землях, по мнению З.А. Махмутова, восходит еще к X–XIII векам, когда здесь «существовало древнее тюркское государство с выраженным компонентом предков татар, башкир и казахов: Кимакский Кага-

¹ В статье я использую термин «татары» для обозначения мусульман Волго-Уральского региона условно. Привычные для нас названия «татары» и «башкиры» для обозначения мусульман Волго-Уральского региона еще чуть более ста лет назад вызывали споры и полемику. Даже сегодня вопрос об идентичности татар XVIII–XIX вв. оказывается дискуссионным для исследователей. Это подтверждает дискуссия между Дамиром Исхаковым (утверждающим татарскую «золотоордынскую» идентичность, локализованную в Золотой Орде, Казани и Крыме) [Исхаков Д.М. Об идентичности волго-уральских татар в XVIII веке / Материалы международного симпозиума «Ислам в татарском мире: история и современность», Казань, 29 апреля – 1 мая 1996 г. // Панорама-Форум. – 1997. – № 12] и Аленом Франком (отстаивающим «булгарскую» региональную идентичность, укорененную в граде Булгаре) [Frank, Allen J. Islamic Historiography and ‘Bulghar’ Identity among the Tatars and Bashkirs of Russia. – Brill, Leiden-Boston-Köln, 1998].

нат». В результате захвата этого государства монгольскими ханами край вошел в Золотую Орду и в монгольскую улусную структуру. В начале XV века с распадом Золотой Орды эти земли заняло кочевое государственное образование Ногайская Орда. «Ногайский компонент» сыграл важную роль в этногенезе татар, башкир и казахов. В тюркских источниках жителей новообразованного Казанского ханства традиционно называли ногайцами. Казанские татары, отделившись от улусов Золотой Орды, составили часть яицкого казачьего войска, которое, начиная с конца XVI века, участвовало в колонизации Западного Казахстана. В первой половине XVII века появилась Татарская слобода в Уральске, где по соседству с казаками стали селиться татары, занимающиеся земледелием, ремеслом и торговлей. В первой половине XVIII века татары начали заселять разные регионы Степи в качестве писарей и толмачей (переводчиков) казахских ханов, которые в своем большинстве не знали не только русского языка, но зачастую и литературного тюркского языка¹. Татарские толмачи переводили русскую дипломатическую корреспонденцию и участвовали в переписке на татарском языке со среднеазиатскими ханствами и Ираном².

Доказательством «переводческой» роли татар служат сохранившиеся в архивах Российской Федерации и архивах Республики Казахстан многочисленные переводы. Так, в Центральном архиве РК в г. Алматы во многих фондах обнаруживаются переводы толмача Искендера Алюковича Батыршина (Ф38, Ф39, Ф42, Ф43, Ф48, Ф49, Ф50 и др.). Потомственный дворянин Батыршин родился в 1819 (1820) году в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии. После окончания в 1837 году Оренбургского Неплюевского военного училища был назначен толмачем в Оренбургскую пограничную комиссию³.

¹ Махмутов З.А. История татар Астаны (XIX – начало XXI в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. – С. 16.

² Махмутов З.А. Қазақстан татарлар / Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, З.А. Махмутов. – Астана, 2016. – С. 72.

³ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. – Караганда: ПК «Экожан», 2013. – С. 279.

В ЦА РТ сохранились многочисленные переводы посланий монархов, чиновников и общественных деятелей евразийских государств казахским правителям, выполненные Батыршиным. Среди них: 1) 1852 г., ранее декабря, 221 – «Письмо хакима Ташкента Нар-Мухаммед-кушбеги биям рода табын Младшего жуза Бухарбаю Истекбаеву и Сеилу Байкадамову» (Ф. И–4. Оп. 1. Д.3628. Л. 64 и об. Перевод XIX в. Подлинник на тюрки – Там же. Л. 65 и об.)¹; 2) 1852 г., ранее декабря, 222 – «Письмо хакима Акмечети Мухаммед-Юсуф-бека биям сырдарьинских казахов с призывом вернуться на места прежних кочевков в окрестностях Акмечети» (Ф. И–4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 66–67. Перевод XIX в. Подлинник на тюрки – Там же. Л. 68 и об.)²; 3) 1852 г., ранее декабря, 291 – «Письма хивинского чиновника Ходжанийаз-бия биям и влиятельным казахам рода шомекей Младшего жуза» (Ф. И–4. Оп. 1. Д. 3628. Л. 119–120. Перевод XIX в. Копия)³; 4) 1835 г., ранее сентября, 41 – «Письмо хивинского чиновника Мухаммед-Садык-ходжи бию рода байбакты Младшего жуза Казы Сырымову» (Ф. И–4. Оп. 1. Д. 3321. Л. 9–10. Перевод XIX в. Копия)⁴; 5) 1836 г., ранее февраля, 71 – «Письмо хакима города Сузака Иш-Мухаммед-бека старшему султану Коныркулже Худаймендину и биям Акмолинского внешнего округа» (Ф. И–338. Оп. 1. Д. 59. Л.5 и об. Перевод XIX в.)⁵; 6) 1836 г., ранее февраля, 71 – «Письмо ташкентского бека Раиса старшему султану Акмолинского внешнего округа Коныркулже Худаймендину» (Ф. И–338. Оп. 1. Д. 59. Л. 11 и об. Перевод XIX в.)⁶; 7) 1844 г., ранее декабря, 51 – «Письмо хивинского хана Рахимкули султанам-правителям Баймухаммеду Айчувакову и Араслану Джантюрину» (Ф.И–4. Оп. 1. Д. 3392. Л. 40 и об. Перевод XIX в. Подлинник на тюрки – Там же. Л. 39 об.)⁷; 8) 1845 г., февраль – «Письмо хивинского хана Рахимкули биям рода кете Младшего жуза»

¹ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3. – Караганда: ПК «Экожан», 2013. – С. 66.

² Там же. – С. 66–68.

³ Там же. – С. 68.

⁴ Там же. – С. 56.

⁵ Там же. – С. 57.

⁶ Там же. – С. 58.

⁷ Там же. – С. 62.

(Ф. И–4. Оп. 1. Д. 396 а. Л. 68. Перевод XIX в. Подлинник на тюрки – Там же. Л. 69.)¹ и многие другие переводы.

Наряду с переводами Батыршина в фондах ЦА РК сохранились переводы, выполненные другими татарскими толмачами. Среди них – Сейфуллин (Ф. И–338. Оп. 1. Д. 621 и Д. 701), Быкмаев (Ф. И–338. Оп. 1. Д. 267), Дабшинский (Ф. И–338. Оп. 1. Д. 269) и другие.

Как было отмечено, заселение Степи татарами в первой половине XVIII века не носило массового характера. Массовое заселение пришлось лишь на вторую половину XVIII века и особенно усилилось в результате присоединения в 1730-х годах к Российской империи Младшего и отчасти Среднего жуза. Посредническая роль в деле культурной и хозяйственной интеграции Казахской степи в составе империи выпала на долю татар. Наряду с башкирами, татары были этнически близки казахам: их сближало общее происхождение, близость языков, религия: «ислам суннитского толка, который, правда, у казахов был перемешен с традиционными верованиями и только получал распространение»². Татары, более интегрированные в российское общество в сравнении с башкирами, наилучшим образом подходили на роль агентов внутренней колонизации Казахской степи. Каналами, проводимой колонизации, стали религия, образование и торговля. Татарские купцы осваивали новые рынки, татарские крестьяне бежали в степь от рекрутской повинности и налогового бремени, насильственной христианизации. Пример торговых источников содержит Ф. 374. Оп. I. Д. 2524, где сохранились материалы по Константиновской и Дмитровской ярмаркам, действующим на территории Акмолинского приказа (Акмолинске) с 1852 года.

Проникновение татар в Казахскую степь начинается с западных приграничных территорий современного Казахстана. Административные и чиновничьи документы, отражающие жизнедеятельность татар этих территорий, сохранились среди документов

¹ Там же. – С. 63.

² Махмутов З.А. Қазақстан татарлар / Қазақстан халқы Ассамблеясы, Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым министрлігі Ғылым комитеті, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы, З.А. Махмутов. – Астана, 2016. – С. 73.

следующих фондов – Ф. 569 «Казанское волостное правление»; Ф. И–8. 289 ед. хр. 1889–1903 гг. «Управление государственными имуществами в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях Министерства земледелия и государственных имуществ, г. Омск»; Ф. И–4. 6336 ед. хр. 1794–1868 гг. «Областное правление оренбургскими киргизами Министерства внутренних дел, г. Оренбург»; Ф. И–15. 3332 ед. хр. 1854–1919 гг. «Семипалатинское областное правление Министерства внутренних дел, г. Семипалатинск».

В 1744 году вблизи Оренбургской крепости появляется татарская Сеитовская слобода, состоящая в основном из выходцев Казанской губернии. Из Сеитовской слободы татары начали расселяться вдоль приграничных территорий в качестве мулл, толмачей и купцов. В XVIII–XIX веках татары постепенно расселяются по территории Степи, заселив к XX веку практически все ее части. Общее количество татарского населения в это время достигает более 50000 человек¹.

В качестве показательных примеров по татарской истории в Казахской степи я привела лишь несколько сюжетов-образцов, действительная численность источников по татарской истории в фондах Центрального архива РК значительно выше.

Заселяя территории Северо-Казахстанской области, татарские общины строили мечети. «Живя вдали от исторической родины, татары всегда стремились селиться компактно, образуя национальные кварталы – махалля, в которых обязательно была мечеть. Она выполняла не только религиозные функции, но и служила центром «уммы»: местом встречи, общения и собраний мусульман, проживающих в этом районе»². Умма обеспечивала единоверцев защитой и способствовала наращиванию социального капитала, необходимого для успешной торговли. Посредническая роль татар в торговле между русскими купцами и казахскими кочевниками способствовала росту доверия к татарам среди местного населения и росту татарского влияния.

¹ Там же. – С. 78.

² Махмутов З.А. История татар Астаны (XIX – начало XXI в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. – С. 19.

Со временем посредническая роль татар в Казахской степи помимо торговли распространилась на религию и образование. С середины XVIII века Российское государство через татар способствовало проникновению ислама в Казахскую степь. Для координации религиозной политики в 1788 году было создано Оренбургское магометанское собрание. Оно распространяло религиозную литературу и выдавало муллам свидетельство на преподавание среди казахов. Муллам поручалось вести метрические книги, решать судебные дела в рамках шариата, исполнять обрядовые обязанности, включавшие наряду с повседневными молитвенными практиками, свадебные и похоронные обряды, рождение детей¹. Кроме того, муллы занимались просветительской деятельностью, преподавали арабский язык, религиозные предметы. В 1744 году в Оренбурге губернатором И.И. Неплюевым для казахского населения было открыто первое татарское медресе. Нередко татарские медресе оказывались самыми крупными и единственными учебными центрами казахской станицы. При этом в большинстве мечетей муллами были татары. Например, в Акмолинске, согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, насчитывалось четыре муллы и все они были татарами².

Будет упрощением сказать, что всеми муллами и улемами Казахской степи были мусульмане Волго-Уральского региона, что лишь они занимались образованием местного казахского населения. Курбангали Халиди писал, что абсолютным центром учености для Казахской степи, Урало-Поволжья и Сибири по-прежнему оставалась Бухара: все великие ученые заканчивали бухарскую школу³. Тем не менее, роль татар в Степи была огромной. Оценивая влияние татар на казахов в период с середи-

¹ Статья Галлиев В.З. Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов). http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_galiev.htm#ftnref11 (Дата обращения: 16.11.2017).

² Махмутов З.А. История татар Астаны (XIX – начало XXI в.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. – С. 39–40.

³ An Islamic biographical dictionary of the Eastern Kazakh Steppe, 1770–1912 /Qurban-‘ali Khalidi; edited by Allen J. Frank and Mirkasyim A. Usmanov. – Brill, Leiden-Boston, 2005. – p. XVI.

ны XVIII века – начала XX века, многие казахские историки единогласны в том, что «татарское духовенство сыграло решающую роль в более глубинном, более основательном, чем прежде, приобщении казахов к исламу и образованию¹». О татарских учителях-муллах тот же А.А. Красовский писал: «...образование киргизы [казахи – Д.М.] получают в рассеянных по аулам татарских школах. Учителями в этих школах муллы, сами черпающие премудрость из разных книг, написанных на татарском языке, а для пополнения всех недостающих знаний им, как и всем, служит житейский опыт»².

Миркасым Усманов и Ален Франк выделяли три центра «степной» учености, существовавших наряду с Бухарой: 1) в Восточно-Казахской степи таким центром был российский город Семипалатинск, известный в 1880-х гг. благодаря своим девяти постоянно функционирующим медресе. По своей учености Семипалатинск не уступал таким исламским центрам, как Казань и Оренбург, превосходил Астрахань, Троицк и Петропавловск. В первой половине XIX века казахи составляли большинство студентов в медресе Семипалатинска. Мусульманские ученые и суфии, особенно из Волго-Уральского региона, зарабатывали средства к существованию, воспитывая кочевников, как в качестве странствующих ученых, так и в качестве постоянных жителей казахских общин; 2) с 1860–1870 гг., когда Восточный Казахстан, Джунгария попали под контроль династии Цин, началось развитие исламских институтов в Джунгарии. В исламских институтах в эквивалентном соотношении присутствовали ученые из сартов Ферганской долины и волго-уральские мусульмане. Волго-уральские мусульмане особенно активно занимались коммерче-

¹ См., напр.: Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. – Алматы, 1998. – С. 37; Бейсембиев К.Б. Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX – начала XX века. – Алма-Ата, 1985. – С. 90. Цит. по: Махмутов З.А. Татары г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области: история и этнические процессы. – Казань: ЯЗ, 2015. – С. 47–48.

² Галлиев В.З. Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов). http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/5/pedagog_galiev.htm#_ftnref11 (Дата обращения: 16.11.2017).

ской деятельностью и поддержкой религиозных учреждений региона; 3) на северо-востоке Казахской степи важную роль в распространении религии и образования играл род хаджа, произошедший, как считается в Средней Азии, от арабских «миссионеров» ислама¹.

Долгое время казахи, составляя большинство в мусульманском сообществе, выступали активными «потребителями» исламской учености и образования. Среди представителей коммерческой элиты, в особенности среди – улемов, доминировали мигранты из волжско-уральских мусульман и их потомки. На протяжении XIX века ситуация постепенно меняется, казахские кочевники приобретают все большее значение в коммерческих и религиозных элитах, постоянно увеличивается их роль в исламском образовании, исламской учености и исламских институтах².

Татарские источники: рукописи и старопечатные книги

О важной роли татарских мулл в распространении ислама и образования среди казахского населения можно судить по многочисленным источникам татарского происхождения, сохранившихся в архивных фондах г. Алматы. Среди них татарские рукописи и старопечатные книги по исламскому богословию, праву, логике, истории, арабским грамматикам и т.д. Как отмечает Т.К. Албеков, всего в фондах г. Алматы (Национальной библиотеке, Центральной научной библиотеке Республики Казахстан, Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Центральном музее) сохранилось около 50 тысяч рукописей разной тематики³. Немалое число среди них занимают татарские рукописи.

Долгое время рукописная традиция служила единственной формой письменной фиксации и передачи знания, с появлением

¹ An Islamic biographical dictionary of the Eastern Kazakh Steppe, 1770–1912 /Qurban-‘ali Khalidi; edited by Allen J. Frank and Mirkasyim A. Usmanov. – Brill, Leiden-Boston, 2005. – p. XV–XVI.

² Там же. – p. XVII.

³ Албеков Т.К. Казахские рукописи – общая сокровищница тюркских народов // Татарское рукописное наследие: изучение и сохранение: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 130-летию С. Вахида / сост. Л.Ш. Гарипова, Д.З. Марданова; под ред. И.Г. Гумерова. – Казань: ИЯЛИ, 2017. – С.48–59.

старопечатной книги и распространением книжной культуры на многие слои общества происходит настоящий культурный и общественный бум. С открытием первых типографий в Казани в начале XIX века¹ начинается история татарской и казанско-татарской книги, создававшейся и распространявшейся по инициативе татар². По налаженным торговым связям учебная и религиозная литература, художественные произведения на татарском и казахском языках из типографий Казани, позднее Уфы, доставлялись в медресе и мусульманские библиотеки Степи. «Свои» типографии в Оренбурге («Каримов, Хусаинов и К^о»), Семипалатинске и Уральске открылись лишь в конце XIX – начале XX века. В XIX веке с развитием массового книгоиздательства издание на казахском языке стало прибыльной коммерческой деятельностью для мусульманских типографий Казани, Уфы, Оренбурга и Санкт-Петербурга. Особое место в архивах г. Алматы занимают редкие книги и издания, выпущенные в конце XIX – начале XX века в Казани и Оренбурге.

Самым большим и богатым фондом редких книг и рукописей обладает Центральная научная библиотека РК в г. Алматы. Созданный в 1932 году фонд редких рукописей и книг в библиотеке постоянно пополняется. Уже собрано большое число старопечатных, преимущественно татарских книг. В библиотеке имеется каталог старопечатных книг. Что касается рукописного наследия, то до сих пор ведутся работы по его упорядочиванию и систематизации, созданию электронного каталога рукописей. Известно, что в фонде рукописей Центральной научной библиотеки хранится 2 тысячи папок с вариантами рукописей, общее число рукописей в этих папках – более 22 тысяч. Рукописи в бумажном каталоге разделены по языковому признаку: выделены рукописи на казахском, чагатайском, персидском и арабском языках. При этом следует отметить, что существующая классификация содержит недоработки. Так, разделение рукописей по языкам не

¹ Типография Казанского университета была открыта в 1809 г., она стала третьей в городе типографией (после Азиатской типографии и типографии губернского правления, учрежденной в 1804 г.).

² Габдельганеева Г.Г. Казанское книжное дело в контексте историко-культурного развития края: вторая половина XVIII в. – 1917 г.: дис. ...докт. филол. наук. – Казань, 2006. – 740 с.

всегда корректно, и в казахском разделе, помимо рукописей на казахском языке, очень много рукописей на старотатарском языке и даже встречаются рукописи на арабском языке. Другая проблема связана с тем, что некоторые рукописи дважды числятся под разными названиями. Например, рукопись под номером 5625 записана под двумя разными номерами. Несмотря на существующие недочеты, работы по каталогизации ведутся.

В 1975 году был издан первый том библиографического указателя, последующие тома издавались в 1979, 1981, 1985 годах. С 2001 года сотрудники библиотеки, опираясь на прежний опыт и учитывая новые методики, издали 2-х томную книгу, служащую продолжением предыдущих изданий¹.

Из наиболее ценных татарских материалов следует выделить «Корпус Халиди» – рукопись 1439, содержащая 4 тома (1–4 дела). Курбан Али-Халиди (1864–1913) происходил из татарской семьи, его родители были родом из России, сам Халиди родился в городе Аягуз, вырос в Семиречье, учился в медресе Семипалатинска и Семиречья, а большую часть жизни, с 1874 до 1913 гг., провел в Китае, в приграничном городе Чугучак. В 1881 году Халиди занял пост кади местных мусульман. Он хорошо известен как автор нескольких опубликованных работ по истории Центральной Азии, Казахстана и Монголии, включающих «Таварих-и хамса-и шарки» (Казань, 1910) и «Тарих-и джарида-йи джадида» (Казань, 1889). «Корпус Халиди» состоит из четырех больших томов с личными записями Халиди, в числе более 750 листов. Первый, второй и четвертый том – черновики его опубликованных работ – «Тарих-и джарида-йа джадида» и «Таварих-и хамса-и шарки». Помимо этого, в этих черновиках имеются материалы по генеалогии, легенды сибирских татар об исламизации, история сартов Семипалатинска и биографии татарских ученых, проживающих среди казахских кочевников, также генеалогии казахских родов (торе – аристократическое привилегированное сословие в традиционном казахском обществе, потомки Чингисхана и поэтому, не входящие в родоплеменную структуру казахских жузов).

¹ История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 3. – Караганда: ПК «Экожан», 2013. – 496 с. + 8 с. вкл.

Первый том, содержащий 248 листов, включает черновики глав для «Таварих-и хамса-и шарки». Также в этом томе имеются генеалогии, начиная от пророка Адама и включая разные тюркские и азиатские народы, генеалогии османских султанов, генеалогии монгольских и чингизидских ханов, также казахские генеалогии, основанные на устных источниках. Второй том состоит из 201 листа. Это также многочисленные черновики глав и частей «Таварих-и хамса-и шарки». Этот том содержит несколько частей для «Тарих-и джарида-йа джадида». Третий том содержит 179 листов. Третий том наиболее богат неопубликованными оригинальными материалами¹. «Корпус Халиди» – не только важный исторический источник, содержащий материалы по устной истории и легенды, но также источник, отражающий методику работы Халиди с источниками.

Еще одним татарским источником служит рукопись 5625. В карточке автором этой рукописи значится Галимджан Баруди, что подтверждено «его» иджазой на странице 186а. Тем не менее, несмотря на иджазу, палеографический анализ показал, что автором рукописи, а также иджазы, является не Баруди, а другой человек, переписавший рукопись вместе с иджазой автора. В этом списке содержится несколько сочинений, большинство из которых учебные «тетради» шакирда медресе на арабском языке, также имеются татарские включения в виде глосс на полях или комментариев внутри самого текста рукописи. В этой рукописи 241 лл. (482 стр.).

Рукопись 773 состоит из нескольких рукописных произведений разных авторов на арабском и татарском языках. Среди сочинений этой рукописи содержатся три сочинения по педагогике и суфизму.

Это лишь малая часть, с которой удалось поработать, из большого рукописного наследия Центральной научной библиотеки, настоящее число рукописей, написанных или переписанных татарами, значительно больше. Следует отметить, что классификация рукописей в библиотеке осуществлена по языковому признаку, но отдельный каталог с татарскими или старотатарскими

¹ А. Frank. The Qurban-‘Ali Khalidi Manuscript Collection in Almaty // Shygs. – №1 (9), 2008.

рукописями отсутствует. Рукописи, написанные мусульманами Волго-Уральского региона, рассредоточены по разным каталогам: они могут быть в каталогах рукописей на чагатайском, арабском или персидском языках. Требуется работа по выявлению татарского наследия.

Первичный обзор позволяет утверждать, что среди перечисленных ниже рукописей имеются источники татарского происхождения: 367 – Биртимур вэ башка хикэялэр; 532 – Тарих сайкали (исламская священная история в стихах), 1882; 143 – Тарихи хикэялэр пэйгамбэрлэр хакында; 175 – Төрле назымнар; 2397 – Дини хикэятлэр; 353 – Дини шигырьлэр; 352 – ал-Атнави Абдалхаким ибн Абдеррәшид. Тәржемә Мурад ал-гарифин (1860 г.); 2409 – Сүрәт Йосыф тәфсире һәм Йосыф Зөләйха хакында. Кыйссалар; 145 – Шамседдин Мөхәммәд ал-Кухистани. Шарх фикхи Кайдани (1791 г.); 771 – Мөхәммәд Латыф углы Мөхәммәд Галим. ән-Нәсәфи. Гакайдал-ислам; 773 – Мөхәммәд Латыф углы Мөхәммәд Галим. Таглим әл-мөтагалим (1883 г.); 772 – Мөхәммәд Латыф углы Мөхәммәд Галим. Нахва китабы (1874 г.); 134 – Пэйгамбэрлэр тарихы; 217 (218) – Төрле хикэятлэр; 642 – Мөхәммәд Хан. Мәснәви вэ башкаларның шигырьләре; 382 – Миграж ән-Нәбий. Мөхәммәд пэйгамбэр вэ сәхәбэлэр хакында мәгълүмат; 140 – Ислам хөкемнәре.

Наряду с богатой рукописной коллекцией в Центральной научной библиотеке имеется большая коллекция старопечатных татарских книг. Каталог печатных книг систематизирован по языковому признаку, в нем выделено два «каталожных» ящика с книгами на татарском языке арабским и кириллическим шрифтами. В отличие от рукописного наследия, требующего более продолжительной и кропотливой работы по выявлению авторства, даты и места написания, старопечатные книги содержат исходные данные на первых страницах, облегчая тем самым работу по систематизации и каталогизации. В качестве примера я выделила несколько персоналий. При выборе книг акцент был сделан на исторические сочинения и сочинения исламской тематики:

Муса Джарулла Бигиев (1873–1949):

1372 – Петербургта, 1914 санә июнь 15–25 тә, рәсемле жәмгыять мөнәсәбәтле ислахат эсаслары (1904–1918). Петербург, 1915.

989, 1371 – Халык назарине берничэ мас’иля. Мөхәммәд Галим Әфәнде Максуд. Казан, Амид, 1912.

990 – Шәригатъ әсаслары. Петроград, 1917.

987 – Шәригатъ ни өчен ру’йати игътибар итмеш. Казан, 1909.

1370 – Рахмат илягыйа барганнары. Оренбург, 1911.

991, 1680 – Зәкят, зәкят, кард, риба мас’иларинә тәфсиләт илә бәян итеп ... Петроград, 1917.

Хасан-Гата Габәши (1863–1936):

1750 – Хәсәнгата Габәши. Мөхтасар тарих кауме төрк. Казан, 1907.

1014, 2928 – Хәсәнгата Габәши. Төрк ыруглары. Төрк вә татар каумларынан барчасының... Казан, 1897.

802, 1015, 1820, 2405 – Хәсәнгата Габәши. Мөфассал тарих кауме төрк. Казан, 1909.

Ризәәддин Фахретдин (1859–1936):

810, 981 – Имам Газали. Оренбург, 1909.

1681 – Гаилә. Казан, 1904.

1051 – Гаилә. Оренбург, 1902.

980, 1334, 1778 – Гыйлем хәдистән кутуб ситта вә мөөллифләре. Казан, 1910.

984 – Дини вә ижтимагый мәсьәләләр. Оренбург, 1914.

1065 – Китап әл-игътибар. Казан, 1887.

Газиз Губайдуллин. (Газиз Гобәйдуллин, 1887–1938):

1751 – Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1925.

446 – Татарча-русча сүзлек. Казан, 1927.

922 – Татар тарихы. Казан, 1924.

1047 – Тарих адйан. Казан, 1918.

2168 – Милләтчелекнең бәгъзе әсаслары. Казан, 1918.

Также другие одиночные сочинения: 1591 – Вақыф паразиты (Сатира на мусульманских фанатиков). Оренбург, 1907 ел; 415/1878/ 2174 – несколько изданий «Вәгазынамә рисаләсе»; 1199 – Сәхәр вақыты китабы. Казан, 1895 ел; 1343, 1686 – Габделкашшаф углы Мөхәммәд Закир. Әнбийә Тарихы. Казан, 1899 ел; 5849 – Акыда мәнзүмә тәржемәсе. Казан, 1908 ел; 1339 – Забири Мирза Габдрәшид. Кыскача Болгар тарихы. Казан, 1907 ел; 1038 – Габдулла Буби. Заман ижтихад мөнкаризме түгелме. Казан,

1909 ел; 1023, 1349 – Беренче, икенче, өченче Думада мөселман депутатлары һәм кыйлган эшләре. Казан.

В библиотеке также имеются произведения татарских писателей и общественных и религиозных деятелей – Фатиха Амирхана, Яруллы Валиулловича Валиева, Галимджана Ибрагимова, Галиаскара Камала, Нажипа Думави, Нияз-Мухаммеда Сулейманова; зачинателя татарской реалистической литературы, старшего брата Мусы Бигиева – Загира Яруллы угылы Бигиева, Мажита Гафури, Каюма Насыри и многих других. Много советских книг за 1920-е и последующие годы, в том числе на кириллице. Переводы на татарский язык сочинений Германа Вамбери, А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, переводы мусульманских «классиков», таких как ал-Газали и других.

Еще одним следом татарского наследия в Центральной научной библиотеке стали книги по истории киргизов и казахов, выпущенные в издательствах г. Казани. Среди них – Алпамыс батыр. – Казань, 1899; Ер Тарғын. – Казань, 1909; Қисса-и Камбар. – Казань, 1888; Қарақыпшақ Қобланды батыр. – Казань, 1914; Аничков И.В. Поездка на киргизские поминки в 1892 году // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1897. – Т. 14. – Вып. 2; Диваев А.А. Месяца по киргизскому стилю с обозначением народных примет // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1896. – Т. 13. – Вып. 4; Мирза Александр Казем-бек. Мюхтесерюль-вигкает, или сокращенный вигкает. Курс мусульманского законовещения по школе Ханефидов. – Казань, 1845; Березин И.Н. Булгары на Волге. С рисунками болгарских древностей и надписей. – Казань, 1983; Бекимов М.Н. Материалы к изучению киргизского народного эпоса. – Казань, 1904 и многие другие.

Наряду с Центральной научной библиотекой в г. Алматы существуют другие четыре фонда с рукописями и редкими книгами: Национальная библиотека РК, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Центральный Государственный архив РК и Центральный Государственный музей РК.

В Национальной библиотеке РК источники по татарам представлены в виде старопечатных книг и рукописей. Старопечатные книги каталогизированы. Каталог включает книги на «восточных языках» (книги арабским шрифтом на старотатарском, арабском,

персидском, казахском, узбекском и других языках). Большинство имеющихся татарских книг на татарском и арабском языках выпущены в издательствах Казани и Оренбурга. Старопечатные книги представлены следующими авторами – Салах Атнагулов, Ахмед-Заки Валиди, Хади Атласи, Ахмед Максуди, Муса Бигиев, Касым Беккулов, Абдаррахман Сагди, Газиз Губайдуллин, Абдаррахман Забири, Галимджан Ибрагимов, Фатих Карими, Султан Рахманкулый, Курбангали Халиди, Марьям Муштари, Шакиржан ал-Халиди ат-Такви и многие другие. Что касается рукописного наследия, то, как сообщают сами сотрудники библиотеки, имеется значительное число рукописей на татарском языке. К сожалению, до настоящего времени каталог находится на стадии разработки, поэтому рукописи остаются недоступны для читателей. Похожая ситуация обнаруживается также в Центральном архиве РК, где при наличии рукописей и старопечатных книг, каталог по ним также пока отсутствует.

Еще один фонд редких изданий располагается в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова. Сотрудниками Института была выпущена книга «Қазақ қолжазбаларының ғылыми сипаттамасы» («Научное описание казахских рукописей»)¹.

Фонд рукописей и редких книг Центрального государственного музея РК, как сообщается в «Каталог[е] выставки старинных редких книг из фонда музея», начал формироваться со времени образования Оренбургского музея в середине XIX века. Основу коллекции Центрального музея составили материалы Оренбургского и Семиреченского музеев, позднее к ним добавились материалы, поступавшие от краеведов, ученых-исследователей и из других источников. Крупным поступлением стало получение музеем в 1921 году 62 древних документов и 7356 книг от исполнительного комитета Оренбургской губернии, сдавшего изрядное количество материалов в Казахстанский комиссариат Народного просвещения. К настоящему времени фонд музея насчитывает более 410 единиц хранения².

¹ Научные описания казахских рукописей. – Алматы: Гылым, 1975–2015.

² Каталог выставки старинных редких книг из фонда музея / Сост. Ж.Ж. Шалгинбаева. – Алматы, 1988.

В фонде музея хранятся памятники древней письменности, редкие рукописи и издания, систематизированные следующим образом:

– тюркоязычные источники: на древнетюркском и древнеуйгурском алфавитах; на древнекипчакском – среднетюркском языке («чагатайском») на арабской графике; казахском языке на арабской, латинской и кириллической графике.

– письменные источники иностранного происхождения: на арабском, персидском, китайском, согдийском, монгольском, маньчжурском, древнерусском и других языках.

В проведенной систематизации по языкам, как и в Центральной научной библиотеке, отсутствуют рукописи на татарском языке. Однако их наличие в музее очевидно по целому ряду причин. Во-первых, учитывая источник формирования фонда редких изданий Центрального музея из материалов, привезенных из Оренбургского и Семиреченского музеев, где проживала значительная часть татарского населения. Во-вторых, вспоминая о «просвещенческой» миссии татар среди жителей Великой Степи в прошлые века и татарской «книжности», – очевидным кажется оставшееся от них рукописное наследие. Третьим свидетельством служат фотографии из каталога старинных изданий, выпущенного Центральным музеем. В нем есть фотографии рукописей на старотатарском языке, они подписаны как рукописи на среднетюркском или чагатайском. Так, рукопись под шифрами КП 5876 «Шарх фикхи Кайдани» Шамсадин Мухаммад ал-Кухистани (950/1543) написана на старотатарском языке. Как отмечает Р.Р. Сафиуллина, это произведение было распространенным среди татар, активно переписывалось, а в начале XX века неоднократно переиздавалось¹. Другим показательным примером служит рукопись КП 5870, названная в каталоге «Шариат фарисийа» или «Шариат на персидском языке». Подобно первой рукописи, в каталоге она числится как рукопись на среднетюркском языке, в действительности же написана на старотатарском языке. Аналогичная ситуация прослеживается с рукописями – КП 15709 «Дур-

¹ Сафиуллина Р.Р. Известнейшие труды по фикху, изданные татарами в начале XX в. <http://islam-today.ru/blogi/rezeda-safiullina-alansi/> izvestnejšie-trudy-po-fikhu-izdannye-tatarami-v-nacale-xx-v/ (Дата обращения: 13.11.2017).

рун-ал-‘аджаиб» или «Жемчужины чудес»; КП 22258/2 и КП 23240, обе записаны как «Рукопись религиозного содержания». В фондах имеются также рукописи на арабском и персидском языках. Вероятно, переписчиками этих рукописей нередко были татары: в списках этих рукописей содержатся произведения на разных языках – так, одновременно в одной рукописи содержатся произведения на старотатарском, арабском и персидском языках. Подобная практика была распространена в татарских рукописях Поволжья и Урала.

В отличие от рукописей, создающих сложности при определении авторства, место издания старопечатных книг выявляется значительно проще. Среди татарских книг музея – «Курс мусульманского законовещения по школе Ханефидов» (Казань, 1845 г.) – КП 5867; «Диван Хафиз» Хафиза Ширази (Казань, 1894 г.) – КП 5866; «многие Кораны из фондов музея г. Казани в XIX в.»; кроме того, «большинство книг религиозного содержания, такие как толкование Корана, Мухаммадия [КП 5863 (Казанский университет, 1894 г.), КП 22147 (Казанский университет, 1900 г.), КП 17601 (Казанский университет, 1900 г.), КП 22146 (Казанский университет, 1902 г.), КП 20646 (г. Казань, изд. «Каримия», 1909 г.)], Мухтасар, учебники были напечатаны в типографиях Казани, Санкт-Петербурга, Омска, Оренбурга, Ташкента, Самарканда, Стамбула»¹.

Поиск татарского наследия в фондохранилищах г. Алматы показал, что в Республике Казахстан сосредоточено большое число источников татарского происхождения. Помимо административных и чиновничьих документов из Центрального архива РК, важное место среди татарских источников занимают рукописи и старопечатные книги, сосредоточенные в пяти учреждениях: Центральной научной библиотеке РК, Национальной библиотеке РК, Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Центральном Государственном архиве РК и Центральном Государственном музее РК.

¹ Каталог выставки старинных редких книг из фонда музея / Сост. Ж.Ж. Шалгинбаева – Алматы, 1988.

На сегодняшний день в архивах г. Алматы в открытом доступе для читателей находятся старопечатные книги, работа по ним уже проведена и выпущены каталоги. Иначе дело обстоит с рукописным наследием, требующим каталогизации и систематизации. Работа в этом направлении продвигается крайне медленно. До сих пор отсутствуют каталоги по рукописям в Центральном Государственном архиве РК и Национальной библиотеке РК. Каталоги, выпущенные Центральной научной библиотекой РК и Центральным Государственным музеем РК требуют доработки и исправления ошибок. Нередко рукопись на старотатарском языке оказывается среди рукописей на персидском и арабском языках. Кроме того, требует уточнения использование в каталогах для обозначения татарских источников – среднетюркского, либо чагатайского языка.

Исключение татарского/старотатарского языка из рукописных каталогов представляется ошибочным. Среднетюркский или чагатайский язык до сих пор вызывает споры среди исследователей-тюркологов. Отсутствует единое мнение о толковании чагатайского языка, его пространственных и временных границах. Принято считать чагатайский язык языком межнационального общения и письменным языком Средней Азии, начиная с XIII–XIV вв. и практически до начала XX века. Принимая это во внимание, тем не менее, важным представляется соблюдение границ при определении природы происхождения дошедших до нас письменных источников. Так, в случае сохранения при каталогизации в качестве раздела: «рукописи на чагатайском языке» или «рукописи на среднетюркском языке», – следует фиксировать татарское происхождение их авторов.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СЛЕДЫ
ДВУХ ТАТАРСКИХ СТУДЕНТОВ В АМЕРИКЕ

Статья посвящена анализу вновь выявленных материалов об учебе татарских студентов в университетах США в нач. XX в. Описываются условия поступления и обучения в них, отношение американского общества того времени к татарам. Статья позволяет взглянуть на порядки обучения в американских вузах глазами татарских студентов. Анализируются документы об успеваемости одного из студентов, обнаруженные в архиве Университета Вальпараисо.

Ключевые слова: высшее образование за рубежом, татарские студенты, Университет Вальпараисо, история педагогики и образования.

Испокон веков татары получали образование в разных странах мира – Китае, Турции, Каире и др. В конце XIX века увеличилось количество юношей, обучающихся в учебных заведениях Западной Европы. Это было связано со вступлением татарского народа в новую эпоху индустриального развития, которое, в первую очередь, требовало светски образованных людей¹.

Подчеркивая роль и значение получения светского образования для татар, Шигабутдин Марджани писал: *«Для обеспечения будущего нашего народа, также возможности управления собственными делами и избавления его от вечного гнета на арене жизни мы нуждаемся в европейских знаниях, просвещении, культуре и промышленности. Весьма полезна для нас учеба в европейских школах. Учение и просвещение можно брать везде, где*

¹ Амирханов Р.У. Некоторые особенности развития народного образования у татар в дооктябрьский период // Народное просвещение у татар в дооктябрьский период. – Казань, 1992. – С. 22.

оно есть. Знание и просвещение не знают ни национальных, ни языковых границ»¹.

В начале XX века в татарской прессе появляются статьи о зарубежных учебных заведениях, о требованиях для поступления в них и условиях обучения. Галимджан Идриси, получивший образование в Стамбуле, Лозанне и Льеже, выступает со статьями, в которых приглашает татар в учебные заведения Каира, Японии, Америки, и особенно Европы, являющиеся, по его словам, центрами новых технологий для различных отраслей промышленности, коммерции и земледелия. Обучение в них, по его мнению, даст татарам безграничные возможности и для изучения различных языков².

После 1910-х гг. число татар, получающих образование в учебных заведениях Западной Европы и Америки, возросло. В связи с этим увеличивается и число статей об этих школах и студентах-татарах, обучающихся в них. После выхода в 841 номере газеты «Вақыт» за 1911 год статьи о татарине Хабибулле Байбулатове, который учился в Сан-Франциско, число желающих побольше узнать об этом учебном заведении, о правилах приема и условиях жизни и учебы резко возрастает. Ответным шагом является статья Х.Байбулатова «Письмо из Америки» в номере за 9 марта 1912 года в той же газете, где он отвечает на наиболее интересующие татарскую молодежь вопросы по этой теме³. Как видно из статьи, среди татар, желающих получить образование в учебных заведениях Америки, есть шакирды уфимского медресе «Галия», также молодые люди из Омска, Петербурга, Оренбурга и других городов России. По сообщениям автора, двери этих школ и университетов открыты для всех, единственным условием для поступления является знание английского языка. Английский же язык можно изучить на специальных курсах, созданных в таких крупных городах, как Москва и Петербург, или же в подгото-

¹ Мәржани: Шиһабетдин әл-Мәржани хәзрәтләренән вилайәтенә йөз ел булу (1233–1333) мөнәсәбәте илә нәшер ителде. – Казан: «Мәгариф» матб., 1915. – Б. 628.

² Миннуллин З. Землячества и благотворительные общества татарских учащихся в мусульманских странах (начало XX века) // Мир ислама. – 1999. – № 1. – С. 140.

³ Байбулатов Х. Америкадан мәктүб // Вақыт. – 1912. – 9 март.

вительных отделениях самих университетов. Также очень важно, чтобы человек был здоровым, особое внимание нужно уделить здоровью глаз, так как *«в том случае, если у человека есть проблемы со здоровьем или у него глаза больные, то его могут просто не пустить на пароход и не выдать билет»*¹.

Статьи, знакомящие татарскую молодежь с учебными заведениями Америки, появляются и в других изданиях татарской периодической печати. В 1914–1915 гг. в журнале «Шура» выходит статья студента Университета Вальпараисо Фуада Анварова². Через некоторое время в газете «Вақыт» публикуется фото двух студентов этого университета – Фуада Анварова и Галимзяна Сайфульмулюкова и короткая заметка о них под названием «Татарские студенты в Америке»³.

Как видно из указанной выше статьи, оба этих студента из России (Фуад из Сибири, а Галимзян родом из Ташкента). До Америки они добрались через Стамбул. Автор статьи считает, что татарская молодежь, как и представители других народов мира, должны обучаться в таких видных учебных заведениях Америки, как Университет Вальпараисо⁴: *«Мы, также как и они, должны показать американцам, которые даже не представляют кто такие татары, кто мы есть на самом деле; показать, что мы – подающий надежды народ, подобный восходящему солнцу. Мы должны расселиться среди народов с высокой культурой и поучиться у них, увидеть мир»*⁵.

Об одном из этих студентов – Фуаде Анварове удалось найти некоторую информацию из американских источников⁶.

¹ Там же.

² Әнвәрөв Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1914. – № 22. – Б. 697–699; Әнвәрөв Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1915. – № 2. – Б. 54–56.

³ Америкада татар шәкертләре // Вақыт. – 1915. – 23 сентябрь.

⁴ Университет Вальпараисо был организован в 1859 году как первый колледж в США с совместным обучением мальчиков и девочек. Во время Гражданской войны в 1871 году был закрыт. Вновь заработал в 1873 году. В 1900 году получил статус университета.

⁵ Әнвәрөв Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1915. – № 2. – Б. 56.

⁶ Благодарим администрацию Университета Вальпараисо и доктора Розалию Гарипову за помощь в поиске архивных материалов.

Так, в бюллетене Вальпараисского университета за 1915–1916 гг. содержится краткая информация о нем (Фуад Анверофф, из России)¹. Удалось найти сведения о его учебе на Подготовительном отделении. В другом документе – книге учета студентов Вальпараисского университета за 1914–1915 гг. есть информация о Фуаде Анварове, родом из Сибири, из Зайсана (Зайсанского уезда, Зайсанский район современного Казахстана), который получал образование по специальности «сельское хозяйство» («агрокультура»), изучал такие дисциплины, как иностранные языки, геометрия, история, стереометрия, алгебра, древняя история и др. Как видно из материалов данного документа, татарский студент добивался успеха в обучении – у него довольно высокие результаты по вышеназванным предметам (70–95 баллов)². К сожалению, информация завершается мартом 1915 г. О другом из студентов – Галимзяне Сайфульмулюкове пока нет информации.

Вышеупомянутая статья в журнале «Шура» написана с целью ознакомления татар с университетом Вальпараисо, с правилами поступления в это учебное заведение. Поэтому в ней с подробностями описываются условия жизни и обучения. Видно, что автор гордится тем, что является студентом именно этого университета. Он пишет, что *«университет основывается на демократических принципах. Здесь никакой роли не играют такие понятия, как происхождение, богатство, национальность, религия, принадлежность к какой-либо партии или группе»*³. Сравнивая прогресс в области просвещения в Америке и состояние просвещения мусульман России, он приходит к выводу, что разница между ними огромная, и не в пользу России.

По наблюдениям автора, в это время в университете обучались студенты из разных стран по нескольким направлениям – по сельскому хозяйству («заригать»), торговле («тижарэт»), медицине («тыйб»), праву, архитектуре, естествознанию, педагогике,

¹ Valparaiso University Bulletin. Forty-Second Annual Catalog 1915–1916. P. 162.

² Student Credits book of Valparaiso University. 1914–1915. Old School Ledgers p. 6. <http://collections.valpo.edu/cdm/compoundobject/collection/ledgers/id/9399>

³ Энваров Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1914. – № 22. – Б. 697.

музыке и др. Действительно, Университет Вальпараисо в Индиане является одним из старейших учебных заведений Америки с совместным обучением мужчин и женщин (основан в 1859 г.). В начале XX в. Университет получил широкое признание, как недорогой ВУЗ «без излишеств», дававший хорошее образование, прозванный «Гарвардом для бедных». Многие выпускники этого периода стали губернаторами, законодателями, учеными, лидерами бизнеса и т.д.

Особенностью университета являлась именно практическая направленность обучения, что, очевидно, наравне со стоимостью обучения особенно привлекало татарских студентов и других студентов со всего мира. Кроме двух татар, в списках 1914–1915 гг. обнаруживаются и другие студенты из России, а также Англии, Германии, Испании, Болгарии, Турции, Ирана, Марокко, Китая, Индии, Бразилии, Канады.

Многонациональный состав студентов отмечает в своей статье и Ф. Анваров: *«Среди студентов много выходцев из Испании, Италии, из других стран Европы, а также представители других национальностей, евреи, иранцы, арабы и т.д»*. В университете особенно много русскоязычных студентов, *«иногда можно даже представить, что находишься «в колонии инородцев России»¹*. В то же время *«количество мусульман так мало, что для их счета хватит и пальцев двух рук: два татарина, два иранца, два араба, один из Индии. Всего семь человек!»²*.

Ф. Анваров, как выходец из России, сравнивает учебные заведения, условия учебы и жизни студентов в двух странах и приходит к выводу, что и в этом отношении в Америке дело обстоит намного выше. Особенно он восхищается отношением руководства университета к студентам. В независимости от национальности и вероисповедания, а также материального положения студента, в университете отношение ко всем одинаковое: *«Руководство поставлено так, что каждый студент университета считает, что данное учебное заведение организовано, в первую очередь, для него и для его блага, поэтому искренне любит его. Не любить университет невозможно: ни один человек, который хочет сюда поступить, не отвергается. Отказать человеку, ко-*

¹ Там же.

² Там же.

торый хочет получить образование, считается недопустимым и большим грехом»¹. В том случае, если у него нет возможности для учебы и жизни здесь, руководство само находит возможности для этого: обучает, предоставляет жилье, работу, обеспечивает всем необходимым. Однако все это делается не безвозмездно. В Америке, как отмечает автор, нет таких понятий как «даром», «садака» (милостыня). «Здесь все достигается только трудом»².

Нуждающимся студентам руководство школы помогает получить кредиты на образование, каждый дает расписку о возврате затраченных на него средств после учебы. Во время каникул руководство предоставляет студенту возможность самому заработать, работу подбирают индивидуально по умениям и способностям каждого. Так студент оплачивает свою учебу и проживание. Таким образом, одновременно учась и работая, и не очень обеспеченные студенты имеют возможность получить хорошее образование и профессию. Предоставление такой возможности, по мнению Ф. Анварова, очень выгодно и студенту, и учебному заведению («*бик барэктле хэрэкт*»). Но бывают и такие случаи, что некоторые студенты не могут в течение каникул собрать необходимую сумму денег, и тогда они вынуждены бывают временно прервать свою учебу и работать. Как видно из статьи, эти два студента-татарина именно так и поступили. Они оставили учебу на 2,5 года с условием вновь продолжить ее после истечения этого срока. За эти 2,5 года они намерены собрать всю необходимую сумму³.

Ф. Анваров считает, что правильная постановка дела и правила, установленные администрацией учебного заведения, являются одним из основных условий успешной работы университета. Но необходимо иметь ввиду и то, что *«под школьным руководством здесь подразумеваются сами студенты. Вся эта работа делается не по указу или приказу одного человека. Студенческий совет высказывает свое мнение по каждому вопросу, участвует в принятии решений. Руководитель университета*

¹ Там же. – Б. 698.

² Там же.

³ Там же.

лишь следит за порядком, наблюдает за исполнением решений руководства учебного заведения»¹.

По мнению Фуада Анварова, разница между американскими и российскими школами заключается и в прагматичном отношении к знаниям и образованию. В отличие от России, «здесь под знаниями подразумевается умение делать что-то, что позволяет заработать хоть копейку. Заучивание ненужных отвлеченных теорий, пустые разглагольствования, схоластическое мудрствование здесь не называют знанием («ятлау, шулай булса болай булыр, болай булса тегелэй булыр, дип чубек чэйнэп торырга, кучелдэн вә фарыз берлән эллә нинди мәсьәләләргә фәтвалар биругә монда гыйлем димиләр»)»².

Ф. Анваров видит разницу между образованиями двух стран и в отношении к труду. «Нужно помнить: здесь так же свято относятся к труду, как у нас к богослужению. Если у нас самым достойным считается человек, занимающийся богослужением, то здесь такое же отношение заслуживает человек труда. Никакая работа здесь ни для кого не предосудительна. Наоборот, нежелание и презрение к работе считается большим грехом»³. Сравнивая две страны, он приводит такой пример: «Если им сказать, что у нас есть башикры, у которых много земли, но они не занимаются ею, не обрабатывают ее, не учатся земледельческой работе, при этом живут плохо, голодают, некоторые даже просят милостыню или же занимаются воровством, они никогда этому не поверят. Потому что такая ситуация для американцев является просто невероятной и непостижимой»⁴.

По мнению Ф. Анварова, в Валпараисо и методы обучения значительно отличаются от российских. Здесь каждый студент сам выбирает предметы. И в силу своих возможностей обучается по 4–6 часов в день, а некоторые и больше. Каждый предмет прикреплен к одному преподавателю, у каждого преподавателя свой

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. – Б. 699.

⁴ Там же.

класс. Существует кабинетная система, учащиеся сами передвигаются по классам во время занятий¹.

Ф. Анваров считает, что в будущем число татарских студентов в Вальпараисо несомненно должно увеличиться, и он верит, что так и будет. Наблюдая за студентами из разных стран мира, старательно обучающимися в университете, он пишет: *«И у нас, у татар, немало усердных юношей, ничем не отличающихся умом и сообразительностью от детей других народов. Если будут обучаться в таких учебных заведениях, они, также как и здешние студенты, выйдут в люди, из их среды произойдут выдающиеся личности, деятели просвещения и науки, профессионалы и специалисты для промышленности»*².

Приглашая татарскую молодежь в Университет Вальпараисо, Ф. Анваров приводит несколько обязательных условий: владение английским языком (*«Это по сути не очень сложный язык. Усвоив основы языка, студент самостоятельно может изучить его. Если человек не знаком с языком, то первый год уйдет на изучение английского. Поэтому очень полезно заранее изучить язык»*), иметь при себе некоторую сумму, необходимую для оплаты учебы и жилья (*«для учебы и жизни необходимо иметь около 370–400 рублей. Но этого пугаться не стоит, так как есть возможность учебы работая»*). Имеющих при себе свидетельства об окончании средних школ России здесь принимают на высшее (университетское) отделение без экзаменов, при отсутствии документа в течение двух лет есть возможность окончания средней школы на месте и поступления в университет³. Фуад Анваров, так же как и автор предыдущей статьи о получении образования в Америке Х. Байбулатов, уверен, что одним из самых главных условий является здоровье поступающего. Абитуриент Вальпараисского университета должен получить справку о здоровье глаз, потому что *«людей с больными глазами сюда не*

¹ Әнвәров Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1915. – № 2. – Б. 54.

² Там же. – Б. 55.

³ Можно пройти подготовительные курсы для поступления в университет «хай-скул» (high school), окончить колледж, гимназию при университете.

принимают. И в Нью-Йорке пристальное внимание прежде всего уделяют здоровью глаз въезжающих в страну»¹.

Тем, кто желает получить больше информации об университете, автор даже дает свой адрес в Вальпараисо (South campus № 2. Valparaiso University) и обещает ответить подробнее².

Рис. 1. Студенты Университета Вальпараисо Фуад Анваров (с газетой) и Галимзян Сайфулмулюков. 1915 г. (фото из газеты «Вакыт», 23 сентября 1915 г.).

¹ Әнвәров Ф. Вальпараисо университеты (Америкада) // Шура. – 1915. – № 2, – Б. 56.

² Там же.

REGISTER OF STUDENTS

PREPARATORY DEPARTMENT.

Acosta, Jose A. Cuba, West Indies	Bianski, Andrew I. Cook, Ill.
Acosta, Jeronimo. Cuba, West Indies	Biderman, Stanley. Cook, Ill.
Adomaltis, P. W. Cook, Ill.	Biderman, Peter. Cook, Ill.
Aidman, Henrietta. New York, N. Y.	Bitant, William. Cook, Ill.
Aiken, Bertram. Hawaiian Is.	Bittman, Alice L. Dickey, N. D.
Alarcon, Frank. Spain, Europe	Blachourak, John. Cook, Ill.
Alderson, Anthony. Cook, Ill.	Blackwell, Sidney. Oregon, Mo.
Allen, Walter S. Fayette, Pa.	Blanchard, Stephen. Cook, Ill.
Alvarez, Thomas. Cent. America	Bonnstetter, Martin. Palo Alto, Ia.
Ambuehl, Geo. Fayette, Ill.	Borguding, Herman W. Muskegon, Mich.
Anderson, Rubie. Franklin, Miss.	Borggren, John. Kankakee, Ill.
Anderson, Samuel M. LaPorte, Ind.	Bowers, Beatrice. DeKalb, Ind.
Angel, Ray. St. Louis, Mo.	Bowling, Raymond. Scott, Iowa
Anver, Fuad. Russia, Europe	Brand, Frederick. Philadelphia, Pa.
Arbuckle, John. Newark, N. J.	Brasted, Elie. Lake Park, Minn.

Рис. 2. Бюллетень Университета Вальпараисо за 1915–1916 гг.

1914-1915	Sept. 22 ¹⁵	Dec. 15 ⁸	March 9 ²⁻
	1ST TERM	2ND TERM	3RD TERM
NAME. <i>John Andrews</i> POSTOFFICE. <i>188 Shelton Ave Jamaica</i> COUNTY. <i>Judith</i> STATE. <i>N. Y.</i> COURSE. <i>Eng</i>	SUBJECTS <i>Alg I</i> <i>Geometry II</i> <i>Euclid I</i> <i>Grammar 100</i>		
NAME. <i>Arthur A. Amno</i> POSTOFFICE. <i>Premier</i> COUNTY. <i>Marshall</i> STATE. <i>Ind</i> COURSE. <i>M. G.</i> <i>Chos. E. Amno</i>	SUBJECTS <i>Math. Geo. II 90</i> <i>Solid Geom. 93</i> <i>Calculus 70</i> <i>Trig. 74</i>		
NAME. <i>Evad Anveroff</i> POSTOFFICE. <i>Jaysan</i> COUNTY. <i>Siberia</i> STATE. <i>Russia</i> COURSE. <i>Agriculture</i>	SUBJECTS <i>Read. Lang. 1240</i> <i>Grammar 80</i> <i>Geometry I 90</i> <i>Reading 85</i> <i>Orthog. 80</i> <i>History 70</i>	<i>Solid Geom. 85</i> <i>Alg. II 95</i> <i>Account. 87</i> <i>Bot. 870</i>	

Рис. 3. Книга учета студентов Университета Вальпараисо за 1914–1915 гг.

ТАТАРСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В АРХИВАХ ЯПОНИИ: ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ

В статье представлены основные архивы Японии, в которых хранятся материалы, связанные с историей татарской нации. Утверждается необходимость дальнейшего изучения материалов этих архивов и библиотек, а также поиск утерянных изданий тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: Япония, архивы, татары, диаспора, тюрко-татарская эмиграция.

Целью данной статьи является обзор известных на сегодняшний момент архивов Японии, в которых хранятся материалы, связанные с историей татарской нации, что стало особо актуально с момента реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» (п. 1.9. «Документы по истории татар в архивохранилищах Европы и мира»).

В Японии на сегодняшний момент известно немного архивов и библиотек, где хранятся материалы, связанные с историей татарского народа:

– архив урало-алтайских языков Хаттори Сиро в Университете префектуры Симанэ, г. Хамада;

– архив библиотеки Университета Васеда (База данных старых фотографий и материалов Мусульманской ассоциации Великой Японии), г. Токио;

– официальные архивы и библиотеки: Министерства иностранных дел Японии, Министерства обороны Японии, Библиотека парламента Японии (г. Токио);

– частные архивы татарских эмигрантов и их потомков, архивы японских и турецких ученых (Дюндар Мерхан, Нобуо Мишава, Темимдара Мухита, братьев Апанаевых и др.);

– японская периодическая печать.

1. Архив урало-алтайских языков японского лингвиста Хаттори Сиро Университета префектуры Симанэ.

Данный архив является самым молодым из представленных в обзоре, однако, по степени значимости хранящихся в нем архивных материалов – самым важным по ценности и численности единиц хранения. Архив был создан в 2003 году, когда в библиотеку Университета Симанэ семьей профессора Хаттори Сиро (1908.05.29, Миэ – 1995.01.23, Токио) был передан на хранение его архив¹. Исследование архива, предпринятое в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)» (п. 1.9. «Документы по истории татар в архивохранилищах Европы и мира»), выявило, что в архиве хранится около 200 исследованных материалов, связанных с татарской историей, на разных языках: татарском, турецком, русском, венгерском, арабском, немецком, английском и тд., и на разных шрифтах: арабский (60), латиница (46), кириллица (26: татарском и русском)². Эти книги изданы: в Казани – 39, Анкаре – 21, Стамбуле – 23, Мукдене – 15, Токио – 5, Лейпциге – 1, Берлине – 5, Будапеште – 3, Кобе и Харбине по две, по одной в Кракове, Хельсинки, Санкт-Петербурге. Разнообразна тематика хранящихся материалов: ислам, науки (история и филология), образование, словари, периодические издания, художественная литература, в частности стихотворения Г. Тукая, школьные издания и обучающие материалы.

Однако, самым ценным материалом данного архива является почти полная подшивка периодического издания (газеты) тюрко-

¹ О проф. Хаттори Сиро см.: Усманова Л. «Тюркские» связи японского лингвиста Хаттори Сиро. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2010_3_4/05/06/ (дата обращения: 04.12.2017).

² См. подробнее: Гибатдинов М.М., Усманова Д.М., Усманова Л.Р. Изучение тюрко-татарских материалов архива урало-алтайских языков университета Симанэ (Япония) // Восточный архив. – 2015. – № 2 (32). – С. 84–89; Усманова Д.М. Работа казанских ученых с тюркоязычными документами из личного архива Хаттори Сиро // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2015. – № 1/2. – С. 303–306.

татарской эмиграции на Дальнем Востоке «Милли Байрак»¹. Хаттори Сиро и его жена, татарка по национальности, Магира Аги, сумели сохранить подшивку издания, выходившего с 1.11.1935 г. по 20.08.1945 г., количеством 400 номеров². Благодаря совместному проекту Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ и Института истории Академии наук Республики Татарстан эта подшивка газеты была оцифрована (390 номеров), копия передана в Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань)³. Недостающие номера позже были найдены в частном архиве братьев Апааневых, проживающих в г. Токио (Япония). Проект оцифровки полного архива данного издания находится на стадии завершения. Необходимо упомянуть, что в Университете префектуры Симанэ в 2006 году Л. Усмановой была защищена докторская диссертация с использованием материалов газеты «Милли Байрак» по истории тюрко-татарской эмиграции в регионе Северо-Восточной Азии. А в 2018 году готовится к защите магистерская работа по истории национального татарского образования за рубежом на основе материалов данного архива.

Кроме подшивки газеты «Милли Байрак», в архиве Хаттори Сиро хранятся отдельные номера эмигрантских и других периодических изданий, выходивших не только в Японии: «Яна Милли юл» (Берлин, 1937, № 5 и 6), «Яна Япон мохбире» (Токио, 1933, № 10 и 12), «Милли Байрак» (Мюнхен, 1954, № 2–4), «Вақыт» (Оренбург, 1914).

¹ Усманова Л. Газета «Милли Байрак» – «энциклопедия татарской эмиграции» // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2016. – №. 3/4. – С. 226–229.

² Усманова Л. Японский лингвист Хаттори Сиро и татары: академические и личные связи // Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 80-летию мечети в г. Кобе (Токио-Мацуэ, 19, 23 октября 2015 г.) / Под ред. М.М. Гибадинова, Л.Р. Усмановой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. – С. 125–130.

³ Усманова Л. Проект «Япония – Татарский мир»: академическое и культурное сотрудничество // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 294–299.

2. База данных старых фотографий и материалов Мусульманской ассоциации Великой Японии (архив библиотеки Университета Васеда, Токио).

Фотоархив (База данных старых фотографий и материалов Мусульманской ассоциации Великой Японии) в отделе особых коллекций в Центральном офисе библиотеки Университета Васеда был создан в 1962 году, когда сюда был передан архив Мусульманской ассоциации Великой Японии¹. Мусульманская ассоциация Великой Японии была создана 19 сентября 1938 г. Первым руководителем организации стал 33-й премьер-министр, генерал Хаяси Сендзюро (23.02.1876 – 4.02.1943). Организация ставила своими задачами установление близких отношений с мусульманскими странами, исследование этих стран, издательскую деятельность с целью пропаганды японской «исламской политики» в этих странах². В 2006 году эти фотографии были оцифрованы и выпущены на диске CD-ROM³. В 2014 году библиотека Университета Васеда получила грант Японской организации по продвижению науки для создания открытой базы данных этих материалов для использования в научных и исследовательских целях более широкой научной аудиторией в мире. База данных расположена на сайте Организации по изучению исламского региона Университета Васеда⁴. В ней насчитывается около 1550 документов (2000 фотографий в разных версиях)⁵. К сожалению,

¹ База данных старых фотографий и материалов Мусульманской ассоциации Великой Японии (大日本回教協会旧蔵写真資料データベース) <http://photo-kaikyokuokai.w-ias.jp> (дата обращения: 04.12.2017).

² См. подробнее: Усманова Л. Тюрко-таатарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 92–100; Usmanova L. The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia, Transformation of Consciousness. A Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s. – Tokyo, 2007. – P. 95.

³ «Constructing Database for Relations between Japan and Islam» Project, supported by JSPS & Research Office of Asian Societies, Faculty of Human Sciences, Waseda University (eds.), Photography Collection of the Greater Japan Muslim League Ver.1 [CD-ROM], Tokyo, 2006.

⁴ <https://www.waseda.jp/inst/ias/en/research/database/> (Дата обращения: 04.12.2017).

⁵ Ono, Ryosuke. Southeast Asian Muslims in the Dai-Nihon Kaikyo Kyokai's Photography Collection // International Seminar on Islam and Multicul-

в данном архиве встречаются неточно атрибутированные документы, некоторые без указания места и сфотографированных на них людей. Это уникальный источник информации для российских и татарских ученых, так как этот архив представляет интерес для изучения деятельности данной организации, в которой активное участие принимали тюрко-татарские политические эмигранты Габдулхай Курбангалиев и Абдурашид Ибрагимов. В базе данных хранятся фотографии, связанные с деятельностью Курбангалиева (номера 404–422)¹ и связанные с А.Ибрагимовым (номера 1263–1267)² (в частности, фотографии последних дней Ибрагимова и его похорон). Кроме того, среди фотографий есть фотографии с торжественных церемоний открытия мечетей в городах Кобе и Токио, а также из жизни мусульманских общин в Японии, на которых можно идентифицировать тюрко-татарских эмигрантов.

3. *Официальные государственные архивы.*

Среди официальных государственных и публичных архивов и библиотек необходимо выделить архив Министерства иностранных дел Японии, отдел дипломатических записей, многие материалы которого также оцифрованы и доступ к которым возможен напрямую через интернет³, а также Библиотеку парламента Японии⁴, где хранятся опубликованные архивы полицейского департамента Министерства внутренних дел и ежегодные отчеты иностранного отдела этого департамента, а также опубликованные материалы агентства по безопасности⁵.

turalism: Exploring Islamic Studies within a Symbiotic Framework. Edited by Kazuaki Sawai, Yukari Sai, Hirofumi Okai. JSPS Core-to-Core Program, B. Asia-Africa Science Platforms. Organization for Islamic Area Studies, Waseda University, Tokyo, 2014. – PP. 127–128.

¹ http://photo-kaikyokyokai.w-ias.jp/books/search?one_category=クルバンガリー氏関係&display=1 (дата обращения: 04.12.2017).

² http://photo-kaikyokyokai.w-ias.jp/books/search?one_category=イブラヒム翁関係写真帖&display=1 (дата обращения: 04.12.2017).

³ Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Japan. <http://www.mofa.go.jp/about/hq/record/index.html> (дата обращения: 04.12.2017).

⁴ <http://www.ndl.go.jp/en/index.html> (Дата обращения: 04.12.2017).

⁵ Сегодня Министерство обороны Японии.

Среди материалов архива японского МИДа важными представляются разделы материалов, посвященных трудовым и социальным проблемам; связанные с тюрко-татарами; связанные с иностранными журналистами и корреспондентами; связанные с японскими студентами и исследователями из-за рубежа; связанные с исламом и его пропагандой в Японии; связанные с иностранцами, находящимися под наблюдением властей; и другие.

4. Частные архивы.

Среди частных архивов необходимо выделить архив мусульманского издательства Токийской общины, хранящийся у турецкого исследователя Дюндара Мерхана и японского исследователя Нобуо Мисава, которые оцифровали в 2010 году 33 из 38 наименований книг на татарском языке в арабской графике, изданных за время существования данного издательства в период с 1930 по 1938 гг.¹ Издателем этих книг был руководитель мусульманской тюрко-татарской общины Токио Мухаммед-

¹ Усманова Л. Издательство Токийской мусульманской общины 1930–1938 // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2013. – № 1/2. – С. 58–60; Dundar, A.M., Misawa, N. Books in Tatar-Turkish printed by Tokyo'da Matbaa-I Islamiye (1930–38). DVD ed., Ver. 1. – Tokyo University Asian Cultures Research Institute, 2010. – 49 p. В числе других изданий профессора Нобуо Мисава можно упомянуть следующие публикации: Tokyo Muslim School Album (1927–1937). Tokyo, 2011 (репринт издания: Токиода Мэктэб-и Исламиянең 1927–1937 ун еллык хатирәсе өчен төзелгән рәсемнәр мәжмугасы. – Токио: «Яңа япон мохбире» идарәсе, 1937. – 64 + 28 бб., гарәп хәрефләре белән); Tatar Exiles and Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 1. – Tokyo: Toyo University press, 2012. – 48 p.; Album of Tatar Exiles in Interwar Japan. Ed. by Nobuo Misawa. ACRI Research Paper Series: 3. – Tokyo: Toyo University press, 2014. – 46 p. Все эти брошюры были изданы в рамках проекта «Basic Studies about the Turkish and Tatar Muslims in Modern Japan», поддержанного Университетом Тойо (Япония). Bulletin (Kobe Idil-Ural Türk-Tatar Kültür Cemaati). Part 1. Original Text: No. 1–4. Edited by Nobuo Misawa. – Tokyo: Toyo University press, 2017. – 100 p. Усманова Л. Роль тюрко-татарской эмиграции в распространении ислама на Дальнем Востоке // Культурные, экономические, технологические контакты и взаимодействие Японии и Татарского мира: история и современность. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 80-летию мечети в г. Кобе (Токио-Мацуэ, 19, 23 октября 2015 г.) / Под ред. М.М. Гибатдинова, Л.Р. Усмановой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – С. 108–115.

Габдулхай Курбангалиев (1889–1972). Кроме книг, издательство выпустило около 60 номеров журнала «Яна Япон мохбире» (1932–1938), которые, к сожалению, в полном объеме пока не обнаружены. В 1934 году этим издательством был выпущен первый в Японии Коран, один экземпляр которого был передан в дар Республике Татарстан эмигрантом Фуатом Апанаевым в 2016 году¹.

Пока остаются неисследованными архивы братьев Апанаевых и Темимдара Мухита (15.05.1919, Салагаш – 30.03.2009, Токио), который руководил тюркской общиной Токио в послевоенное время. Фотоархивы сохраняются в семье Рамазана Сафа, чей отец Гайнан Сафа (23.12.1898 – 9.01.1984, Токио) был последним татарским имамом Токийской мечети; в семье Ракибе Кильки – вдовы Фарита Кильки (24.02.1927, Нагоя – 19.11.2013, Кобе), сына последнего татарского имама мечети в Кобе Хусаина Кильки (15.04.1897 – 25.02.1983, Кобе). Мечеть в Кобе – первая мечеть в Японии, построенная тюрко-татарскими эмигрантами вместе с пакистанскими мусульманами-предпринимателями в 1935 году².

Интересные материалы о деятельности тюрко-татарских мусульманских общин городов Токио и Кобе хранятся в небольших архивах мечетей Токио и Кобе³. Архив мечети города Токио остается недоисследованным.

5. Публикации в японских периодических изданиях разных лет.

В периодических изданиях Японии разных лет публиковались статьи о тюрко-татарских эмигрантах как в Японии, так и в других странах. В качестве примера можно привести фотоотчет газеты «Асахи», сделанный 20 мая 1938 года, о тюрко-

¹ Татары в Японии: Коран иероглифами, руководство аэропортом и роли в «Годзилле» // Реальное время. 19.04.2016. <https://realnoevremya.ru/articles/29149>, <https://realnoevremya.ru/articles/29149> (дата обращения: 04.12.2017).

² См. подробнее: Усманова Л.Р. Первые мечети в Японии // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2005. – № 2. – С. 117–127.

³ См. подробнее: Усманова Л. Проект «Япония – Татарский мир»: академическое и культурное сотрудничество // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2016. – № 1/2. – С. 294–299.

мусульманской школе в городе Токио¹. Эти и другие материалы также ждут своих исследователей.

6. Дальнейшие перспективы и подходы к изучению архивных материалов.

Существует необходимость дальнейшей работы в поисках и исследовании материалов, связанных с историей татар и хранящихся в государственных и частных архивах в Японии. Прежде всего, необходимо продолжить работу совместно с японскими коллегами из Университета префектуры Симанэ над дальнейшей каталогизацией архива Хаттори Сиро, оцифровкой редких книг из его архива. Во-вторых, необходимо продолжать поиск недостающих экземпляров книг, выпущенных Токийской мусульманской типографией, но, к сожалению, пока не найденных. В-третьих, представляется важным оцифровка наиболее ценных уникальных эмигрантских изданий, фотографий из частных архивов. Основной проблемой остается подготовка необходимых молодых ученых и исследователей со знанием истории эмигрантского тюрко-татарского движения и знанием большого количества языков, включая японский, английский, возможно, китайский, и, несомненно, татарский, как в его арабоязычной графике, так и в современной кириллической.

¹ Asahi Graph, 20 мая 1938 г. № 30. С.14–15.

**СУДЬБЫ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ЭМИГРАНТОВ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**
(по материалам Бюро по делам российских эмигрантов
в Маньчжурской империи)

В статье впервые публикуется выборочный список 1032 имен тюрко-татарских эмигрантов, членов дальневосточной эмигрантской организации Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) (1934–1945), чьи дела хранятся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК). В рамках историко-социологической теории личной истории, представлены реалии дальневосточной эмиграции того периода, на примере семьи татарских эмигрантов Мухамеджановых, чьи дела стали доступны авторам.

Ключевые слова: тюрко-татарская эмиграция, Маньчжурия, Харбин, Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ).

Один из авторов данной статьи, Ильгизар Ахмедов, изучая историю своей семьи, провел большую архивную работу по составлению списка имен (1032 татар и 18 русских), пусть и неполного, тех эмигрантов на Дальнем Востоке, чьи дела хранятся в архиве Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) Государственного архива Хабаровского края (ГАХК)¹ и кто является татаринком по национальности либо родился в Казанской губернии. Данный список публикуется впервые. Каждое имя в списке означает, что дело на конкретного члена БРЭМ хра-

¹ Тематическая база данных Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) доступна он-лайн (<https://archive.khabkrai.ru/brem/>).

Документы Бюро отражают историю его создания, разностороннюю деятельность с момента образования с декабря 1934 г. до конца 1945 г. Данная база представляет электронный алфавитный каталог русских эмигрантов, зарегистрированных в Бюро, с поисковыми данными личных дел.

нятся в Хабаровском краевом архиве, указаны годы составления дела, а также количество листов в деле. В деле содержатся анкета, написанная самим учитываемым, фотография и некоторые сведения, касающиеся его деятельности в указанные годы.

Просматривая список эмигрантов, автор (И.Ахмедов) нашел имена своих родственников, из семьи Мухамеджановых, покинувших родной город Воткинск в 1918 году и эмигрировавших в Маньчжурию. Так как архив оказывает услуги по копированию и отправке заказанных дел по электронной почте любому желающему, имеющему родственные связи, которые необходимо подтвердить документами, то автор по запросу на дела своих родственников Мухамеджановых: Рабиги, Ваккаса, Ильяса и Зиннура, – получил по электронной почте копии четырех личных дел, которые и представлены в данной статье с разрешения его семьи.

И хотя сведений о себе эмигранты, отвечая на вопросы стандартных бланков, сообщили немного, но даже этих сведений достаточно, чтобы увидеть, как в истории одной семьи отразилась вся историческая картина эмигрантской жизни тюрко-татар на Дальнем Востоке в послереволюционное время и вплоть до окончания Второй мировой войны. С помощью биографического метода (теория личной истории) можно реконструировать общую социальную и культурную ситуацию данного исторического периода.

* * *

По поводу численности российских эмигрантов в Маньчжурии и Китае в первой половине XX века в исторической науке идут споры. Надежда Аблова приводит «наиболее близкие к истине данные Земельного отдела КВЖД: 165 857 русских в 1923 году только в Харбине». С учетом населения полосы отчуждения (несколько десятков тысяч человек) и Шанхая (15 000), то получается наиболее часто встречаемая в эмигрантских изданиях цифра 200 тысяч «белых русских»¹. «По данным 1920-х годов, согласно материалам харбинских архивных фондов, в Маньчжурии были представлены 28 национальностей бывшей империи, многие из которых объединялись в организации по этническому признаку»². Самыми крупными по численности были польская

¹ Аблова Н. РОВС, БРЭМ И «ХЛАМ» // Родина. – 2009. – № 4. – С. 35.

² Там же. – С. 36.

община «Господа Польска» и Харбинская еврейская духовная община (ХЕДО). Существовали также армянское национальное общество «Миютюн» и грузинское «Соэрто». Среди прибывших из России в Маньчжурию на строительство КВЖД были также латыши, эстонцы и немцы, которые образовали в Харбине евангелическо-лютеранский приход и построили лютеранские храмы. В городах Харбине, Мукдене, Хайларе возникли тюрко-татарские общины со своими мечетями¹.

Исторически тюрко-татарская эмиграция появилась на Дальнем Востоке с момента строительства Китайско-восточной железной дороги в 1898 году². Первым периодом ее развития на

¹ См. подробнее: Тюрко-татарская община // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею / Изд. М.Н. Гордеев. – Харбин, 1942. – С. 316–318; Савский Г. Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. – 1941. – №40/13 (4 октября). – С. 12–14; Мусульманская община (в Тяньцзине) // На пути к Родине. – 1939. – № 1. Цит. по: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. – Владивосток, 2000. – С. 279–280; Мусульманская страница. Перепись тюрко-татар в Харбине // Харбинское время. – 1934. – № 184 (957). – 13 июля. – С. 6; Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 1006. Оп. 1. П. 3. Д. 27. 1934 г. (без нумерации листов); Усманова Л. «Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи» (По страницам русскоязычной эмигрантской прессы) // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 57–62; Usmanova, Larisa. The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s. – Tokyo: Rakudasha, 2007. – 367 p.; Черникова Л.П. Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. О монографии Ларисы Усмановой // Восточный архив. – 2015. – № 2. – С. 90–95. <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-tatarskaya-diaspora-v-severo-vostochnoy-azii-o-monografii-larisy-usmanovoy> (дата обращения: 28.11.2017).

² Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 92–100. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:numbers/2005_1/03/03_2/ (дата обращения: 28.11.2017); Usmanova, Larisa. The Turk-Tatar Diaspora in Northeast Asia. Transformation of Consciousness: Historical and Sociological Account between 1898 and the 1950s. – Tokyo: Rakudasha, 2007. – 367 p.; Черникова Л.П. Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. О монографии Ларисы Усмановой // Восточный архив. – 2015. – № 2. – С. 90–95. <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurko-tatarskaya-diaspora-v>

Дальнем Востоке считается период с 1898 года по 1917 год, а вторым – до 1934–35 гг., когда вследствие событий в России и гражданской войны поток беженцев в регионе увеличился, и стала формироваться тюрко-татарская дальневосточная диаспора. По мнению другого автора (Л. Усманова) данной статьи, к 1935 г. татарских эмигрантов на Дальнем Востоке было около 10 тысяч человек, так как считалось, что татар «в Японии имеется около двух тысяч, а в Маньчжурии и Китае около семи тысяч человек»¹.

В 1934 году вся российская многонациональная эмиграция столкнулась с новой ситуацией – созданием на данной территории нового государственного, под протекторатом Японской империи, образования Маньчжоу-ди-го. Новая японская администрация создала 28 декабря 1934 года в Харбине Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), сформированное из видных представителей эмигрантских кругов, наделенное особыми административными полномочиями в отношении российских эмигрантов. На него были возложены функции укрепления материального и правового положения российских эмигрантов, проживающих в Маньчжоу-ди-го, установления связей с правительством Маньчжоу-ди-го по всем вопросам, касающимся эмигрантов, и оказания содействия японской администрации в решении эмигрантских вопросов². Таким образом, все проживавшие в этом государстве российские эмигранты разных национальностей были вынуждены стать членами БРЭМ, зарегистрировавшись в нем. Историк Надежда Аблова дает следующую характеристику данной, уникальной эмигрантской организации: «В начале 1935 года оно состояло из канцелярии и пяти отделов, к концу этого года при нем было зарегистрировано 163 эмигрантских организации. Первым председателем БРЭМ был генерал-лейтенант Рычков, преемником которого в августе 1935-го стал генерал-лейтенант А.П. Бакшеев. В 1938 году его сменил генерал от кавалерии Кислицын, а с 1942 до августа 1945-го БРЭМ возглавлял генерал-майор Л.Ф. Власьев-

severo-vostochnoy-azii-o-monografii-larisy-usmanovoy (Дата обращения: 28.11.2017).

¹ Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 92–100. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2005_1/03/03_2/ (Дата обращения: 28.11.2017).

² <https://archive.khabkrai.ru/brem/> (Дата обращения: 28.11.2017).

ский. Помимо выполнения поставленных японцами основных задач – административно-организационных и воспитательно-идеологических, бюро занималось массой практических дел: трудоустройством эмигрантов, цензурой русской печати, созданием новых и поддержкой прежних благотворительных учреждений, устройством школ и высших учебных заведений для «белых русских» в Маньчжоу-ди-го, руководством молодежными и женскими организациями, контролем за деятельностью религиозных учреждений, переселением эмигрантов, оформлением перехода из советского гражданства. К началу 1940-х объем работы БРЭМ в связи с ужесточением политики японских властей значительно увеличился, что привело к созданию новых отделений и росту штатов. Так, в 1944 году помимо Главного бюро (Харбин) существовало еще 5 бюро (Дайрен, Мукден, Синьцзин, Цзямусы, Сахалин), 3 районных бюро, 4 отделения и 32 представительства. Жизнь российской колонии в Маньчжоу-ди-го благодаря БРЭМ была регламентирована до последней мелочи. Ярким проявлением японского влияния было установление жесткой дисциплины, а позже и военного порядка в организации работы БРЭМ. По масштабу деятельности и уровню организации различных служб с бюро не может сравниться ни одна из эмигрантских организаций не только в Китае, но и во всем зарубежье»¹.

Материалы архива БРЭМа, дела эмигрантов дают возможность последующим поколениям узнать исторические реалии жизни российских граждан за рубежом, так и, что возможно более важно для каждой семейной истории, восстановить биографии и исторические связи каждой конкретной семьи, пострадавшей из-за разделения, вследствие постреволюционных событий. На примере одной семьи Мухамеджановых можно увидеть какой непростой была жизнь той части семьи, что уехала в эмиграцию. Для тех, кто остался в то время на родине и их сегодняшних потомков, пытающихся воссоединить различные семейные линии воедино, материалы, хранящиеся в делах БРЭМа, являются уникальными.

* * *

Главой семьи на момент составления большинства анкет членов семьи Мухамеджановых (1942–43 гг.) была овдовевшая

¹ Аблова Н. РОВС, БРЭМ И «ХЛАМ» // Родина. – 2009. – № 4. – С. 37.

мать пятерых сыновей Рабига Миннулловна Мухамеджанова¹. Она сообщает, что родилась 23 марта 1892 года в Воткинской губернии. В Харбин Мухамеджановы прибыли из Никольск-Уссурийска (современный город Уссурийск) в 1922 году, возможно, перед тем, как осенью 1922 года на Дальнем Востоке окончательно установилась Советская власть.

Рабига сообщает о себе, что является магометанского вероисповедания, монархистских убеждений, тюрко-татаркой, эмигранткой, получившей образование в начальном училище в деревне (вероятно, еще на родине), и на момент составления анкеты (21.06.1942) домохозяйкой.

Из пятерых сыновей Рабиги трое также сообщили о себе сведения в анкетах БРЭМа. Двое из них, Габбас (в анкете под именем Гапас) (1916, Воткинск (?) – 2005, Сан-Франциско)² и

¹ Рабига Миннулловна Мухамеджани (23.03.1892, дер. Молвино Свияжского уезда Казанской губернии – 1971, Сан-Франциско). Получила образование в начальном училище в деревне, в Маньчжурию прибыла в 1922 г. С 1953 г. в Японии. В иммиграционной карте, составленной 28.09.1961 г., Рабига указала следующие сведения о себе: «Мухамеджанова Рабига родилась 16.04.1892 года в деревне Молвино Свияжского уезда Казанской губернии. Отец Миннулла Якупов – уроженец деревни Молвино. Мать Гафифа Фахрутдинова родилась в деревне Бузаево Свияжского уезда. Места проживания: Воткинск, Россия; Никольский, Россия, 1919; Харбин, Маньчжурия, 1922; Синчжоу, Маньчжурия, 1941; Харбин, Маньчжурия, 1945; Тиньсин, Китай, 1951; Кобе, Япония, 1953». Приписано: «Бирлингем. Сан-Франциско, США с 1964 года».

² Мухамеджани Габбас Гильметдинович (?..11.1916, Воткинск (?) – 2005, Сан-Франциско) – тюрко-татарский предприниматель в г. Кобе (Япония), активный участник тюрко-татарского национального движения в этой стране. С 1939 г. в Японии, г. Кобе. Газета «Милли Байрак» упоминает его в своих статьях в качестве секретаря общества Волго-Уральской культуры тюрко-татарской общины г. Кобе с 30.05.1943: Milli Bayraq. Kobe gamgiyatnenen gomumi giyelisi. № 352 (25), 10.07.1943; Milli Bayraq. Kobeda gomumi giyelis. № 394 (3), 25.11.1944. Габбас женился в Японии на Разие Ахунжановне Шигабетдиновой. Их дети: Рукия (12.08.1945 г.р.), Нурия (1947 г.р.), Зия (1953 г.р.). 16.08.1964 года семья Габбаса прибыла в Сан-Франциско. Сам ещё на год оставался в Японии, чтобы завершить дела, с 1965 г. в Сан-Франциско. Сначала жили в доме Ахунжана и Шарифулбанат, родителей жены. Затем в его доме жила его мать Рабига и теща Шарифулбанат. Дочь Рукия Сафа, замужем за Дайян Сафа, имамом мечети в Бирлингеме, их дети: Камал (1970 г.р.), Адиля (1972 г.р.).

Идрис (1920, предпол. Владивосток – 1966)¹, в тот момент проживали в Японии, поэтому не заполняли анкету БРЭМа.

Трое сыновей сообщали о себе следующее. Все, включая Габбаса и Идриса, на момент заполнения анкеты были неженаты и занимались коммерцией, в основном в провинции Синьчжоу, где у Ваккаса (в анкете под именем Вакас) был свой магазин. У его брата Габбаса в Кобе также был свой магазин. Торговлей занимался ранее и глава семейства, Гильметдин, по стопам которого, вероятно, и пошли сыновья².

Ваккас родился 10 сентября 1914 года на Воткинском заводе (современный город Воткинск)³, и в Маньчжурии он получил специальность скульптора-художника, но в жизни занимался коммерцией. После него в семье родился Габбас, а затем Ильяс (27.12.1918)⁴, уже в Казани. Последним в семье был Зиннур (в анкете под именем Зинур)⁵, родившийся 12 июля 1929 года в Харбине, кстати, единственный из братьев, кто вернулся в Совет-

¹ Мухамеджани Идрис Гильметдинович (1920, предпол. Владивосток – 1966). С 1939 г. в Японии, г. Кобе. В 1962 г. Идрис с семьей (жена японка) переехал в Америку.

² Мухамеджани Гильметдин (1873, Мензелинский уезд – 03.08.1937, Харбин) – тюрко-татарский предприниматель в Харбине. О нем сообщается в статье газеты «Милли Байрак»: Milli Baуraq. Harbinda genaza. № 86 (36), 07.08.1937. Дочь от первого брака: Уммугульсум Гильметдиновна Габайдуллина (или Гибадуллина) 1915 г.р. (возможно, 1914 г.р.). Родилась в Воткинске, жила в Харбине, вышла замуж, переехала в Турцию. В 1965 г. еще жила в Турции.

³ Мухамеджани Ваккас Гильметдинович (10.09.1914, Воткинский завод Вятской губ. – 1972, Стамбул) (В другом документе указана дата рождения 20.09.1914 г.). Прибыл в Маньчжурию в 1922 г. через Никольск-Уссурийск. В 1943 г. жил в китайском городе Сичьжоу. С 1947 г. в Японии. Прим. в 1957 г. переехал в Турцию. Бездетный.

⁴ Мухамеджани Ильяс Гильметдинович (27.12.1918, Воткинск Вятской губ.). В 1943 г. жил в китайском городе Сичьжоу. С 1953 г. в Японии, префектуре Коти, остров Сикоку. Прим. в 1961 г. Ильяс с женой-японкой и с семьей переехал в Америку.

⁵ Мухамеджани Зиннур Гильметдинович (12.07.1929, Харбин – 1998, Невельск, Сахалин). С 1946 г. в Советском Союзе. Женился в 1955 г. на Хасибуллиной Назие Шафигулловне, 1933 г.р., родом из села Бикулово Нурлатского района Татарстана. Был в Югославии в сентябре 1985 г. Дочери: Сания Зинуровна Никитина (Мухамеджанова) (1957 г.р.) и Ирина Зинуровна Шумкова (Мухамеджанова) (1962 г.р.).

ский Союз. Его дочь Ирина Шумкова сообщила одному из авторов статьи (И.Ахмедову) иные сведения о том, что ее отец родился 1 мая. Очевидно, так были составлены документы уже в Советской России, информацию из которых она использовала.

Зиннур сообщает в анкете также, что его отец, Гильметдин, умер в 1937 году в Харбине, а его братья Габбас и Идрис в 1939 году уехали в Японию, в город Кобе.

Интересно, что Ваккас сообщал о своих монархических взглядах в анкете 1935 года, в анкете от 1941 года он уже пишет о националистических, тюрко-татарских взглядах и о своем членстве в тюрко-татарской мусульманской общине. Ваккас закончил начальную тюрко-татарскую школу в Харбине, в которой также учились позже Зиннур и Ильяс. Ваккас сообщает о владении русским языком на уровне 1 степени и японским языком на уровне 3 степени. Ильяс сообщил о том, что помимо этих языков, он владеет китайским языком на уровне 3 степени, и об окончании начального училища в Харбине в 1932 году. Можно предположить, что члены семьи Мухамеджановых довольно активно участвовали в национальной и общественной жизни тюрко-татарской общины Харбина.

Из анкет нам известно, что Ваккас в 1935 году зарабатывал примерно 25–20 гоби в месяц, а в 1942 году – уже 80 гоби в месяц. Ильяс в 1942 году зарабатывал от 50 до 60 гоби в месяц. Вероятно, именно на иждивении Ваккаса и Ильяса жила мать Рабига и брат Зиннур, который на момент заполнения анкеты в 1943 году сообщал, что проживал с матерью на иждивении у нее и брата в комнате на частной квартире, где платил «вместе со столом и мелкими расходами» 140 гоби в месяц, и учился в повышенной народной школе города Харбина с января 1943 года.

О своем социальном положении – «сын крестьянина» – сообщил лишь Зиннур. Он владел татарским и русским языками, а также изучал японский язык на вечерних курсах в кружке № 2 в одном из районов города Харбин – на Пристанях – с 1942 года. В отличие от братьев и матери, он сообщал о том, что не придерживался каких-то особых политических взглядов и был «аполитичен». Хотя называл среди хорошо знакомых ему людей, а также тех, кто может за него поручиться, видных членов тюрко-татарской общины города Харбина, в частности, ее руководителя

муллу Мунира Хасбюллина (Хасбиуллина¹), а также коммерсанта Хасана Агишева.

Связь с родственниками, оставшимися и проживающими ныне в России, в частности, в Республике Татарстан, автором (И.Ахмедовым) прослежена через отца Рабиги, Миннуллу. Миннулла был мужем Гафифы Фахрутдиновой, младшей сестры прадеда автора (И.Ахмедова) Гафиатуллы. Она была почти ровесницей своей двоюродной сестры – бабушки И.Ахмедова Файзы Гафиатулла кызы.

Рабига Мухамеджанова является также и бабушкой Рукии Сафа, которая проживает сегодня в Сан-Франциско, США, и является представителем семейной линии, обосновавшейся в Японии и США.

* * *

Необходимо сказать, что подобная реконструкция семейной истории на основании материалов из архива БРЭМа, в частности личных дел эмигрантов, имеет помимо высокого морального значения для конкретных семей с целью их воссоединения и боль-

¹ Хасбиуллин Мунир (26.12.1890, Пермская область, Красноуфимский район – 24.02.1944, Харбин) – имам мусульманской тюрко-татарской общины города Харбина с 1926 года. С 1916 г. служил как имам-ахунд в Белой армии, в дивизии Каппеля в 1920–22 гг. Прибыл в Харбин 03.02.1923. Преподавал в мусульманской национальной тюрко-татарской школе «Гиният» г. Харбина, был помощником имама Гиниятуллы Селихметова, а после его смерти 04.09.1926 стал имамом Харбинской духовно-религиозной общины. Участник торжественной церемонии открытия мечети г. Кобе (Япония) в 1935 году. Делегат от Харбинской общины на Первом съезде волго-уральских тюрко-татарских эмигрантов Дальнего Востока в Мукдене в 1935 г., заместитель председателя Религиозной комиссии Исполкома (Меркеза) волго-уральских тюрко-татарских эмигрантов Дальнего Востока [Milli Bayraq. Yeraq Sareq Idel-Ural torek-tatar moselmanlarinin dini-milli markazına berence qoriltay tarafinnan saylangan agzalar. № 15, 14.02.1936]. С июля 1939 г. по август 1941 г. был председателем Религиозной комиссии Исполкома (Меркеза) волго-уральских тюрко-татарских эмигрантов Дальнего Востока, с 1941 г. – ее членом [Milli Bayraq. İkence Yeraq Sareq qoriltaye tarafinnan ike yel moddat belen saylangan markaz baskarma, diniya, magariif, maliya ham taftis hayate. № 279 (42), 19.09.1941]. Руководитель комитета по строительству Харбинской тюрко-татарской мечети. Дочь Мунира, сын Фуад. Похоронен на Харбинском мусульманском кладбище [Milli Bayraq. Monir hazratnen targemai xale. № 371 (11), 01.03.1944].

шой научный потенциал, позволяющий уточнять известные и выявлять новые исторические факты.

КОПИЯ.

БЮРО ПО ДѢЛАМ РОССІЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Маньчжурской Имперіи.

Фамилія, Імя, Отчество МУХАМЕДЖАНОВ
Вакас Гильмутдинович.

№ паспорта №22 Гл. Пов. Упр.
Чиньчжоуской провинц.

I. Общія свѣдѣнія.

1. Время и мѣсто рожденія 1914г. 10сент. На Воткинском заводе.

2. Вѣроисповѣданіе Исламетанское.

3. Подданство и національность Россійский эмигрант Татарин.

4. Общее образованіе Учился до 1-го класса в Высше-Начальной.
среднее школе в г.Харбине.
высшее _____

Примечаніе: указать, когда, гдѣ и какое учебное заведеніе окончил.

5. Настоящая профессія и спеціальность Скульптор, художник.

6. Мѣсто настоящей службы Комерція.

7. Получаемый оклад содержанія или заработок (подробно)
От 25-30рубл.

8. Точный адрес Чиньчжоу Та-ма -лу№2 Чоши.

9. Когда и откуда прибыл в Маньчжурію В 1922 г. из Никольск-Усурійска.

10. Семейное положеніе (жена, дѣти и кто состоит на иждивеніи) Холост.

11. Знаніе иностранных языков (какой и в какой степени) Нѣт.

12. Имѣется ли какое - либо имущество Нѣт.

13. Бытность под судом или слѣдствіем (подробно) Нѣт.

№ 94114Д.

Рис. 1–3. Личное дело Ваккаса Гильмутдиновича Мухамеджанова (дата заполнения 15.11.1935 г.).

II. Общественно-Политическія Свѣдѣнія

14. Политическія убѣждения Монархизмъ

15. Что дѣлал и гдѣ служил до 1914 г. _____

_____ до 1917 г. _____

_____ до 1922 г. _____

16. Что дѣлал и гдѣ служил до настоящаго времени с 1932 годъ по 1937 годъ по должности торговца в провинции и с 1938. по настоящее время в торговле в Пиндого.

Примѣчаніе: пар. 15 и 16 указать самым подробным образом.

17. В каких политических организациях состояли и состоите _____

18. В каких общественных, благотв. религиозных и др. организациях состояли и состоите _____

Примѣчаніе: к пар. 17 и 18, переименовать подробно организации и указать даты пребывания в них.

19. Не имѣли ли советскій паспорт и не подавали ли заявленія о желаніи вступить в сов. подданство _____

III. Военныя Свѣдѣнія.

20. Год поступления на военную службу и род войск _____

21. Военное образованіе: учебная команда _____
военное училище или школа прапорщиков _____

_____ снціальн. офиц. школы _____

_____ военныя академіи _____

_____ военные курсы за рубежом _____

Примѣчаніе: указать наименованіе уч. зав. и год окончанія.

22. Военно-служебный стаж (строевой, штабной и военно-админ. стаж—подробно, послѣдній чин) _____

23. Участие в кампании и походах 1935 г.

24. Ордена и знаки отличия 1935 г.

25. Равення в контури (указать степени изв в смысле пригодности к военной службе) 1935 г.

IV. Гражданский и Общественный Стаж.

26. Каким занимал должности, в каком ведомстве, где и когда 1935 г.

27. Каким занимал выборные должности, где и когда 1935 г.

28. Выбирался ли в заводской, упр., где когда и от какой группы 1935 г.

29. Ученая степень и ученые труды 1935 г.

30.

Настоящим подтверждаю, что всё вышерассказанное является для меня точно и правдиво и за правдивость, таковыя я несу полную ответственность.

Полном. В.Т. Мухамеджанов.

15. Ноябрь 1935 г.
Мухом.

Примечание. Если не указаны все данные, вышесказанной анкеты, то анкета не действительна, и анкета должна быть заново заполнена.

С. Д. Мухомеджанов
Секретарь Мухомеджановского Отделения.
Д. Тобеев.

Рис. 4. Ваккас Мухамеджанов (1935 г.).

Рис. 5. Ваккас Мухамеджанов (1942 г.).

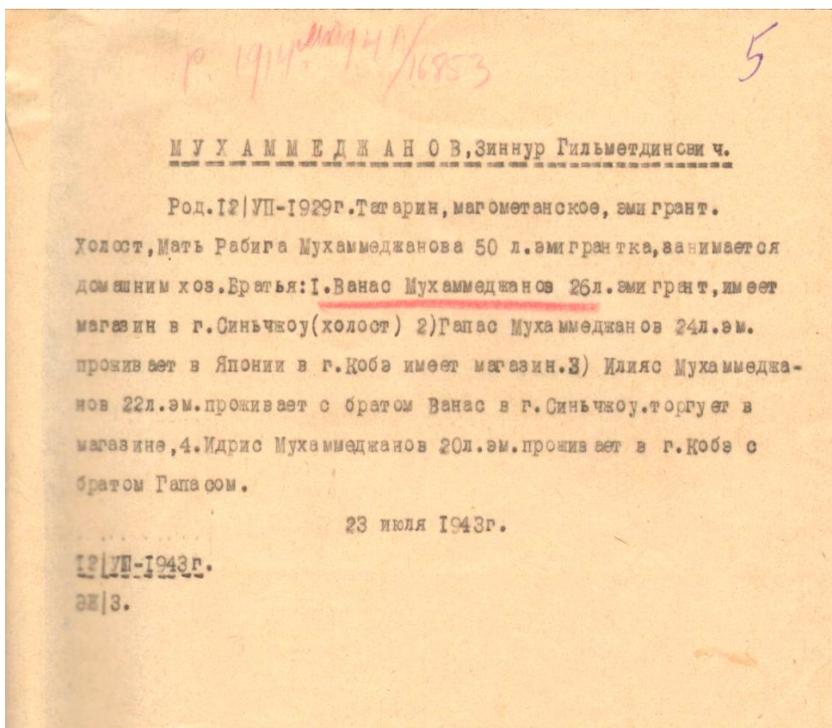

Рис. 6. Справка из личного дела Мухамеджанова З.Г.

Рис. 7. Зиннур Мухамеджанов (1943 г.).

БЮРО ПО ДЕЛАМ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в Императорской Империи.

№ 1822

Фамилия, Имя, Отчество *Рабига Миннулловна Мухамеджанова*

№ паспорта *20359*

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ.

1. Время и место рождения *1892 г. 27.06. Вильямсбург*

2. Вспомогательные *Младшая сестра*

3. Подданство и национальность *Домогородца Императорской*

4. Общее образование и название *Начальное училище в Вильямсбурге*

среднее _____
высшее _____

Примечание: указать, когда, где и какое учебное заведение окончено.

5. Настоящая профессия и специальность *Корзник*

6. Место настоящей службы *дома*

7. Полученный ордена, награды или звание (подробно) *Отечественной войны*

8. Точный адрес *Ташкентская ул. 2 дома*

9. Когда и откуда прибыла в Маньчжурию *1922 год*

10. Семейное положение (жена, дети и кто состоит на иждивении) *Вен. Зиннуров, 1 сын*

Ильяс Мухамеджанов, 13 лет.

11. Знание иностранных языков (какой и в какой степени) _____

12. Имелся ли какое-либо имущество _____

13. Близость родных или близких (подробно) _____

Рис. 8. Личное дело Рабиги Миннулловны Мухамеджановой (дата заполнения 21.06.1942).

Рис. 9. Ильяс Мухамеджанов (1942 г.).

Рис. 10. Рабига Мухамеджанова с сыном (вероятно, с Зиннуром) (1942 г.).

**ВЫБОРОЧНЫЙ СПИСОК ЭМИГРАНТОВ,
ЧЬИ ДЕЛА ХРАНЯТСЯ В АРХИВЕ БЮРО РОССИЙСКИХ
ЭМИГРАНТОВ В МАНЬЧЖУРСКОЙ ИМПЕРИИ
(1934–1945)**

Фамилия имя отчество (даты) – кол-во листов

1. Абдеев Губайдулла (1938–1942) – 5	16. Абзалтынов Султан (1935–1938) – 4
2. Абдекеев Шагий Ахматович (1935–1936) – 8	17. Абубакиров Ахмедвали Закирович (1943–1944) – 4
3. Абдрахман (1938–1938) – 4	18. Абузов Амин Хусаинович (1935–1935) – 2
4. Абдрахманов Армухамет (1939–1943) – 10	19. Агафуров Бадретдин Кашафетдинович (1934–1936) – 10
5. Абдрахманов Галиулла (1935–1938) – 12	20. Агафуров Наматфетдин Хлисаметдинович (1931–1931) – 2
6. Абдрахманов Тимиргалей (1935–1944) – 16	21. Агафуров Садритдин Камалетдинович (1936–1942) – 19
7. Абдрин Борис Иванович (1935–1936) – 9	22. Агафурова Магинур Хасановна (1935–1942) – 3
8. Абдул-Валеев Халим Валиулович (1935–1935) – 13	23. Агафурова Марьям Султановна (1937–1937) – 2
9. Абдулгалеев Мухамет Заир (1935–1937) – 7	24. Агдыев Василий Бадмаевич (1935–1948) – 34
10. Абдул-Гонеев Загир (1935–1935) – 6	25. Агеев Абдул-Азис Умярович (1945–1945) – 2
11. Абдуллин Хабибрахман Хажиназар (1935–1945) – 16	26. Агеев Авзаль Ахмедшахович (1942–1942) – 2
12. Абдурахманов Каюм Файзурахманович (1934–1944) – 50	27. Агеев Александр Александрович (1935–1944) – 13
13. Абдурахманова Биби Мифтахетдиновна (1935–1940) – 31	28. Агеев Амрулла Невмятулович (1941–1944) – 4
14. Абдурахманова Марьям Каюмовна (1943–1943) – 3	29. Агеев Антон Егорович (1935–1935) – 9
15. Абдурашитов Амин Абдулла (1940–1940) – 2	

30. Агеев Асят Мухаметович (1942–1945) – 6
31. Агеев Ахметша Ильясович (1936–1940) – 5
32. Агеев Виктор Николаевич (1938–1944) – 7
33. Агеев Гани Усманович (1941–1941) – 2
34. Агеев Загидулла Мухамеджанович (1936–1936) – 5
35. Агеев Кабир Абубекирович (1936–1945) – 13
36. Агеев Калимулла Хусяинович (1935–1943) – 9
37. Агеев Камиль Мухаметшахович (1942–1942) – 2
38. Агеев Константин Петрович
39. Маргарита Константиновна – жена, Уфимцева (Дубровская) Лидия Михайловна – теща (1935–1940) – 21
40. Агеев Николай Александрович (1935–1943) – 3
41. Агеев Петр Ефимович
42. Агеев Георгий Александрович (1935–1940) – 17
43. Агеев Собиржан Калимулович (1935–1935) – 3
44. Агеев Усман Билялович (1942–1942) – 2
45. Агеев Фахретдин Асфандиярович (1935–1949) – 36
46. Агеев Хсеян Собиржанович (1939–1939) – 3
47. Агеев Хусаин Исмятулович (1936–1936) – 9
48. Агеев Шамсутдин Асвиндиярович (1942–1943) – 13
49. Агеев Энвер Мухамедшахович (1937–1937) – 2
50. Агеева Агния Петровна (1936–1937) – 14
51. Агеева Александра Ивановна (1935–1944) – 5
52. Агеева Вера Александровна (1942–1944) – 11
53. Агеева Вера Ивановна (1935–1935) – 4
54. Агеева Зюгра Мухамед-Шаховна (1936–1936) – 6
55. Агеева Лидия Михайловна (1935–1935) – 3
56. Агеева Магинюр Хусаиновна (1936–1936) – 2
57. Агеева Марьям Абдрахмановна (1944–1945) – 4
58. Агеева Мяксура Абубекаровна (1942–1942) – 4
59. Агеева Наталья Дмитриевна (1935–1937) – 5
60. Агеева Рабил Абдрахмановна (1943–1943) – 4
61. Агеева Рабия Фахретдиновна (1942–1942) – 3
62. Агеева Равиля Фахретдиновна (1942–1943) – 5
63. Агеева Рукия Усмановна (1942–1942) – 2
64. Агеева Садия Фахретдиновна (1944–1944) – 5
65. Агеева Сара Калимулловна (1939–1943) – 9
66. Агеева София Усмановна (1944–1944) – 3

67. Агеева Хадича Абдулгазизовна (1941–1944) – 5
68. Агеева Ханифа Мухамедзяновна (1942–1943) – 6
69. Агеева Ханифа Мухаметжановна (1935–1942) – 15
70. Аги Айнуджамал (1942–1942) – 2
71. Аги Амрулла (1942–1942) – 2
72. Аги Сарра (1940–1940) – 2
73. Аги Фагиля (1942–1942) – 2
74. Аги Фарида Ахмедшаховна (1941–1941) – 2
75. Аги Фариза (1942–18942) – 2
76. Аги Хусаин (1942–1942) – 2
77. Аги Шамсинур (1942–1942) – 2
78. Агибалов Константин Антонович (1943–1945) – 4
79. Агибалова Александра Антоновна (1935–1945) – 33
80. Агибалова Евдокия Евдокимовна (1937–1945) – 14
81. Агиев Хахри (1936–1936) – 4
82. Агипова Елена Григорьевна (1935–1942) – 10
83. Агиш Азизулла Хисамитдинович (1942–1944) – 14
84. Агишев Азуз Хусаметдинович (1943–1943) – 3
85. Агишев Али Хасьянович (1935–1944) – 16
86. Агишев Амрулла Фаттяхович (1935–1949) – 18
87. Агишев Анвер Шайхулович (1943–1943) – 2
88. Агишев Асад Иняруллович (1940–1945) – 28
89. Агишев Загидулла Сайфетдинович (1938–1945) – 17
90. Агишев Загидулла Умярович (1936–1943) – 6
91. Агишев Загидулла Хусанович (1943–1943) – 6
92. Агишев И.В. (1936–1936) – 5
93. Агишев Ибрагим Усманович (1937–1937) – 7
94. Агишев Идрис Битимирович (1935–1941) – 15
95. Агишев Иннатулла Абидуллович (1936–1944) – 17
96. Агишев Инятулла Усманович (1940–1944) – 6
97. Агишев Сафиулла Абидуллович (1935–1943) – 12
98. Агишев Талат Шайхуллович (1945–1945) – 2
99. Агишев Умяр Ибрагимович (1936–1944) – 4
100. Агишев Хисаметдин Ибрагимович (1943–1943) – 2
101. Агишев Хусаин Рахматулович (1936–1936) – 2
102. Агишев Шавкет Шайхулович (1945–1945) – 2
103. Агишев Шайхулла Хасьянович (1938–1940) – 5
104. Агишев Шейхулла Загидуллович (1937–1938) – 16

105. Агишева Айша Ибрагимовна (1936–1936) – 2
106. Агишева Айша Ибрагимовна (1937–1945) – 11
107. Агишева Анна-Жамень Абидуловна (1940–1943) – 6
108. Агишева Гульсем Шакиржановна (1936–1943) – 8
109. Агишева Камилия Мухтаровна (1936–1942) – 6
110. Агишева Латифа Хусаиновна (1936–1943) – 6
111. Агишева Нагима Хусаиновна (1941–1942) – 7
112. Агишева Сагдия (1943–1945) – 6
113. Агишева Сайда Гиляздиновна
114. Музыкава (1936–1943) – 35
115. Агишева Салифа Хайсаметдиновна (1940–1945) – 13
116. Агишева Фарида Хисаметдиновна (1937–1943) – 11
117. Агишева Фарида Хусаиновна (1943–1943) – 2
118. Агишева Фатыма Абайдулиевна (1935–1935) – 2
119. Агишева Хадича Абдулгазизовна (1936–1936) – 9
120. Агишева Хадича Мазитовна (1938–1944) – 4
121. Агмуллин Адиятулла (1935–1935) – 2
122. Айти Сальман Бурханович (1935–1935) – 2
123. Аитов Фатих (1935–1935) – 3
124. Аиты Сальман Бурханович (1940–1940) – 7
125. Айгинин Абдрахим Сабитович (1937–1940) – 8
126. Айгинин Абдулла Техфятуллоевич (1938–1942) – 9
127. Айгинин Абдурахман Хусаинович (1936–1944) – 7
128. Айгинин Амрулла Зайнитдинович (1937–1948) – 18
129. Айгинин Ахмет Хусаинович (1935–1941) – 5
130. Айгинин Загидулла Амрулович (1938–1938) – 18
131. Айгинин Загидулла Ахметович (1935–1935) – 7
132. Айгинин Фарид Абидулович (1942–1942) – 8
133. Айгинин Хасан Зайнутдинович (1940–1940) – 11
134. Айгинин Шаукий Абдулович (1942–1942) – 2
135. Айгинина Айша Зайнутдиновна (1936–1936) – 7
136. Айгинина Гельзигра Абдрахмановна (1937–1944) – 8
137. Айгинина Магируй Абдуллоевна (1942–1942) – 5
138. Айгинина Ракия Абдрахмановна (1943–1945) – 8
139. Айгинина Хадича Усмановна (1942–1942) – 2
140. Айгинина Ханифа (1943–1943) – 3
141. Айгинина Ханифа Ахметжановна (1942–1943) – 17
142. Айгинин Али Садитдинович (1936–1938) – 28

143. Айгнин Сагадетдин (1943–1943) – 1
144. Айгнина Наджия Измайловна (1940–1944) – 7
145. Айдаров Азбек Боговестдинович (1935–1941) – 5
146. Айдаров Азизулла Шихабутдинович (1935–1935) – 2
147. Айдаров Загидулла Шахабетдинович (1935–1935) – 2
148. Айдаров Калимулла Шигабединович (1942–1943) – 8
149. Айдаров Сафей Шихабедитович (1935–1935) – 3
150. Айдаров Энвер Баговединович (1943–1949) – 5
151. Айдова Дарья Георгиевна (1938–1939) – 23
152. Акбердин Абрар Василевич (1937–1938) – 12
153. Акбердин Мансур Абрамович (1942–1944) – 4
154. Акбердина Маги-Сервар Ахметжановна (1938–1945) – 18
155. Аксанов Гаримьян Абдуллоевич (1943–1943) – 3
156. Аксанова Гильсим Гильметдиновна (1933–1943) – 3
157. Акчурин Абдул-Ахмет Азизуллович (1941–1944) – 6
158. Акчурин Афзаль Ибрагимович (1939–1945) – 19
159. Акчурин Загидулла Хусинович (1935–1949) – 9
160. Акчурин Ибрагим Джируллович (1938–1945) – 26
161. Акчурин Иниатулла Азисович (1936–1936) – 2
162. Акчурин Исхак Джаруллович (1938–1942) – 11
163. Акчурин Касим Хайретдинович (1937–1943) – 19
164. Акчурин Равиль Хасанович (1941–1941) – 5
165. Акчурин Тагир Алимкаевич (1937–1937) – 3
166. Акчурин Хамид Азизуллович (1935–1935) – 3
167. Акчурин Хусаин Хасанович (1936–1939) – 14
168. Акчурин Эмурула Абдул-Азизович (1944–1944) – 2
169. Акчурина Амраф Ибрагимовна (1939–1944) – 6
170. Акчурина Галия Изятуловна
171. Сагадат Хасановна – дочь (1937–1939) – 6
172. Акчурина Зегра Хасановна (1937–1939) – 15
173. Акчурина Магира Абдул-Азисовна
174. Нафира Абдул-Азизовна – мать (1936–1938) – 15
175. Акчурина Максофа Суматулловна (1939–1939) – 2
176. Акчурина Рауза Измайловна (1941–1945) – 16
177. Акчурина Сайма Измайловна (Исхаковна) (1942–1942) – 4
178. Акчурина Фарида Михайловна (1936–1944) – 6

179. Акчурина Фатиха Ибрагимовна (1939–1941) – 15
180. Акчурина Хадича Ахмедична (1939–1944) – 7
181. Акчурина Хадича Шайхуловна (1939–1944) – 5
182. Акчурина Халида Ибрагимовна (1939–1944) – 7
183. Акчурина Ханифа Азизуловна (1935–1943) – 3
184. Акчурина Шамсинур Хусаиновна (1935–1938) – 11
185. Албасханов Физуль Мамет (1935–1943) – 7
186. Албасханова Амина Фезуловна (1942–1943) – 8
187. Албасханова Нурия Фезуловна (1941–1943) – 12
188. Албасханова Сухейра Маметовна (1936–1936) – 3
189. Алеев Гусейн (1937–1937) – 5
190. Аликазы Абдулла Хусаинович (1944–1944) – 3
191. Аликазы Шамсюк Хусаиновна (1944–1944) – 8
192. Алмакаев Загидулла Хуснутдинович (1935–1935) – 2
193. Алмакаева Нафиса Аминуловна (1941–1941) – 3
194. Алмакаева Фатима Хусаиновна (1938–1944) – 28
195. Алюкаев Азиз Ахметович (1935–1935) – 3
196. Алюкаев Махмуд Азизович
197. Шамсинюр Хасымовна – мать (1935–1935) – 7
198. Аминов Миндияр (1935–1938) – 15
199. Амиров Мустафа Маттыгулинович (1935–1938) – 10
200. Анясов Мухамет (1935–1935) – 3
201. Апакаев Валий Ахметович (1939–1939) – 2
202. Апакаев Тагир Ахметович (1935–1935) – 2
203. Асан Габдурахман (1942–1942) – 2
204. Асланов Ахмет Хассанович (1938–1939) – 12
205. Асланова Сарра Ахметовна (1940–1940) – 4
206. Аслямов Наруслан (1941–1941) – 2
207. Ассерьянс Шамам Каримовна (1935–1942) – 3
208. Асюков Насрулла Аипович (1935–1948) – 5
209. Атбаев Тимир (1935–1935) – 6
210. Ахлядинов Ибрагим (1935–1935) – 3
211. Ахмадиев Хажей (1935–1949) – 3
212. Ахмадулин Хусаин Хасанович (1941–1941) – 6
213. Ахмадуллина Зайнап (Зинаида) Хотяновна (Ивановна) Попова (1935–1939) – 7
214. Ахмеджанов Никмаджан Шакиржанович (1938–1939) – 12
215. Ахмедиев Гариф Киримович (1935–1944) – 11

216. Ахмедов Мамад Али (1938–1948) – 22
217. Ахмедулин Хусаин Хасанович (1938–1949) – 12
218. Ахметишин Мухамедша (1943–1943) – 3
219. Ахметов Кишафетдин Мухамет-Шарифович (1935–1944) – 44
220. Ахмутдинов Абдул-Рашид (1943–1943) – 2
221. Ахмутдинов Маккей (1935–1944) – 6
222. Ахмутдинова Рашида Макккеевна (1943–1943) – 2
223. Ахмяров Ариф (1935–1935) – 3
224. Ахтанов Хуснутдин Сагедетдинович (1938–1950) – 3
225. Ахтямов Абдулла Алиевич (1942–1949) – 23
226. Ахтямов Али Хусаинович (1936–1945) – 19
227. Ахтямов Саляхутдин (1935–1935) – 2
228. Ахтямов Умяр Хусяинович (1936–1944) – 16
229. Ахтямова Наджия Алиевна (1942–1944) – 12
230. Ахтямова Фатыма Абубекеровна (1935–1945) – 6
231. Ахтямова Ханифа Хайрулловна (1936–1944) – 9
232. Ахтямова Шафика Алиевна (1936–1945) – 26
233. Ахунзянов Галимзян (1935–1938) – 5
234. Ачамов Абит Хакимович (1935–1935) – 5
235. Ачамов Мифтяхадин Хакимович (1940–1940) – 12
236. Ачамов Умар Хакимович (1939–1939) – 3
237. Ачамова Ханифа Джемалидиновна (1937–1940) – 20
238. Аюшев Султан (1935–1935) – 4
239. Аяз-Бек Рифат Закирович (1935–1949) – 17
240. Бадаев Абидулла Хусаинович (1937–1937) – 2
241. Бадаева Мукмина Асфандиаровна (1942–1943) – 4
242. Бадреев Хасбулла
243. Магинюр Хасбулатовна – дочь (1935–1944) – 4
244. Бадртдинов Фатих Сафитдинович (1942–1945) – 5
245. Бадртдинова Фатима Мубиновна (1942–1944) – 7
246. Баженов Абдулла Ахиббаевич (1936–1937) – 3
247. Баженов Абул-Хак Низаметдинович (1942–1942) – 2
248. Баженов Менир Изятулович (1942–1945) – 13
249. Баженов Фетяхетдин Абдуллоевич (1936–1941) – 7
250. Баженов Шайхулла Изятуллоевич (1944–1944) – 4
251. Баженов Шайхулла Низаметдинович (1942–1942) – 5
252. Баженова Рабия Незаметдиновна (1942–1942) – 2

253. Байtimiров Камиль Хасанович (1941–1944) – 22
254. Байtimiрова Алия Хасановна (1938–1944) – 18
255. Байtimiрова Зюгра Хасановна (1935–1943) – 4
256. Байtimiрова Ракия Хасановна (1940–1940) – 2
257. Байtimiрова Софья Хасановна (1943–1943) – 1
258. Байtimiрова Ханифа Хасановна (1935–1943) – 8
259. Байтулин Камил (1935–1938) – 24
260. Байчура Исмятулла Текфятуллоевич (1941–1942) – 3
261. Байчура София Измаиловна (1941–1942) – 3
262. Байчурин Загидулла Изятуллоевич (1938–1939) – 10
263. Байчурин Шейхулла Изятуллоевич (1942–1944) – 8
264. Байчурина Азиза Хусмановна (1942–1942) – 5
265. Байчурина Магинур Изятуллоевна (1942–1942) – 3
266. Байчурина Магира Изятуллоевна (1942–1942) – 3
267. Байчурина Равиля Хусаиновна (1942–1942) – 3
268. Байчурина Шарифа Абдульевна (1936–1938) – 7
269. Батершин Гусман Гарабшахович (1942–1942) – 6
270. Батрадинов Софа Абушахминович (1935–1943) – 11
271. Батраев Исмаил Мукадесович (1934–1939) – 12
272. Батридинов Сугунатула (1935–1935) – 2
273. Бекбаева Магира Мухаметжановна (1935–1935) – 2
274. Бекбов Гота Тухватович (1935–1940) – 8
275. Бекбова Ашряпзамаль Зарифовна Мухамет Шайхутдинович – муж (1935–1944) – 9
276. Бзаров Дрисс Эльмурзаевич (1935–1944) – 4
277. Бзаров Заурбек Ильясович (1940–1944) – 12
278. Бик-Булатов Курбан (1940–1943) – 3
279. Бикмуллина Загира Фахретдиновна (1940–1940) – 2
280. Бикулов Галей (1934–1949) – 7
281. Бикчантаев Исмаил Нурмухаметович (1937–1949) – 17
282. Бирюков Талат Хасанович (1942–1942) – 3
283. Бирюков Хамзя Хасанович (1936–1936) – 7
284. Бирюков Хасян Хусяинович (1932–1935) – 5
285. Бичура Магинур (1935–1944) – 18
286. Бичурин Тагир Халимович (1935–1949) – 21
287. Бичурина Гельзиган (1942–1944) – 7
288. Бичурина Зугра Халимовна (1942–1942) – 3

289. Бичурина Сатыга Шафутдиновна (1943–1944) – 7
290. Бичурина Уммогульсон Халимовна (1935–1944) – 9
291. Богатиев Зиятдин Фахрутдинович (1934–1954) – 9
292. Бурамбаев Абу (1935–1944) – 13
293. Вагазова Нурия Кашфиевна (1939–1942) – 8
294. Вагазова Фатима Садритдиновна (1936–1939) – 6
295. Ваганова Мавтуха Хусаиновна (1938–1944) – 28
296. Вайтулин Камир (1935–1935) – 3
297. Валеев Абдулхалим (1935–1935) – 3
298. Валеев Галиахмет (1942–1942) – 2
299. Валеев Минигалей (1940–1940) – 5
300. Валеев Хазвали (1941–1941) – 3
301. Валеев Шайхулла Губайдулович (1938–1938) – 6
302. Валеева Галима Миниахметовна – 2
303. Валеева Гарифа Абдуловна (1939–1939) – 1
304. Валеева Лидия (1939–1939) – 1
305. Вали – Ахматов Самат Мустафьевич (1935–1949) – 3
306. Вали Хаджи (1942–1942) – 2
307. Валитов Шейхутдин Снетдыкович (1944–1944) – 2
308. Валитова Загида Ахметшаховна
Ракия Сытдыковна – дочь (1936–1944) – 4
309. Валиулин Абдула Сагидулловна (1936–1936) – 5
310. Валиулин Валиш (1943–1949) – 6
311. Валиулин Хамит Сагидулович (1942–1942) – 2
312. Валиулина Халима Сагидуловна (1942–1942) – 2
313. Вергазов Ахмет (1940–1944) – 14
314. Вергазов Калимулла Аббасович (1941–1943) – 19
315. Вергазов Каримдат Абдрхманович (1942–1944) – 6
316. Вергазова Жагинюр Абдрхманович (1942–1943) – 5
317. Вергазова Фатима Нивмятулловна (1940–1944) – 5
318. Гильман Галия (1942–1942) – 2
319. Гильман Мавлия (1942–1942) – 2
320. Гильман Фасакетдин (1942–1942) – 4
321. Гильманшин Хайдарша (1942–1944) – 2
322. Гильфакидинова Закия Шакировна (1936–1943) – 22
323. Гильфанитдинов Тариддин (1935–1937) – 5
324. Гиляжитдинов Сафа (1942–1942) – 2

325. Гималдинов Рахмиян (1935–1944) – 8
326. Гимализинов Мухамет (1938) – 3
327. Гимранов Султан-Ахмет (1935–1942) – 10
328. Губаев Валехмет Рахматуллович (1935–1938) – 3
329. Губаев Виктор Минлибаевич (1943–1943) – 4
330. Губаев Миннибай Губаевич (1942–1943) – 8
331. Габайдулин Загидулла Салигуллович (1943–1943) – 4
332. Габайдулин Семигулла (1935–1935) – 3
333. Габайдулина Анина Салигулловна (1943–1943) – 4
334. Габдрахимов Хамедулла Габдрашитович (1935–1945) – 13
335. Габдулголянов Набиол – 1
336. Габдулман Зияй (1942–1942) – 2
337. Габдулсалих Мухаметлатиф (1942–1942) – 2
338. Габдюшев Хусаин Рахимжанович (1936–1944) – 19
339. Габейдуллов Дауд Мухаметдиевич (1935–1944) – 5
340. Габейдуллов Махаметин Ахметович (1942–1943) – 3
341. Габейдуллова Равза МахOMETГИЕВНА (1942–1944) – 11
342. Габидуллин Абулла Зарифович (1935–1940) – 40
343. Гадрахманов Махмут (1935–1939) – 23
344. Газабединов Бадык (1935–1935) – 4
345. Газизов Маккий (1935–1945) – 13
346. Газин Анвер Хусаинович (1945–1945) – 2
347. Газин Усман Ахметович (1936–1936) – 2
348. Газина Магинур Хасяновна (1945–1945) – 2
349. Газина Хадича Абидуловна (1936–1936) – 3
350. Гайбадулин Мирзахан (1939–1939) – 5
351. Гайдулин Газель Файрушин (1937–1937) – 3
352. Гайнамов Хайтып (1935–1941) – 3
353. Гайсаров Мулланур Гайсевич (1944–1944) – 2
354. Гайсин Рязат (1935–1936) – 5
355. Гайсин Хабибулла (1935–1944) – 15
356. Галеев Харис Галеевич (1935–1949) – 14
357. Галиаскаров Минмулла Галиаскарович (1935–1949) – 3
358. Галиев Назиб (1943–1945) – 17
359. Галиев Темерзяр Миньярович (1938–1944) – 21
360. Галиева Бедер (1942–1945) – 6
361. Галимзянов Мухамед (1936–1936) – 12
362. Галимов Абрахин (1935–1944) – 10

363. Галимов Ахат (1935–1941) – 4
364. Галимов Вакиль (1936–1936) – 5
365. Галимова Халифа Габдул – Ганеевна (1938–1941) – 3
366. Галиулин Ф. – 1
367. Галиулин Шейфулла (1935–1935) – 2
368. Галиуллин Абдрахман (1936–1936) – 17
369. Галлиулин Фатих (1935–1935) – 3
370. Галлиулин Шайхулла (1936–1943) – 10
371. Гамалтинов Файзерохман (1935–1935) – 3
372. Ганземанов Нафиин (1936–1936) – 4
373. Ганнитдинов Захартин (1935–1945) – 12
374. Гареев Касим (1938–1943) – 17
375. Гафаров Борис Гинеевич (1935–1942) – 16
376. Гафиатулин Сергей Иннокентьевич (1935–1935) – 5
377. Гафиатулина Алла Сергеевна (1942–1942) – 3
378. Гельманшин Хакамжан (1936–1939) – 11
379. Гельмтдинов Галяудин (1935–1942) – 15
380. Герасимова Медина Закировна (1938–1938) – 22
381. Гибайдулин Несабулла Тихватуллоевич (1941–1941) – 11
382. Гибайдулин Хамидулла Минигалинович (1941–1943) – 24
383. Гизатуллин Ахмедша Набиулович (1935–1949) – 10
384. Гизатуллин Хусаин Хисматуллоевич (1935–1944) – 23
385. Гизятулин Абдулла (1938–1938) – 2
386. Давлятин Зайнуш Давлятьевич (1935–1936) – 7
387. Далиев Закир Валеевич
388. Валеев (1935–1937) – 7
389. Даллин Газис Ахметович (1936–1938) – 3
390. Дебердеев Гумяр Усманович (1935–1943) – 4
391. Дебердеев Усман Рахимович (1935–1935) – 2
392. Дебердеева Разия Шайхутдаровна (1935–1935) – 2
393. Дебердеева Фарида Фатгяхуловна (1942–1942) – 4
394. Дебердеева Фатиха Ахмедеевна (1936–1943) – 7
395. Девлет-Кильджи Ибрагим (1935–1940) – 18
396. Деуш Махмуд Алиевич (1935–1938) – 11
397. Деушев Абдул Изагулович (1935–1935) – 5
398. Деушев Амрулла Алиевич (1939–1943) – 7
399. Деушев Ибрагим Абубкаревич (1936–1936) – 2
400. Деушев Ислам Ахмедулович (1942–1942) – 6

401. Деушев Камилл Тяхфятуллоевич (1937–1938) – 18
402. Деушев Махмуд Алиевич (1939–1945) – 2
403. Деушев Фатир Ахмедуллович (1937–1939) – 24
404. Деушев Хасан Абубекарович (1935–1943) – 4
405. Деушева Алима Абдулловна (1939–1939) – 3
406. Деушева Латифа Камалетдиновна (1937–1938) – 14
407. Деушева Латюра Абдуллатифовна (1935–1938) – 5
408. Деушева Манира Тухфятуллоевна (1945–1945) – 2
409. Деушева Махмудя Садреддиновна (1935–1935) – 3
410. Деушева Мяйсяра Халетовна (1935–1938) – 21
411. Деушева Нурия Тухфятуллоевна (1945–1945) – 2
412. Деушева Рабига Лутфуллоевна (1936–1949) – 9
413. Деушева Рабия Алиевна (1939–1940) – 18
414. Деушева Садия Алиевна (1942–1943) – 4
415. Деушева Шамсия Тухватуловна (1936–1943) – 67
416. Деушева Шамсия Хасановна (1935–1937) – 5
417. Джабаров Джавле (1935–1948) – 40
418. Джабаров Рахим (1938–1948) – 20
419. Добров Шамиль Илиас (1942–1942) – 3
420. Дусмухаметов Якуб Ярмахаматович (1935–1935) – 2
421. Дюзеев Галей Адиятуллоевич (1940–1941) – 5
422. Дюзеев Искандар Галюлавич (1941–1942) – 10
423. Дюзеева Камилия Гиззатуллоевна (1935–1935) – 2
424. Енгуразов Абдрикин Рахимович (1936–1936) – 2
425. Енгуразов Рауф Рахимович (1942–1943) – 8
426. Енгуразова Рауза Халимовна (1942–1943) – 3
427. Еникеев Никомеджан (Николай) Гореевич (1935–1948) – 19
428. Еникеев Рахил Никомеджанович (1942–1945) – 17
429. Еникеев Саид Гиреевич (1935–1944) – 18
430. Еникеева Мариам Фатхубдиновна (1935–1943) – 4
431. Еникеева Суфия Амруллоевна (1938–1938) – 10
432. Енолеев Петр Федорович (1937–1943) – 4
433. Енолеев Филипп Федорович (1935–1944) – 11
434. Енолеева Александра Федоровна (1935–1935) – 3
435. Забаров Аруслан Каюмович (1945–1945) – 9
436. Забаров Ибрагим Каюмович (1938–1941) – 5

437. Забаров Мивлибай Каюмович (1935–1948) – 41
438. Забаров Нурулла Каюмович (1935–195) – 58
439. Забаров Умяр Каюмович (1942–1942) – 3
440. Забарова Гафия Сабитовна (1935–1945) – 13
441. Забарова Хадича (1943–1943) – 3
442. Заинулина Азар Абдурахмановна (1941–1941) – 1
443. Заинулина Хайфа Абейдуловна (1941–1944) – 5
444. Зайтова Наркиза Измаиловна (1944–1944) – 2
445. Зайнеев Байгуза (1935–1937) – 11
446. Зайнитдинов Александр Федорович (1935–1944) – 21
447. Зайнитдинов Евгений Александрович (1939–1944) – 17
448. Зайнитдинова Агния Дмитриевна (1936–1944) – 19
449. Заинулина Камилла Сагидитоновна (1935–1944) – 4
450. Заинулина Разис Абдурахмановна (1941–1944) – 10
451. Заинуллин Абдурахман Абейдуллович (1935–1949) – 26
452. Заинуллин Ясовей Ахматович (1934–1949) – 7
453. Заинуллина Хаджар – 4
454. Заминов Абдулхан (1938–1945) – 14
455. Заминов Абдулхо Абдулхан (1942–1942) – 3
456. Зангиров Алихай Зангирович (1937–1942) – 3
457. Зеленков Загидулла Хусаинович (1935–1949) – 5
458. Зеленков Петр Евгеньевич (1935–1935) – 5
459. Зеленков Хусаин Абдул-Хакимович (1936–1941) – 7
460. Зеленкова Гильмениса Насыбуловна
461. Зиганшин Сабир (1936–1945) – 4
462. Зиганшина Алия Кишафовна (1936–1936) – 3
463. Зинатуллин Низамутдин (1935–1940) – 3
464. Ибатуллин Ислам Басимович
Цингатулла (1935–1945) – 35
465. Ибатуллин Сингатулла (1936–1943) – 11
466. Ибрагим Балиулла (1941–1941) – 1
467. Ибрагим Разия Валиуловна (1935–1938) – 6
468. Ибрагимов Ахмет Валий (1938–1938) – 4
469. Ибрагимов Вадут Шакурович (1944–1944) – 4
470. Ибрагимов Газенфан (1935–1941) – 3
471. Ибрагимов Гульмухамед Фейзулович (1941–1944) – 6
472. Ибрагимов Мирази (1935–1941) – 3

473. Ибрагимов Мурашта (1935–1941) – 3
474. Ибрагимов Мухаматша Муратшатович (1941–1943) – 10
475. Ибрагимов Халим Мухамедзянович (1935–1940) – 3
476. Ибрагимов Хусаин Валиуллович (1935–1942) – 7
477. Ибрагимов Шаукет Шакурович (1942–1944) – 5
478. Ибрагимова Аминя Халиловна (1939–1939) – 2
479. Ибрагимова Гольсем (1941–1941) – 1
480. Ибрагимова Магира Абдул-Асисовна (1942–1942) – 3
481. Ибрагимова Марзия Валлиуловна (1939–1939) – 2
482. Ибрагимова Мариам Хасановна (1936–1936) – 3
483. Ибрагимова Рауза Халимовна (1938–1938) – 2
484. Ибрагимова Фатима Рустамовна (1935–1941) – 9
485. Ижболдин Анатолий Иванович (1942–1942) – 4
486. Ижболдина Екатерина Федоровна (1935–1944) – 5
487. Изаттулин Хусаин Хисматулович (1941–1941) – 1
488. Изатулин Абрахман Мухамедянович (1936–1944) – 9
489. Ильбиков Фатых (1941–1944) – 4
490. Ильбикова Раиса Галимхановна (1933–1944) – 5
491. Ильназарова Сахаяма (1935–1935) – 2
492. Иргалеев Закирдян (1936–1936) – 2
493. Ирناзаров Хамит Ишмурзович (1935–1949) – 14
494. Исангулов Рафаэль Шарипович (1944–1944) – 5
495. Исангулов Шаукет Шарипович (1944–1944) – 4
496. Искаков Ибрагим Абрамович (1935–1944) – 12
497. Искандаров Шангалий Янбаевич (1935–1939) – 8
498. Искандарова Равиля (1943–1943) – 2
499. Искандарова Саида Шагали (1944–1944) – 3
500. Исламхутдинов Гафу Минибаевич (1935–1935) – 2
501. Исмагил Махинур (1943–1943) – 2
502. Исмагил Хасан (1943–1943) – 2
503. Исмагилов Ислам – 1
504. Исмагилов Ислам Исхакович (1934–1934) – 1
505. Ишкин Загидулла – 2
506. Ишкин Муфтахутдин Назиметдинович (1944–1945) – 14
507. Ишкина Фарида Ибрагимовна (1939–1944) – 14
508. Ишкина Фатима Умяровна (1940–1942) – 5
509. Ишмаев Бархатдин (1935) – 4

510. Ишмаков Хамзя Измаилович (1935–1941) – 11
511. Ишмухаметов Шаймухамед (1935–1935) – 1
512. Ишмухаметова Карима Хойдаровна (1935–1939) – 5
513. Кильди Галимуджан Сабирович (1935–1944) – 4
514. Кильдиаров Килихай (1943–1943) – 2
515. Килькеев Иниатулла Фахритдинович (1942–1949) – 24
516. Килькеев Кашафутдин Алимович (1936–1936) – 2
517. Килькеев Ядкер Иниатулович (1944–1944) – 8
518. Килькеева Магинур Низаметдиновна (1942–1944) – 5
519. Килькеева Равиля Иниатуловна (1942–1944) – 7
520. Килькеева Суюм Иниатуловна (1944–1944) – 6
521. Кирпичев Абдул Исмагуллович (1935–1935) – 2
522. Кирюшев Ш.И. (1936–1941) – 3
523. Кирюшева Гульджиган Шакиржановна (1937–1945) – 3
524. Кирюшева Зюгря Хусаиновна (1936–1945) – 5
525. Кирюшева Таифа Шакиржановна (1944–1944) – 2
526. Кирюшева Шикаржан Хамидуллович (1936–1945) – 3
527. Кугушев Абдул-Азис Хасанович (1942–1943) – 7
528. Кугушев Инаятулла Хусаинович (1936–1942) – 4
529. Кугушев Хаса-Абдул Мязитович (1936–1943) – 3
530. Кугушев Хусаин Абдул-Мезитович (1936–1945) – 5
531. Кугушева Равиля Хасяновна (1942–1945) – 8
532. Кугушева Фатиха Хасяновна (1943–1944) – 4
533. Кугушева Фатыма Хайлуровна (1936–1943) – 3
534. Кугушева Хадича Абдуловна (1936–1943) – 7
535. Кугушева Ханифа Хусаиновна (1942–1944) – 15
536. Кудашев Идиатулла Зейнуллович (1936–1936) – 3
537. Кудяки Мунир (1942–1942) – 2
538. Кудяки Нурия (1943–1943) – 2
539. Кудяки Ракия (1942–1942) – 2
540. Кудяки Сиразетдин (1942–1942) – 2
541. Кудяки Тагира (1942–1942) – 2
542. Кудяки Фаусия (1943–1943) – 2
543. Кудяков Абдул-Алим Девятулович (1935–1935) – 4
544. Кудяков Али Абдуллахакимович (1936–1938) – 7
545. Кудяков Алимджан Абдуллович (1936–1942) – 5
546. Кудяков Алимкай Абдуллович (1936–1943) – 8

547. Кудяков Амрулла Абидуллович (1941–1944) – 12
548. Кудяков Амрулла Алеевич (1936–1944) – 3
549. Кудяков Амрулла Мубинович (1942–1949) – 18
550. Кудяков Анвер Алеевич (1938–1944) – 4
551. Кудяков Асят Измайлович (1942–1942) – 2
552. Кудяков Ахмет Абидуллович (1937–1942) – 5
553. Кудяков Владимир Антонович (1944–1944) – 5
554. Кудяков Гинеятулла Мубинович (1942–1944) – 17
555. Кудяков Ибадулла Исмятуллович (1945–1945) – 2
556. Кудяков Ибрагим Алеевич (1936–1936) – 2
557. Кудяков Ибрагим Исмадулович (1937–1944) – 5
558. Кудяков Ибрагим Хусаинович (1935–1944) – 4
559. Кудяков Мунер Саразитинович (1938) – 9
560. Кудяков Мухамед Мухамеджанович (1942–1943) – 14
561. Кудяков Мухаметхан Алеевич (1938–1938) – 6
562. Кудяков Равиль Алеевич (1942–1944) – 3
563. Кудяков Рашид Хасяинович (1944–1944) – 3
564. Кудяков Ханафи Абидуллович (1936–1942) – 5
565. Кудяков Хасян Алиевич (1936–1944) – 3
566. Кудяков Шавкет Ибрагимович (1944–1944) – 2
567. Кудяков Шайхула Мухамедович (1942–1944) – 14
568. Кудякова Аита АбдулМязатовна (1936–1936) – 2
569. Кудякова Айша Каюмовна (1942–1944) – 27
570. Кудякова Алия Низамутдиновна (1936–1945) – 3
571. Кудякова Магира Гибядулловна (1942–1942) – 3
572. Кудякова Манигюр Алеевна (1935–1945) – 14
573. Кудякова Манигюр Мубиновна (1942–1944) – 9
574. Кудякова Наджия Амурловна (1942–1944) – 7
575. Кудякова Рибича Мухамедовна (1942–1944) – 14
576. Кудякова Сарих Алинуловна (1942–1943) – 5
577. Кудякова София Алимкаевна (1936–1943) – 6
578. Кудякова Таизилия Абдуловна (1943–1943) – 2
579. Кудякова Фатыма АбдулХакимовна (1936–1943) – 5
580. Кудякова Хадича Сабитовна
Абдулкаюм Исмятуллович – муж (1935–1937) – 5
581. Кудякова Халида Изятулловна
Чудина (1942–1943) – 6
582. Кудякова Шамсинюр Хусаиновна (1943–1943) – 3

583. Кулупчаков Ибрагим Хасанович (1938–1944) – 6
584. Кульмаметьев Алимжан Вениаминович (1938–1938) – 11
585. Кульмаметьев Вениамин Назарович (1935–1939) – 3
586. Кульмаметьев Евгений Вениаминович (1944–1944) – 1
587. Кульмаметьев Зейнулла Вениаминович (1935–1944) – 32
588. Кульмаметьева Вера Павловна (1935–1944) – 4
589. Кульмаметьева Лютефа Хусаиновна (1935–1941) – 5
590. Кульмаметьева Рибег Вениаминовна (1939–1939) – 4
591. Кульмаметьева София Вениаминовна (1939–1944) – 14
592. Курбан-Галеев Валей (1941–1943) – 12
593. Курбан-Галеева Сасина (1936–1941) – 3
594. Курбангали Рабига Мухаметгараевна (1942–1942) – 2
595. Курдимов Зеетдин (1936–1936) – 3
596. Кутлубаев Мустафа Оглы (1935–1950) – 5
597. Кутлугильдина Магинур Литфулловна (1942) – 3
598. Кутлугильдинов Матфула (Литфулла) Ахметович (1938–1944) – 17
599. Кутлугильдинова Хадиче (1942) – 3
600. Кутнаев Ибрагим Усманович (1935–1945) – 4
601. Кутнаев Камиль Исмаилович (1942) – 4
602. Кутнаев Равиль Исмаилович (1942–1944) – 9
603. Кутнаев Шавкат Ибрагимович (1942) – 4
604. Кутнаева Наиля Ибрагимовна (1944) – 3
605. Кутнаева Равил Ибрагимовна (1942) – 2
606. Кутуев Хусан Садитдинович (1935–1944) – 5
607. Кутуев Шамиль Хусаинович (1942–1943) – 10
608. Кутуева Ракия Хусаиновна (1942–1945) – 6
609. Кучубаев Яндимир Акболдинович (1938–1938) – 4
610. Кадарбаев Гариф Зарифович (1935–1944) – 16
611. Кадыров Хасемян (1935–1935) – 4
612. Камбеков Султан Базарович (1941–1943) – 8
613. Камкин Исмагиль (1942–1950) – 7
614. Камкина Рабига (1942–1942) – 4
615. Караев Селим (1936–1937) – 12
616. Караева Зейнаб Ифиефилевна (1935–1935) – 5
617. Караева Фатима Хамыковна (1938–1939) – 14
618. Каримов Нурдин Салифович (1939–1944) – 14

619. Каримов Салих Таймович (1935–1944) – 18
620. Каримов Тимирхан (1937–1937) – 4
621. Каримова Рахима Салифовна (1943–1944) – 13
622. Каримова Садия Салиховна (1944–1944) – 4
623. Карымов Тимерхан Зарифович (1938–1938) – 3
624. Карымова Фафрыджихан (1944–1944) – 2
625. Карымова Фафрыджихан (1943–1944) – 4
626. Касимова Фатима Зайнетдиновна (1943–1943) – 2
627. Лаишев Амрулла Хасянович (1935–1936) – 8
628. Лаишев Асхад Хасанович (1945) – 4
629. Лаишев Ибрагим Абдуллович (1935) – 1
630. Лаишев Манир Усманович (1943) – 4
631. Лаишев Хасан Алимкиевич (1937–1938) – 16
632. Лаишева Магнюра Хасяновна (1936) – 4
633. Лаишева Фатима Абдуллагизовна (1936–1942) – 5
634. Латыпов Абдулла (1935–1936) – 5
635. Латыпов Замур Шакирович (1940–1944) – 30
636. Латыпов Назан Шакирович (1935–1949) – 13
637. Латыпов Хизбулла (1935–1948) – 45
638. Латыпов Шакир (1935–1945) – 12
639. Латыпова (Набиева) Фатима Ризановна (1935) – 5
640. Латыпова Махмузья Абдуловна (1935–1944) – 8
641. Махинур Аги (1945) – 4
642. Мингазетдинова Зинаида Михайловна (1939–1950) – 3
643. Мингази Василий (1942–1942) – 2
644. Мингази Факим (1942–1942) – 2
645. Мингазов Васил (1936–1936) – 2
646. Мингазова (Зырянова) Ксения Александровна (1943–1943) – 2
647. Мингазтдинов Гоязтин Минхотрович (1935–1945) – 5
648. Миндибаева Халида Латыповна Гимран Гельманович-муж (1942–1944) – 18
649. Минибаев Абдурахман Мухаметдинович (1935–1935) – 26
650. Мифтахутдинов Джимал Мухутдинович (1935–1949) – 19
651. Мифтахутдинов Зельфукар Низамутдинович (1945–1945) – 2
652. Мифтахутдинов Фатых Кемалич (1935–1937) – 3
653. Мифтахутдинова Аминя Низаметдиновна (1944–1944) – 4

654. Мифтахутдинов Абделя-
тыф Кемалетдинович (1937–
1937) – 2
655. Мугаллимов Шакир
(1943) – 3
656. Музафаров Мударекша
Бурханович (1935–1944) – 17
657. Музафарова Азизя Агли-
улловна (1936) – 2
658. Музафарова Алия Ари-
фулловна (1944) – 4
659. Муллин Исмаил Абра-
манович (1941–1950) – 5
660. Муллин Сулейман (1943)
– 2
661. Муратов Абдул (1943–
1944) – 6
662. Муратов Алеверды Ага-
бекович (1944–1950) – 3
663. Муратшин Софиат (1936–
1944) – 20
664. Мурзенков Делэфрус
Габдулганиевич (1939) – 3
665. Мурзенков Зайнулла Габ-
дул-Ганеевич
Мурзенков Габдулганий Габ-
дуллятифович (отец) Мурзен-
кова Молока Ахметовна (мать)
(1935–1943) – 21
666. Мурзенков Сафиула Габ-
дулганиевич (1935–1944) – 14
667. Мурзенкова Деляфрус
Габдулганиева (1941) – 5
668. Мурзенкова Халима Габ-
дулганиевна (1934–1941) – 6
669. Мурзенкова Холида Габ-
дулганиевна (1939) – 9
670. Мусалимов Сабир (1935–
1944) – 7
671. Мустафин Алимжан Му-
хамеджанович (1943–1962) –
13
672. Мустафин Аркадий Ни-
колаевич (1936–1948) – 13
673. Мустафин Ахмет Ахме-
тович (1935–1945) – 18
674. Мустафин Валерий Нико-
лаевич (1943–1944) – 15
675. Мустафин Виссарион Ни-
колаевич (1936–1948) – 40
676. Мустафин Владимир Ни-
колаевич (1937–1943) – 5
677. Мустафин Геннадий Ни-
колаевич (1936–1945) – 31
678. Мустафин Леонид Нико-
лаевич
679. Мустафин Николай Ан-
дреевич (отец) Мустафин Еф-
росинья Владимировна (мать)
(1935–1948) – 20
680. Мустафин Мухаметзян
(1936–1945) – 12
681. Мустафина (Лаишева)
Надежда Николаевна (1935) –
12
682. Мустафина Вера Яко-
влевна (1935–1944) – 10
683. Мустафина Екатерина
Георгиевна (1944) – 4
684. Мустафина Нина Никола-
евна (1938–1943) – 26
685. Мутолапов Мавлит Хаби-
рович (1939) – 1
686. Муфтахетдинов Сабирзян
Суфьянович (1942–1944) – 8

687. Муфтахетдинов Суфьян (1935–1944) – 13
688. Муфтахетдинова Эмегельсум (1935–1944) – 4
689. Мухамадиш Саберзян Ахметдзян (1939) – 2
690. Мухаматхан Файзрахман (1942) – 2
691. Мухамеджанов Вакас Гильметдинович (1935–1943) – 5
692. Мухамеджанов Илиас Гильметдинович (1942–1943) – 3
693. Мухамеджанова Рабига Минулла (1942–1943) – 3
694. Мухамедзянов Сибагатулла Байром-Галеевич (1935) – 2
695. Мухамедзянова Макоряма Саидиреевна (1943–1944) – 6
696. Мухамедов Юнус Абдулович (1938) – 2
697. Мухамедши Рукия Сабирзяновна (1935–1940) – 7
698. Мухаметдиш Сабир (1938–1939) – 6
699. Мухаметдьязова Муслина Нагимовна (1935–1944) – 14
700. Мухаметзян Мариам Ахметовна (1942) – 3
701. Мухаметов Аглям Зарипов (1935–1936) – 8
702. Мухаметов Горай (1936–1944) – 10
703. Мухаметов Ишмет Мухаметович (1938–1949) – 4
704. Мухаметова Дарья Васильевна (1938) – 16
705. Мухаметова Прасковья Афанасьевна (1938) – 3
706. Мухаметханов Галинор (1935–1944) – 11
707. Мухаммеджанов Зиннур Гильметдинович (1943–1944) – 13
708. Мухтаров Абдрахман Хисамутдинович (1935) – 2
709. Мухутдинов Мингазетдич (1942–1943) – 12
710. Магсулова Загида Хамятовна (1944–1944) – 4
711. Мадарисов Габиулли (1938–1938) – 4
712. Мадыаров Галим Васанович (1935) – 4
713. Максютлов Измаил Ибрагимович (1935–1951) – 12
714. Мальтеев Исмаил Якубович (1945–1945) – 2
715. Мальтиева Бянет Сафретдинова (1937–1937) – 1
716. Мамлеев Гариф Резванович (1935–1950) – 35
717. Мамлеев Зариф Гафирович (1945) – 4
718. Мамлеев Хадис (1937) – 2
719. Мамлеева Хадича Гарифовна (1935–1939) – 13
720. Мамлеева Халилулла Гарифовна (1944) – 3
721. Мансуров Абдул Каримович (1936–1945) – 3
722. Мансуров Абрахман Хасанович (1939–1945) – 9

723. Мансуров Асат Хусаинович (1939) – 8
724. Мансуров Георгий Михайлович (1940–1942) – 15
725. Мансуров Давлей Гирей Давлетинович (1937) – 3
726. Мансуров Хусаин Халетович (1939) – 12
727. Мансурова Елизавета Михайловна (1941–1942) – 4
728. Мансурова Зюгря Сатфетуиновна (1936) – 4
729. Мансурова Мариам Хусаиновна (1936–1938) – 4
730. Мансурова Надежда Яковлевна (1935) – 13
731. Мансурова Тагира Хусаиновна (1943) – 3
732. Мансурова Фатиха Абдуловна (1943) – 5
733. Масагутова Нания (1940–1944) – 3
734. Набиев Минин-Ахмет Ахметович (1935–1945) – 23
735. Набиева Фатима Ризановна (1943) – 16
736. Набиулин Ахмедина Мухамедович (1936–1938) – 18
737. Набиуллина Бабинафиса Набиулловна (1938–1943) – 18
738. Нагимов Хазы (1935–1937) – 6
739. Нагимова Фатима Шиббердиновна (1935–1937) – 3
740. Нагуманов Шамсутдин Гайнутданович (1935–1945) – 43
741. Назир Карши (1942) – 2
742. Назиров Фахра (1943) – 4
743. Назиров Энвер Факруль Исламович (1938–1949) – 14
744. Назирова София Хусаиновна (1943) – 4
745. Назметдинов Аскан (1935–1938) – 3
746. Назмиханов Ахмет Хан (1937) – 8
747. Нафиков Шакир Хазназметович (1935–1944) – 6
748. Неверов Абдулахад Ахмедьярович (1936–1945) – 3
749. Низаметдинов Нигамеджан (1936) – 4
750. Низамова Сахибзамал Зарифовна (1942) – 3
751. Низамутдинов Форрах Фахиртинович (1935) – 2
752. Нурмаев Загидулла Абдуллоевич (1941) – 2
753. Нурмухамедов Мирахмед Миращурович (1945) – 2
754. Нурмухамедов Мир-Ашур Нархаджеевич (1935–1945) – 3
755. Нурмухамедов Хатаб Ярмахаметович (1944–1945) – 12
756. Нурмухамедова Асия Мурашовна (1945) – 2
757. Нурмухамедова Зиннет Мурашуровна (1942–1945) – 3
758. Нуротдинов Гариф Кожина Анна Алексеевна Гражданская жена) (1935–1943) – 29
759. Нурутдинов Амир Амирович (1940–1941) – 3

760. Нухов Гариф (1942) – 3
761. Пакиев Абдрахман Хабибрахманович (1935) – 4
762. Рамазан Валия Феттяховна (1942–1943) – 5
763. Рамазан Махмут Каюмовна (1935–1940) – 13
764. Рамазан Машнур (1942–1945) – 5
765. Рамазан Надежда Султановна (1941–1943) – 3
766. Рамазан Саид Фатяхович (1936–1943) – 15
767. Рамазан Сарда Каюмовна (1942–1945) – 17
768. Рамазан Феттях (1936–1945) – 10
769. Рамазан Хамит (1942–1943) – 5
770. Рахим Зея Каримович (1943–1944) – 3
771. Рахимов Абдул Каримович (1940–1944) – 14
772. Рахимова Наиля Абдуловна (1937–1939) – 6
773. Рахимова Рахим-Зайнах (1939) – 2
774. Рахмангулов Газис Гарифович (1935–1944) – 12
775. Рахмангулов Шафик (1935–1943) – 6
776. Резванов Бактимир (1943) – 3
777. Резванова Магира (1938) – 3
778. Резванова Хабибзямол (1942) – 3
779. Сабинов Шархатулла Сатхетдинович (1942) – 2
780. Сабиров Сатритдинов (1936–1944) – 17
781. Сабирова Магмурия Садретдиновна (1937–1944) – 19
782. Сабирова Маниба Садретдиновна
Зальхубя Бурхановна (мать) (1937–1938) – 30
783. Сабитов Абдулла Сабитович (1942) – 5
784. Сабитов Закир Абдулла-лекович (1936) – 4
785. Сабитов Муфтахутдин (1942) – 2
786. Сабитов Нурмухамет Закирович (1937) – 12
787. Сабитова Айша – 2
788. Сабитова Алия Загидуловна (1942) – 5
789. Садыков Илья Иннокентьевич (1935–1937) – 21
790. Садыков Сергей Сергеевич (1935–1940) – 28
791. Садыкова Мария Фоминична – 3
792. Сайджанов Шаимарджин (1935–1936) – 5
793. Сайдулин Нигаметдулла Хуссанович (1935) – 2
794. Сайтов Гавар (1935–1943) – 11
795. Сайтов Хасан Абурахимович (1935–1944) – 7
796. Сайфутдинова Шариф Замал – 2

797. Салахатдинов Мяслав Саляходинович (1936–1944) – 34
798. Салимов Ганей (1935–1948) – 10
799. Салихов Ахмет (1934–1941) – 5
800. Салман Сурмат (1942) – 2
801. Салыхатдинов Киямутдин (1935–1944) – 25
802. Салыхатдинова Карима (1935–1944) – 15
803. Салыхутдин Ахмет (1944–1949) – 8
804. Самсатдинов Гитзидин Шафрыгина Домна Семеновна (гр. жена) (1935) – 7
805. Сарвандинов Фарварздин (1935–1942) – 7
806. Сатлыганов Муберак-Ян Галимханович (1935–1944) – 11
807. Сатлыганов Хаким Чжан Галимханович (1936–1942) – 5
808. Сатлыганов Хасантан Галихманович (1939–1944) – 10
809. Сатлыганова Мариан Мухаметовна (1942–1944) – 5
810. Сафиулин Махамятдзян (1942) – 11
811. Сафонов Василий Мухаметзянович (1945) – 2
812. Сафонов Махомеджан Гамманович (1929–1936) – 7
813. Сейфулин Фуад Хусаинович (1942–1945) – 9
814. Сейфулина Зайнаба Салимовна (1938–1945) – 13
815. Сейфулин-Левант Касим Хусаинович (1942–1945) – 5
816. Сейфуллин Мунар Хусаинович Хусаин Губайдулович (отец) (1936–1945) – 15
817. Селесинов Халин Рахман (1935–1938) – 9
818. Селихметов Тагир Алиуллович (1944) – 2
819. Селихметова Загида Изятулловна (1938) – 14
820. Селихметова Саддия Иниятулловна (1937) – 30
821. Селихметова Халида Иниятулловна (1936–1940) – 5
822. Сизганов Фатах Сатиддинович (1936–1936) – 2
823. Симбердеев Рашид Исмаинович (1943–1943) – 4
824. Симбердеева Айша Умеровна (1943–1943) – 3
825. Симбирдеев Исмаил Техфятуллович (1938–1949) – 26
826. Соколов Абдулла Билялович (1935–1935) – 8
827. Соколов Загидулла Билялович (1943–1943) – 4
828. Соколова Фарида Хусайновна (1942–1943) – 4
829. Старков Абдулла Мусмеджанович (1937–1937) – 4
830. Старков Карим Абубикерович (1938–1938) – 4
831. Стахеев Александр Ильич (1935–1943) – 16

832. Стахеев Василий Григорьевич (1935–1945) – 22
833. Стахеев Илья Игнатьевич (1939–1944) – 14
834. Стахеева Александра Николаевна (1943–1944) – 9
835. Стахеева Анастасия Фирсовна (1936–1936) – 5
836. Стахеева Анна Константиновна (1942–1942) – 4
837. Стахеева Василиса Евдокимовна (1940–1940) – 3
838. Стахеева Евфросинья Ильинична (1935–1943) – 22
839. Стахеева Екатерина Николаевна (1943–1944) – 9
840. Стахеева Мария Николаевна (1941–1944) – 10
841. Стахеева Ольга Ивановна (1942–1944) – 15
842. Стахеева Ольга Флегонтовна (1942–1944) – 12
843. Стахеева Софья Федоровна (1939–1943) – 4
844. Сулейманов Ибрагим Гумярович (1935–1947) – 14
845. Сулейманов Минхан Лукманович (1939–1949) – 15
846. Сулейманов Рахат Ибрагимович (1944–1944) – 6
847. Сулейманова Рушан Ибрагимовна (1943–1943) – 2
848. Султан-Ахматов Кинехмат (1936–1936) – 3
849. Султанбеков Ажембай (1935–1943) – 11
850. Султангирей Мургоит Антамолинов (1935–1944) – 10
851. Султанов Александр Степанович (1935–1943) – 12
852. Султанов Амрулла Сулейманович (1935–1943) – 15
853. Султанов Ахмедулла Сулейманович (1938–1943) – 29
854. Султанов Ибниямин Ильясович (1935–1935) – 7
855. Султанов Сулейман Алимович (1942–1944) – 5
856. Султанов Хасян Алымович (1940–1944) – 6
857. Султанова Абидя Аиповна (1941–1944) – 10
858. Султанова Алия Улапхановна (1942–1949) – 4
859. Султанова Фаиза Усмановна (1942–1944) – 4
860. Султанова Шаменнура Хасяновна (1942–1942) – 3
861. Султанова-Бадаева Сахиб Хасяновна (1944–1944) – 5
862. Султаншин Ислам (1932–1935) – 8
863. Сурмат Хатима (1942–1942) – 2
864. Сурматов Сальман – 2
865. Сухов Усман Хуснутдинович (1936–1945) – 3
866. Сухов Хусниятдин Хусаинович (1941–1941) – 5
867. Сухов Шайхулла Касимович (1936–1945) – 10
868. Сухова Азат Усмановна (1944) – 2
869. Сухова Шагида Ахметшаровна (1936–1945) – 3

870. Сюннева Муклина Камалетиновна (1939–1939) – 1
871. Сюняев Абдул Хаким Умярович (1935–1944) – 8
872. Сюняев Абдулла Абдул Кебинович (1936–1940) – 7
873. Сюняев Ибрагим Хакимович (1943–1943) – 15
874. Сюняева – 4
875. Сюняева Фатима Абдул Кабириновна (1936–1936) – 5
876. Сюняева Хадича Абдул-Кябириновна (1935–1935) – 8
877. Сюняй Гульгина Абдуловна (1935–1935) – 2
878. Сюняй Магира Хасановна (1940–1940) – 2
879. Таиров Адиб Мухамеджарович (1944–1944) – 2
880. Таиров Али Рахматуллоевич (1942–1945) – 11
881. Таиров Алимжан Кариждинович (1942–1945) – 23
882. Таиров Амулла Абдулович (1939–1939) – 2
883. Таиров Асгат Алимкаевич (1936–1936) – 8
884. Таиров Дмитрий Иванович (1933–1935) – 7
885. Таиров Махмет Хакимович (1942–1944) – 4
886. Таиров Мухаметжан Салихович (1941–1941) – 4
887. Таиров Шайхулла Хасянович (1942–1945) – 4
888. Таиров Шамиль Алимкаевич (1945–1945) – 4
889. Таирова Азизя Мухамеджановна (1936–1936) – 3
890. Таирова Валерия Дмитриевна (1935–1935) – 4
891. Таирова Гулистан Хайрулловна (1935–1949) – 14
892. Таирова Гулюстан Мезитовна (1936–1945) – 4
893. Таирова Диляфируз Мухамеджановна (1943–1943) – 2
894. Таирова Сания Алимкаевна (1941–1945) – 8
895. Таирова София Павловна (1935–1935) – 2
896. Тахир Шамиль – 2
897. Тенишев Авзаль Халимович (1942–1942) – 2
898. Тенишев Анвер Сабиринович (1943–1943) – 7
899. Тенишев Дзиганша Сибиржанович (1942–1943) – 4
900. Тенишев Загидулла Аминуллович (1941–1944) – 4
901. Тенишев Инаятулла Аминуллович (1936–1942) – 13
902. Тенишев Рафгать Алимович (1944–1944) – 2
903. Тенишев Талать Алимович (1942–1945) – 4
904. Тенишев Фатях Сабиринович (1936–1945) – 3
905. Тенишев Халим Шакиринович (1936–1936) – 2
906. Тенишев Ханафи Сабиринович (1937–1943) – 3
907. Тенишев Шайхулла Аминуллович (1938–1942) – 4

908. Тенишева Магикамяль Сабиржановна (1935–1943) – 7
909. Тенишева Магинюр Абдуловна (1936–1943) – 6
910. Тенишева Магинюр Сабиржановна (1935–1935) – 8
911. Тенишева Майсара Халимовна (1943–1943) – 2
912. Тенишева Манифа Халимовна (1943–1943) – 2
913. Тенишева Равза Халимовна (1945–1945) – 4
914. Тенишева София Ахметжановна (1937–1942) – 14
915. Тенишева Фаиля Алимовна (1935–1935) – 4
916. Терегулов Рифгат Исмаилович (1941–1945) – 11
917. Терегулова Хадыча Валеевна
Исмагил Салихович (муж)
(1935–1935) – 13
918. Теркулов Абдул-Ахат Абдулович
Шамсинюр Абдуллоевна (1935–1935) – 9
919. Теркулов Харис Фейкулович (1935–1939) – 9
920. Торпищев Абдурахман Алеевич (1937–1937) – 2
921. Торпищев Амрулла Хасянович – 2
922. Торпищев Загидулла Алеевич (1936–1939) – 11
923. Торпищев Камил Абидулович (1945–1945) – 4
924. Торпищев Усман Джемалдинович (1938–1938) – 3
925. Торпищев Шайхулла Хасанович (1933–1949) – 5
926. Торпищева Магира Хусайновна (1937–1937) – 2
927. Торпищева Хадича Алеевна (1937–1937) – 3
928. Торпищева Халима Ибрагимовна (1935–1935) – 2
929. Торпищева Ханифа Мухамедшаховна (1936–1936) – 2
930. Тохтамыш Христофор Дмитриевич (1935–1944) – 42
931. Туктаров Мухамед Ахметович (1935–1936) – 3
932. Узбяков Фатых (1935–1938) – 6
933. Узбякова Закия Фатыховна (1944–1944) – 3
934. Узбякова Мастюра Гарифовна (1936–1936) – 7
935. Умяров Али Насруллоевич (1941–1941) – 12
936. Умяров Усман Насретдинович (1936–1942) – 9
937. Умяров Фатих Насреддинович (1942–1942) – 2
938. Уразбахт Гаяз Магданинурович (1943–1943) – 5
939. Уразбахт Гумар Магданурович (1941–1941) – 2
940. Уразбахт Дальбар Магданинуровна (1943–1943) – 2
941. Уразбахтин Галимзян Ахмет Закирович (1939–1939) – 12
942. Уразембетов Габейдулла (1935–1937) – 12

943. Уразманов Гильмулла Сибажатулович (1935–1944) – 33
944. Уразманова Мухлиса Гатятулловна (1936–1937) – 5
945. Уразов Ахмит Якопович (1936–1949) – 16
946. Уразов Сергей Ефимович (1935–1948) – 20
947. Урманов Ахмет Гаферович – 3
948. Усмангалин Мингалей (1935–1944) – 23
949. Усмангалина Марина Николаевна (1940–1941) – 10
950. Усманов Нагуман (1935–1940) – 15
951. Уссеин Айша Гулаб-хан (1942–1942) – 7
952. Уссеин Михаил Агаджанович (1938–1949) – 35
953. Уссеин Нюр Биби (1942–1945) – 8
954. Утяганов Ахтигирей Патершин (1937–1937) – 6
955. Утяганов Бахтигоряй Патершин (1935–1936) – 13
956. Фомин Халим Абдуллоевич (1941–1944) – 4
957. Фомина Айша Биляловна (1936–1936) – 4
958. Фомина Фатыха Ахмедшаховна (1937–1937) – 2
959. Фадлатдинов Сарватин Фарлатдинович (1936–1937) – 3
960. Файбаширов Зия Мухамед (1935–1939) – 11
961. Файзулин Абдулла Фазмакович (1935–1940) – 13
962. Файзулин Миниакмет (1935–1935) – 3
963. Файзулин Якуб (1935–1935) – 2
964. Фарфутинов Суфиярх Хабдерманович (1935–1935) – 2
965. Фархульин Исуп Хасмулович (1935–1935) – 2
966. Фархутдинов Мулла Гаян (1940–1940) – 8
967. Фархутдинов Мулла Гаян (1942–1942) – 2
968. Фархутдинов Мухамет (1940–1940) – 11
969. Фархутдинова Магира Садыковна (1940–1940) – 4
970. Фаршатов Козыхан (1944–1944) – 3
971. Фатиков Шакир Галимович (1935–1944) – 9
972. Фатикова Марьям Суфьяновна (1942–1944) – 4
973. Фаттахов Нурутдин (1943–1943) – 3
974. Фаттахов Хуснутдин Насртинович (1935–1944) – 14
975. Фатхуллин Галим (1942–1942) – 2
976. Фахретдинов Имамат Фасхитунович (1938–1949) – 22
977. Фахритдинов Зайнулла (1935–1935) – 4
978. Фахрулин Нурий Ахмет (1937–1937) – 1

979. Хабель Шихабитдин Анейдинович (1936–1937) – 3
980. Хабибов Хабиб Маметович (1943–1944) – 8
981. Хаблиев Муса Ахметович (1935–1944) – 18
982. Хаблиева Дария Николаевна (1935–1942) – 4
983. Хаблиева Мася Ахметовна (1939–1945) – 6
984. Хаблиева Тима Ахматовна (1938–1939) – 9
985. Хазиев Абдулла Хаймуллович (1935–1942) – 11
986. Хазиев Шафигулла Хатмуллович (1945–1945) – 1
987. Хазиева Загита Степановна (1936–1944) – 8
988. Хазимухаметов Тимар (1935–1944) – 8
989. Хайрланамов Фархулла (1935–1936) – 3
990. Хайрулин Георгий Константинович (1944–1944) – 5
991. Хакимов Бахтимир Лукман (1935–1935) – 2
992. Хакимов Усман Умарович (1936–1949) – 31
993. Хакимова Мушфики Зарифовна (1936–1936) – 2
994. Хакки Исмаил (1942–1944) – 10
995. Халиков Кадар Ахмедисанович (1935–1939) – 14
996. Халилулла Мариам (1938–1938) – 2
997. Халилулла Мухамед Нур (1938–1938) – 2
998. Халитов Шиахмет Фахритдинович (1937–1938) – 7
999. Халиулин Гинятулло (1936–1942) – 4
1000. Халиулин Леонид Александрович (1936–1939) – 3
1001. Хамидулин Закир Байдинович (1936–1938) – 12
1002. Хамидулина Диляфирус Якубовна (1944–1944) – 2
1003. Хамидулла Шакир (1943–1943) – 2
1004. Хамидуллин Шакир (1940–1940) – 5
1005. Хамитов Абдрахман Шарафутдинович (1937–1949) – 26
1006. Хамитов Мухаметдин Шарафидинович (1934–1944) – 16
1007. Хамитов Насартдин Шарафутдинович (1938–1944) – 25

Выборку выполнил Ильгизар Ахмедов, 30.07.2013.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
КРЫМСКИХ ТАТАР В УЗБЕКИСТАНЕ
В ПОСТДЕПОРТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

Статья посвящена некоторым аспектам социально-экономической жизни крымских татар в Узбекистане, после принудительного переселения крымских татар из Крыма в 1944 году. На основе архивных материалов описывается правовой статус переселенцев и условия их жизни в депортации.

Ключевые слова: депортация, спецпереселенцы, крымские татары, хозяйственное устройство спецпереселенцев, социально-экономическая жизнь крымских татар в Узбекистане.

Вследствие депортационной политики советского государства многие народы были насильственно выселены в другие регионы страны. В 30–40-е гг. XX века в Узбекистан были депортированы корейцы из Дальнего Востока России, калмыки, народы из Крыма и Кавказа и другие народности.

Следует сказать, что исследованию истории депортации некоторых народов СССР первыми стали уделять внимание зарубежные ученые, которые в своих специальных работах и публикациях, посвященных национальной политике в СССР, опубликовали сведения о численности депортированного в военные и послевоенные годы населения, об участии спецпереселенцев в общественном производстве¹. В постсоветский период указанная проблематика на основе анализа официальных документов получила освещение в растущем количестве статей и научных трудов,

¹ Conquest R. The Soviet deportation of nationalities. – London: MACMILLAN & CO LTD; New York: ST MARTIN'S PRESS, 1960; Некрич А. Наказанные народы. – Нью-Йорк: Хроника, 1978. (Nekrich, A.M.: The punished peoples. New York, 1978).

которые опубликованы с конца 1980-х гг. до настоящего времени¹. В разное время исследователями были изданы некоторые работы по проблеме депортации крымских татар и их жизни в постдепортационный период². Несмотря на это, малоизученными остаются вопросы адаптации депортированного населения на новых местах жительства, вопросы социально-экономического положения крымских татар в Узбекистане после депортации³. Рас-

¹ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...» /сост. Н.Ф. Бугай. – М.: Дружба народов, 1992. – 288 с.; Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. – М.: ИНСАН, 2002. – 240 с.; Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – 271 с.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы: по документации НКВД-МВД СССР // Социологические исследования. – 1990. – № 11; Земсков В.Н. Об учете спецконтингента НКВД во Всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. – № 2. – С. 74–75; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 768 с.; Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР, 1930–1960. – М.: Наука, 2005. – 305 с.; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М.: ОГИ–Мемориал, 2001. – 328 с.; Сталинские депортации. 1928–1953 / сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М.: МФД: Материк, 2005. – 904 с. и др.

² Губогло М.Н., Червоная С.М. Крымскотатарское национальное движение. Т. 1. История. Проблемы. Перспективы. – М.: РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1992. – 332 с.; Ким П.Г. Корейцы Республики Узбекистан: История и современность. – Ташкент: Узбекистон, 1993. – 176 с.; Пиримкулов Ш. Польские подданные в Самарканде (1941–1946 гг.). – Самарканд: Зарафшон, 1999. – 156 с. (на узб. яз.); Рахманкулова А.Х. Документы ЦГА Узбекистана по истории депортации народов в Узбекистан в 1930-е годы (на примере корейцев) // Известия Кореистudies Казахстана. – Алматы. Вып. 8 (2001). – С. 77–85; Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. – М.: ИНСАН, 2002. – 240 с.; Бекирова Г. Крымскотатарская проблема в СССР (1944–1991). – Симферополь: Оджак, 2004. – 332 с.; Хаяли Р.И. Спецконтингент: крымский народ в условиях трансформации советской этнополитики (1944–1967 гг.) – Симферополь: Доля, 2006. – 176 с. и др.

³ Брошеван В., Тыглиянец П. Изгнание и возвращение. – Симферополь: Таврида, 1994. – 176 с.; Рахманкулова А.Х. Ўзбекистонга зўрлик билан кўчирилган халкларнинг ижтимоий-иқтисодий аҳволига доир (1930–1950 йиллар) // Общественное мнение – права человека. – Ташкент. № 1 (2002). – С. 62–72.

смотрим некоторые аспекты социально-экономической жизни крымских татар в Узбекистане.

Известно, сразу же после освобождения Крыма 13 апреля 1944 года, НКВД и НКГБ приступили к «очистке» его территории от антисоветских элементов. Согласно постановлению ГОКО от 11 мая 1944 года (за №5859сс) «О крымских татарах», было установлено всех татар «выселить с территории Крыма и поселить их на постоянное жительство в качестве спецпоселенцев в районах Узбекской ССР»¹. Основную операцию по выселению крымских татар начали на рассвете 18 мая 1944 года и провели за 3 дня. Из Крымской АССР было вывезено 191 014 крымских татар².

Большое количество крымских татар было расселено в Узбекистане. Согласно архивным данным, в мае-июне 1944 года в Узбекистане было расселено 151 609 крымских татар, т.е. 35 275 семей, в том числе: 26 749 мужчин, 53 537 женщин, 71 318 детей³. Крымские татары были расселены в 62 районах семи областей республики: в Ташкентской области – 56 641 чел., Самаркандской области – 31 604 чел., Андижанской области – 19 773 чел., Ферганской области – 16 096 чел., Наманганской области – 13 431 чел., Кашка-Дарьинской области – 10 012 чел., Бухарской области – 4 047 человек.

16 мая 1944 года вышел приказ (за № 00577) Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР «Об организации спецкомендатур НКВД в Узбекской ССР», согласно которому в июне 1944 года только для обслуживания спецпереселенцев – крымских татар было организовано 76 спецкомендатур НКВД⁴. В общесоюзном масштабе правовое положение спецпереселенцев – крымских татар, других депортированных народов, условия их проживания и трудоустройства в местах насильственного поселения были определены постановлением СНК СССР (№ 35 от

¹ РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 252. ЛЛ. 137–142.

² Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 217.

³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1с. Д. 248. Л. 81.

⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1с. Д. 180. ЛЛ. 9.

8 января 1945 г.) «О правовом положении спецпереселенцев»¹ и согласно «Положения о спецкомендатурах НКВД», принятого СНК СССР 8 января 1945 года (№ 34–14 под грифом «секретно»)². В соответствии с вышеуказанным постановлением, спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения, обслуживаемого данной комендатурой. Самовольная отлучка за пределы района расселения рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Ссылные были обязаны строго соблюдать установленный для них режим и общественный порядок, подчиняться всем распоряжениям НКВД, в течение трехдневного срока сообщать в спецкомендатуру обо всех изменениях, произошедших в составе семьи (рождение ребенка, смерть члена семьи, побег и т.д.). Ежемесячно все члены семьи должны были явиться в спецкомендатуру НКВД и поставить подпись в книге учета. За нарушение установленного режима на спецпереселенцев налагался штраф до 100 рублей или арест до 5 суток и т.д. Судьба и жизнь многих спецпереселенцев зачастую зависела не от законов, а от личных качеств начальника районного отдела НКВД. Спецпоселенцев нельзя было до 1956 года призывать в армию. После 1956 года существовал перечень родов войск, куда нельзя было призывать представителей депортированных народов. Оставались в силе запреты на обучение во многих вузах депортированным и их детям. Таким образом, спецпереселенцы – крымские татары в условиях спецпоселения (1944–1956 гг.) вынуждены были заново строить жизнь для себя и своих детей.

Условия жизни крымских татар после депортации, особенно в первые два года, были крайне тяжелыми, что констатировали даже сами советские партийные органы. В частности, в постановлении Бюро ЦК КП(б) Узбекистана от 17 мая 1945 года «О мероприятиях по бытовому и трудовому устройству спецпереселенцев – крымских татар» говорится, что «...абсолютное большинство спецпереселенцев находится в крайне неудовлетворительном по-

¹ ЦГА РУз (Центральный государственный архив Республики Узбекистан). Ф. 314. Оп. 7. Д. 18. ЛЛ. 404.

² ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

ложении. Заболеваемость и смертность приняли недопустимые размеры»¹. Необеспеченность спецпереселенцев одеждой, обувью, жилищами; положение с продовольствием, плохое санитарно-медицинское обслуживание или его отсутствие стали причиной болезней и смертности среди крымских татар. Согласно имеющимся архивным данным, если в мае-июне 1944 года на спецпоселение в Узбекскую ССР прибыло из Крыма 151 609 чел., то с момента прибытия спецпереселенцев из Крыма в Узбекскую ССР и до 1 октября 1944 года их число сократилось на 9,1 %². До конца года умерло 16 052 чел. (10,6 %), а за весь 1945 год умерло 13 183 чел. (9,8 %)³. По состоянию на 1 октября 1944 года в Узбекистане находилось 37 235 семей (147 170 чел.), депортированных из Крыма⁴. Следует сказать, что опираясь на доступные материалы, точно оценить демографические потери крымских татар, а также других народов вследствие депортации, в настоящее время не представляется возможным. В то же время документы демонстрируют, насколько система управления, основанная на волевых решениях, не способна считаться с реальностью. И как мы видим, «ошибки» политической системы оплачены многими жизнями ни в чем неповинных людей.

Хотя был принят ряд постановлений и решений по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству спецпереселенцев, обеспечению их продуктами и материалами, большинство этих распоряжений остались невыполненными. Например, постановлением Государственного Комитета Обороны СССР от 25/IX–1944 года № 6600 рс был установлен порядок расчетов за продукцию и материалы, сданные и оставленные в Крыму при переселении, а также определен ряд мероприятий, направленных для

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 166. Л. 148.

² ЦГА РУз. Ф. 314. Оп. 7. Д. 26. Л. 458.

³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 84; Также см.: Рахманкулова А.Х. Советская депортационная политика и ее последствия для судеб насильственно переселенных народов (на примере депортированных народов в Узбекистан) / Choi Han-Woo (Editor): International Journal of Central Asian Studies. Seoul: Institute of Asian Culture and Development, Vol. 9, 2004. – pp. 25–37.

⁴ ЦГА РУз. Ф. 314. Оп. 7. Д. 26. Л. 458; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 168. Л. 130.

хозяйственного закрепления спецпереселенцев в Узбекской ССР; Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 2/XI–1944 года за № 1333–177 сс было предусмотрено распределение лошадей, зерна, овощей, шерсти, хлопчатобумажных тканей и кож. А по результатам совещания Наркомздрава, Наркомсобеса и Управления по бытовому устройству семей военнослужащих на 1/III–1945 года спецпереселенцы должны были получить кредитов на ремонт построек и хозяйственное обзаведение – 27 569 тыс. рублей, против лимита 47 000 тыс. рублей¹ и другие постановления, решения. Но как было указано выше, многие директивы были не выполнены или выполнены недостаточно. Такое положение имело под собой реальные причины. Так, республика в годы войны полностью работала на нужды фронта. В годы войны республика приняла тысячи эвакуированных из оккупированных регионов СССР, население жило очень скудно. Неурожай зерновых в 1944 году больно ударил прежде всего по колхозникам, труд которых оплачивался продуктами; колхозы не были в состоянии выдать натуроплату спецпереселенцам по трудодням. Только сильные колхозы сумели дать в какой-то мере аванс переселенцам². На местах отсутствовали средства для ведения жилищного или промышленного строительства. Значительная часть спецпереселенцев жила в тяжелых бытовых условиях, они не обеспечивались продовольствием, одеждой и обувью. Медицинская помощь отсутствовала, что в совокупности становилось причиной роста смертности. Здесь следует упомянуть, что в годы Второй мировой войны в результате прямых и косвенных демографических последствий, республика не досчиталась 2,5 млн. человек³. Так, в 1943 году в республике из коренных народов умерло 82,8 тыс. человек, а в 1944 году – 73,3 тыс. человек⁴. По сообщению НКВД Узбекской ССР в связи с неурожаем 1944 года, а также неудовлетворительным завозом хлебопродуктов насе-

¹ Там же. Л. 461.

² ЦГА РУз. Ф. 314. Оп. 7. Д. 26. Л. 464.

³ Атамирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. – Ташкент: Издательство медицинской литературы имени Абу Али ибн Сино, 1998. – 17 с.

⁴ Мулляджанов И.Р. Демографическое развитие Узбекской ССР. – Ташкент, 1983. – 187 с.

ление ряда районов испытывало острую нужду в продуктах питания, и имелись случаи смертности от истощения. Например, в Узбекской ССР за первый квартал 1945 года зафиксировано 119 случаев смертности среди местных жителей от истощения. В сельсовете Карлюк Байсунского района Сурхандарьинской области с 13 по 15 февраля (за два дня) умерло 27 колхозников¹.

В архивных фондах содержится целый ряд документов, отражающих трудоустройство спецпереселенцев из Крыма. Так, из 37 235 семей были прикреплены к предприятиям, стройкам и учреждениям – 10 274, к колхозам – 19 536, совхозам – 7 425 семей². По представлению НКВД Уз ССР ЦК КП (б) и СНК республики, постановлениями от 8/VII–1944 года (№ 198/6) и от 30/IX–1944 года (№ 1228–159с) «О трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев крымских татар» приняли развернутые решения по улучшению жилищно-бытовых и трудовых условий спецпереселенцев. В результате, на 1 июля 1946 года из 57 926 трудоспособных спецпереселенцев крымских татар было занято на работах 55 869 человек или 95 %. Не работали 2 057 человек, из-за временной нетрудоспособности (больные малярией, желудочно-кишечными и другими заболеваниями) и по ряду других причин. В послевоенные годы ситуация с трудоустройством переселенцев значительно изменилась. Это было вызвано развитием индустриального сектора экономики республики. Из-за того, что сельхозпроизводство оставалось экстенсивным, что требовало больших затрат ручного труда, перераспределение занятости оказывалось невозможным, преобладающая часть местного, коренного населения оставалась занятой в аграрном секторе, а спецпереселенцы заняли вновь создаваемые рабочие места в промышленных предприятиях. Например, на Ташкентском текстильном комбинате имени Сталина было занято 2 520 спецпереселенцев, в основном женщины, из них 26 % являлись стахановцами. На промышленных предприятиях работало 2 216 спецпереселенцев, на строительстве Фархадской ГЭС было трудоустроено 1 159 спецпереселенцев. Во втором квартале 1946 года более 600 человек спецпереселенцев из числа трудоустроенных на строи-

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 95. Л. 58.

² ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 130.

тельстве Фархадской ГЭС были премированы и награждены за высокие производственные показатели¹. Таким образом, и в дальнейшем большинство крымских татар привлекалось преимущественно на работу в промышленные предприятия и строительства. Это привело к изменению социальной структуры этого народа, что уже в конце 1950–1960-х гг. большая часть крымских татар состояла из индустриальных рабочих. Наличие колхозников и интеллигенции в их структуре было минимальным.

Страшным последствием депортации стали беспризорные и безнадзорные дети, оставшиеся без родителей. По Узбекской ССР насчитывалось 8 657 таких детей. В детдома попало 5 267 ребенка, в школы ФЗО и РУ – 716 человек; и трудоустроено на работу было 2 674 подростков². В частности, Наркомпрос Уз ССР на 10/1–1945 года разместил в детдомах 1534 детей спецпереселенцев крымского контингента, оставшихся без родителей.

После депортации крымских татар была ликвидирована вся система высшего, среднего и начального образования на крымскотатарском языке, вся система культуры. Так, распоряжением СНК СССР № 13287рс от 20 июня 1944 года установлен следующий порядок обучения детей спецпереселенцев – чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар:

1) Обучение производится на русском языке в действующих начальных школах по месту их вселения.

2) Обучение детей указанных спецпереселенцев в средних и высших учебных заведениях Казахстана, Киргизии и Узбекистана проводится в существующих учебных заведениях, с правом переезда учащихся к месту нахождения этих заведений, но без права выезда за пределы республик, как во время обучения, так и после окончания учебного заведения.

3) Разрешение детям спецпереселенцев на переезд в пределах республики в места нахождения учебных заведений возлагается соответственно на НКВД союзных республик³.

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 85.

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 86.

³ Бугай Н.Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов (Свидетельствуют архивы НКВД – МВД СССР) // История СССР. – 1992. – № 1. – С. 140.

Следует сказать, что депортационная политика, проводившаяся по отношению к крымским татарам, нанесла огромный ущерб крымскотатарскому языку. Это сказалось, прежде всего, на его социальном статусе: резко и насильственно были отсечены все социальные функции языка. В условиях же спецпоселения язык выполнял лишь одну функцию – средство общения в семье. Только после отмены режима спецпоселений в 1956 году стали происходить существенные изменения в социально-культурной и образовательной сфере. С 1965 года учащиеся 3–10 классов из крымских татар получили возможность изучать родной язык два часа в неделю. С 1969 по 1990 годы при филологическом факультете Ташкентского педагогического института было открыто отделение крымскотатарской филологии. В 1986/87 учебном году в 40 школах Узбекистана родному языку обучалось около 5 тысяч учащихся крымскотатарской национальности. Преподавание велось силами 45 учителей, из которых лишь половина была специалистами, окончившими отделение крымскотатарской филологии Ташкентского пединститута им. Низами. С мая 1957 года в Узбекистане началось издание республиканской газеты «Ленин байрагы» («Ленинское знамя») на крымскотатарском языке. В 1984–1991 годах издавался литературно-общественный журнал «Йылдыз», а также две областные газеты «Дустлик» и «Бахористон акъикваты». При Узгосфилармонии создается профессиональный ансамбль «Хайтарма», а в местах компактного расселения крымцев началось радиовещание на родном языке до 1990 года три раза в неделю. Одновременно крымской молодежи был открыт некоторый доступ в отдельные вузы страны.

За годы проживания в Узбекистане крымские татары доказали свою жизнеспособность и высокий творческий потенциал. В Узбекистане продолжали творить прозаики, поэты, заявившие о себе как талантливые личности еще в довоенный период у себя на родине, в Крыму. Создание секции писателей в 1957 году при Союзе писателей Узбекистана способствовало возрождению литературы, журналистики и издательского дела. В состав секции входили крымские писатели: Шамиль Алядин, А. Дерменджи, А. Алтанлы, Э. Шемьи-заде, Ю. Болат, З. Джавтобели, Р. Тынчеров, Р. Мурад, Ф. Акимов, Г. Булганаклы. Новая поросль национальной писательской интеллигенции представлена именами

Р. Фазыл, З. Куртнезира, Черкеза-Али, Н. Умерова, У. Эдемовой, Исы Абдурахманова, Р. Алиева, Б. Мамбета. С. Нагаева, А. Велиева, Ш. Селимова и др. Рождение новой плеяды крымскотатарских писателей, пишущих на родном языке в условиях дисперсного расселения своего народа, стало настоящим явлением в истории литературы крымскотатарского этноса.

В 1960–1980-е гг. произошли особенно заметные сдвиги в развитии крымскотатарского искусства. В 1960–1970-е гг. среди живописцев выделяется творчество К. Эминова. В 1980-е гг. в Республиканском художественном училище имени П.П. Бенькова и Театрально-художественном институте была подготовлена целая плеяда художников мастеров различных видов изобразительного искусства, в том числе группа живописцев и монументалистов – А. Алиев, Р. Усейнов, А. Бараш, Р. Эминов, М. Чурлу, графиков – З. Трасинова, Э. Иззетов и др. Неоценимый вклад в воспитание новых мастеров из числа представителей крымскотатарской национальности внесли носители традиций узбекской и крымскотатарской художественной школы: К. Эминов – заслуженный деятель искусств Узбекистана, М. Чурлу – один из блестящих знатоков крымскотатарского орнамента, А. Бекиров – мастер резьбы по дереву, заслуженный работник культуры Узбекистана. Появились молодые профессиональные ювелиры и чеканщики по металлу (А. Галибов, И. и Э. Аблаевы, А. Асанов), что очень важно, поскольку ювелирные изделия являлись важной частью женского и мужского (в меньшей степени) национальных костюмов.

Творчество многих крымскотатарских деятелей искусства и культуры было отмечено высокими званиями. Звания Заслуженный артист Узбекской ССР были удостоены исполнители народных и эстрадных песен С. Эреджепова, Э. Топчи, Ф. Билялов, У. Керменчекли, Г. Бекирова, композиторы И. Бахшиш, К. Сетвелиев, балерины Узбекского государственного театра оперы и балета им. Навои Д. Керимова и С. Хайбуллаева. Звание заслуженный деятель культуры в Узбекистане было присвоено композитору Э. Налбандову. Своим талантом прославился певец (тенор) Государственного Академического Большого театра имени А. Навои Руслан Гаффаров.

Следует отметить, в исследуемый период шел интенсивный процесс формирования научных и педагогических кадров высшей квалификации. Большая часть ученых была сосредоточена в Узбекской ССР. Всей республике известны имена докторов технических наук Тейфука Асанова и Февзи Якубова, доктора химических наук – Асана Муртазаева, доктора архитектуры – Заремы Ногаевой, архитектора – Энвера Асанова, докторов медицинских наук – Рифата Мамутова, Эльзара Бахишева, С. Билялова, Саида Руми, Абдуллы Аджимуллаева и многих других. Получили признание в Узбекистане и за его пределами труды востоковеда-тюрколога, доктора филологических наук – Айдера Меметова, историка – Гульсум Михалевой.

За годы совместного проживания с другими народами в Узбекистане крымские татары зарекомендовали себя хорошими специалистами в самых разных отраслях народного хозяйства, как в городах, так и в сельской местности. Многие крымскотатарские ученые были выдвинуты на руководящие должности в Узбекистане. Например, генеральный директор объединения «Узавтотранстехника» доктор экономических наук Л. Ахметов на протяжении 1980–1990-х гг. возглавлял министерство автомобильного транспорта, кандидат экономических наук С. Омеров – министерство строительства, Э. Таймазов – легкую промышленность Узбекистана. Таким образом, в 1970–1980-е гг. сформировалась научная элита крымских татар в Узбекистане, многие из которых в данное время продолжают свою деятельность в Крыму и вносят свой вклад в науку, культуру и образование.

Несмотря на массовое возвращение крымских татар в конце 1980-х и 1990-х гг. на свою этническую родину, среди крымскотатарской диаспоры Узбекистана осталось немало талантливых специалистов в области науки, культуры и образования. В настоящее время в Ташкенте действует городской национальный культурный центр крымских татар «Авдет» («Возвращение», был создан в 1997 году), он объединяет крымских татар Узбекистана, которые стремятся к общению друг с другом, сохранению вдали от родины своего языка, культуры, традиций и обычаев. Центром проводятся памятные встречи, посвященные видным деятелям литературы и искусства и другим знатым представителям диаспоры, организуются различные концерты и другие мероприятия.

Таким образом, в результате депортационной политики в 1944 году крымскотатарский народ был насильно выселен из родных мест, и основная его часть попала в Узбекистан. Эта политика обернулась трагедией в жизни народа. Первые годы жизни в депортации, в новых климатических условиях и обстановке продолжения войны складывались очень тяжело, узбекский народ и правительство сделали максимум возможного в тех сложных условиях, чтобы принять, разместить и трудоустроить всех переселенцев. За годы проживания в Узбекистане крымские татары нашли с узбекским народом полное взаимопонимание. В Узбекистане выросла и была сформирована крымскотатарская интеллигенция. Представители крымскотатарского народа внесли и вносят свой вклад в науку, культуру, образование и различные сферы народного хозяйства Узбекистана. Даже после возвращения большинства крымских татар на их историческую родину, Узбекистан был и остается их второй Родиной.

ЗВУКОВЫЕ ЗАПИСИ ТАТАР–ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В АРХИВАХ ВЕНЫ И БЕРЛИНА¹

В статье дается анализ аудиоматериалов из архивов Германии и Австрии, выполненных европейскими исследователями среди военнопленных татар в лагерях Первой мировой войны. Описывается методика, примененная венгерскими, немецкими и австрийскими исследователями для сбора и фиксации материала. Описываются архивные фонды и коллекции, в которых хранятся данные материалы, и онлайн ресурсы, доступные для исследователей.

Ключевые слова: аудиоматериалы, татарский фольклор, военнопленные, Первая мировая война, фонограммархивы, музыкальная этнология.

К старейшим звуковым архивам мира относятся Венский и Берлинский фонограммархивы, возникшие на рубеже XIX–XX вв. Венский фонограммархив является в настоящее время одним из институтов Австрийской академии наук². Берлинский фонограммархив представляет собой часть отдела «Музыкальная этнология» Берлинского этнологического музея³. Наряду с Берлинским фонограммархивом в столице Германии существует Звуковой архив Берлинского университета им. Гумбольдта, официально основанный в 1920 году, но содержащий звуковые доку-

¹ Статья основана на материалах, впервые опубликованных в сборнике: *Tatar Materials in German Archives. Issue 1 = Документы по истории татар в архивохранилищах Германии. Книга 1. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage»*. Вып. 3 / Отв. ред.: М.М. Гибатдинов, Штефан Тайлиг, Мисте Хотопп-Рике. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – С. 153–157.

² См.: www.phonogrammarchiv.at

³ См.: www.smb.museum/museen-und-einrichtungen/ethnologisches-museum

менты и более раннего времени – начиная с 1909 года¹. Значительная часть материалов названных архивов – как звукозаписей, так и сопровождающей их документации – в последние годы была переведена на цифровые носители информации. В коллекциях указанных архивов Берлина и Вены хранятся, наряду с прочими, звуковые документы, записанные в военных лагерях Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны². Среди военнопленных были представители тюркских народов, сражавшихся в войсках российской армии: волжские и крымские татары, башкиры, чувашаи, кумыки, туркмены, киргизы и другие. В Венском фонограммархиве представлены звукозаписи разных этнических групп татар. Записи производились на восковых фоноваликах («цилиндры Эдисона») посредством фонографа. В настоящее время обнаружено 10 валиков с записями казанских татар, 7 валиков с записями татар-мишарей, 2 валика с записями астраханских татар-ногайцев и 10 валиков с записями крымских татар. Записи казанских, астраханских татар и татар-мишарей проводились с 8 по 12 августа 1915 года, а также 2 и 7 августа 1916 года в лагере под городом Эгер (в настоящее время: город Хеб в Чехии). Записи крымских татар проводились там же 8 августа 1915 года, а также 26, 28 августа и 24 сентября 1916 года. В записях 1915 года принимал участие известный венгерский тюрколог Игнац Кунош (Ignác Kúnos, 1860–1945). В документации к 21 фоновалику, включая два валика с кумыкским материалом, сохранились транскрипции записанных текстов, выполненные Куношем латинским шрифтом. Кроме того, Игнац Кунош проводил в лагере самостоятельные исследования³; его материалы впоследствии попали в

¹ См.: www.lautarchiv.hu-berlin.de

² Scheer, Monique. *Captive Voices: Phonographic Recordings in the German and Austrian Prisoner-of-War Camps of World War I*. In: *Doing Anthropology in Wartime and War Zones. World War I and the Cultural Sciences in Europe* / Reinhard Johler, Christian Marchetti, Monique Scheer (Eds.). Bielefeld: transcript, 2010. – Pp. 279–309 (http://www.academia.edu/14483841/Captive_Voices_Phonographic_Recordings_in_the_German_and_Austrian_Prisoner-of-War_Camps_of_World_War_I).

³ См.: Kakuk, Zsuzsa. *Ignác Kúnos' Nachlass in der Orientalischen Sammlung der Bibliothek der Ungarischen Akademie der Wissenschaften // Jubilee Volume of the Oriental Collection 1951–1976 ...* / Edited by Éva Apor. Budapest:

Венгерскую академию наук и были частично изданы, в том числе и в Казани в сборниках татарского фольклора (серия «Татар халык ижаты» и другие издания). Материалы, записанные от татар в лагере Эгер/Хеб, представляют собой в основном народные песни разных жанров: «короткие», протяжные, баит и другие. Также на фоновалики было записано два прозаических фрагмента. Первый из них – начало сказки «Белый волк» (Ак бүре), исполнитель – казанский татарин Шахид Валеев, в документации к записям Венского фонограммархива его имя транскрибировано как Schahid Velioff и Sehîd Veliof. Эту же сказку в полном виде Игнац Кунош опубликовал в издании 1925 года¹. Впоследствии сказка не раз переиздавалась, в том числе и в Татарстане². Текст, записанный на фоновалик, незначительно отличается от варианта, опубликованного Куношем. Второй прозаический фрагмент – юмористический рассказ о казые (религиозном судье) Абдурахмане, исполнитель – крымский татарин Фазыл Эдилерский (Fazîl Edilerski). Наряду с аудиозаписью на фоновалики, образцы татарского фольклора записывались и транскрибировались в лагерях на слух. Нотную транскрипцию мелодий песен осуществил известный австрийский музыковед Роберт Лак (Robert Lach, 1874–1961), тексты записывались уже названным Игнацем Куношем, а также самими военнопленными. На основе этих транскрипций венский тюрколог Герберт Янски (Herbert Jansky, 1898–1981) впоследствии оформил подтекстовку песен, которая была использована в серии изданий музыкального фольклора военно-

Library of the Hungarian Academy of Sciences, 1978. S. 115–126 (http://library.hungaricana.hu/hu/view/MTAKonyvtarKiadvanyai_KTOS_02/?pg=116&layout=s исслед.). См. также: Жамалетдинов Л. Венгр галиме татарлар арасында // Казан утлары. – 1990. – № 2. – 155–160 б.

¹ Dr Ignace Kunos. *Türk halk adabîjâty (De la poésie populaire turque ouvrage contenant les conférences tenues à ce sujet à l'Université de Constantinople)*. Istanbul: İkbâl kütüphanesi, 1343 (1925).

² См. в частности: Татар халык ижаты. Экиятләр (беренче китап). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 185–202 б.; Әсирлектән кайткан экиятләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. – 120–143 б.; О судьбе сказки см. статью: Жамалетдинов Л. «Ак бүре»нең илгә кайтуы // Казан утлары. – 1987. – №8. – 180–183 б.

пленных, осуществленных Венской академией наук¹. Дальнейшая судьба оригинальных текстовых транскрипций, послуживших основой для работы Герберта Янски, на данном этапе обработки материалов архива неизвестна. В настоящее время Венский фонограммархив готовит к изданию компакт-диск с хранящимися в нем звуковыми записями военнопленных Первой мировой войны и сопровождающим буклетом.

В Берлинском фонограммархиве представлены записи военнопленных волжских и крымских татар, сделанные на восковые валики посредством фонографа в лагерях во Франкфурте-на-Одере, Касселе-Нидерцверене, Пуххайме, Пархиме, Кемнице, Мерзебурге и Ордруфе. Записи производились Королевской Прусской фонографической комиссией под руководством известного музыковеда Георга Шюнемана (Georg Schünemann, 1884–1945). Точные даты записей в большинстве случаев отсутствуют. Порой указан год (например: 1916 год для записей в лагере в Ордруфе) или временной промежуток (с 11 по 16 января 1918 года для записей в лагере в Пархиме). Записывались как народные песни различных жанров, так и инструментальные мелодии, а также суры Корана, призыв к молитве (азан) и фрагмент групповой молитвы на арабском языке. По имеющимся в моем распоряжении данным в архиве хранятся 47 фоноваликов с записями, сделанными от волжских татар (без последовательно проведенного разделения на отдельные этнические группы) и 18 валиков с записями крымских татар. К аудиозаписям прилагаются различные виды сопровождающей документации. Во-первых, это тек-

¹ Обработанные материалы слуховых транскрипций были изданы в книгах: *Gesänge Russischer Kriegsgefangene aufgenommen und herausgegeben von Robert Lach [...]. II. Band: Turktatarische Völker. 1. Abteilung: Krimtatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Dr. Herbert Jansky. 61. Mitteilung der Phonogrammarchivs-Kommission. Vorgelegt in der Sitzung am 16. Oktober 1929. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Templinsky A.-G., 1930; Volksgesänge von Völkern Rußlands aufgenommen und herausgegeben von Robert Lach [...]. II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärise, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und tscherkessisch-tatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. 78. Mitteilung der Phonogrammarchivs-Kommission. Vorgelegt in den Sitzungen am 28. Juni 1939 und 10. Oktober 1951. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1952.*

стовые записи в тетрадях и на отдельных листах: сведения об исполнителях, транскрипции текстов, выполненные частично арабским, частично латинским шрифтом, в редких случаях и кириллицей. В ряде случаев текстовые транскрипции выполнялись, очевидно, самими военнопленными. Во-вторых, к некоторым аудиозаписям прилагаются рукописные нотные транскрипции мелодий, выполненные Георгом Шюнеманом. Свои наблюдения над народной музыкой татар и некоторых других народов Поволжья Георг Шюнеман обобщил в статье «Песни казанских татар»¹, изданной в первом номере журнала «Archiv für Musikwissenschaft». В статье приведены нотные транскрипции 19 татарских мелодий, записанных от татарских военнопленных; 14 мелодий даны со словами – среди них такие известные песни, как «Ай, алмагачлары», «Күк күгәрчен» и другие. Тексты были транскрибированы и переведены на немецкий язык известным востоковедом Готтхольдом Вайлем (Gotthold Weil, 1882–1962). С именем Вайля связаны и записи татарских военнопленных Первой мировой войны, хранящиеся в Звуковом архиве Берлинского университета им. Гумбольдта². Частично речь идет о по сути идентичном материале (одни и те же песни, записанные в одном и том же лагере от одних и тех же исполнителей), но сохраненном на разных носителях: если записи Берлинского фонограммархива сохранились на восковых фоноваликах, то в Звуковом архиве собраны записи на граммофонных пластинках. Записи татарских военнопленных, хранящиеся в Звуковом архиве, велись в лагерях в Цоссене (2 марта 1916 года), Вюнсдорфе (30 и 31 декабря 1916 года) и Пуххайме (31 января 1917 года). В настоящее время выявлено 10 пластинок с записями волжских татар и 6 пластинок с записями сибирских татар. Наряду с песнями разных

¹ Schünemann Georg. Kasantatarische Lieder // Archiv für Musikwissenschaft. Erster Jahrgang 1918–1919. S. 499–515. (Берлинский Государственный институт музыкознания: http://digital.sim.spk-berlin.de/viewer/image/783919026-01/518/LOG_0041/; Internet Archive: <https://archive.org/stream/ArchivFrMusikwissenschaft/011918-19#page/n0/mode/2up>).

² См. статью: Гилязов И.А. Готтхольд Вайль как исследователь татар и татарского языка // Филология и культура. – 2015. – № 1 (39). – С. 269–273. (<http://cyberleninka.ru/article/n/gotthold-vayl-kak-issledovatel-tatar-i-tatarskogo-yazyka>).

жанров, были записаны пословицы, названия дней недели, ряд цифр, призыв к молитве (азан, на арабском языке), а также рассказ о себе Нурмухаммеда Хисаметдина (Nur Muhammed Hisameddin) из Тобольска. Текстовая документация к аудиозаписям, выполненным под руководством лингвиста Вильгельма Дёгена (Wilhelm Albert Doegen, 1877–1967), включает в себя информацию о месте и дате записи и – не во всех случаях – об исполнителях; к записям прилагаются выполненные Готтхольдом Вайлем транскрипции текстов арабским и латинским шрифтом, переводы и комментарии. Впоследствии Готтхольд Вайль издал часть текстовых материалов, собранных от военнопленных-татар, в своей книге «Татарские тексты»¹. Информация о звуковых записях, сделанных от военнопленных-татар и хранящихся в Берлинском фонограммархиве, общедоступна в интернете на страницах Немецкой цифровой библиотеки www.deutsche-digitale-bibliothek.de – в поисковое окно на сайте следует ввести ключевые слова на немецком языке, например «tatarische Lieder» («татарские песни»). Информацию о записях, хранящихся в Звуковом архиве, можно получить на сайте Научных коллекций Берлинского университета им. Гумбольдта – поиск целесообразно вести, введя в поисковое окно на странице www.sammlungen.hu-berlin.de/search/ слово «tatar». Предполагается, что и сами аудиозаписи (во всяком случае, те, которые хранятся в Берлинском фонограммархиве) в будущем могут быть размещены на сайте Немецкой цифровой библиотеки.

¹ Tatarische Texte: nach den in der Lautabteilung der Staatsbibliothek befindlichen Originalplatten herausgegeben, übersetzt und erklärt von Gotthold Weil. Berlin; Leipzig: W. deGruyter&Co., 1930. Восемь песенных куплетов из этой книги были перепечатаны кириллицей в сборнике: Татар халык ыжаты. Кыска жырлар (дүртюллыклар). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976.

**КРАТКИЙ ОБЗОР СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ
ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ ТАТАР 1940–1941 ГГ.
ИЗ «ОСОБОГО АРХИВА ЛИТВЫ» (ВИЛЬНИУС, ЛИТВА)**

В статье рассмотрены архивно-следственные дела из т.н. «Особого архива Литвы» (Lietuvos Ypatingasis Archyvas), имеющие отношение к татарскому населению г. Вильно и Виленского края, в 1920–1930-х гг. входившего в состав Польского государства. Эти документы эпохи сталинских репрессий рубежа 1930–1940-х гг. являются очень сложным и противоречивым источником, несущими на себе печать тоталитарной эпохи с ее массовыми фальсификациями. В то же время они представляют большую ценность при изучении как судеб отдельных, чрезвычайно важных для татарской общины Польши и Литвы, исторических персон, а также для реконструкции и более полного описания истории татарской общины в данном регионе.

Архивно-следственные дела содержат ценную информацию, способную прояснить судьбы многих общественных деятелей, представителей как польско-литовских татар, а также эмигрантов из числа поволжских татар (Гаяз Исхаки, Гаян Ваисов, Шариф Айдаров и др.), и они впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: польско-литовские татары, Советская власть, репрессии рубежа 1930–1940-х гг., архивно-следственные дела, Ольгерд Кричинский, Александр Ахматович, Константин Ахматович, Яков Романович.

В данной статье будут рассмотрены архивно-следственные дела из т.н. «Особого архива Литвы» (Lietuvos Ypatingasis Archyvas), имеющие отношение к татарскому населению г. Вильно и Виленского края, в 1920–1930-х гг. входившего в состав Польского государства. Эти документы эпохи сталинских репрессий конца 1930–1940-х гг. являются очень сложным и противоречивым источником, несущим на себе печать тоталитарной эпохи с массовыми фальсификациями. Известно, что материалы

архивно-следственных дел как источники грешат многочисленными недостатками.¹ Само следствие велось с массовыми и вопиющими нарушениями элементарных процессуальных норм, с использованием разнообразных мер физического (физическое насилие, ночные допросы) и психологического воздействия (угрозы семье, увещевания и шантаж, игра в «доброе» и «злого следователя» и пр.). Протоколы допросов, даже состоящие из сугубо «чистосердечных признаний», всегда имеют двойное авторство: самого допрашиваемого и следователя, который зачастую вел следствие по заранее разработанному сценарию, не позволяя отступать от плана. Все это придает ходу следствию, выводам и даже мере выносимого наказания – predeterminedность, а на сами архивно-следственные дела накладывает печать неизбежной искаженности и фальсифицированности. Все обозначенные проблемы, достоинства и недостатки данного вида исторического источника в полной мере применимы к архивно-следственным делам, отложившимся в «Особом архиве Литвы».

С другой стороны, исследователи не должны игнорировать данный вид источника, особенно применительно к татарским общинам, так как документы национальных организаций, мусульманских общин и структур, а также личные архивы большинства религиозных и национальных активистов были просто уничтожены (иногда вместе с их владельцами) на рубеже 1939–1940 гг. В силу этой объективной источниковой «бедности» особо возрастает ценность сохранившихся материалов архивно-следственных дел репрессированных польско-литовских татар, включающие протоколы допросов, показания, донесения свидетелей, веще-

¹ Перемышленникова Н.М. Архивно-следственное дело как исторический источник // Вестник архивиста. 2000. № 4–5; Ковальчук Л.В. Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел. Одесса, 2002; Журавлев С.В. «НКВД напрасно не сажает»: Особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник. 2004. С. 371–398; Луцишин А.В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов 20–30-х гг. в качестве исторических источников // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 234–242; Нуйкина Е.Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства – информационный источник по истории русской православной церкви // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 58–73.

ственные улики и пр. Эти документы содержат немало важных сведений, проливающих свет на функционирование мусульманской общины в восточных областях II Речи Посполитой.

Архивно-следственные дела содержат также ценную информацию для прояснения персональных судеб отдельных национальных деятелей. В частности, именно благодаря материалам следственного дела Ольгерда Кричинского, впервые обнаруженного и опубликованного автором этих строк в середине 2000-х гг., были уточнены ранее неизвестные аспекты биографии, особенно в отношении последних месяцев жизни и даты его гибели¹.

Статистические данные относительно польско-литовских татар в предвоенный период

Об основных тенденциях национальной жизни польско-литовских татар в межвоенный период (1920–1930-е гг.) есть целая серия исследований на польском, русском и английском языках. Но практически все исследователи ограничиваются периодом нахождения г. Вильно в составе Польши и завершают свои работы рубежом 1939/1940 гг.² Период репрессий 1940-х гг. остается вне поля их внимания.

В целом татары представляли собой самое малочисленное из национально-религиозных групп Польского государства. В межвоенный период (с 1920 по 1940 год) территория с татарскими селами и городским населением, в основной своей массе, вхо-

¹ См.: Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Следственное дело Ольгерда-Найман-Мирза Кричинского // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 2. С. 136–146.

² Olgierd Najman Mirza Kryczynski, Ruch Nacionalistyczny a Tatarzy Litewscy. – Wilno 1932; Leon Najman Mirza Kryczynski, Tatarzy polscy a Wschod musulmanski // Rocznik Tatarski, t. 2. – Zamość 1935; Kryczynski Leon, Historia meczetu w Wilnie. Proba monografii. – Warszawa, 1937; Stanislaw Kryczynski, Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej. – Warszawa, 1938; Egdunas Raciunas, Muslims of Interwar Lithuania: The Predicament of a Torn Autochthonous Ethno-Confessional Community // Muslim in Interwar Europe: A Transcultural Historical Perspective. Ed. by Bekim Agai, Umar Ryad, Mehdi Sajid. – Leiden: Brill, 2016. P. 178–204; Ali Miskiewicz, Tatarzy polscy. 1918 – 1939. Zycie spoleczno-kulturalne i religijne. – Warszawa, 1990; Гришин Я. Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. – 30-е годы XX века). – Казань, 2009. 412 с.

дила в состав Польского государства. По Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. Польше были переданы большая часть Виленской губернии во главе с г. Вильно, почти половина Минской губернии и вся Гродненская губерния. В силу изменчивости административно-территориальных границ и разного характера проводимых переписей населения, относительно численности татарско-мусульманского населения имеются довольно противоречивые и не всегда полные статистические данные.

Перепись, проведенная в декабре 1919 г. в Виленском, Брест-Литовском и Минском округах, выявила 5639 мусульман¹. Перепись 1923 г. насчитывала уже 4980 мусульман. Она считается наиболее достоверной. В то же время в перепись не были включены татары-мусульмане, проживавшие в Варшаве и вообще на западе Польши. В 1925 г. накануне проведения Всепольского съезда делегатов мусульманских гмин члены Виленской мусульманской гмины при сотрудничестве Мусульманского союза Варшавы сами занялись статистическими подсчетами. Общая численность татарской общины была определена в 5805 человек, включая 2464 человек в Виленском и 2091 человек – в Новогрудском воеводстве. Начиная с 1926 г., когда был учрежден и стал функционировать муфтият, переписи татарского населения стали проводиться на регулярной основе, а их данные публиковались на страницах национальных периодических изданий. В середине 1930-х гг. в Польше в общей сложности проживало 5425 татар (в том числе в Новогрудском воеводстве 2532 и в Виленском воеводстве – 2197 человек). Помимо этого, в середине 1930-х гг. чуть более одной тысячи проживало на территории Литовской республики² (без Вильно, естественно) и порядка 4000 – на территории Белоруссии в составе СССР³. В середине – второй поло-

¹ Здесь и далее все статистические данные 1920 – 1930-х гг. указаны по следующему исследованию: Гришин Я.Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. – 30-е годы XX века). – Казань, 2009. С. 355–360.

² См.: Egdunas Raciū, *Muslims of Interwar Lithuania: The Predicament of a Torn Autochthonous Ethno-Confessional Community // Muslim in Interwar Europe: A Transcultural Historical Perspective.* – Leiden, 2016. P. 185.

³ В частности, в начале 1920-х гг. в БССР (в основном в Минске и Минской области) проживало 3777 татар. Только в Минске в 1923 г. было 1045 татар, а в 1926 г. – 1283 татар. См.: Канапацкая З. Политические ре-

вине 1930-х гг. в г. Вильно, согласно данным мусульманской гмины, постоянно проживало 250 татар, включая и немногочисленных эмигрантов. Таким образом, к концу 1930-х гг. численность польско-литовско-белорусских татар была между 8000–10000 человек, да и то разделенных на неравные группы между тремя государствами (II Речь Посполитая, независимая Литва и советская Белоруссия). В общей численности населения Польши (от 27,2 млн. в 1921 г. до 34,9 млн. человек в 1938 г.) удельный вес татар был менее десятой доли процентов. Очевидно, что в Польском государстве татарское население пользовалось всеми правами национальных меньшинств и было довольно свободно во внутренних культурно-национальных и религиозных делах.

После знаменитого советско-германского соглашения о разделе Восточной Европы на зоны влияния и начала Второй мировой войны, г. Вильно и окрестности были заняты Красной Армией (18.09.1939) и переданы Литовской республике (10.10.1939). Менее чем через год (03.08.1940) Литва официально входит в состав СССР, а вместе с ней в Советском Союзе оказывается и Вильнюс, объявленный столицей Литовской ССР. После начала Великой Отечественной войны Вильнюс некоторое время (с 23.06.1941 до 13.07.1944 г.) находился в немецкой зоне оккупации со всеми вытекающими последствиями. Таким образом, вслед за административно-территориальными изменениями следовали и социально-политические перемены, а установление и восстановление Советской власти (советизация) сопровождалось массовыми репрессиями, документы которых собственно отложились в «Особом архиве Литвы» (Lietuvos Ypatingasis Archyvas).

Архивно-следственные дела мусульман татар 1940–1941 гг. из «Особого архива Литвы» (Вильнюс)

В «Особом архиве Литвы» хранятся документы Комитета государственной безопасности (КГУ) Литовской ССР начиная с 1940 г., в том числе персональные архивно-следственные дела. Данные документы доступны и открыты для всех исследователей в полной мере. В фонде архива (Ф. К–1, оп. 58) хранится порядка

прессии в судьбах белорусских татар (30-е гг. XX века) // *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne*. Red. A. Konopacki. Białystok, 2015. С. 31–32.

десятка-двух десятков следственных дел репрессированных татар, датируемых 1940-ми гг. Очевидно, что далеко не все татарские архивно-следственные дела сохранились в полной мере. Ряд дел «поволжских татар» был передан в российские архивы еще в советское время. Наконец, в некоторых делах очевидно видны следы «чисток». Общее количество таких дел небольшое. Но если учесть общую немногочисленность польско-литовских татар (даже с учетом эмигрантов-мусульман), доля репрессированных виленских татар будет весьма ощутимой: из проживавших в середине-второй половине 1930-х гг. в г. Вильно около 200–250 татар был репрессирован каждый десятый.

Если проанализировать обвинения, которые чаще всего предъявлялись арестованным польско-литовским татарам, то их можно объединить в следующие условные группы: а) обвинения в «антисоветской» деятельности и в проведении активной борьбы против коммунистов в составе бывшего польского государства (в 1920 – 1930-х гг.); б) привлечение к уголовной ответственности за «старые» грехи (участие в гражданской войне на стороне белого движения или же в составе польской армии); в) обвинения в националистической деятельности (т.н. дело «Восток», по которому были привлечены лидеры культурно-национальных и религиозных организаций); г) обвинения в антисоветской деятельности и сотрудничестве с оккупационными войсками в годы Второй мировой войны. В данном обзоре я остановлюсь лишь на наиболее знаковых делах, датируемых первой волной репрессий (т.е. 1940 – 1941 гг.).

Поначалу аресты носили выборочный характер и людей «брали» по доносам тех, кто занимал слишком видное положение в силу своего социального, материального или общественного статуса. Первые аресты были произведены уже 12–13 июля 1940 г., последние – 14 июня 1941 г., т.е. буквально за две недели до начала Великой Отечественной войны. Хронология арестов в 1940–1941-х гг. была следующей: Константин Ахматович и Мустафа Янушевский (12.07.1940), Гаян и Асаф Ваисовы (13.07.1940), Алибек Алибеков (24.07.1940), Александр Ахматович (7.08.1940), Яков Романович (22.10.1940), Шариф Айдаров (20.12.1940), Ольгерд Кричинский (13.02.1941), Мустафа Мухля (14.06.1941). Это далеко не полный список арестов и следствен-

ных дел татар, живших накануне войны в Вильно. Еще несколько дел не были возбуждены, хотя и лежали в стартовой готовности, из-за отъезда или отсутствия потенциальных подследственных (например, 23 марта 1941 г. в отношении муфтия Эдигея Шинкевича, Али Полторжицкого и Гаяза Исхаки как идеологов движения «Идел-Урал» было выделено отдельное потенциальное следственное дело «Восток»).

Согласно директиве НКГБ СССР, после вхождения в состав СССР территории Прибалтийских республик должны были быть очищены от антисоветского чуждого элемента. Под это понятие «антисоветский чуждый элемент» подходили практически все более-менее значимые члены общества. Учитывая социально-профессиональный состав польско-литовских татар¹, большое количество дворянских родов и высокий процент военных на офицерских должностях, к «антисоветскому чуждому элементу» мог быть отнесен практически каждый второй виленский татарин. Не случайно, что среди арестованных так много было бывших царских офицеров (А. Алибеков, К. Ахматович, М. Мухля, Я. Романович, М. Янушевский и др.).

Также среди арестованных оказались видные руководители татарской общины г. Вильно – братья Константин и Александр Ахматовичи, Ольгерд Кричинский и Яков Романович. Именно на обзоре их архивно-следственных дел я и остановлюсь подробнее.

Итак, одними из первых арестованных (12 июля 1940 г.) стали Константин Ахматович и бывший царский офицер Мустафа Янушевский². Представители рода Ахматовичей являлись выходцами из Большой Орды и появились на территории ВКЛ уже в 20-х гг. XV века. Большинство уроженцев клана Ахматовичей до начала XX столетия состояли на военной службе. Во второй по-

¹ Подробную социально-профессиональную характеристику татар см.: Гришин Я.Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. – 30-е годы XX века). – Казань, 2009. С. 342–365.

² Следственное дело Константина Ахматовича // Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. Р–14268. Подробнее о нем см.: Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. Т. 1. С. 239; Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Братья Ахматовичи // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 1. С. 126–141; Усманова Д.М. Ахматовичи // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М., 2009. С. 27–28.

ловине XIX столетия некоторые из Ахматовичей избирают такие сферы деятельности, как общественная служба, медицина, юриспруденция. Среди последних был и сенатор Александр Матвеевич Ахматович¹ (1865–1941?), в начале XX столетия занимавший видное место в среде литовских татар. Один из его пяти сыновей – поручик Богдан А. Ахматович погиб от ранений и контузии в Первой мировой войне (26.02.1916)². Двое других – Александр и Константин – стали жертвами сталинских репрессий. Четвертый сын Лев (1894–1941?) пал жертвой нацистской оккупации территории Польши. Только Осман (1899 – 4.12.1988) благополучно пережил все катаклизмы 1940-х гг. и в послевоенной Польше стал видным ученым (профессор и ректор Политехнического института в г. Лодзь) и государственным деятелем (заместитель министра просвещения)³.

Константин Александрович Ахматович (1897–1941?) получил высшее юридическое образование в Виленском университете (1923) и впоследствии, вплоть до распада Польского государства (1939), являлся судьей Виленского окружного суда. Вскоре после оккупации территории Литвы советскими войсками начались многочисленные аресты и первым из арестованных стал именно он. После томительного ожидания в неизвестности (он был арестован 12 июля 1940 года, а первые допросы начались только 5 октября, причем поначалу его допрашивали лишь преимущественно в отношении арестованного брата Александра), 12 марта 1941 г. Константин Ахматович был обвинен в принадлежности к антисоветским элементам и проведении контрреволюционной деятельности («проводил борьбу против рабочего класса и революционного движения»)⁴. 24 мая 1941 года он был осужден к

¹ Усманова Д.М. Ахматович Александр Матвеевич // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М., 2009. С. 27; Якубаускас А. Александр Матвеевич Ахматович // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 241.

² <http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2185004/> (Дата обращения: 21.12.2017).

³ Ахматович Осман // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. Т. 1. С. 239.

⁴ Подробнее об обстоятельствах ареста и содержание протоколов допросов см.: Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар

восьми (8) годам заключения в исправительно-трудовом лагере (без конфискации имущества). Дальнейшая судьба его неизвестна. В личном деле нет никаких свидетельств об освобождении его из мест заключения, или же об этапировании вглубь страны. Вскоре после начала Отечественной войны большинство арестованных и осужденных были переведены из литовских тюрем во внутренние районы страны. Возможно, определенная часть осужденных была просто физически уничтожена. В условиях угрозы быстрой оккупации территории Литвы немецкими войсками факты расстрелов не всегда фиксировались документально. При этих обстоятельствах судьба Константина Ахматовича может быть прояснена только после изучения материалов из архива ФСБ.

Его старший брат – *Александр Александрович Ахматович* (1896–1941?) также был арестован в числе первых виленских татар. А.А. Ахматович после получения традиционного для литовских татар военного образования, прохождения военной службы в 1916–1920 гг. переехал в Вильно и поступил на юридический факультет Виленского университета (1920–1926). После окончания учебы и вплоть до распада польского государства (1939) он служил судьей на территории Польши. В 1939 г., подобно многим государственным служащим бывшего польского государства, он оказался без работы и средств существования. Это обстоятельство привело его к родным в Вильно, что имело трагические последствия.

Вот как сам А.А. Ахматович показывал обстоятельства принятия литовского гражданства: *«Когда в сентябре 1929 года Красная Армия вошла в Вильно, я проживал в Вильно – там остался жить и дальше. С работы Литовское правительство меня уволило, и я остался безработным. Будучи безработным, я обращался в немецкую комиссию и просил, чтобы мне дали разрешение на право выезда в Честохов, на территорию Польского генерал-губернаторства. Мне ответили, что в Германию можно уехать только, имея на руках заграничный паспорт, а для этого нужно принять литовское подданство и тогда можно получить*

из архива Литвы. Братья Ахматовичи // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 1. С. 126–141.

визу на въезд».¹ Следовательно, для братьев Константина и Александра Ахматовичей негативное последствие имело то обстоятельство, что весной 1940 г. оба брата приняли литовское гражданство.

После ареста брата Александр Ахматович из-за опасений ареста попытался нелегально пересечь советско-немецкую (ранее литовско-польскую) границу, но 7 августа 1940 г. при переходе границы был арестован и препровожден в тюрьму г. Каунас². С сентября 1940 г. по март 1941 г. производились массовые допросы с пристрастием, итогом чего стали подробные признательные показания. В итоге ему было предъявлено обвинение по ст. 58–1а и 58–13. Александр Ахматович обвинялся в том, что был враждебно настроен к Советской власти, служил офицером в армии Деникина, затем служил в польской армии и участвовал в советско-польской войне; в 1928–1939 гг., работая на судебных должностях, «вел активную борьбу с коммунистическим и революционным движением»; наконец, в 1940 г. пытался выехать на территорию Германии. В итоге, 19 мая 1941 года военный трибунал приговорил его к высшей мере наказания (расстрелу) с «конфискацией всего лично принадлежащего ему имущества».

Во время процесса обвиняемый лишь частично признал свою вину, отвергнув обвинение в измене: *«Я не считаю себя изменником Родины, так как я никогда не был гражданином СССР, своей родиной я считал Польшу, а на территории бывшего польского государства сейчас образовано польское генерал-губернаторство, судьба которого еще неизвестна, так как война еще не окончена и еще неизвестно, кто будет победителем. Поэтому не считаю себя изменником, поэтому предъявленное мне обвинение считаю неосновательным»*³. В последнем слове Александр Ахматович сказал: *«Я никогда не жил политической жизнью и честно исполнял гражданский долг. Литву я никогда не считал своей родиной, я Польшу считал своей родиной, которую и защищал, поэтому не считаю себя изменником родины. Счи-*

¹ См.: Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. 37391/3. Лл. 50–51.

² Следственное дело Александра Ахматовича // Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. 37391/3.

³ Цит. по: Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. 37391/3. Лл. 48–51.

таю себя виновным перед Советским Союзом за свою прошлую деятельность, поэтому прошу вынести справедливый приговор»¹.

В личном деле Александра Ахматовича не сохранилось документов о приведении приговора в исполнение. Осужденный мог быть расстрелян в первые недели войны, а мог и спастись в суматохе первых дней войны. Проверка 1965 г. не помогла прояснить его судьбу: «В ходе проверки по материалам уголовного дела № 37391/3 на Ахматовича Александра Александровича (...) установлено, что указание о приведении приговора в исполнение Военной Коллегией Верховного Суда СССР было дано 27 июня 1941 года, т.е. после начала Великой Отечественной войны СССР против фашистской Германии. Осужденный Ахматович, содержащийся в каунасской тюрьме, не был обнаружен в числе заключенных, эвакуированных в 1941 году из прифронтовой полосы. Несмотря на то, что данные об исполнении приговора в отношении Ахматовича нет, появление его в наиболее вероятных местах в военное и послевоенное время не отмечено. Данных о судьбе Ахматовича не получено»².

Практически сразу после ареста Константина Ахматовича, 13 июля 1940 г. были арестованы отец и сын **Гаян и Асаф Ваисовы**³, жившие в г. Вильно с начала 1920-х гг. К сожалению, в «Особом архиве Литвы» следственные дела арестованных Ваисовых не сохранились и судьба их покрыта тайной⁴.

Сильным ударом по религиозной общине виленских татар стал арест члена муфтията Польши и заместителя муфтия **Якова**

¹ Цит. по: Особый архив Литвы. Ф. К-1. Оп. 58. Д. 37391/3. Лл. 51.

² Цит. по: Особый архив Литвы. Ф. К-1. Оп. 58. Д. 37391/3. Лл. 75.

³ Особый архив Литвы. Ф. К-1. Оп. 8. Д. 3. Лл. 8, 28.

⁴ О представителях семьи Ваисовых, особенно о Гаяне Ваисове, в Литве подробнее см.: Усманова Д.М. Ваисовцы в Литве // *Orietas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai.* – Vilnius, 2008. С. 253–262; Усманова Д.М. Контакты волго-уральских и польско-литовских татар в первой трети XX в.: культурно-религиозные и общественно-политические связи в мусульманской умме России // *Lietuvos istorijos studijos.* 2014. Vol. 11. С. 81–98.

(Якуб) Ромуальдовича Романовича (24.09.1878 – 7.08.1964)¹. Арест последовал вслед за «агентурным сообщением» (13.10.1940), доносившем, что Я. Романович являлся заместителем муфтия, был «беспощадным богачом» и разорил много людей, дружит с арестованным Ваисовым, а также является противником Советской России, поскольку входит в т.н. младотурецкую партию, преследующей цель отделение Крыма от Советского Союза. Помимо этого, в вину было поставлено несколько выездов в Турцию и намерение нелегально выехать в Германию². Я. Романович был арестован в ночь с 21 на 22 октября 1940 г. и помещен в вильнюсскую тюрьму Лукишки (корпус № 1, камера № 91)³. Во время осенних допросов 1940 г. арестованный подробно рассказывал о деятельности татарского муфтията и персонально муфтия Якуба Шинкевича, о создании при муфтияте в середине 1930-х гг. «Союза татарской молодежи» во главе с Эдигеем Шинкевичем, об образовании и деятельности «Центральной рады культурно-просветительской организации татар». Показания Я. Романовича позволили следователям выделить в отдельное производство дела на Якуба и Эдигея Шинкевичей (правда их обоих к этому времени уже не было в Вильно). Примечательно, что во время допросов следователи активно спрашивали Романовича о связях татар Польши с татарами других областей и стран (тем более, что он несколько лет жил в Казани), пытаясь создать представление о наличии разветвленной сети контрреволюционных организаций. Яков Романович достаточно долго отказывался признавать себя виновным в «контрреволюционной деятельности», однако все же был вынужден пойти на «некоторые» уступки: он признал лишь косвенную свою антисоветскую деятельность через поддержку деятельности контрреволюционного молодежного союза (28 марта). В то же время в «Меморандуме», подписанном следователем, было сказано, что вербовать его нецелесообразно, так как «не дал показаний о своем участии в к.-р. организации».

¹ Якубаускас А. Яков Ромуальдович Романович // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 329–330.

² Особый архив Литвы. Ф. К-1. Оп. 58. Д. Р-13970. Л. 44/1.

³ Особый архив Литвы. Ф. К-1. Оп. 58. Д. Р-13970. Л. 5.

В обвинительном заключении, вынесенном в апреле 1941 г., были упомянуты все выше сформулированные обвинения («полковник царской армии, заместитель муфтия г. Вильно, проводил к.-р. деятельность против СССР» и пр.)¹. Несмотря на то что Особым совещанием при НКВД СССР (24 мая 1941 г.) Яков Романович был осужден как «социально-опасный элемент» к ссылке в Омскую область на пять лет (начиная с октября 1940 г.), страну он не покинул. В июне 1941 г. он даже смог освободиться от заключения: в спешке наступления немцев и отступления Красной Армии, а также в условиях бегства сотрудников НКВД, вагоны с осужденными оказались брошены без должной охраны. Уже утром 24 июня все заключенные были освобождены работниками железной дороги и просто разошлись по домам². Получивший в такой суматохе свободу Яков Романович вернулся домой, где провел практически все военные годы, исполняя обязанности «председателя высшего духовного мусульманского комитета»³.

Одной из наиболее трагических жертв репрессий 1941 г. стал **Ольгерд Найман Мирза (Константинович) Кричинский**⁴ (28.10.1884 – 2.06.1942). Он был не только чрезвычайно влиятельной персоной среди польских мусульман, но и фигурой довольно публичной: возглавлял национальные организации, участвовал в наиболее значимых общественных мероприятиях и выступал в татарских периодических изданиях («Rocznik Tatarski» и др.). Ольгерд Кричинский – старший из сыновей генерала Константина Ильича Кричинского (1847–1925) и Марии Матвеевны

¹ Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. Р–13970. Л. 41–42.

² Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. Р–6458. Л. 8–8об.

³ Особый архив Литвы. Ф. К–1. Оп. 58. Д. Р–6458. Л. 7.

⁴ Биографические данные Ольгерда Кричинского см.: Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Следственное дело Ольгерда-Найман-Мирза Кричинского // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 2. С. 136–146; Усманова Д.М. Кричинский Ольгерд-Найман-Мирза Константинович // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. С. 113; Якубаускас А. Кричинский Леон Найман Мирза и Кричинский Ольгерд Найман Мирза // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 292–294.

Ахматович (умерла в 1931 г.)¹ – после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета (1908) вернулся на родину, где поступил на службу в Виленский окружной суд. Одновременно он выступил инициатором создания и стал первым секретарем «Виленского Литовско-Мусульманского общества вспомоществования бедным мусульманам» (1909). В 1910–1918 гг. он состоял на различных судебных должностях. В период революции и гражданской войны Ольгерд Кричинский принимал участие в национальном движении, создании независимых тюркских государств в Крыму (прокурор Симферопольского окружного суда) и Азербайджане (товарищ министра юстиции АР). После падения независимого азербайджанского правительства и утверждения на Кавказе советской власти, вернулся на родину. В 1920–1930-х гг. работал в судебной системе польского государства: в 1920–1928 гг. служил в судебных учреждениях польского края, с 1928 по 1932 гг. состоял прокурором окружного суда г. Вильно, в 1932–1938 гг. являлся членом Верховного суда в Варшаве, в 1938–1939 гг. – председателем апелляционного суда в г. Вильно. Помимо этого, Ольгерд Кричинский принимал активное участие в национально-культурных делах польско-литовских татар: с 1926 г. он состоял председателем Центрального совета культурно-просветительского союза татар Польской республики, выступил также инициатором создания татарского музея, коллекция которого состояла из книг, документов, семейных реликвий, предметов быта и оружия и пр., имевших отношение к прошлому польско-литовских татар. Коллекция музея располагалась в здании муфтиата и, вероятнее всего, погибла во время разгрома муфтиата в начальный период Второй мировой войны. В 1939 г. он переехал из Варшавы в Вильно, где намеревался дослужиться до пенсии. Здесь же Ольгерд Кричинский хотел поселиться окончательно после выхода в отставку. Однако политические катаклизмы 1939–1941 гг. привели к его аресту 13 февраля 1941 г. Судебное дело завершилось вполне предсказуемо: Особое совещание при НКВД в г. Горький 2 мая 1942 года приговорило его к

¹ Таким образом, Александр и Константин Ахматовичи, с одной стороны, Ольгерд и Леон Кричинские, с другой, являлись двоюродными братьями.

расстрелу, а приговор был приведен в исполнение буквально через месяц. В данном случае нет оснований сомневаться в гибели Ольгерд Кричинского в тюрьме НКВД.

Заключение

Обзор нескольких кейсов, т.е. архивно-следственных дел литовских татар, позволяет сделать несколько общих выводов. Очевидно, что этими делами не ограничивается общее количество репрессий, осуществленных новой властью накануне Великой Отечественной войны в отношении татар. Можно предположить, что репрессии коснулись каждого 10–15 представителя татарской общины г. Вильно. Причем отъезд из города ряда видных деятелей (накануне прихода Красной Армии Вильно покинули руководители муфтията, муфтий Якуб Шинкевич и его заместитель Степан Туган-Барановский, руководитель молодежной организации Эдигей Шинкевич-Кырымлы, вероятно, и Али Полторжицкий) и репрессии в отношении оставшихся (Ольгерд Кричинский, Яков Романович, братья Ахматовичи и др.) практически полностью обезглавили татарскую общину и татарские национально-культурные («Центральная рада культурно-просветительской организации татар» и «Союз татарской молодежи») и религиозные (Виленский муфтият) объединения. В то же время показания, а также следственные материалы Якова Романовича и Ольгерда Кричинского, возможно, являются наиболее полными и информативными для характеристики деятельности национально-культурных и религиозных структур татар восточной Польши в 1920–1930-х гг. Это обусловлено тем, что они занимали высокие должности, были наиболее влиятельными, к тому же, в высшей степени публичными персонами.

Проанализированные следственные имеют определенные сходные черты. Во-первых, основанием для обвинения видных деятелей литовско-татарской общины в контрреволюционной деятельности служили деяния, осуществленные ими в условиях системного кризиса и распада бывшей Российской империи в период революции и гражданской войны. Таким образом, после оккупации прибалтийских республик Советская власть фактически начала преследовать своих бывших политических оппонентов. Во-вторых, в следственных делах практически нет никаких улик

и доказательств вины арестованных. Все обвинения базировались на агентурных донесениях, но в большей степени на материалах допросов и собственных признаниях арестованных. Каким образом добывались эти признания – хорошо известно. В-третьих, очередность и последовательность проведения арестов и следственных дел в отношении ведущих деятелей литовско-татарской общины свидетельствует о том, что как политическая активность, так и любая общественная деятельность или даже простое добросовестное выполнение своих профессиональных обязанностей – все могло быть вменено в вину и ложилось в основание уголовного дела. Наконец, следует отметить очень слабую вовлеченность материалов архивно-следственных дел в научный оборот, несмотря на то что они содержат очень много ценной информации, способной прояснить судьбы многих общественных деятелей, представителей как польско-литовских татар, так и тех эмигрантов из числа поволжских татар (Гаяз Исхаки, Гаян Ваисов, Шариф Айдаров и др.), которые волей судеб оказались на западе бывшей Российской империи.

Список использованных источников и литературы:

Источники:

<http://gwar.mil.ru/cartoteka/yalutorovsk/2185004/> (Дата обращения: 21.12.2017).

Kryczynski Leon, *Historia meczetu w Wilnie. Proba monografii.* – Warszawa, 1937.

Leon Najman Mirza Kryczynski, *Tatarzy polscy a Wschod musulmanski // Rocznik Tatarski*, t. 2. – Zamość 1935.

Olgierd Najman Mirza Kryczynski, *Ruch Nacjonalistyczny a Tatarzy Litewscy.* – Wilno 1932.

Stanislav Kryczynski, *Tatarzy litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej.* – Warszawa, 1938.

Особый архив Литвы (Lietuvos Ypatingasis Archyvas). Ф. К–1. Оп. 58. Д. 37391/3; Д. Р–13970; Д. Р–14268; Д. Р–6458.

Особый архив Литвы (Lietuvos Ypatingasis Archyvas). Ф. К–1. Оп. 8. Д. 3.

Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Братья Ахматовичи // *Гасырлар авазы = Эхо веков.* 2008. № 1. С. 126–141.

Усманова Д.М. Документы по истории польско-литовских татар из архива Литвы. Следственное дело Ольгерда-Найман-Мирза Кричинского // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 2. С. 136–146.

Литература:

Ali Miskiewicz, Tatarzy polscy. 1918–1939. Zycie spoteczno-kulturalne i religijne. – Warszawa, 1990.

Egdunas Racius, Muslims of Interwar Lithuania: The Predicament of a Torn Autochthonous Ethno-Confessional Community // Muslim in Interwar Europe: A Transcultural Historical Perspective. Ed. by Bekim Agai, Umar Ryad, Mehdi Sajid. – Leiden: Brill, 2016. P. 178–204.

Ахматович Осман // Татарская энциклопедия. – Казань, 2002. Том 1. С. 239.

Гришин Я.Я. Из истории татар Литвы и Польши (XIV в. – 30-е годы XX века). – Казань, 2009. 412 с.

Журавлев С.В. «НКВД напрасно не сажает»: Особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник. 2004. С. 371–398.

Канапацкая З.И. Политические репрессии в судьбах белорусских татар (30-е гг. XX века) // *Tatarszczyzna w badaniach. Konteksty interdyscyplinarne*. Red. A. Konopacki. Bialystok, 2015. С. 31–38.

Ковальчук Л.В. Методические рекомендации по описанию архивно-следственных дел. Одесса, 2002. 40 с.

Луцишин А.В. К вопросу об использовании материалов следственных дел политических процессов 20–30-х гг. в качестве исторических источников // Преподаватель XXI век. 2009. № 4. С. 234–242.

Нуйкина Е.Ю. Архивно-следственные дела по обвинению духовенства – информационный источник по истории русской православной церкви // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 58–73.

Перемышленникова Н.М. Архивно-следственное дело как исторический источник // Вестник архивиста. 2000. № 4–5. С. 227–230.

Усманова Д.М. Ахматович Александр Матвеевич // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М., 2009. С. 27.

Усманова Д.М. Ахматовичи // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М., 2009. С. 27–28.

Усманова Д.М. Ваисовцы в Литве // *Orientas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos visuomenės tradicijoje: totoriai ir karaimai*. – Vilnius, 2008. С. 253–262.

Усманова Д.М. Контакты волго-уральских и польско-литовских татар в первой трети XX в.: культурно-религиозные и общественно-политические связи в мусульманской умме России // Lietuvos istorijos studijos. 2014. Vol. 11. С. 81–98.

Усманова Д.М. Кричинский Ольгерд-Найман-Мирза Константинович // Ислам в Санкт-Петербурге: энциклопедический словарь. – М.: «Медина», 2009. С. 113.

Якубаускас А. Александр Матвеевич Ахматович // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 241.

Якубаускас А. Кричинский Леон Найман Мирза и Кричинский Ольгерд Найман Мирза // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 292–294.

Якубаускас А. Яков Ромуальдович Романович // Думин С., Ситдыков Г., Якубаускас А. Литовские татары в истории и культуре. – Каунас, 2012. С. 329–330.

II

**Turks, Moors, Tatars –
Muslims in Prussia and Germany**

–

**Турки, Мавры, Татары –
мусульмане в Пруссии и Германии**

*«Турки и татары живут очень близко к нам,
но мы их не знаем...
Почти все, что было сказано об их религии
и их законодательстве, неверно;
и выводы, которые мы ежедневно делаем против них,
необоснованны».*
Вольтер

*«... все религии равны и хороши,
если их приверженцы являются честными людьми,
и если бы турки и язычники прибыли и захотели бы жить
в нашей стране, тогда мы бы и им построили мечети
и молельни».*
Фридрих Великий, 1740.

Говоря о контактах немцев и европейцев в целом с татарами и мусульманами, как правило вспоминают военное противостояние, однако наша общая история полна иных примеров мирного сосуществования, добрососедства и культурных обменов. Как и в наши дни, миграции населения имели разные причины. Наряду с насильственным переселением военнопленных, были и вынужденная миграция беженцев, миграции купцов, учёных, ремесленников, которые, как и солдаты, могли искать лучшие условия для применения своих талантов, пусть и под властью иноверных и иноплеменных правителей. Некоторые из них закреплялись на новом месте, создавали семьи, находили себе новую родину на чужбине. Важную роль в межкультурных контактах играл и обмен посланниками.

Впервые в истории Германии эти связи были подробно продемонстрированы в экспозиции, организованной в 2014 г. Бранденбург-Прусским музеем совместно с Институтом Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований. Основной целью выставки являлся показ не только истории мусульман Бранденбург-Пруссии, но и их культурного влияния на моду и повседневную жизнь немцев. Данная выставка, вызвавшая большой интерес у публики, легла в основу экспозиции, презентованной в Казани в 2017 г. За прошедшее после первого показа время были сделаны

новые находки и открытия, выявлены новые, неизвестные ранее источники и экспонаты, часть из них пополнила и расширила первоначальную экспозицию. Наиболее ценные экспонаты данной выставки были предоставлены Немецким историческим музеем г. Берлина, Государственной библиотекой г. Берлина и Секретным Прусским государственным архивом. Ценнейшим экспонатом выставки является одно из двух сохранившихся с XVIII в. знамен Прусского королевского мусульманского полка, хранящееся в Прусском музее г. Миндена. Уникальным экспонатом является недавно обнаруженная татарская люстра, впервые экспонируемая за пределами города Гарделеген. Мы выражаем глубокую признательность всем коллекционерам, предоставившим свои экспонаты для данной выставки! Особую благодарность мы выражаем частному коллекционеру из Берлина Хассану Хааке, предоставившему первые немецкие издания Корана и его переводов XVI–XX вв. На нашей выставке были представлены самые разнообразные стороны взаимоотношений мусульман и немцев. Подробно показана история развития мусульманской общины, начиная с XV в., и важная роль, которую татары играли в ее формировании. Таким образом, мы хотели показать, как происходит переход от образа чужих «турок, мавров и татар», как страшных врагов и экзотических друзей, к признанию последних в качестве равноценных подданных Пруссии.

К сожалению, по объективным причинам не все подготовленные организаторами материалы были представлены в экспозиции в Казани. В данном разделе сборника мы предлагаем вниманию читателей материалы, полнее раскрывающие исторический контекст экспонатов выставки «Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии» и не вошедшие в подготовленный ее организаторами каталог¹, а также избранные и дополненные статьи из данного каталога.

¹ Турки, Мавры, Татары – мусульмане в Пруссии и Германии. Каталог выставки (Казань, июнь – июль 2017 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – 64 с.

600 ЛЕТ ПРЯМЫХ КОНТАКТОВ ТАТАР И НЕМЦЕВ (основные вехи)¹

Первый контакт: слухи и свидетельства очевидцев

Первые смутные слухи о приближающемся нашествии татар дошли до немцев через Прибалтику, с которой они имели давние и прочные связи. Первое упоминание о татарах в немецких источниках встречается в хронике Генриха Латвийского.

Генрих Латвийский (нем. Heinrich von Lettland; родился не ранее 1187 г. недалеко от Магдебурга; умер в 1259 г.) – немецкий летописец, автор «Хроники Ливонии» – наиболее авторитетного источника по истории Ливонии конца XII и начала XIII вв.

«В тот же (1222) год в земле вальвов (половцев, кипчаков) язычников были татары. Они (кипчаки) не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошел по всей Руси призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами».

Первый непосредственный контакт с татарами был также связан с войной – сilesцы и тевтоны напрямую столкнулись с татарами во время европейского похода Бату хана и Субэдэя в битве при Легнице (1241), сilesские и польские войска потерпели сокрушительное поражение.

Страх перед грядущим нашествием татар был так силен, что заставил архиепископа Магдебурга в 1239–1241 гг. окружить город дополнительной стеной, от которой до сих пор сохранилась «**Татарская Башня**» на берегу Эльбы.

¹ Материалы данного раздела подготовлены М. Хотопп-Рике, Ш. Тайлиг и М. Гибатдиновым.

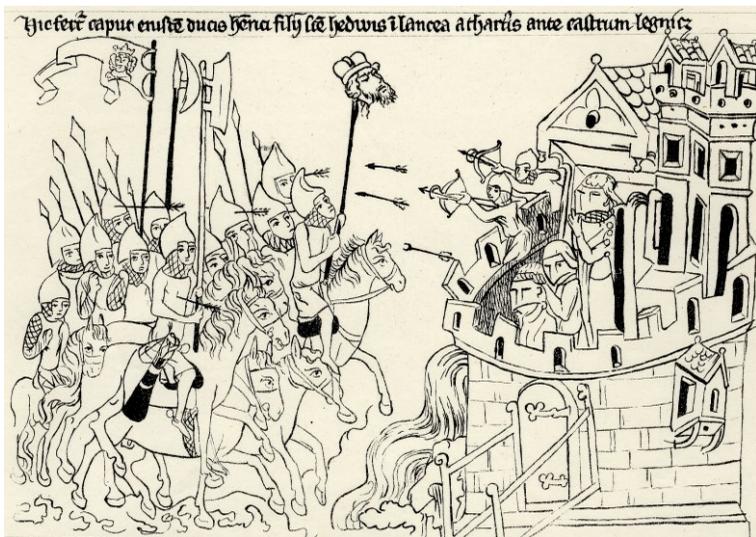

Рис. 1. Татары несут насаженную на пику голову польского князя Генриха II (Благочестивого) к воротам города. Миниатюра из «Легенды о Ядвиге Силезской». 1353.

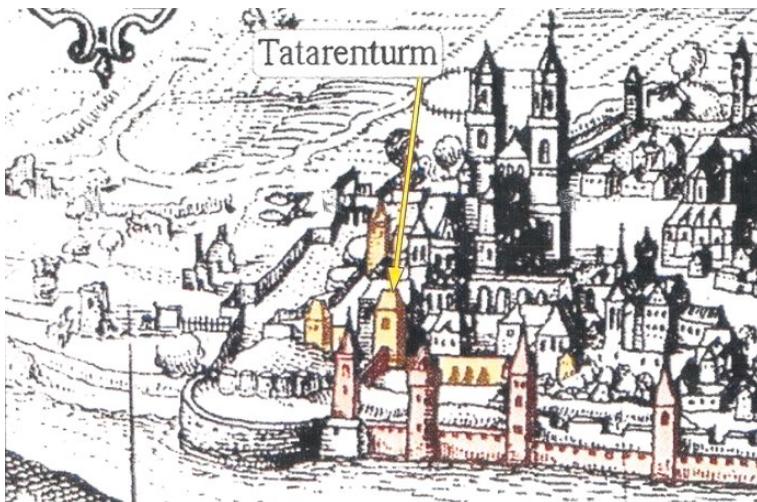

Рис. 2. «Татарская Башня» как часть укреплений Магдебурга на гравюре Даниэля Мейснера, 1623.

Рис. 3. «Татарская Башня» в Магдебурге, фото М. Хотопп-Рике, 2017.

Вслед за этим настало время путешественников.

Первыми путешественниками, подолгу жившими среди татар, стали торговцы и миссионеры.

В XIII–XIV вв. немецкие францисканцы и итальянские торговцы составили «**Кодекс Куманикус**» – словарь на разговорном языке жителей Золотой Орды, который они называли *tatar tili*.

Молитва на татарском языке из «Кодекса Куманикус»

«Men söyünüp aytır edim sizgä Teñri sözün – til bilmän, tolmaç yoğ. Yalbaruñız Teñrigä benim üçün, Teñri maña bersin andi köñül, kim men terçe dayı yaqşı til üyrenğäymen, sizgä yaqşı Teñri söz aytqaymen ne kimese boşaq üçün».

Рис. 4. Титульный лист книги Шильтбергера, Аугсбург, 1477.

Рис. 5. Тимуридское посольство к правителю Золотой Орды из книги Шильтбергера, Аугсбург, 1477.

Иоганн Шильтбергер (1381 – ок. 1440) – немецкий путешественник. Родился в Мюнхене. Служил оруженосцем у рыцаря Линхарта Рехартингера, с которым участвовал в битве с турками у Никополя в 1396 году. Попал в плен к туркам. После разгрома войск султана Баязида Тамерланом у Ангоры в 1402 году – был в плену у Тамерлана, затем у его сына Шахруха. Вернулся в Германию, бежав в 1427 году. За годы своих странствий посетил Грецию, Малую Азию, Персию, Грузию, Золотую Орду, Булгар,

Урал, Сибирь (дал первое четкое ее описание в европейской литературе), Крым, Армению, Среднюю Азию.

Шильтбергер о Красной (Золотой) Татарии

Был я также в Золотой Татарии, где жители из хлебных растений сеют только одно просо. Вообще они не едят хлеба и не пьют вина, которое у них заменяется молоком лошадиным и верблюжьим. Они питаются мясом этих животных.

Нужно заметить, что в этой стране король и вельможи кочуют летом и зимой с женами, детьми и своими стадами, переезжая с собой все свое прочее добро и странствуя по этой совершенно ровной стране от одного пастбища к другому. Еще надо сказать, что при избрании короля они сажают его на белый войлок и три раза приподнимают. Затем носят его вокруг палатки, сажают на престол и вручают ему золотой меч, после чего он должен присягнуть по их правилам.

... Нет между язычниками народа столь храброго, как обитатели Золотой Татарии, который мог бы переносить столько лишений в походах и путешествиях, как они. Я сам видел, как они, когда терпели недостаток в съестных припасах, пускали кровь [у лошадей] и собрав ее, варили и ели. Подобным же образом, когда нужно наскоро отправиться в путь, они берут кусок мяса и разрезают его на тонкие полоски, которые кладут под седло. Посолив предварительно это мясо, они едят его, когда голодны, воображая, что они приготовили хорошую пищу, ибо мясо от теплоты лошади высыхает и делается под седлом мягким от езды, во время которой из него вытекает сок. Они прибегают к этому средству, когда у них нет времени готовить себе еду иначе. Еще у них в обычае подносить своему королю, когда он утром просыпается, лошадиное молоко в золотом блюде, и он пьет это молоко натошак.

Так в европейскую кухню вошел знаменитый «мясной тартар» – рубленое сырое мясо со специями.

Адам Олеарий (нем. Adam Olearius; Адам Ольшлегель, 1599–1671) – немецкий путешественник, географ, ориенталист, историк, математик и физик.

Будучи секретарем посольства, посланного шлезвиг-голштинским герцогом Фридрихом III к персидскому шаху, царю Михаилу Фёдоровичу и персидскому шаху Сефи I, побывал в Казани и Астрахани, записал и опубликовал свои заметки, собранные во время путешествия.

Рис. 6. Адам Олеарий

«Город Казань лежит на левом берегу Волги, в 7-ми верстах от ее берега, в ровном поле, на небольшом холме, при р. Казанке (Casanka), от которой город и вся окрестная страна получили свое название. Хотя город этот, также как и все лежащие на Волге, окружен деревянною стеною и башнями и самые дома в нем деревянные, но он довольно обширен и кремль его сильно защищен толстою каменною стеною, орудиями и войском... Город заселен Русскими и Татарами, но кремль одними лишь Русскими, и ни один Татарин не должен быть в нем, под опасением смертной казни».

Рис. 7–9. Страницы из книги А.Олеария «Путешествие... через Россию, Татарию и Персию», 1647.

Дипломатические контакты

Уже во времена существования Тевтонского ордена (1226–1525) Пруссия граничила на Балтике с мусульманскими общинами. Великий магистр Тевтонского ордена не только вел с ними войны, но также установил дипломатические контакты как с польско-литовскими, так и с крымскими татарами. Так, после набега татарского хана Джелал ад-Дина в 1433 г. была предпринята попытка создания военного союза между Великим князем Свидригайло, князем Федором Васильевичем Острожским и балтийскими татарами. Кроме того, сохранилась переписка крымского хана Девлет Гирея и его сына Мехмед Гирея с Великим магистром Тевтонского ордена Готтгардом Кеттлером (1559).

Начиная с 1599 г. до самого конца существования Крымского ханства (1783) происходили регулярные поездки посольств крымских татар в Бранденбург-Пруссию, в такие города, как Штеттин, Франкфурт-на-Одере, Потсдам, Штральзунд, Кенигсберг, Данциг и др. Между правящими домами велась постоянная активная переписка.

Примечательно, что первое татарское посольство прибыло в Берлин почти на 100 лет раньше первого Османского (1763), и эти дипломатические контакты между немцами и татарами не прерывались даже в период многочисленных Турецких войн, которые вели европейские коалиции.

Приезд крымско-татарского посольства в Берлин в 1679 г.

«В том же 1679 году, когда первый посланник московитов посетил Берлин, посланники от еще более отдаленного правителя, хана татар, Мурад Гирея, приехали в Берлин, по их словам, к «могущественному хану Пруссии, Фридрих Вильгельму», для дружбы и с предложением заключить союз. Посольство татар имело огромный успех у населения Бранденбурга. Народ сбежался, чтобы увидеть его, ибо это действительно стоило посмотреть, потому что это не было похоже на обычное посольство.

Еще до того, как послы пришли в Берлин, курьер командира де Кюстрина информировал курфюрста, что «банду оборванцев,

которые называли себя посольством Великого Хана», в селе Карциг ограбили крестьяне, которых они нанимали как носильщиков или возниц для верблюдов».

Из книги: А. Штрейкфус. 500 лет истории Берлина, городская хроника. Т. 1. Берлин 1886.

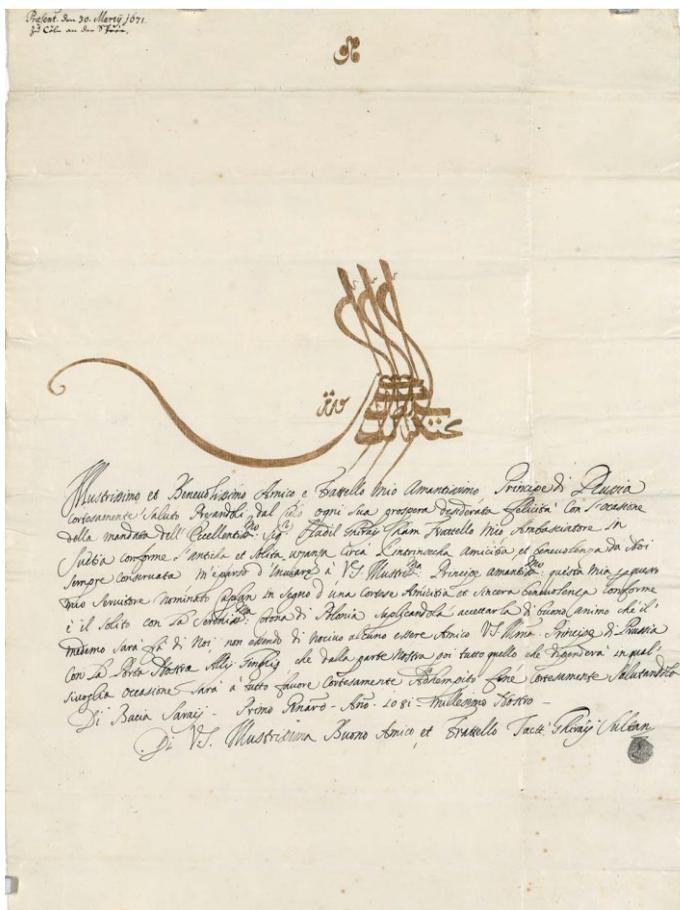

Рис. 10. Торжественное письмо крымского хана Адиль Гирея курфюрсту Фридриху Вильгельму от 29.06.1670 г. Из собрания Секретного Прусского государственного архива, Берлин.

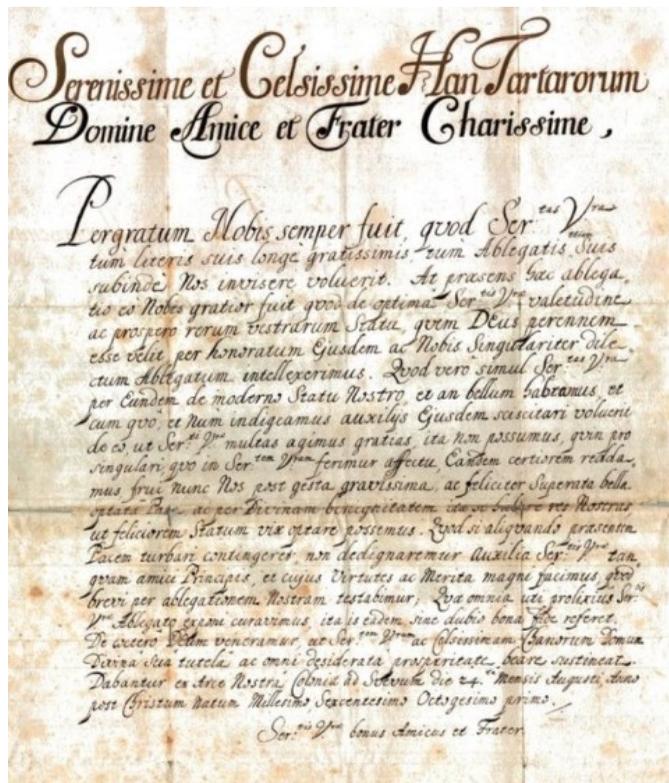

Рис. 11. Большое письмо на латинском языке курфюрста Фридриха Вильгельма I хану Мурад Гирею (24 августа 1681 г.). Из собрания Секретного Прусского государственного архива, Берлин. Письмо начинается с приветствия: «Светлейший и высочайший хан татар, владетельный друг и дорогой брат», что свидетельствует о равноправном статусе корреспондентов и дружественных отношениях между правителями.

Татары на службе в войсках немецких княжеств в XVII–XVIII вв.

К началу Первой Силезской войны Фридрих II пришел к выводу о необходимости создания легкой кавалерии: гусар и улан. Прусские уланы (улан, от татарского *оглан* – знатный человек, оруженосец) были созданы по образцу польских. По случайному совпадению в 1745 г. началась более чем 60-летняя традиция существования в прусской легкой кавалерии мусульманских подразделений. В качестве их основы были взяты находившиеся уже на польско-саксонской службе 72 татарина, в том числе лейтенант Осман и корнет Али. Сначала «босняки» (общее обозначение для всех славяноязычных мусульман) были включены в состав т.н. «черных гусар». До 1770 г. они не носили специальной униформы, за исключением тюрбанов в качестве головных уборов. Сохраняя свою религию, язык и традиции, они были расквартированы в Восточной Пруссии. В круг их обязанностей входило патрулирование государственной границы. После нового набора новобранцев из Восточной и Юго-Восточной Европы их число стало неуклонно расти. Во время Семилетней войны сюда в качестве добровольцев прибыли многие татары из России. Среди них – корнет Барбулл и Орзулл. Только в 1788 г., когда число «боснийцев» достигло 1200 человек, данное воинское объединение было преобразовано в полк.

«После того как стало известно, что ваше Высочество заключило союз с Высокой Портой, к нам присоединилось соединение, состоящее только из 2-х унтер-офицеров и 16 рядовых. Исключительно по рождению и по вероисповеданию турки, русские дезертиры с очень хорошими лошадьми и при полном собственном вооружении. Они прибыли, чтобы служить в уже упомянутом полке босняков. Также в Кюстрин прибыл унтер-офицер и 30 рядовых, исключительно исповедующие турецкую религию».

Генерал-лейтенант
Карл Кристоф фон дер Гольц (1707–1761).
12 июня 1761 года, письмо к Фридриху II.

В то же время постоянно возникали новые татарские полки. После третьего раздела Польши в 1795 г. в провинции Новая Восточная Пруссия был создан татарский полк под командованием татарского полковника мурзы Януша Барановского. В нем служило порядка 500 мусульман польско-литовских татар, живших со своими женами в прусских гарнизонах. Их дети, наряду с татаро-польскими именами и фамилиями, имели и немецкие, такие как Фридрих, Адольф, Кристина или Шарлотта. Некоторые татарские полки были распущены после поражения Пруссии в 1806 году.

Мусульмане были и в составе дислоцированного в Потсдаме гвардейского полка гренадеров «Langen Kerls» («Длинных парней») – любимцев «короля-солдата» Фридриха-Вильгельма I (1688–1740). В основном они прибывали в Прусское королевство в качестве подарков от дружественных правителей (в т.ч. Петра I и Екатерины I) или были набраны из жителей Южной и Восточной Европы. Для короля-солдата их рост являлся более важным признаком, чем их вероисповедание. Группа из 20 солдат-татар в 1739 г. даже основала исламскую общину Потсдама. Им было позволено выбрать из своих рядов одного имама, продолжить исповедовать свою религию и открыть в Потсдаме собственную молитвенную комнату.

Известный исследователь военной истории Йоханн Давид фон Дзингель собрал большой архив материалов о службе татар в прусской армии. В его книге «История королевского 2-го улан-

Рис. 12. Прусский гвардеец «Шверид Редиванов из Москвы». Худ. Дж. Мерк, 1718/1719 г., холст, масло. Из собрания Немецкого исторического музея, Берлин.

ского полка» приводится поименный список татарских офицеров полка на 1799 г.

Офицеры Королевского прусского татарского полка (1799)¹

Звание	Имя	Возраст		Происхождение	Срок службы	
		лет	мес.		лет	мес
Полковник и командующий	Janusz Murza Baranowsky	67	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Подполковник и командир	Jakub Murza Baranowsky	43	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Майор	Gazey Ulan	38	--	Новая Вост. Пруссия	--	3
Капитан	Zacharias Murza Baranowsky	32	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Капитан	Mustapha Achmetowicz	40	--	Новая Вост. Пруссия	--	3
Штабс-Капитан	Must. Murza Baranowsky	37	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Штабс-Капитан	Joseph Skirmontt	36	--	---	--	4
Штабс-Капитан	Must. Murza Baranowsky	43	--	Росс. Литовск.	--	4
Старший лейтенант	David Murza Baranowsky	35	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Старший лейтенант	Alexand. Murza Baranowsky	26	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Младший лейтенант	David Azulewicz	29	--	Новая Галиция	--	4
Младший лейтенант	Mustapha Melech	38	--	--	--	4

¹ Перевод таблицы М.Гибатдинова.

Младший лейтенант	David Rudziewicz	38	--	Росс. Литовск.	--	2
Младший лейтенант	Joseph Murza Baranowsky	25	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Младший лейтенант	Abraham Korycki	27	--	--	--	4
Младший лейтенант	Zacharias Murza Baranowsky	32	--	Новая Вост. Пруссия	--	3
Прапорщик	Johann Buczacki	30	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Прапорщик	Alexander Ulan	26	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Прапорщик	Abraham Ulan	36	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Прапорщик	David Juczinski	36	--	Новая Вост. Пруссия	--	4
Прапорщик	David Ghalecki	26	--	Росс. Литовск.	--	3

Унтер-офицеры

Подпрапорщик	Ilias Murza Baranowsky	20	--	Новая Вост. Пруссия	--	3 1/2
Подпрапорщик	Bekier Murza Baranowsky	20	--	--	--	3 1/2
Подпрапорщик	Johann Szenkowiec	51	--	--	--	3 1/2
Подпрапорщик	Daniel Buczacki	27	--	--	--	3 1/2
Подпрапорщик	Mustapha Makowiecky	38	--	Росс. Литовск.	--	3 1/2
Подпрапорщик	Samuel Chalecky	30	--	--	--	3 1/2
Подпрапорщик	Jakob Ulan	22	--	Новая Вост. Пруссия	--	3 1/2
Подпрапорщик	Mustapha Mucha	14	--	Новая Вост. Пруссия	--	3 3/2

Подпрапорщик	Mustapha Baranowsky	19	--	Росс. Литовск.	--	1 1/2
Подпрапорщик	Samuel Ulan	18	--	--	--	2

Унтер-штаб

Квартирмейстер	Carl Friedrich Копка	23	--	Пруссия		
Полковой хирург	Friedrich Ceither	32	--	Померания	10	--

Веротерпимость и переселенческая политика

С середины XVIII в. Пруссия неоднократно предпринимала попытки по переселению татар и их семей в Западную и Восточную Пруссию, а также принимала их на военную службу. В 1795 г. между уроженцем Ной-Руппина генералом Иоганном Генрихом фон Гюнтером (1736–1803) и министром Фридрихом Леопольдом фон Шрёттером начались переговоры. Частью переговоров стали вопросы, касающиеся свободы вероисповеданий и государственной поддержки строительства мечети. Именно этот подход доказывал взаимную заинтересованность сторон, о чём свидетельствует награждение в 1796 г. муллы из Белостока Якова Лебидзюви прусским орденом «За заслуги». В 1806 г. Пруссия потеряла эту область и вынуждена была прекратить дальнейшие попытки переселения.

«... все религии равны и хороши, если их приверженцы являются честными людьми, и если бы турки и язычники прибыли и захотели бы жить в нашей стране, тогда мы бы и им построили мечети и молельни».

Фридрих Великий, 1740.

Фридрих II в письме к Вольтеру 13 августа 1775 г.:

«...в настоящее время я веду переговоры по переселению тысячи мусульман в Западную Пруссию, где им будет позволено строительство мечетей и других религиозных зданий. Там им будет разрешено омовение ног, и без общественного порицания открытое восхваление имени пророка и Аллаха. Это единственная оставшаяся религиозная секта, которой в этой земле по-прежнему не хватает».

Фон Шрёттер¹ о татарах:

«Ваше Величество, нет лучше колонистов в Польше, чем эти татары. Они заработали у польской нации авторитет и уважение за свою верность и храбрость. Говорят они на местном языке, но продолжают исповедовать свою религию, которая из-за своей простоты приближается к протестантизму. Моральный облик этого народа и его культура такова, что я бы хотел переселить несколько тысяч их семей [в Пруссию]».

Семилетняя война (1761–1767) и Наполеоновская эпоха

В Семилетней войне, а также в наполеоновских войнах татары-мусульмане сражались со всех сторон фронта: татары из Волго-Уральского региона, Крыма, из стран Балтии или Египетские мамлюки, также имевшие татарские корни, служили в российской, прусской, французской и других армиях.

Рис. 13. Атаман Платов с татарами, башкирами, калмыками и казаками в Лейпциге. из кн.: Donath, Fritz: Leipzig 1813: die Völkerschlacht im nationalen Befreiungskampf des deutschen Volkes, Leipzig 1953.

¹ Барон Фридрих Леопольд фон Шрёттер (1743–1815) занимал должность министра Восточной Пруссии при короле Фридрихе Вильгельме II.

Можно с уверенностью сказать, что польско-литовские татары под руководством генерала Красинского воевали на французской стороне. Известны эскадроны татар под командованием капитана Султана Улана и лейтенанта Хасана Алеб-имама, участвовавших в битвах при Лютцене, Баутцене, Дрездена и Лейпцига, а после окончания войны поступивших на службу императору Александру I.

Тысячи татарских и башкирских всадников в течение многих месяцев были расквартированы в немецких деревнях и городах, включая Дессау, Бёрде и Альтмарк, Дрезден, Лейпциг, Магдебург. Так, семь батальонов казаков, татар и башкир под командованием русского генерала Росси и прусского генерала Хиршфельда находились в Магдебурге в течение пяти месяцев.

Эти массовые прямые контакты между немецким христианским населением и мусульманами в значительной мере изменили существовавший среди немцев образ «иных». В памяти местного населения, в анекдотах и рассказах, а также в многочисленных местных источниках и публикациях встречаются самые разные упоминания этих экзотических солдат: от восторга и любопытства до страхов и стереотипов.

Даже Иоганн Вольфганг фон Гёте, присутствовавший при молитве башкир и татар в здании протестантской гимназии Веймара и изучавший переводы Корана, был вдохновлен на написание своего «Западно-Восточного Дивана».

Sier harrten sich de Russen ehre Zelte opstehen, deßß of lachen sei in ehre Stibiten, un man kann nich leggen, dat sei Mut
leben möhten.

Sei — die Bajschitten — harrten einen Fißbogen an de Sied un eine allmächtige Fudelmütze op den Kopp.

Рис. 14–15. Жители Альтмарка знакомятся с татарскими и башкирскими солдатами. Из книги Вальдемара Уде «Год россиян (1813): История Бёрде и ее обитателей». Лейпциг, 1913 г.

Рис. 16. Рустам Раза.
Худ. Пайо де Монтальберто, 1806.

Рис. 17. Рустам Раза.
Худ. Горацией Вернет, 1810.
Из собрания Метрополитен-музея,
Нью-Йорк. Фотограф: Д. Рыкнер.

Рустам Раза «из горских татар» – личный мамелюк Наполеона

Он возглавлял около 800 мамлюков, которых Наполеон привез из своей египетской кампании. В литературе его называют то татаринном, то армянином, то грузином или кавказцем.

В своих воспоминаниях он пишет: *«Я сидел посреди двора в тени деревьев и ждал матушку, которая была единственной отрадой моего сердца. Вдруг появился молодой человек, что-то сказал сидевшим рядом женщинам, потом поглядел на меня и спросил, говорю ли я по-армянски. Я кивнул, сказал, что я армянин»*. Предполагается, что его отец был армянин или «горский татарин» Рустам Хунанин, мать Буджи Варинин была, возможно, грузинского происхождения. Многие из его товарищей – рабы из черноморского региона, были ногайскими татарами, черкесами или представителями других тюркских народов Кавказа. Вместе с Наполеоном они много лет пребывали в немецкоязычных районах, таких как в Дессау, Магдебург, Лейпциг, Дрезден, Гамбург.

Рис. 18. Могила Мустафы Сулькевича, Диппольдисвальде, Саксония.

Рис. 19. Могила Юсуфа, сына Мустафы, Клайнбойха, Саксония.

Недалеко от Лейпцига со времен Семилетней войны стоит памятник на могиле польского татарина, надпись на котором гласит: *«Мустафа Сулькевич, татарин, премьер-лейтенант Шибельского полка, улан Польского королевства и Саксонского княжества, был убит 1 июля 1762 года в местечке Рейхситадт и здесь похоронен».*

Жители деревни Клайнбойха близ Лейпцига на протяжении веков ухаживают за могилой Юсуфа, сына Мустафы. С 1813 года могила Юсуфа стала неотъемлемой частью региональной культуры памяти и объектом местного туризма. Юсуф заболел брюшным тифом и был отправлен на отдаленную ферму в карантин. Его слуга и учителя деревенской школы помогали ему вплоть до самой смерти. Поскольку офицер попросил похоронить его в том месте, где его покой не будет нарушен, крестьяне Клайнбойха похоронили его на возвышенности, его тело было похоронено обернутым в «зеленую ткань цвета Пророка Мухаммада».

Рис. 20. Колчан и стрелы, подаренные Гете,
из собрания музея г. Эрфурт.

Рис. 21. Символом городка Шварца в Тюрингии стала Церковь Св.Лауренция с пронзенным стрелой яблоком на шпиле, память о состязании в стрельбе мусульманских всадников, возвращавшихся с войны, 14 апреля 1814 г.

Научное изучение татар

Немецкие ученые внесли весомый вклад в научное изучение этнографии, языка и истории татар. Следует упомянуть не только профессоров Казанского университета Карла Фридриха Фукса (1776, Херборн – 1846, Казань), Христиана Мартина Иоахима

Фрэна (1782, Росток – 1851, Санкт-Петербург), Фридриха Франца Эрдмана (1793, Людвигслост – 1862, Казань), Иоганна Фридриха Эрдмана (1778, Виттенберг – 1846, Висбаден), но и других выдающихся немецких ученых на русской службе: Петер Симон Паллас (1741, Берлин – 1811, Берлин), исследователь Сибири Даниил Готлиб Мессершмидт (1685, Данциг – 1735, Петербург) и др. Свой вклад в научное татароведение внесли и профессор Берлинского университета, филолог, востоковед, лингвист Вильгельм Шотт (1802, Майнц – 1889, Берлин), художник, этнограф, путешественник Август Вильгельм Кизеветтер (1811, Берлин – 1865, Гота) и др. Университеты и научные объединения, такие как основанное в 1845 г. Немецкое восточное общество, создавали условия и предоставляли средства для подобных исследований, что также способствовало лучшему пониманию чужих культур.

Первые известные нам портреты казанских татар, сделанные с натуры из собрания музея Европейских культур.

Рис. 22. В. Кизеветтер. Казанский татарин (мусульманский священнослужитель). 1842 г.

Рис. 23. В. Кизеветтер. Портрет татарина. Казань. 1842 г.

Рис. 24. Отто Герлах (1862–1908). Татарские войска присягают на верность царю перед полковым знаменем.
Акварель, гуашь на бумаге, нач. XX в.

Рис. 25. Присяга молодых солдат (магометан).
Фото Мартина Шерера, 1903–1905 гг.

Первая мировая война

Во время Первой мировой войны многочисленные мусульманские солдаты из армий стран Антанты оказались в германском плену. И в этой ситуации в среде немецких политиков, военных и дипломатов возник план использования их в идеологическом и военном конфликте¹.

Первая мечеть в Германии была открыта в 1915 г. на территории расположенного в берлинском пригороде Вюнсдорф лагеря «Полумесяц» для мусульманских военнопленных, где находились в заключении татары и башкиры из России и мусульмане из французской Северной Африки. Имамами здесь служили известные татарские религиозные и общественные деятели Габдрашит Ибрагимов (в июне-октябре 1915 г.) и Галимджан Идриси (1916–1928). Эту мечеть продолжали использовать и после войны вплоть до ее разборки из-за ветхости в 1928 г.

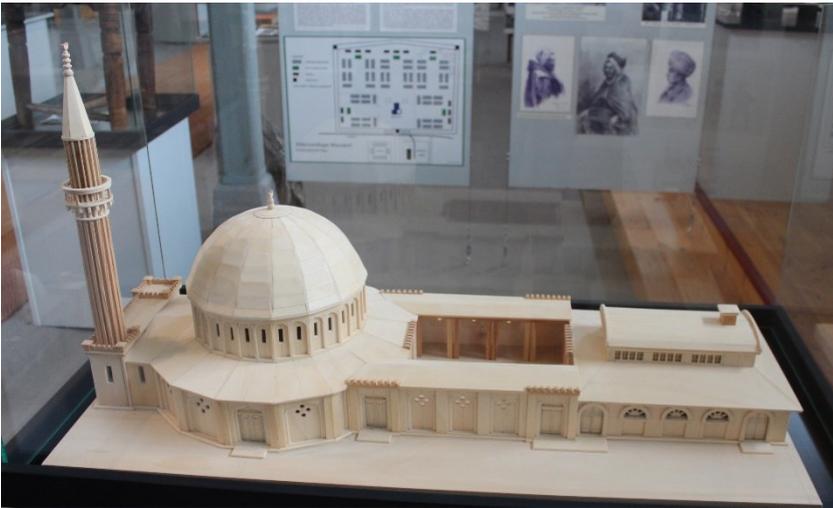

Рис. 26. Макет первой мечети в Германии, Вюнсдорф. Из собрания Гарнизонного музея Вюнсдорфа. Фото М.Хотопп-Рикке.

¹ Подробнее см. статью Искандера Гилязова «Два пропагандистских лагеря Первой мировой войны – Halbmondlager и Weinberglager».

Рис. 27. «Татарин». Открытка полевой почты, 1917 г.
Из архивного фонда ИКАТАТ.

На открытке изображен 41-летний «Garaim Tzageroff» (Карим Таги-
ров?), татарин из Казани, Сибирский полк №25. Худ. Тильке, январь
1915 г. Франкфурт на Майне, Германия. Штемпель: 01.18.1917.

Рис. 28. Коллективная молитва мусульманской общины Берлина во время празднования Курбан-байрама перед мечетью Вюнсдорфа. Фото, июнь 1925 г.

Военнопленные мусульмане находились во многих из почти 100 лагерей военнопленных, но только два лагеря были предназначены для организации масштабной пропагандистской работы – это Weinberlager (Лагерь на Виноградной горе) и Halbmondlager (Лагерь полумесяца) между городами Цоссен и Вюнсдорф неподалеку от Берлина. Впоследствии оба лагеря нередко объединяли общим названием – Вюнсдорфский лагерь. В Weinberglager содержались преимущественно мусульмане из российской армии (в абсолютном большинстве татары) – в начале 1916 г. их численность здесь достигала 12000 человек. Здесь имелись кафе и библиотека, оркестр духовых инструментов и мастерские.

Рис. 29. Татарская мастерская резчиков по дереву в лагере в Вюнсдорфе. Фотография Отто Штиля. Предоставлена Гарнизонным музеем Вюнсдорфа.

Рис. 30. «Татарский камень» – памятник, поставленный военнопленными на мусульманском кладбище в Вюнсдорфе в память о погибших товарищах. Создан ими на собственные средства, заработанные в мастерских лагеря полумесяца. Фото Л.Габдрафиковой, 2017 г.

Текст надписей: на арабской графике, на татарском языке – «Иуа эл-бакый / Икенче Вильгельм дәвере хәрб гомумидә / Русия әсирләренәң мөселманнар рухына фатиха». Язды Усман [Али?]; перевод: «Он [Аллах] – Вечный / Фатиха душам военнопленных мусульман из России / [периода] мировой войны [в] правление Вильгельма Второго». Это написал Усман [Али?]; на немецком языке (перевод): «Надгробие казанских татар магометан – военнопленных погибших в мировую войну при правлении Вильгельма Второго». (Расшифровка надписей выполнена Нурией Гареевой и Маратом Гибаудиновым).

Рис. 31. «Татарский камень» на кладбище в Вюнсдорфе. Фотография Отто Штиля. Предоставлена Музеем европейских культур, Берлин. На фото видны деревянные, ныне утраченные, надгробия с именами похороненных военнопленных.

Лагерь – как поле для исследователей

Присутствие столь большого числа представителей «экзотических народов» недалеко от Берлина, а также в лагерях во Франкфурте-на-Одере, Касселе-Нидерцверене, Пуххайме, Пархиме, Кемнице, Мерзебурге и Ордруфе не могло не заинтересовать немецких ученых, ориенталистов, фольклористов, этнологов.

Сбор материалов в лагерях Германии и Австро-Венгрии во время Первой мировой войны проводился Королевской Прусской фонографической комиссией под руководством известного музыковеда Георга Шюнемана (Georg Schünemann, 1884–1945)¹. Самостоятельные исследования проводили: известный венгерский тюрколог Игнац Кунош (Ignác Kúnos, 1860–1945), австрийский музыковед Роберт Лах (Robert Lach, 1874–1961), венский тюрколог Герберт Янски (Herbert Jansky, 1898–1981), известный востоковед Готтхольд Вайль (Gotthold Weil, 1882–1962), языковед Вильгельм Дёген (Wilhelm Albert Doegen, 1877–1967), профессор Алоис Брандл (Alois Brandl), Эрнст Раков (Rackow, Ernst (12.09.1888 – 19.06.1959) и др.

Сохранились записи фольклора различных групп татар: волжских, крымских, сибирских, астраханских (народные песни различных жанров, инструментальные мелодии, сказки, пословицы), а также суры Корана, призыв к молитве (азан) и фрагмент групповой молитвы на арабском языке и т.д.

Тексты записывались на восковых фоноваликах («цилиндры Эдисона») посредством фонографа и транскрибировались учеными на слух, а также записывались самими военнопленными. Наряду с этим, образцы татарского фольклора записывались и нотами. К аудиозаписям прилагаются различные виды сопровождающей документации: подробные сведения об исполнителях, транскрипции текстов.

Важно, что эти материалы донесли до нас не просто фольклорные песни в сценическом исполнении, а сам дух повседневного

¹ Подробнее см. статью Ильдара Харисова «Звуковые записи татар – военнопленных периода Первой мировой войны в архивах Вены и Берлина».

сти, живые голоса самых разных людей того времени, от простых татарских крестьян и горожан с их застольными песнями и молитвами, до интеллектуалов, таких как Гаяз Исхаки, чье чтение прозаического отрывка «Безнен илебез Идел-Урал» предоставляет нам уникальную возможность услышать живой литературный татарский язык начала XX в.

Рис. 32. Проф. Алоис Брандл (в центре) и В. Дёген (справа) во время звукозаписи в лагере военнопленных Ван (Wahn) под Кельном, 1916 г. Университет Гумбольдта, Берлин. Lautarchiv (HZK).

Рис. 33. Вильгельм Дёген в тонстудии.
Университет Гумбольдта, Берлин. Lautarchiv.

Сольная песня «Одиночество на чужбине»
на мелодию «Сакмар су»

1. Кызарып койаш ай чыккандай
таң атышкайларның дай шәүләсе
газиз баш йөридер лай йазмыш лай буйынчай
йырак лай йирләрдэй йалгыз башым
вай ничек йөрер жанымның гәүдәсе
күгәрчен үтәдер йәш гомерләрең сизәмсен

2. утырдым кимәнәң әй түренә
карадым лай суларның төбенәй
газиз баш йөридер лай йазмыш буйынчай.

*(Запись текста песни по кн.:
Г.Вайль. Татарские тексты. Берлин-Лейпциг, 1930).*

Lautabteilung (staatl. Lautinstitut) Berlin NW 7

PERSONAL-BOGEN

Nr.: Ort: *Berlin*
 Datum: *22. 10. 32*
 Laut-Aufnahme Nr.: *1287* Zeitangabe: *12-1*
 Dauer der Aufnahme: Durchmesser der Platte:
 Raum der Aufnahme: *St.*
 Art der Aufnahme und Titel (Sprechaufnahme, Gesangsaufnahme,
 Choraufnahme, Instrumentenaufnahme, Orchesteraufnahme): *Süßwieser Naken?*
 Name (in der Muttersprache geschrieben): *Гаяза Исхаки*
 Name (lateinisch geschrieben): *Ayas Ischaiky*
 Vorname: Anschrift:
 Wann geboren (oder ungefähres Alter)? *1878 23. Februar*
 Wo geboren (Heimatprovinz)? *Tauschirmä (Tschuistai)*
 Welche größere Stadt liegt in der Nähe des Geburtsortes?
Tochistai, Kazan
 Wo gelebt in den ersten 6 Jahren? *Tauschirmä*
 Wo gelebt vom 7. bis 20. Lebensjahr? *12-15- Tochistai, 15-20- Kazan*
 Was für Schulbildung? *Qusimija, Kazan, Lehrseminar Kazan*
 Wo die Schule besucht? *Tauschirmä, Tschuistai, Kazan, Peking.*
 Wo gelebt vom 20. Lebensjahr? *Kazan, Peking, Finnland, Archangelok, Istanbul, Moskau.*
 Aus welchem Ort (bezw. Sprachbezirk) stammt der Vater? *Tauschirmä*
 Aus welchem Ort (bezw. Sprachbezirk) stammt die Mutter? *Muslim auli*
 Beruf des Vaters? *Imam (Geistl.)*
 Welchem Volksstamm angehörig? *Tataren*
 Welche Sprache als Muttersprache? *tatarische*
 Welche Sprachen spricht er außerdem? *Türkisch, Russisch, Arabisch, Persisch, Französisch*
 Kann er lesen? *Ja* Welche Sprachen? *alle*
 Kann er schreiben? *Ja* Welche Sprachen? *alle*
 Spielt er ein Instrument (evtl. aus der Heimat)? *nein*
 Singt oder spielt er moderne europäische Musikweisen? *nein*
 Religion: *Mohammed.* Beruf: *Schriftsteller - Dichter*
 Vorgeschlagen von: 1. *W. Daegen*
 2. *Dr. Rachmat*
 Beschaffenheit der Stimme: 1. Urteil des Fachmannes
 (des Assistenten): *W. Daegen.*
 2. Urteil des Direktors der Lautabteilung
 (seines Stellvertreters):
 Die Lauturkunde wird beglaubigt:
 23/5. 33. Herrn Dr. Rachmat
 zur Aufzeichnung d. oben
 unschriftl. gebeten. Vorher aber

Рис. 34. Карточка с персональными данными и автографом Гаяза Исхаки. Берлин, 1932 г. Университет Гумбольдта, Берлин. Lautarchiv.

Lfd. Nr.

PERSONAL-BOGEN

Lautliche Aufnahme Nr.: P. K. 626 Ort: Wundorf

Datum: 11.12.1916

Zeitangabe: 6 Uhr 45 Min.

Dauer der Aufnahme: Durchmesser der Platte: 27 cm

Raum der Aufnahme:

Art der Aufnahme (Sprechaufnahme, Gesangsaufnahme,
Choraufnahme, Instrumentenaufnahme, Orchesteraufnahme): Gebetsruf der Mohakedaner
arabisch von e Tataren gespr. (vgl. P. K. 625)

Name (in der Muttersprache geschrieben):
Name (lateinisch geschrieben): } Nur Muhammed Hisameddin

Vorname:

Wann geboren (oder ungefähres Alter)? 1885

Wo geboren (Heimat)? Tobolsk

Welche größere Stadt liegt in der Nähe des Geburtsortes? Tobolsk

Kanton — Kreis (Ujedz): Tobolsk

Departement — Gouvernement (Gubernija) — Grafschaft (County): Tobolsk

Wo gelebt in den ersten 6 Jahren?

Wo gelebt vom 7. bis 20. Lebensjahr? } Tobolsk

Was für Schulbildung? tatar. Mittelschule

Wo die Schule besucht? Kuzylhai

Wo gelebt vom 20. Lebensjahr? Tobolsk

Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt der Vater? } Tobolsk

Aus welchem Ort (Ort und Kreis angeben) stammt die Mutter? } Tobolsk

Welchem Volksstamm angehörig? tatar

Welche Sprache als Muttersprache? "

Welche Sprachen spricht er außerdem? russisch

Kann er lesen? Welche Sprachen? } tatarisch russisch

Kann er schreiben? } Ja Welche Sprachen? } tatarisch russisch

Spielt er ein im Lager vorhandenes Instrument aus der Heimat? } nein

Singt oder spielt er moderne europäische Musikweisen? } nein

Religion: Muhammed Beruf: Gebetsrufer und Lehrer

Vorgeschlagen von: 1.

2.

Beschaffenheit der Stimme: {
1. Urteil des Fachmannes
(des Assistenten):
2. Urteil des Kommissars: kräftige Mittelstimme
mit hinreichender
Konsonanz
ges.: Mith. Bogen

Рис. 35. Карточка с персональными данными Нурмухаммеда Хисамеддина, азанчи и мугаллима из Тобольска. Вюндорф, 1916. Университет Гумбольдта, Берлин. Lautarchiv.

МУСА ДЖАЛИЛЬ – НОВЫЕ МЕСТА И ФАКТЫ

В статье рассматриваются новые материалы и факты о пребывании М.Джалиля в лагере в Вустрау, выявленные в результате исследований в последние годы. Показан опыт привлечения учащихся евангелической гимназии в Нойруппине к исследовательской работе в рамках проекта «Живые картины» (сбор материала по устной истории, работа с документами в местных и частных архивах и коллекциях).

Ключевые слова: места памяти, Муса Джалиль, Вторая мировая война, лагеря военнопленных, музейная педагогика, устная история, локальная история.

Бранденбург-Прусский музей проводит активную работу в сфере музейной педагогики, в частности ведет интенсивную работу с учениками в рамках проекта «Живые картины» в сотрудничестве с евангельской церковью Бранденбурга и некоторыми региональными неправительственными организациями. Благодаря этому ученые, а также семинаристы евангелической гимназии в Нойруппине обнаружили непосредственные следы татарского присутствия в Вустрау.

Благодаря работе с устной историей, местными и частными архивами и коллекциями удалось сделать достоянием общечеловеческой ответственности страницы истории, долгое время известные лишь узкому кругу лиц. Так, вновь была открыта история лагеря военнопленных в Вустрау и находившихся там во время Второй мировой войны татар. Это стало толчком к беседам со свидетелями тех событий, местным экскурсиям, архивным исследованиям и интенсивным дискуссиям.

Целью этой работы было создание мемориала на месте самого бывшего лагеря, так как его следы стерлись с лица земли, а само место размещения было утрачено.

В июне 1941 года после нападения на Советский Союз фашистской Германии миллионы советских солдат оказались в немецком плену. Военнопленные были представителями разных национальностей, включая украинцев, башкир, татар, грузин, бе-

лорусов и других. Условия жизни в плену были весьма суровые: голод, холод, болезни, жестокое обращение с узниками со стороны надзирателей обрекли на верную смерть более половины заключенных. В 1941 году, после провала операции «Барбаросса», руководство вермахта начало создавать из военнопленных специальные военные формирования – т.н. легионы, для дальнейшего использования их в борьбе с Красной Армией. Для этого военнопленных переводили в специальные пропагандистские лагеря.

Членов легиона Идель-Урал, в том числе и знаменитого татарского поэта Мусу Джалиля, а также представителей других национальностей, разместили в бывшем лагере трудовой службы рейха в Вустрау (т.н. «фрайлагерь», «свободный» лагерь Вустрау).

Условия жизни этих солдат в обнаруженном в результате нашего исследования «лагере без заборов», их контакты с населением и сохранившиеся следы их пребывания здесь (воспоминания очевидцев и материальные артефакты) являются сегодня целью изучения сотрудников музея, учащихся и студентов.

В ходе исследования в дополнение к отдельным заметкам, фотографиям и документам из Федерального и военного архивов, архива Министерства иностранных дел и многочисленных частных архивов были найдены конкретные свидетели, которые могут пролить свет на историю данного лагеря. Однако вскоре стало ясно, что через более чем 70 лет пробелы в памяти многих были заполнены легендами. Нам еще предстоит сопоставить результаты изучения устной истории и архивных документов.

Удалось выяснить, что лагерь находился на краю деревни Вустрау. Условия жизни там были лучше, чем у других советских, польских или французских военнопленных в соседних лагерях. Заборов у лагеря не было и контакты с местным населением не ограничивались, что также расширяло для нас потенциальный круг очевидцев интересующих нас событий. Так, один из жителей, который будучи молодым немецким школьником помогал в лагере рыть колодец, подтвердил, что легионерам разрешали носить гражданскую одежду и свободно выходить за территорию лагеря.

В лагере регулярно проводились концерты, также существовала театральная группа. Имели место многочисленные контакты между заключенными и публикой. Некоторые из них даже перерастали в любовные связи. В те времена молодая женщина, рабо-

тавшая в лагере секретаршей, получила от заключенного в дар две картины, которые тот нарисовал во время своего пребывания в Вустрау. Они все еще висят на кухне у теперь уже 90-летней фрау Штейн.

Также были найдены и другие реликвии, к примеру, водяной насос, стоявший в переулке у границы лагеря и использовавшийся как тайный почтовый ящик.

На то чтобы получить цельную картину из обрывочных данных, требуется время. А времени не так много, ведь свидетелей тех времен все меньше и меньше. Но прямые контакты со свидетелями и данные из архивов по-прежнему дают стимул исследователям.

В качестве первых результатов своей работы учащиеся презентовали в Нойруппине близ Вустрау макет мемориала и устроили премьерный показ небольшого фильма про лагерь.

Рис. 1. Церемония в Государственной канцелярии Бранденбурга по случаю победы учащихся в молодежном конкурсе по истории 2017 г., проводимом под эгидой Президента ФРГ, с проектом «Татары в Вустрау». Слева направо: Гюнтер Баске (Министр образования Бранденбурга), Джулиан Дорст и Кассандра Люк (учащиеся Евангелической школы Нойруппина), др. Штефан Тайлиг (Бранденбург-Прусский музей) и др. Томас Паульсен (генеральный директор Körber Foundation) (© BPM)

**GERMAN-TATAR PLACES OF REMEMBRANCE –
MUSA DSHALIL IN ARCHIVE PROJECTS
AND NEW INTERCULTURAL DISCOURSES**

Since the year 2001 the ICATAT is working in educational projects concerning Tatars and other eastern European cultures, especially concerning Islam and Muslims in Europe. With the Exhibition «Turks, Moors and Tatars» the Brandenburg-Preußen Museum in Wustrau started in 2013/14 a new development in this successful development into more intense and scientific cooperating projects. The aim was to convey German-Tatar-Muslim history even outside the classroom or the museum. Two particularly successful projects were «Ali and Hanife» as well as the research project on the prison camp for Tatars during Second World War in Wustrau.

Keywords: Education, Cooperations, POW Camp Wustrau.

*Ma bien-aimée, si on te dit: «Dshalil a trahi
sa patrie. Il n'a pas surmonté les épreuves».
Ne le crois pas, ma bien-aimée! N'en crois pas un mot!
Jamais un ami ne te dirait de telles choses¹.*

Musa Dshalil

The Brandenburg-Prussia Museum in Wustrau, a place close to Berlin, focuses in its studies and exhibitions mainly on the era of the Hohenzollerns` reign in Brandenburg and Prussia. However, a focus is also the museum pedagogy and intercultural history education programs in cooperation with partners like the Institute for Caucasia-, Tatarica-, and Turkestan Studies (ICATAT) and international partners

¹ These lines are from the new translation of the poem «Do not Believe It» (Musa Dshalil, 20.11.1943) on the occasion of the memorial soirée in the House of Literature Magdeburg on 26.02.2016. © Translation: Prof. Dr. Anne Lequy, ICATAT-member and Rector of Magdeburg Stendal University.

like the German-Turkish Research Centre at the Marmara University in Istanbul and the Mardzhany-Institute for History at the Academy of Sciences in Tatarstan. In the context of the exhibition «Turks, Moors and Tartars – Muslims in Brandenburg-Prussia» in 2014, first projects emerged that dealt with the history of Tatars in Prussia in the 18th and 19th centuries¹.

However, these projects did not originate in discourse-free space, but their history had started with a research and events since the early 2000s. For example, the studies and projects made in 2001 in the environment of the Tatar-Bashkir Culture Society Berlin, by the «Society of Friends of the people of Russia»² and the newspaper editorial office of Altabash³; in 2006 at the Collaborative Research Center Memory Cultures (Sonderforschungsbereich, SFB 434, Erinnerungskulturen) at the Justus von Liebig University of Giessen⁴ or in 2008 in the project «Rasnoobrasie», a joint project of ICATAT and the network «Triolog»⁵.

¹ S.: Theilig, Stephan: Türcken, Mohren und Tartaren. Katalog zur Ausstellung im Brandenburg-Preußen Museum. Freiburg: Rombach, 2014.

² S.: Troika – Informationsblatt der Berliner Freunde der Völker Russlands, Dezember 2005, S. 6; s.a.: http://www.gedenkstaette-ploetzensee.de/pics/Tatarische_Legion.pdf [26.11.2017].

³ Herrmann, Horst: Die Gruppe um Mussa Dshalil – von den Nazis ermordet. Tataren im Widerstand (The group around Mussa Dshalil – murdered by the Nazis. Tatars in resistance), in «Neues Deutschland», 17.02.2001; See also online archive of «Neues Deutschland» (New Germany) under URL: <https://www.neues-deutschland.de/artikel/900844.tataren-im-widerstand.html> [26.11.2017].

⁴ The Collaborative Research Centre Memory Cultures (Sonderforschungsbereich, SFB 434, Erinnerungskulturen) at the University of Giessen, established in 1997 and funded by the German Research Foundation (Deutsche Forschungsgemeinschaft), is concerned with the study of both the form and the content of cultural memories, with a specific interest in the plurality of memory and its constructed and dynamic nature. S.: <http://www1.uni-giessen.de/erinnerungskulturen/home/sfb-concept.php> [28.10.2017].

⁵ From this developed, for example, the today's ICATAT-Musa-Dshalil-online-archive as well as other initiatives to explore Tatar-German culture of remembrance such as the Garden of German-Tatar Friendship in Berlin, designed by the German-Tatar Association TAMGA and the landscape architects Glaßer and Dagenbach, Berlin. See: Tatar Initiative in Berlin: The cultural garden of the German-Tatar friendship. Online under URL: <https://tamga.wordpress.com/>

The projects of the Brandenburg-Prussia Museum from the year 2013/14 were carried out together with ICATAT in Magdeburg and had the aim to shed light on the selected biographies, close to joint history.

Migration, integration, globalization and polyreligious, multilingual societies are not a phenomena of the present time. It shows the example of Muslim immigrants in Brandenburg-Prussia during the past five centuries. Meaning and imaginations of Islam and Muslims in German history shows that this is actually the most politically and emotionally charged debate, which is often functionalized. In order to recourse to more scientifically based discourse, we conducted such exhibitions, workshops and conference for the spreading of facts of historical usefully knowledge, because often refer the media debates solely to stereotypes, prejudices and handed down punditry. The educational program «Museum über Land – Ali und Hanife in Brandenburg und Sachsen-Anhalt» (Museum Cross Country – Ali and Hanife in Brandenburg and Saxony-Anhalt) links in this desideratum and treated an important but hitherto not in school media treated aspect of German history. The different projects with pupils of different ages brought scientific expertise and informal education together. This should also reach target groups in regions of Brandenburg, Saxony and Saxony-Anhalt, whose journeys were too far to the museum in Wustrau. That is why we mobilized: Museum Cross Country. Our approach was there to combine regional history and biography work. Ali and Hanife stood on examples for our approach: The «captured Turk» Ali (Turks means in early modern language nearly every Muslim from all over the Ottoman Empire or from Eastern Europe and Asia), captured by the Brandenburg General Barfuß at Ofen (today Budapest) experienced by its «integration classes» and Baptism in Tangermünde near Magdeburg as Friedrich Aly a remarkable career: About the profession of chamber Turks at the Prussian court to a Major of a part of Berlin. Anifa (in modern Turkish Hanife, born 04.09.1790) was the daughter of Prussian-Tatar Lancer Radolenski in Tatar Leib-Squadron of Baranowski. Based on the life stories of so-called «Captured Turks» and Tatar-Prussian Lancer and Muslim immigrants in today's

2010/05/10/tatarische-initiative-in-berlin-der-kulturgarten-der-deutsch-tatarischen-freundschaft/ [29.10.2017].

Brandenburg connected to the specific regional context we showed in the workshops, seminars and lectures ways on comparative analyze how represent migration and integration in our society, the past and the present¹. This concerns the pupils 'and students' somewhat distant past, i.e. biographies and events of the 17th and 18th centuries. But events from the 20th century are also covered by the concept of «Ali and Hanife», e.g. the presence of tens of thousands of Tatar prisoners of war in Germany during the First and Second World Wars and here of course the well known group around the Soviet-Tatar prisoners of the war: Simaev, Kurmashev and Dshalil.

The Brandenburg-Prussia museum continued these intensive work with pupils and continued in connection with the project «Living Pictures» in cooperation with the Evangelical Church of Brandenburg and some regional NGO's in Brandenburg. Scientists and also students of the Evangelical Gymnasium in Neuruppin discovered direct German-Tatar living spaces in Wustrau itself. The project won the award for the state of Brandenburg at the «History Competition of the Federal President» of the Federal Republic of Germany². Pupils and teachers of this Gymnasium were also involved in celebrating Musa Dshalil's 100th birthday at the House of Russian Science and Culture in Berlin 2016 as well as a school partnership between the Evangelical High School and the Musa Dshalil School in Moscow was initiated.

This history is being known for a long time only to a small group of interested people and historians. The history of the POW camp

¹ For regionalization of history in context of muslim-christian cultural contacts in German history see Hotopp-Riecke, Mieste / Theilig, Stephan: Fremde, Nähe, Heimat: 200 Jahre Napoleon-Kriege: Deutsch-Tatarische Interkulturkontakte, Konflikte und Translationen (Outland, Nearness, Homeland: 200 years of the Napoleonic Wars: German-Tatar intercultural contacts, conflicts and translations). Berlin, 2014.

² See footnote 16 and: Kluge, Markus: Was bleibt ist die Erinnerung (What remains is the memory).In: Märkische Allgemeine Zeitung / Ruppiner Anzeiger, 21.05.2016, S.4, online under URL: http://www.brandenburg-preussen-museum.de/fileadmin/museum/Dateien/Presse/Denkorte_RA_21.05.2016.pdf [17.11.2017] and concerning the project Denkorte – Geschichtsbilder, Menschenbilder, Zukunftsbilder («ThinkPlaces. History images, human images, future images») under <http://www.estaruppin.de/denkorte.html> [18.11.2017]; regarding the price: <http://www.schulstiftung-ekbo.de/projekte/engagement/preise-und-auszeichnungen/> [24.11.2017].

Wustrau in the World War II was once again explored. Interviews with surviving witnesses, local excursions, archival research and intensive discussions followed. The aim of this work was to create a memorial at the site of the former camp in order to have a place of remembrance at the former camp, which has been forgotten.

In June 1941 came after the attack on the Soviet Union millions of Soviet soldiers in German captivity. They even came from different nationalities, including Ukrainians, Bashkirs, Tatars, Georgians and Belarusians. Living conditions in captivity can only be described as brutal, as more than half of the inmates are sure to die because of hunger, illness, mistreatment by the surveillance staff and hypothermia. One way out of certain death presented itself in 1941, when the leadership of the Wehrmacht – after the failure of Operation Barbarossa – proceeded to recruit volunteers among the prisoners¹. The responsible Ministry for the East under Alfred Rosenberg installed «national committees», including the separate subjects of the Volga Tatars, Turkestan people, Crimean Tatars, Georgians and the Kalmyks².

The emphasis on the «voluntary» but should not be overestimated. Because for the POWs, it was a matter of survival. The admission to one of the «Ostlegionen» meant better food and therefore a great chance for survival. Consequently, they had the choice either to cook some food, and at the same time be declared a traitor³ at home, or to starve in the camps.

The first researches in German archives about the «Ostlegionen» started with the work of Joachim Hoffmann⁴. He focused his investigations on the archive materials of the Bundesarchiv Militärarchiv in

¹ For the concrete interaction as part of German forces see Frieser, Karl-Heinz: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, 10 Bde., Bd.8, *Die Ostfront – Der Krieg im Osten und an den Nebenfronten*. München: DVA, 2007.

² Bundesarchiv: *Europa unterm Hakenkreuz. Okkupation und Kollaboration (1938–1945)*. Berlin, Heidelberg: 1994.

³ However, all Prisoners of War declared by Stalin as 'traitors', without any connections with their real collaboration with enemy, just because they didn't fall in battle but became prisoner. USSR did not officially recognize a status of POW for Red Army soldiers, and did not cooperate with International Red Cross to support them.

⁴ Hoffmann, Joachim: *Die Ostlegionen (1941–1943)*. Freiburg: Rombach, 1986.

Freiburg. The later work of Sebastian Cwiklinski completes the work of Hoffmann¹, followed up by several popular scientific articles and books by other authors².

In Wustrau members of Idel-Ural Legion were housed in a former camp of the Reich Labor Service (Reichsarbeitsdienst), including Musa Dshalil, the famous Tatar author. To analyze the living conditions of these soldiers in the discovered «camp without fences», their contact with the local population, a trace to find relics of existence and to preserve them are the tasks of the students, who are cared for by the museum.

In addition to the individual notes, photographs and documents from the Federal Archive-Military Archive³, the Archives of the Foreign Ministry and numerous private archives, there are particular witnesses, securing the tradition. However, it soon became clear that after more than 70 years, the gaps in the memory of many were filled with legend. But it can be hold a state of research, occupied by a number of witnesses and documents.

This former camp of the Reichsarbeitsdienst lay at the edge of the village Wustrau. Fences did not exist and the contact with the population seemed possible.

Fortunately, in the framework of the pupils' workshops in Wustrau, we met a retired electrician. He, as a young German apprentice, helped in the camp with digging wells and reported open contacts with the village people. The living conditions in general were better than the other Soviet, Polish or French war prisoners in the surround-

¹ Cwiklinski, Sebastian: *Wolgatataren im Deutschland des Zweiten Weltkriegs*. Berlin: Schwarz, 2002.

² Beside dozens of articles in newspaper and journals see for instance Kop, Volker: *Hitlers Muslime. Die Geschichte einer unheiligen Allianz*. Berlin: bebra, 2012; Bernwald, Zvonimir: *Muslims in der Waffen-SS. Erinnerungen an die bosnische Division Handžar (1943–1945)*. Graz: Ares, 2012; Motadel, David: *Für Prophet und Führer. Die islamische Welt und das Dritte Reich* [eng. Original: *Islam and Nazi Germany's war*]. Stuttgart: Klett-Cotta, 2017.

³ The Federal Archive / Military Archive (BArch-MA) in Freiburg im Breisgau is a department of the Federal Archives for the protection, development and preservation of the military tradition of Germany since 1867. The military archive department was established in Koblenz in 1955, the year of the Bundeswehr's deployment. In 1990, the stocks of the military archive Potsdam of the GDR were incorporated.

ing camps. Regular concerts were held and also a theater group existed. Between the prisoners and citizens appeared numerous of contacts, among them even two love stories. At that time a young woman, who worked as a secretary, got from a prisoner two pictures as a present, which he had painted during his stay in Wustrau. These pictures have been still hung in the kitchen of the now 90-years old woman.

Other relics were handed down. For example, a water pump in a side street on the edge of the camp, used as a dead letter box. It will still take some time to get from the fragmentary traditions a complete picture. Time is short, because there are a few witnesses left and most of them are in late their ages. But the direct contact with witnesses and original material from archives still motivate children and young people by going further with their school projects and researches.

As a first result, pupils presented in Neuruppin near Wustrau a layout for a memorial and launched at the first time a short film concerning the camp¹. As further steps, there will be excavations on the site of the former war prison camp, where Dshalil was interned. Fortunately, the site of the former camp today is a nursery area and therefore was not overbuilt, but only planted. This action is also a part of a school project in cooperation with the Brandenburg-Prussia Museum and ICATAT in the professional accompaniment of the Brandenburg State Office for the Preservation of Monuments and the Archaeological State Museum. The office for preservation of monuments of the state Brandenburg has its head office in the city Wünsdorf, where also was situated the prisoner of war camp for Muslims in the time of the First World War. Thousands Tatars, Bashkirs, Caucasians and Turkestan POW were interned there. In 2015 archaeologists unearthed the remains of the World War I mosque there. The team from the Freie Universität Berlin, Institute of Near Eastern Archeology, and Prof. Dr. Susan Pollock (Archaeological State Museum) discovered tension wires and iron bolts of the wooden dome and broken glass of the mosque windows, as the Freie Universität Berlin announced². Now is

¹ See: Brandenburg-Prussia-Museum-youtube-channel: «Lebensbilder – Erinnerungsorte Teil 1: Das tatarische Gefangenenlager Wustrau», online under URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MlvyPazhQiE> [17.11.2017].

² See: Middeldorf, Annika: Auf den Spuren von Deutschlands ältester Moschee. Archäologen der Freien Universität fanden Überreste des ersten muslimischen Gebetshauses (On the trail of Germany's oldest mosque. Free University

known where exactly the mosque situated and its dimensions. In the case of excavations in Wustrau one expects results, which could illuminate everyday life in the camp and the exact location and / or extent of the barracks.

New Questions Concerning Old Sources and Intercultural Dimensions.

In addition to the haptic sources such as paintings, working with archive materials and archaeological findings, the projects also engage in discourses by dealing with eyewitness interviews, source studies and raise new questions. The preoccupation with the texts that have been handed down still raises questions today: either there are original texts or poems or reactions at them in earlier decades. Some questions could not be asked at the time of creation of the text – e.g. those after being Islamic in the USSR or according to the GULAG system or after the three marriages of Musa Dshalil. On the other hand, there are new developments that, in addition to historical, turkological or political research, approach the texts themselves, with poems from an artistic perspective, dedicate themselves to poetry, to the lyrical content of the works without analyzing every single aspect of the context of creation of the origin.

Let us briefly turn to such new questions which arise when somebody studies old materials from a contemporary perspective, and then, in a second step, we look at new developments from an artistic point of view.

The source base in Dshalil research expands every year in Germany. At the international Musa Dshalil Congress in January 2016 in Kazan, Dr. Mieste Hotopp-Riecke still notes that after the first publication of 1955, a next contribution to Dshalil research appeared only

archaeologists found remains of the first Muslim worship house). In: Campus Leben. Online magazin of the Freie Universität Berlin, 12.10.2015, online under URL: <http://www.fu-berlin.de/campusleben/forschen/2015/151012-grabung-moschee/index.html> [17.11.2017]; s.a.: Reste der ersten deutschen Moschee ausgegraben (Remains of the first German mosque excavated). In «Süddeutsche Zeitung», München, 31.08.2015, online under URL: <http://www.sueddeutsche.de/politik/halbmondlager-in-brandenburg-reste-der-ersten-deutschen-moschee-ausgegraben-1.2628627> [17.11.2017].

in 1967 in the «Journal of History» of the GDR¹. This must be revised, can now be supplemented, because as early as 1958, the historian Leon Nebenzahl published an article in a conference proceedings. Under the title «Mussa Dshalil – poet and fighter» there are topics such as collaboration, such as the Vlasov army and the legion «Idel-Ural», subjects that were taboo in the later GDR. And also in 1958, the unevaluated story «Revolt of Radom» by Joachim Chaim Schwarz was published. Schwarz also addresses a later taboo of GDR historiography, namely the formation of the Tatar legions of the Wehrmacht and their training camps in present-day Poland. Here could be a question about existing connection between both publications². How did Nebenzahl and Schwarz become aware of the topic and which sources did they use? The fact that both authors did not have much knowledge about the history and culture of the Volga Tatars up to this point is revealed, for example, by a footnote in the text of Nebenzahl. There it is said: «The entries [in Dshalil's diary] were made in the Arabic language, which was common among the Tatar intellectuals.» (sic!)³. Of

¹ Hotopp-Riecke, Mieste: Исследование и восприятие творчества Мусы Джалиля в ГДР и ФРГ (Research and perception of the work of Musa Dshalil in GDR and FRG). In: Ministry of Culture Rep. Tatarstan / KFU / Nat. Museum Rep. Tatarstan (eds.): Материалы Джалиловских чтений. «Муса Джалиль: Жизнь и творчество через призму ценностей XXI века» (Dshalilian readings. «Musa Dshalil: life and work through the prism of the valences of the XXI century»). Kasan: Foliant, 2016, S. 20–25.

² Regarding this publications s.a. Hotopp-Ricke/Theilig/Kharisov: Tatar Materials in German Archives / Германия Архивларында Татар Чыганаclarы. Issue 1. (Schriftenreihe des ICATAT Nr. III / Schriftenreihe Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage, No.3). Kasan/Magdeburg: Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences / Institute for Caucasica-, Tatarica- and Turkestan-Studies, 2017, chapter «GDR times: Homo sovieticus tataricae or Tatars as Socialist brother people», pp. 85–97.

³ Nebenzahl, Leon: Mussa Dshalil – Dichter und Kämpfer (Mussa Dshalil – poet and fighter). In: Stern, Leo (Red.): Probleme der Geschichte des zweiten Weltkrieges. Referate und Diskussion zum Thema: die wichtigsten Richtungen der reaktionären Geschichtsschreibung über den zweiten Weltkrieg. Berlin: Akademie-Verl., Schriftenreihe Protokoll der Wissenschaftlichen Tagung in Leipzig vom 25. bis 30.11.1957, Kommission der Historiker der DDR und der UdSSR (Problems of the History of the Second World War: Speeches and discussion on the topic: The most important directions of the reactionary historiography

course, Muslims of Russia who were educated in good madāris were able to read and write Arabic. But the Arabic language itself was certainly not widespread among the Tatar intellectuals. And of course Musa Dshalil did not write in Arabic, but in Tatar language with Arabic script.

But even texts based on the 21st century can be used to carry out an excellent textual analysis of questions that were relevant in the 19th century and in the 20th century as well, namely themes such as nationalism, identity and facticity. If, for example, Gimadeev / Plamper 2007 flatrate the Tatar emigrants of the 1920s in Berlin as nationalists, this is at least very questionable. And if the same article states that the unity of the Tartar nation was only rediscovered after the dissolution of the Soviet Union, that is surely only one part of the truth.

Further assessment, however, may now be widely accepted: Both the authors Plamper and Gimadeev and other academics believe that the projection surface of Dshalil's worship, let's call it a myth or transfiguration or discourse, different movements, different parts within Tatarstanian society offers space, via Dshalil to arrange with the present. Regardless of whether the Dshalil's Islamic side is emphasized, or rather the Tatar-national or the internationalist or backward-looking Soviet-Communist side of the Dshalil heritage, the poet is very present in Tatarstan's culture. And some are already criticizing, that at least the official Tatarstanian commemoration policy again bears soviet traits. Tshulpan Zalilova mentioned during her participation at the Dshalil-Soirée in Magdeburg 2016¹, that: «The event in Magdeburg took place in a warm familial atmosphere» and she wanted to let see the people her father more as a simple man, not a hero-monument. «When you can hear such details about a person who is now already known as a heroic person, one should not forget then the usual kind,

about the Second World War). Berlin: Akademie-Verlag, 1958, 513 S., hier: S. 367–378; here p. 374, Fn. 13.

¹ Musa Dshalil – Soirée zum 110. Geburtstag des tatarischen Nationaldichters «Fern, in die Heimat, schwingt sich hin mein Lied» (Musa Dshalil–Soirée on the occasion of the 110th birthday of the Tatar national poet «Far away, home, my song is swinging») under the patronage of the Minister of Culture of the state of Saxony-Anhalt in the House of Literature Magdeburg, 26.01.2016, all informations concernig programm, workshops, soirée onkine under URL: <https://icatat.wordpress.com/2016/01/14/dshalil-seminar/> [17.01.2016].

warm, human image of a husband, father, who loved life, daughter, homeland, a man endowed with an incredible sense of humor, a loyal friend and comrade».

Now briefly to developments directly concerning Dshalil's poems. Here it must be noted concerning both – the original texts as the translations – that nothing of them is final version. There is no standstill in the evaluation of translations. On the German side, it is agreed that the old German translations must be replaced. For the translations from the 50s and 60s, which were all developed from the Russian, but not from the original Tatar should be created new translations directly from the Tatar language. Comparing the Tatar with the Russian texts, you can already see a certain hardening and a bit «sovietized». At a further distance by the German translation from the Russian ones again some esprit, softness and flowery of the Tatar language is lost. That's why Dshalil's poems have been translated for instance into French again explicitly for the celebrations in Germany in 2016, although you could also refer to existing French poems¹.

And here we come to another moment of Dshalil's reception in Germany. Tatars and Germans were involved in all projects, events and discussions, but there were further truly intercultural interethnic interactions too: In Magdeburg Dshalil poems and songs were heard in Azerbaijani, Turkish, Crimean Tatar, German, Russian, Ukrainian and French. Students and senior citizens, professional artists and lay people were involved in those projects. In Berlin representatives of German public organizations, representatives of the national communities of Kazakhs, Azerbaijanis, Tajiks, Armenians in Germany, party fraction of social democrats, Tatars living in Germany, pupils of German

¹ See footnote 1 above. An excellent analysis concerning the French view on the Dshalil-discourse gives: Daucé, Françoise: Les compositions mémorielles autour de la Guerre patriotique. L'exemple du souvenir de Moussa Djalil, Tatar, stalinien, poète et patriote (Memory Schemes Around the Patriotic War. The Example of the Memory of Musa Dshalil, Tatar, Stalinist, Poet and Patriot), *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, Issue 12, 2011, Online since 06 January 2012, online under URL : <http://journals.openedition.org/pipss/3864> [17.01.2016].

schools, students, Tatars from Czech Republic, Denmark and Belgium attended the hall¹.

In short, beyond the discourse of identity and history, the very basis of Dshalil's worship, namely, his poetry, has lost none of its splendor and fascination. It is a small but fine and growing component of the intercultural education as a part of the cultural landscape of the Federal Republic of Germany on the one hand as well as a common Tatar-German lieu de mémoire on the other hand.

In Dshalil-research there are several dimensions. In addition to the writings and poems themselves, their history reception, discourses of identity as well as partly solved source-based factuality or reality. The French sociologist Françoise Daucé puts it this way: «We do not question here the reality of the reported facts concerning the return of Moabit Papers in the USSR. We simply present the story that is officially given in the Soviet era and even today. It is not for us to establish the veracity of the facts but to see how the memory of these facts contributes to the poet's popularity and its perpetuation in contemporary Russia»².

Whatever the identity and history discourses surrounding life and work of the Tatar poet Musa Dshalil, one thing is certain: the prognosis of Plumper and Gimadeev can be confidently denied. In their essay of 2006 in the flagship of the German East European studies they wrote: «The official memory politics in the united Germany does not need the Džalil'-myth anymore. Džalil' has fallen into oblivion here». here in Germany³. Now twelve years later you can see: This is by no means true, but the opposite is the case! It is true that state-mandated

¹ See: В Германии почтили память о Джалиле. Online under URL: <http://tatar-congress.org/ru/blog/v-germanii-pochtili-pamyat-o-dzhalile/> [08.03.2016] see also the event review at ICATAT homepage under URL: <https://icatat.files.wordpress.com/2016/01/hier1.pdf> [17.11.2017].

² See Daucé 2011, Fn. 19; Françoise Daucé is a director of studies at EHESS (École des Hautes Études en Sciences Sociales / School of Advanced Studies in the Social Sciences, France). She studies relations between the state and society in Russia. <https://www.ehess.fr/fr/personne/fran%C3%A7oise-dauc%C3%A9> [21.01.2017].

³ Gimadeev, Ilshat / Plumper, Jan: Tatarstan. Mythos um Musa Džalil'. Projektionsfläche für Identität. In: Osteuropa (Tatarstan. Myth about Musa Džalil'). Projection screen for identity. In: Eastern Europe), No. 12/2007, Berlin: DGO, pp. 97–116, here p. 114.

remembrance policy exists any more, as in the former GDR. Thus, it is also clear that no instrumentalization of the poet personality Dshalil takes place for ideological reasons any more. However, Dshalil's research, historical discourses and Dshalil's commemoration are by no means forgotten. But all this information is nowadays based on genuine research interest, on genuine sympathy for the fate of the Tatarian prisoners of war and on enthusiasm for Tatar culture and history. In no other time after the end of the Soviet Union, have there been so many new texts, new discoveries of relevant material concerning the Dshalilovtsies, different commemorative events and new projects to Mussa Dshalil as in the last two years¹.

In order to be able to conduct a serious discourse solely about the effect and reception of Dshalil's oeuvre in the context of the GDR and the FRG, there is still a lack of a reliable database, no collection or bibliography of all texts on the Tatar national poet in German. Alone in a single newspaper of the GDR, in the central organ of the SED, «Neues Deutschland», appeared at least 46 articles about Musa Dshalil. But there are no stringent bibliography to these publications, let alone an overview of Dshalil's articles in other newspapers and magazines of the GDR. The next step should therefore be the creation of a comprehensive German bibliography in order to have a solid database for further researches. This bibliography and the German Dshalil Online Archive are already a part of the further project applications for the next few years.

There is still a lot of to do.

¹ These include the above-mentioned commemorative actions in Berlin and Magdeburg, student projects and youth workshops including video workshop and competition participation in Neuruppin, Wustrau and Magdeburg, source research and exhibit acquisition by the ICATAT in Berlin and Leipzig, planning for archaeological excavations as well as new adaptations eg in French language.

ДВА ПРОПАГАНДИСТСКИХ ЛАГЕРЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ – HALBMONDLAGER И WEINBERGLAGER

Статья посвящена официальной политике Германии по отношению к мусульманам во время Первой мировой войны, планам по их использованию в идеологическом и военном конфликте, разработанным М. фон Оппенхаймом. Описывается деятельность Службы информации по Востоку («Nachrichtenstelle für den Orient»), в которую были включены немецкие ученые-востоковеды и представители мусульманских народов, которым поручалось проведение активной пропагандистской работы среди мусульман. Подробно рассматривается создание особых лагерей для военнопленных мусульман и ситуация в двух из них, расположенных между городами Цоссен и Вюнсдорф неподалеку от Берлина.

Ключевые слова: Первая мировая война, лагеря для военнопленных, татарские военнопленные, Вюнсдорфский лагерь, политика Германии по отношению к мусульманам, пропаганда среди мусульман.

Через контакты с мусульманами, издавна находившимися под колониальным гнетом, немецкая внешняя политика пыталась ослабить своих традиционных соперников – Англию, Францию, Россию. Интерес Германии к исламу и к инструментализации исламского фактора был замечен как в конкретных внешнеполитических мероприятиях первой трети XX в., так и в научной сфере.

Во время Первой мировой войны многочисленные мусульманские солдаты из армий стран Антанты оказались в германском плену. И в этой ситуации в среде немецких политиков, военных и дипломатов возник план использования их в идеологическом и военном конфликте.

Для запланированного сотрудничества уже осенью 1914 года была разработана и теоретическая база. Автором плана стал известный дипломат и археолог-любитель Макс фон Оппенхайм

(1860–1946). В октябре 1914 года им был подготовлен меморандум под названием «Памятная записка относительно революционизации исламских областей наших врагов», впоследствии переданный в МИД. Основной идеей этого документа было следующее: Германия инициирует среди мусульман «священную войну» – «джихад», а Османская империя и ее султан, как номинальный глава мусульман всего мира, обеспечивают реализацию идеи «священной войны». При этом М. фон Оппенхайм отмечал: «В настоящее время мы, в первую очередь, должны думать о собственной самообороне, использовать ислам в собственных интересах и по возможности укреплять его. Я не думаю, что мы должны опасаться того, что в будущем разочаруем своих нынешних друзей. Ведь мусульманские народы потеряют все, если мы будем низложены, они только выиграют от нашей победы. [...] Вероломство наших врагов дает нам к тому же право использовать любые средства, которые могут вести к революционизации вражеских стран».

Хотя М. фон Оппенхайм как дипломат и археолог имел немалый опыт работы в арабских странах, в своем меморандуме он допустил две серьезные ошибки: он имел неверное представление о единстве и сплоченности мусульманского мира и слишком преувеличивал роль и авторитет османского султана среди мусульман всего мира.

Пропагандистские мероприятия М. фон Оппенхайм считал необходимой предпосылкой намеченной революционизации. Для их координации в ноябре 1914 года усилиями МИД и Генерального штаба была создана так называемая Служба информации по Востоку («Nachrichtenstelle für den Orient»), в которую были включены немецкие ученые-востоковеды и представители мусульманских народов, которым и поручалось проведение активной пропагандистской работы среди мусульман.

Конкретным следствием пропагандистских устремлений Германской империи стало и возведение так называемых особых лагерей для военнопленных мусульман. Хотя военнопленные мусульмане находились во многих из почти 100 лагерей военнопленных, только два лагеря были предназначены для организации масштабной пропагандистской работы – это Weinberglager (Лагерь на Виноградной горе) и Halbmondlager (Лагерь полумесяца)

между городами Цоссен и Вюнсдорф неподалеку от Берлина. Впоследствии оба лагеря нередко объединяли общим названием – Вюнсдорфский лагерь.

В Weinberglager содержались преимущественно мусульмане из российской армии (в абсолютном большинстве татары) – в начале 1916 года их численность здесь достигала 12 000 человек. В Halbmondlager были собраны военнопленные из английской и французской армий (индийцы, арабы из Марокко, Алжира и Туниса, а также африканцы), их было около 4 000 человек.

Согласно германской военной стратегии, все эти военнопленные должны были присоединиться к «священной войне», которую османский султан официально провозгласил против стран Антанты в ноябре 1914 года. Мусульмане должны были быть подготовлены к тому, чтобы отправиться в свои родные страны, вести соответствующую пропаганду среди сограждан и единоверцев и тем самым «революционизировать» их и подготовить к борьбе против своих угнетателей. Немецкая сторона видела в этих военнопленных своего рода идеологический арьергард в борьбе против Антанты и в деле революционизации всего мусульманского мира.

В документах германского МИДа можно видеть следующее мнение относительно возведения пропагандистских лагерей: «Чтобы выразить дружеское отношение Германской империи к мусульманам, которое всесторонне поддерживается и Его величеством кайзером и чтобы убедить в нашей дружбе мусульман, сражающихся в составе вражеских армий, военнопленным мусульманам даны преимущества в содержании. Под наблюдением специально подобранных офицеров и солдат они получают максимальные свободы».

Известный татарский богослов, ученый и публицист Габдерашид Ибрагим, который во время Первой мировой войны отвечал за организацию пропаганды в названных лагерях, использовал в своих выступлениях и публикациях схожую риторику: «Если два мусульманина стоят друг против друга на поле сражения с оружием в руках, то и убийца, и убитый попадут в ад. Поэтому мусульманам не позволено бороться друг против друга, что имеет и естественное продолжение в том, что среди мусульман запрещен и плен. Поэтому Германия как наш союзник воспринимает

вас не как военнопленных, а как своих гостей...», – писал он, обращаясь к военнопленным.

Находящиеся в двух лагерях солдаты-мусульмане сохраняли статус военнопленных, однако исходя из пропагандистских соображений, действительно имели заметно больше привилегий, чем их собратья по несчастью, находившиеся в других лагерях. Это проявлялось, например, в следующем:

- возведение лагерной мечети;
- издание газет и иной литературы;
- лучшее обеспечение и удовлетворение материальных и духовных потребностей.

Первая на германской земле мечеть, которая действительно использовалась для богослужений, была открыта в Halbmondlager 9 июля 1915 года (освящена 13 июля) к началу священного месяца Рамадан. В этой связи газета «Франкфуртер цайтунг» писала 30 июля 1915 года: «В отличие от Англии и Франции из чистых и искренних побуждений Германия воздвигла мечеть для наших мусульманских гостей. Германия действовала без лишней суеты и шума, быстро и тихо, и внесла свой вклад в развитие дружбы». В годы войны в мечети совершались регулярные богослужения, отмечались главные мусульманские праздники. Вместе с мусульманами в торжествах принимали участие и высокие германские и зарубежные гости. Праздники давали возможность совместных молитв военнопленным, находившимся в обоих лагерях. Комендант Вайнбергского лагеря Бёлау замечал по этому поводу: «Реакция масс была потрясающей, совместные молитвы не только произвели глубокое впечатление на мусульман, но и для немусульман стали настоящим доказательством существования религиозной связи между Константинополем и мусульманами России». Здание мечети было разобрано в конце 1920-х годов.

Неподалеку от лагерей, в Церенсдорфе имелось и кладбище для погибших в плену солдат. Согласно сохранившимся в архиве спискам на этом кладбище было погребено 412 солдат российской армии (преимущественно татар), 262 выходца из Северной и Западной Африки, в большинстве своем мусульмане, 205 индийцев, 86 французов, два бельгийца, один англичанин и один турок. Сегодня, после проведенной реставрации, это кладбище является

настоящим памятником Первой мировой войны, мемориалом в честь павших в годы войны солдат.

Для мусульманских военнопленных издавались и пропагандистские газеты на различных языках – русском, татарском, арабском, хинди, урду. За подготовку и цензуру опубликованных материалов несла ответственность Служба информации по Востоку. Самым важным изданием для проведения идеологической работы в лагерях являлась газета «Эль-Джихад» – чисто пропагандистское издание, которое имело задачей разъяснение военнопленным «истинных» целей войны.

Для военнопленных были и другие возможности прочувствовать некоторые преимущества жизни в особых лагерях – здесь имелись кафе и библиотека, оркестр духовых инструментов и мастерские. Нередко для них организовывались специальные экскурсии, посещения немецких городов, деревень, фирм, школ и т.п. И все же они оставались военнопленными – большинство из обитателей лагерей привлекались к тяжелым физическим работам вне территории лагеря.

Немецкая политика и немецкое отношение к мусульманским военнопленным во время Первой мировой войны были очень противоречивыми, практически не дали ожидавшегося эффекта и заметных результатов. Во всяком случае Германии не удалось добиться желаемой «революционизации» исламского мира. Исламская стратегия Германии в годы войны оказалась в итоге довольно масштабным блефом.

Мисте Хотопп-Рике
Руперт Кайзер

ТАТАРСКИЙ СВЕТИЛЬНИК ИЗ ГАРДЕЛЕГЕНА. СВИДЕТЕЛЬСТВО НЕМЕЦКО-ТАТАРСКОЙ ИСТОРИИ В РАТУШЕ СТАРОГО ГАНЗЕЙСКОГО ГОРОДА

Статья посвящена недавно обнаруженному в музее ганзейского города Гарделеген светильнику, изготовленному военнопленным Насибуллой в татарской мастерской лагеря Вюнсдорф-Цоссен в 1916 г. Этот уникальный экспонат является одним из немногих сохранившихся изделий татарской мастерской, где работали военнопленные под руководством профессора архитектуры Отто Штиля, и единственным уцелевшим фрагментом декоративного убранства старой ратуши Гарделегена. Рассматривается история реконструкции ратуши в 1916 г. и создания светильника, его спасения от уничтожения при очередной реконструкции в 1959 г. и повторного обнаружения экспоната в запасниках музея в 2017 г. На основе анализа архивных материалов и обнаруженных на территории Германии захоронений военнопленных татар сделаны предположения о возможной дальнейшей судьбе мастера Насибуллы.

Ключевые слова: Первая мировая война, лагерь для военнопленных, татарские военнопленные, Насибулла, Вюнсдорфский лагерь, О.Штиль, татарская мастерская, татарский светильник, Гарделеген.

Практически каждый город или округ Центральной Германии имеет свои, исторически сложившиеся контакты со странами, регионами и народами, относящимися к исламской культуре. В большинстве своем подобные прямые межкультурные контакты происходили в контексте войн, насилия и завоевания. Однако, мирные торговые, культурные и научные контакты также оставили свои следы. Многочисленные предметы восточного происхождения хранятся в городах и селах Центральной Германии, а также в восьми ганзейских городах округа Альтмарк¹. Одним из

¹ Средневековый Ганзейский союз в период между XII и XVII вв. включал более 300 городов, разбросанных между Брюгге, Магдебургом и

них является мой родной Гарделеген. Первую мысль, косвенно наводившую на связь города на р. Милде с исламским Востоком, привнес теолог, востоковед и знаток арабского языка Авраам Гинкельманн¹. Все последующие прямые контакты с исламским миром, вероятнее всего, нужно отнести к военной истории. Согласно сообщению пастора Давида Бауке, во времена наполеоновских войн на территории города Гарделеген были расквартированы мусульмане из Восточной Европы, башкиры и татары². В апреле 1813 года во главе с гетманом Крузе в Гарделегене и его окрестностях были расквартированы казаки и башкиры. Сам Давид Бауке являлся пастором в пригороде Гарделегена Изеншниббе³. В период с 1866 по 1918 год в Гарделегене были расквартированы несколько эскадронов 16-го Королевского прусского уланского полка. Военная традиция формирования уланских полков в прусской армии восходит к существовавшим в XVII–XVIII века мусульманско-татарским воинским формированиям. В XIX веке основную массу прусских улан уже составляли представители христиан-немцев. Воспоминания об этих «синих уланах» сохранились в Гарделегене достаточно долгое время. Например, недалеко от городской площади Тивали в 1923 году был возведен памятник всем павшим воинам 16-го Королевского прусского уланского полка⁴.

Новгородом. В состав современного альтмаркского Ганзейского союза входят следующие ганзейские города: Гарделеген, Тангермунде, Стендаль, Гавельберг, Вербен, Остербург, Зальцведель и Зеэгаузен.

¹ Абрахам Гинкельманн (родился 2 мая 1652 г. в городе Дёбельне, умер 11 февраля 1695 г. в Гамбурге) являлся немецким протестантским теологом и востоковедом. Особой заслугой является то, что он, находясь с 1672 г. в должности ректора гарделегенской школы, смог в 1694 г. впервые в истории издать полный перевод текста Корана на латинский язык (*Al-Coranus sive Lex Islamitica Muhammedis, Filii Abdallae, Pseudoprophetae, ad optimorum Codd. Fidem edita ex museo Abr. Hinckkelm. D. (Arabisch und Latein)*, Hamburg: Schultz-Schiller, 1694).

² Bauke, David: *Mittheilungen über die Stadt und den Landrätthlichen Kreis Gardelegen*. Gardelegen: Selbstverlag, 1832, S. 113–115.

³ См.: Becker, Herbert: *Gardelegen. Tausend Jahre einer Stadt*. Erfurt: Sutton, 2011, S.41.

⁴ О татаро-мусульманских солдатах в Прусской армии см.: Theilig, Stephan: *Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert*. Berlin: Frank & Timme, 2013, hier Kap.

В XX веке уже упомянутый район Гарделегена Изеншниббе стал известен как место, где в конце Второй мировой войны были заживо сожжены 1016 узников концентрационных лагерей¹. Данное печальное известное место массового убийства заключенных получило название «Холокост в Гарделегене»². В период Второй мировой войны и после в городе находились татары, теперь уже как военнослужащие Советской Армии или же представители советских оккупационных властей. Одним из высших офицеров гарнизона Гарделегена был татарин³, его дети и внуки все еще проживают в Альтмарке. Наиболее известным немецко-татарским артефактом времен Первой мировой войны, подтверждающим общую историю, является светильник с татарской резьбой, созданный в татарской столярной мастерской руками заключенных лагеря для военнопленных Вюнсдорф-Цоссен для ратуши ганзейского города.

«Muslime in der brandenburgisch-preußischen Reiterei», S. 213–352; s.a.: Riebau, Herbert: Die Regimenter der Altmark. Horb am Neckar: Geiger, 2013.

¹ Haarseim, Torsten: Gardelegen Holocaust. Borsdorf: Edition Winterwork, 2012; s.a.: Gring, Diana: Die Todesmärsche und das Massaker von Gardelegen – NS-Verbrechen in der Endphase des Zweiten Weltkrieges, Gardelegen: Stadtmuseum, Abt. Mahn- u. Gedenkstätte, Schriftenreihe des Stadtmuseums Gardelegen 1, 1993.

² В Изеншнибском сарае были убиты граждане Польши, СССР, Франции, Венгрии, Бельгии, Германии, Чехословакии, Югославии, Голландии, Испании и Мексики. Сколько среди них было советских граждан (русских, украинцев, татар или башкир) пока не установлено. Только 305 имен заключенных узников концлагерей были идентифицированы. См.: Diana Gring: Die Todesmärsche und das Massaker von Gardelegen – NS-Verbrechen in der Endphase des Zweiten Weltkrieges, Gardelegen Stadtmuseum Gardelegen, Abt. Mahn- u. Gedenkstätte, 1993; Blatman, Daniel: Die Todesmärsche 1944/45. Reinbek 2011, ISBN 978-3-498-02127-6, (Kapitel 9 und 10; S. 520–607); s.a.: Kaiser, Rupert (Ed.): Tage im April. Ein Lesebuch mit Augenzeugen- und Erlebnisberichten über die Todesmärsche und das Massaker in der Isenschibber Feldscheune 1945 (Schriftenreihe des Stadtmuseums Gardelegen, Heft 3). Hannover: Schlütersche Verlagsanstalt, 1995.

³ До конца 1980-х гг. в районе Гарделегена близ Хоттендорфа располагались казармы 41-го мотострелкового и 145-го отдельного танкового полка (ПФ 55550, «Душник») 207-й мотострелковой дивизии Советской Армии (основное место дислокации – Ганзейский город Стендаль, в 1991–1994 гг. часть была расформирована).

«Татарский светильник» был найден Рупертом Кайзером¹ в ходе инвентаризации, он же рассказал нам историю появления данного предмета в Гарделегене².

В 1914–1917 гг. ратуша Гарделегена была перестроена по старым планам признанным специалистом по городским средневековым ратушам, профессором архитектуры Отто Штилем, и приобрела свой нынешний облик. В результате увеличения крыши городской ратуши на четыре метра, удалось создать широкий фронтон со стороны городского рынка и тогдашней Магдебургской улицы (современная улица Эрнста Тельмана). В результате удалось вновь сделать доступными для обозрения замурованные более 150 лет аркады со звездчатым сводом и исторический кирпичный пол.

Подвал ратуши не был включен в план реконструкции, так как в тот период он был арендован 52 городским оптовым поставщиком вина. Так план профессора Штиля по созданию в подвальном помещении таверны, в соответствии с историческими данными, пока остается не реализованным. Та же участь, но по финансовым причинам, постигла разработанные профессором Максом Кутшманном (1871–1943) фрески из истории Гарделегена для залов ратуши.

В результате побеленный зал городской ратуши украсили только покрашенные в бронзу с золотом две деревянные звездобразные люстры и двенадцать маленьких светильников. Все эти светильники были подарены бывшим жителем Гарделегена Максом Нёггератом³. Под каждым светильником присутствует

¹ См.: Kaiser, Rupert: Aus der Geschichte der Hansestadt. Der Tatarenleuchter von Gardelegen. In: Friedrichs, Helmut [Hrsg.]: Stadtspiegel Gardelegen, Nr. 201 / Oktober 2015, S. 7. URL: [https://issuu.com/stadtspiegelgardelegen/docs/stadtspiegel_oktoberpdf_klein_1_\[05.02.2017\]](https://issuu.com/stadtspiegelgardelegen/docs/stadtspiegel_oktoberpdf_klein_1_[05.02.2017]).

² Дальнейшие сведения базируются на заявлении, сделанном господином Кайзером на прошедшей 10 января 2017 г. в городском музее Гарделегена пресс-конференции, на его письме автору данной статьи и на публикации газеты «Stadtspiegel» от 17.01.2017.

³ Нёггерат, Макс Теодор Пауль (*18.12.1859 в Gardelegen, † 30.08.1924 в Ганновере) женился 10.04.1890 в Гарделегене на Ганни Конрадине Уилелмине Огюсте Nanny Konradine Вильгельмине Августе Гермине Шварцлозе (* 12.12.1870 в Гарлегене, † 11.15.1924 в Ганновере). Макс происходил из семьи лютеран, был сыном Густава Адольфа Теодора Нёггерата

надпись: «Пожертвовано в день возвращения торговой подводной лодки «Германия». 23 августа 1916. Макс Нёггерат, Ганновер».

Наш экспонат, так называемый татарский светильник, предположительно находился в прихожей под аркой. На нем вырезана надпись: «Меня сконструировал и поставил – архитектор – профессор О. Штиль, Штеглиц-Цоссен. Меня вырезал в 1916 году военнопленный из лагеря Вейнберг-Цоссен казанский татарин Назибулла». Этот казанский татарин, возможно, являлся тем заключенным из Вейнсбергского лагеря в Вюнсдорфе, указанным на мемориальной плите, как умерший 24.01.1917 Назибулла Хафизов и похороненный в квадрате «G» татарского кладбища. Однако, согласно представленным в сети архивным данным «Народного Союза Германии по уходу за военными могилами», на кладбище для военнопленных в Вюнсдорфе-Церенсдорфе в квадрате «R» в могиле № 853 покоится умерший 13.11.1918 еще один татарин под именем Наззибулла¹.

Резной светильник, безусловно, является единственным из сохранившихся предметов интерьера ратуши, существовавшего в период с 1916 по 1959 гг. Скорее всего, данный светильник является единственным дошедшим до нас изделием, созданным в лагере Вейнберг-Цоссен.

В 1959 году молодому социалистическому государству ГДР захотелось избавиться от всех вещей «империалистического» прошлого. Поэтому при реконструкции гарделегенской ратуши были уничтожены все свидетельства прошлого. Не пощадили даже резные деревянные светильники. Их попросту выбросили в окно. Однако, этот татарский светильник был спасен тогдашним директором городского музея, доктором Эдвином Ниттером. Он был уведомлен горожанами Гарделегена об этой акции уничтожения культурных ценностей, и поспешил на ратушную площадь, где смог спасти из образовавшейся кучи мусора лишь этот небольшой резной светильник.

(* 01.09.1822 в Гарделегене, † 10.20.1866 в Гарделегене) и Йоанны Марии Софии Эмили Гаузвальд (* 01.01.1837 в Брауншвейге, † 19.10.1900 в Ганновере).

¹ Адрес доступа базы данных архива военных кладбищ: [http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2\[gid\]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb](http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2[gid]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb) [Дата доступа: 12.03.2017].

По конструкции этот светильник был близок к уничтоженным в 1959 году и сделанным в вайнбергской татарской столлярной мастерской другим большим люстрам. Однако, чтобы доказать это, необходимо исследовать архивные материалы. Кроме того, еще предстоит проанализировать документы кладбища и концлагеря в Вюнсдорфе на предмет определения этнической принадлежности захороненных здесь военнопленных. Примечательно, что надпись на люстре четко указывает на ее связь с казанскими татарами, в то время, как правило, бывает крайне сложно выявить этническую принадлежность военнопленных, поскольку немецкие власти группировали их по религиозному принципу, объединяя в специальные лагеря, и всех мусульман многонационального российского государства определяли по их гражданству – «русскими». Поэтому на немецких военных кладбищах, так же как и в Гарделегене, под надгробиями с надписью «русский солдат» могли быть захоронены тысячи представителей нерусских народов России.

Например, в списке погребенных в Гарделегене обозначены как «русский»: Шагержан Бишмухаметов (могила № 258 – умерший 12/07/1915 г. в Циенау, солдат 86-го пехотного полка); Микиан Мухамеджанов (могила № 374 – родившийся 12/15/1867 г. и умерший 12/07/1918 г. в Циенау, рядовой 103-го пехотного полка); Мутали Толубаев (могила № 388 – умерший в Циенау 05/09/1919 г., рядовой 29-го кавалерийского полка); Гарифула Гассино (могила № 391 – умерший в Циенау 31/12/1919 г., рядовой 187-го пехотного полка) и так называемый «Иван Нассикофф»¹. 19 умерших военнопленных русской армии исламского вероисповедания, первоначально захороненные на городском кладбище, после Первой мировой войны по решению городской администрации были перезахоронены на кладбище для военнопленных в Гарделегене-Циенау. В соответствии со списками перезахороненных солдат «Иван Нассиков» был обозначен как «русский» (дата смерти 01/04/1915; 103-й русский пехотный полк, 18 страница, 4-я строка в списке погребенных). При этом стоящий на городском кладбище мемориальный камень с точно

¹ За уточнение списков захороненных мы благодарим представителя «Народного Союза Германии по уходу за военными могилами» в Гальбе, Бранденбург, господина Иоахима Козловского.

такими же данными (103-й русский пехотный полк / † 01.04.1915) указывает на мусульманское имя этого солдата – «Шафик Нассиков».

После того как грибники случайно обнаружили это забытое кладбище для военнопленных и сообщили о находке в администрацию города, осенью 2015 года произошло новое перезахоронение останков. После длительных административных споров между представителями ганзейского города Гарделеген, администрацией федеральной земли Саксонии-Анхальт и Национальной ассоциацией военных кладбищ Германии, в присутствии городского мэра Мэнди Цэпиг и российского дипломата Николая Аврамова 13 ноября 2015 года нашли свой покой 197 павших в Первую мировую войну солдат Российской империи и 27 павших во Вторую мировую войну солдат Красной Армии. Христианские религиозные общины были представлены пастором евангелистской церкви Гарделегена Мартином Гётцки, протоиереем Русской Православной Церкви в Магдебурге Борисом Устименко и пастором католического прихода Св. Хилдегарда (Гарделеген, епископство Дрезден-Мейсен) Андреас Лоренц. К сожалению, не присутствовали при перезахоронении останков на новом месте представители исламской и иудейской религиозных общин.

При жизни не обладавшие особыми привилегиями, похороненные здесь солдаты мусульманского вероисповедания русской армии, за счет лучшего питания и условий размещения в лагере Вюнсдорф, имели большой шанс на выживание и могли даже остаться через свои художественные произведения в памяти своих потомков. Из различных источников нам известно только о бедственном положении русских солдат. Тогда как в Гарделегене захоронены и представители татарского и других мусульманских народов, входивших в состав многонациональной Российской империи¹. О пребывании последних напоминает теперь выстав-

¹ Friedrich, Jana: Gedenkstunde für Gefallene des 1. und 2. Weltkrieges. In: Stadtspiegel, Gardelegen, Nr. 11, Dezember 2015, S. 10–11; Schmidt, Stefan: Gedenkstunde: Umbettung russischer Kriegsgefangener auf Gardelegener Friedhof. In: Altmark-Zeitung, 14.11.2015; ders.: Totenbuch erinnert an gestorbene Russen. In: Altmark-Zeitung, 18.11.2015; Schulz, Wally: Torso eines Denkmals wiedergefunden. In: Altmark-Blätter, Nr. 48, 26.11.2016, S. 189–191; Ilka Marten: Konzept für neue Kriegsgräberstätte steht. In: Volksstimme, 10.11.2015; Cornelia Ahlfeld: «Wir brauchen jetzt die Hilfe der Politik» und Gräbergesetz. In:

ленный на всеобщее обозрение татарский светильник из Гарделегена.

В лагере была открыта мастерская, в которой активно работали добровольцы из военнопленных, особенно татары, в т.ч. мастер Назибулла. Здесь изготавливали мебель, детские игрушки, дорожные указатели. Вся округа Вюнсдорфа, каждая деревня были украшены резными татарскими указателями. К сожалению, ни один из них не сохранился до наших дней. Заработанные деньги военнопленные могли отправлять своим родным в Россию, либо тратить по своему усмотрению, например, на создание памятника своим погибшим товарищам на мусульманском кладбище в Вюнсдорфе, т.н. «татарский камень».

Volksstimme, 31.01.2015; diess.: Waldfriedhof: Umbettung der Toten von Zienau. In: Volksstimme, 30.05.2015; Schmidt, Stefan: Den Gefangenen Namen geben. In: Altmarkzeitung, 23.06.2016.

**FROM THE ALTMARK TO THE ORIENT OF EUROPE:
THE TATAR LUSTER FROM GARDELEGEN.
FROM HISTORY EVIDENCE OF GERMAN-TATAR
CONTACTS IN THE TOWN HALL OF AN OLD HANSEATIC
CITY AND ELSEWHERE IN THE ALTMARK REGION**

The article discusses the history of Muslim prisoners of war in the imperial Germany of the First World War on the example of the so-called Tatar chandelier from Gardelegen. The Magdeburg architect and photographer Prof. Otto Stiehl served as a deputy commander of the POW camp for Muslims at Zossen-Wünsdorf. Furnishings from the town hall of Gardelegen, which was restored according plans by Otto Stiehl, came from the local Tatar carving workshop. All that remains is a wooden chandelier, carved by the Kazan Tatar Nasibulla. He is now the subject of educational projects in the context of oriental-German cultural contacts and common European remembrance work.

Keywords: World War I, Tatar prisoners, Otto Stiehl, Gardelegen, Middle Germany, Tatar Art, Tatar-German history.

Figure 1. Tatar luster.

That Tatar-German cultural contacts not only since the migration waves of the last two centuries exist, is well known. However, there are always unobserved or previously undiscovered testimonies of our common past, which is usefully for looking closer at. There are on the one hand discoveries and publications on first contacts since 14./15. Century, which were still in the dark, but also events or artifacts from the

19./20. Century, which have been underestimated so far. The first time I reported publicly on the topic «History of Tatars in Prussia» was in 2005 in Kyrgyzstan¹. There at a Turkology congress I held a lecture on Tatar traces in Prussia and the Altmark region, which met with great interest. Therefore, the Minister of Culture of Turkey, who participated at the conference, asked for a copy of my speech as a travel literature for his return flight to Ankara². Corresponding reports and articles of mine in Turkish, Russian and German language in Kyrgyz, Tatar and German publications followed and showed me on the basis of the reactions that the exciting intercultural history around Islamic-Tatar traces in Brandenburg-Prussia neither in Turcic nor in the Central or Western European scientific space previously attracted much attention or was even explored exhaustively.

Therefore, the impetus for publishing my research activities and for initiating appropriate student workshops or seminars in adult education is to work on useful topics for society not only in ivory tower and academy and to conduct research *on* Tatars and Turks, but always *with* Tatar colleagues to work. We do this internationally, but also with young people in the Altmark, in Magdeburg and other regions of Germany. For example, smaller articles appear in the new migration

¹ S. Conference report by Hotopp-Riecke, Mieste: Symposium «Globalization and Turkic Civilization», Bishkek, Kirgistan, 10.–12. November, 2005. In: DAVO-Nachrichten Mainz: Deutsche Arbeitsgemeinschaft Vorderer Orient, Bd. 22, December 2005, p. 81/82.

² S.: Hotopp-Riecke, Mieste: Altmark'ta Tatarlar? Belge, efsane, tahminlar. [Tatars in the Altmark? Documents, Legends, Imaginations] In: Sadikov, Raşid (Red.): International Symposium «Globalization and Turkic Civilization», Bishkek, November 10–11, 2005, Kyrgyzstan, Manas University: Kyrgyz-Turkish Manas University Publications, Nr. 87 / Center for Turkic Civilisation Studies Publication 10, 2006, p. 303–315; enlarged and republished: Tataren an der Wiege Preußens? In: AltTaBash. Zeitschrift von Tataren, Baschkiren und Ihren Freunden, Berlin, Nr. 2/17, 10.02. 2006, p. 8 and 19; Nr. 4/19, 13. 04. 2006, p. 15 and 20; s.a.: Татары у колыбели Пруссии? In: AltTaBash, Zeitschrift von Tataren, Baschkiren und Ihren Freunden, Berlin, Nr. 2/17, 10.02. 2006, p. 13 and 19; Nr. 4/19, 13.04. 2006, p. 17 and 21; s.a.: Bashkir-Tatar Online-Magazin «Yuldash» [Companion]: Hotopp-Riecke, Mieste: Tatory u kolybelu Prussii? Under URL: <http://tatarica.yuldash.com/history/article391> [11.04. 2006].

Figure 2. Second German Qur'an directly translated from Arabic by F.E. Boysen, orientalist and teacher in the Altmark cities Osterburg and Seehausen, later Magdeburg and Quedlinburg. Printed in Halle / Saale, 1775.

newspaper MIZE in Stendal, but other texts also appear as a double-blind peer-reviewed article in Austria or Turkey.¹

For educational and research projects, we have been using the topic of «Tatar-German cultural contacts» for years in our modular program «Ali and Hanife in Central Germany», where we research, work on and reflect intercultural regional history. Because almost every city and region in central Germany has its own historical references to the Orient or to regions and peoples of the Islamic cultural sphere. Mostly direct intercultural contacts in former times took place in the context of war, violence and conquest. However, there were also always civilian immigration and, for example, new settlements in central Germany by Slavs, Flemings, Dutchmen, Wuerttembergers, Huguenots, Scots, Swiss

and other «New Altmarkers». In addition to these planned mass migrations, there were always paths of life of people who started in the Orient and then led them to Germany, including to Prussia and its

¹ In these context published: Hotopp-Riecke, Mieste: Tatarisch-preußische Interferenzen im 17. und 18. Jahrhundert. Eine Beziehungsgeschichte. (Tatar-Prussian interference in the 17th and 18th centuries. A hisstory of relationship.) In: Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (ÖZG). Wien/ Innsbruck: Studienverlag, Nr. 28 (1/2017), p. 65–90. and same: Eigene Spuren suchen. Tatarenkönig und Tatarenberge: Legenden und Sagen als Spiegel der Zeit (Search for own traces. Tatar King and Tatar Mountains: legends and sayings as a mirror of time). In: MIZE. MigrationsZeitung. Stendal: Landkreis, Nr. 2 / June 2017, p. 14.

«cradle», the Altmark. Peaceful long-distance get in touch and secondary contacts in commerce, art and science brought pieces of the Islamic Orient and Eastern cultures to towns and villages in Middle Germany, including the Altmark with its eight Hanseatic cities¹. One of these is the town of Gardelegen, where I was born. A first idea of the Orient – and thus only an indirect reference – brought the theologian and orientalist Abraham Hinckelmann with his Arabic knowledge to the city². All later direct contacts with the Islamic world were more in the military sphere then. At the time of the Napoleonic wars, for example, Muslims from Eastern Europe, Bashkirs and Tatars, were quartered here, as the Gardelegen pastor David Bauke reports³. He was Pastor of Isenschibbe, a suburb of Gardelegen, where from April 1813 Cossacks and Bashkirs were quartered under Hetman Kruse⁴. From 1866 to 1918 some squadrons of the Royal Prussian Ulan Regiment No. 16 were stationed in Gardelegen. Although this military tradition on Muslim-Tatar soldiers of the Prussian army of the 17./18. dating back to the 19th century, Christian Germans were mostly to be found in the ranks of the Ulan's in the 19th century. The memory of the «*Blue Uhlans*» was kept alive in Gardelegen even longer. For example, near the Tivoli Square in 1923, a monument was erected for

¹ The medieval Hanseatic League comprised between the 12th and 17th centuries up to 300 cities between Bruges, Magdeburg and Novgorod. The Hanseatic towns of Gardelegen, Tangermünde, Stendal, Havelberg, Werben, Osterburg, Salzwedel und Seehausen are members of today's Hanseatic League of the Altmark as well as of the today's New Hansa (<http://www.hanse.org/die-hanse-heute/>).

² Abraham Hinckelmann He was a German Protestant theologian and orientalist. From 1672 Rector of the school in Gardelegen was his special merit the publication of the first ever printed complete Arabic edition of the Koran in 1694. (* 2. Mai 1652 in Döbeln; † 11. Februar 1695 in Hamburg) (Al-Coranus sive Lex Islamitica Muhammedis, Filii Abdallae, Pseudoprophetae, ad optimorum Codd. Fidem edita ex museo, Abr. Hinckelm. D. [Arabic and Latin], Hamburg: Schultz-Schiller, 1694).

³ Bauke, David: Mittheilungen über die Stadt und den Landrätlichen Kreis Gardelegen. Gardelegen: Selbstverlag, 1832, p. 113–115.

⁴ See: Becker, Herbert: Gardelegen. Tausend Jahre einer Stadt. Erfurt: Sutton, 2011, p.41.

the fallen of the 16th Ulan Regiment¹. Other cities of the Altmark had other references to the Orient or to what one imagined under «Orient». Mention should be made here of the Qur'an-Translator Friedrich Eberhard Boysen², the Africa researcher Gustav

Nachtigal who became the personal attendant of the Bey of Tunis³ or the governor of the Altmark region and Magdeburg, He had, inter alia, the tomb obelisk in memory of the Tatar officer Mustafa Sulkiewicz to build⁴.

Otto Stiehl, the Tatars and Gardelegen

However, new facets can always be added to these manifold known references to the Islamic Orient. For example, the Tatar carving art that was part of the exhibition in the Museum of Islamic Cultures in Kazan in May to July 2017. The above-mentioned Gardelegen district Isenschubbe is later in the 20th century the place where at the end of the Second World War 1016 concentration camp prisoners

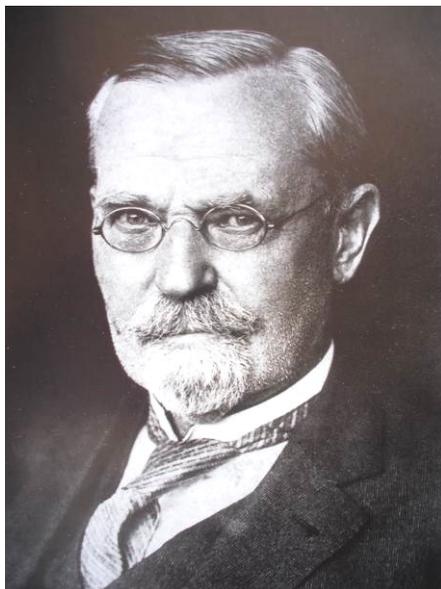
¹ For the origins of the Tatar-Muslim soldiers in the Prussian army see: Theilig, Stephan: *Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert*. Berlin: Frank & Timme, 2013, here Chapter «Muslime in der brandenburgisch-preußischen Reiterei», p. 213 –352.; s.a.: Riebau, Herbert: *Die Regimenter der Altmark*. Horb am Neckar: Geiger, 2013 as well as Hotopp-Riecke 2017, as above, ÖZG.

² Friedrich Eberhard Boysen (* 4. April 1720 in Halberstadt; † 4. Juni 1800 in Quedlinburg) was a evangelical cleric and orientalist, teacher in Hanseatic town Seehausen, Altmark, and translated the Qur'an from Arabic to German in 1773.

³ Gustav Nachtigal (23 February 1834, Eichstedt – 20 April 1885, West-coast near today's Liberia) was a German explorer of Central and West Africa. He is further known as the German Empire's consul-general for Tunisia and Commissioner for West Africa. His mission as commissioner resulted in Togoland and Kamerun becoming the first colonies of a German colonial empire. The Gustav-Nachtigal-Medal, awarded by the Berlin Geographical Society, is named after him; see: *Gedenkschrift Gustav Nachtigal. 1874–1974 (= Veröffentlichungen aus dem Übersee-Museum Bremen. Reihe C, Band 1)*, Bremen, 1977.

⁴ Friedrich Christoph von Saldern (2 January 1719, Plattenburg/Prignitz – 14 March 1785, Magdeburg) was a Prussian general and military writer. He let erect the memorial near Dippoldiswalde in honour of Mustafa Sulkiewicz, who fought in the Army of Saxony; see also Article *Lieux de mémoire* of Tatars in this volume..

Figure 3. Otto Max Johannes Stiehl, born. 24. June 1860 in Magdeburg; died 4. Juni 1940 in Berlin.

were burned alive. This criminal mass murder became known as «Holocaust of Gardelegen»¹. During this time – during and after the Second World War – Tatars were again in the city, now as Soviet liberators and administering authority: one of the leading officers in the garrison Gardelegen was Tatar and left children and grandchildren in the Altmark². However, a German-Tatar artefact of the First World War points out the common history particularly intensively: a chandelier from the Tatar carving workshop of the prisoner of war camp for

¹ Haarseim, Torsten: *Gardelegen Holocaust*. Borsdorf: Edition Winterwork, 2012; s.a.: Gring, *Todesmärsche*, 1993.

² As part of the 207th Motorized Rifle Division (headquarter Hansestadt Stendal) lay in Gardelegen, at barracks area in direction Hottendorf the 41st Motorized Rifle Regiment of the Soviet Army and at the end of the 1980s, the 145th Independent Tank Regiment (PF 55550, «Duschnik»). The garrison was dissolved from 1991–94. Official designation of the troops was GSSD – Group of the Soviet Armed Forces in Germany. Popularly, however, the Soviet Army (Sovetskaya Armiya) was mockingly called C & A (as a large West German department store chain) or Charm & Grace, each referring to the Cyrillic abbreviation CA and the often negligent-gross appearance in clothing and their presence in public sphere.

Muslims near Wünsdorf-Zossen, which hung in the city hall of the Hanseatic city.

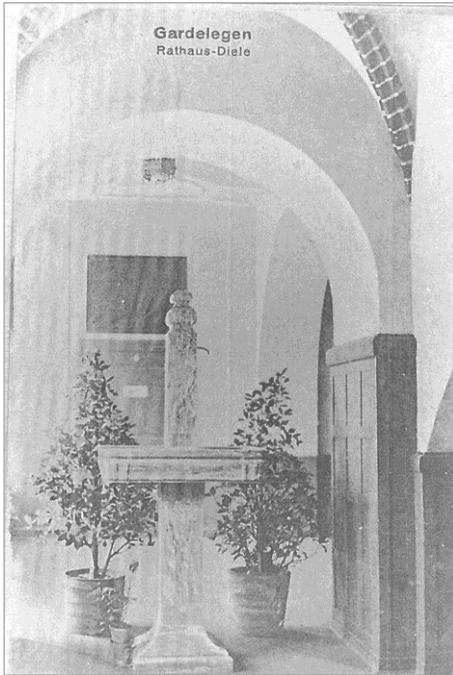

Figure 4. The small wooden chandelier in the town hall foyer, 1920.

Thank for permission to publish to:
© Museum Gardelegen.

In the course of an inventory Rupert Kaiser¹ became aware of the «Tatar Luster» and explained to the author the background of the history of the small wooden chandelier so far unknown in Gardelegen².

In the years 1914–1917 the city hall of the city Gardelegen was reconstructed by the well-known connoisseur of medieval town halls, the architecture professor Otto Stiehl comprehensively according to old plans and received its present form. The town hall roof was raised by about four meters, a broad gable was added to the market and the gable on the former Magdeburger Straße (now Ernst-Thälmann-Straße) was renewed. The arcades,

¹ S.: Kaiser, Rupert, librarian and cabaret scientist, published for the first time on the so-called Tatar chandelier in the Gardelegen city magazine: Aus der Geschichte der Hansestadt. Der Tatarenleuchter von Gardelegen (From the history of the Hanseatic city. The Tatar sconce by Gardelegen). In: Friedrichs, Helmut [ed.]: Stadtspiegel Gardelegen, Nr. 201 / October 2015, p. 7. Also online under URL: https://issuu.com/stadtspiegelgardelegen/docs/stadtspiegel_oktoberpdf_klein_1_ [5.2.2017].

² The following information is based on statements by Mr. Kaiser at a meeting in the City Museum Gardelegen on 10 January 2017, on a letter from Mr. Kaiser to the author M. Hotopp-Riecke from 17.1.2017 and on the article in the city mirror / Stadtspiegel, s. Fn. 14.

which were walled up for about one hundred and fifty years, were also reopened so that star vaults and also the brick floor with the historic Roland roses came back into the public eye.

Figure 5. Candelabrum in the Gardelegen Town Hall in 1920, probably also from the Tatar carving workshop in Vineyard-camp near Wünsdorf.
Thank for permission to publish to: © Museum Gardelegen.

The Ratskeller was not included in the reconstruction because he was privately rented at this time to a Gardelegen wine wholesale. Thus Professor Stiehl's plan to set up a drinking-room here, as the basement had probably served earlier, remained unrealized. The same fate – albeit for financial reasons – was met by the wall paintings of scenes from Gardelegen's history designed by Professor Max Kutschmann (1871–1943) for the hallway. The town hall was whitewashed and the only eye-catcher with two big round lustres and twelve small sconces provided – all of wood painted with gold bronze. All these candlesticks were a foundation of the former Gardelegener Max Nöggerath, who moved with his wife to Hannover, where their four children were

born¹. The candlesticks bore the inscription: «Donated on the day of the happy return of the commercial submarine 'Deutschland' on 23 August 1916 by Max Nöggerath, Hannover».

Our exhibit, the so-called Tartar candlestick, which was shown in Wustrau, Berlin and Kazan, was in the hallway, probably suspended under a bow. He has the inscription: «Me designed and donated – The Head of Manufacturing – Prof. O. Stiehl, Steglitz-Zossen. I was carved by prisoners of war – In the camp Vineyards Zossen 1916 – The Kazan Tatar Nasibulla». This Kazan Tatar could have been the inmate of the Vineyard Camp near Wünsdorf, immortalized on the memorial stele on the Tatar cemetery as Nasybulla Chafissow, died on 24.1.1917, buried in section G of the Tatar area. According to the online graves archive of the Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V., another Tatar named Nassibullah rests at the prisoner of war cemetery in Wünsdorf-Zehrendorf in Block R, in the tomb 853, whose death / missing date is given as 13.11.1918².

The carved candlestick is certainly the only surviving piece from the interior of the town hall from 1916 to 1959. Possibly this candlestick is also the only candelabra created in the vineyard camp near Zossen that has survived the times. For there are only two chairs and a wooden box known so far, which have survived the times as products of the Tatar carving workshop. In 1959, as a young Socialist GDR state power, they wanted to remove all «imperialist» historical property, so during the renovation of Gardelegen town hall, all the testimonies of the past were destroyed, and the wooden radiant lusters were thrown out of the window onto a pile of rubbish. This one Tatar chandelier saved, however, under dramatic circumstances by the then director of the city museum, Dr. med. Edwin Nitter. He was notified by

¹ Nöggerath, Max Theodor Paul (*18.12.1859 in Gardelegen, †30.08.1924 in Hannover) married on 04.10.1890 in Gardelegen Hanny Konradine Wilhelmine Auguste Hermione Schwarzlose (*12.12.1870 in Gardelegen, †15.11.1924 in Hannover). Max came from a Protestant-Lutheran family., was the son of Gustav Adolf Theodor Nöggerath (* 01.09.1822 in Gardelegen, †20.10.1866 in Gardelegen) and Johanne Marie Sophie Emilie Hauswaldt (*01.01.1837 in Braunschweig, †19.10.1900 in Hannover).

² Online at the Kriegsgräber-Databank under URL: [http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2\[gid\]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb](http://www.volksbund.de/index.php?id=1775&tx_igverlustsuche_pi2[gid]=654bf9773b54cb7ba08cc47875a20adb) [12.03.2017].

Gardelegen fellow citizens of the extermination action, hurried to the Town Hall Square and saved at least this small candlestick from the piled-up waste. He was actually intended for destruction, but in contrast to the broken candelabras after the lintel still completely preserved.

It is obvious – even from the similar design – that the other larger candlesticks, which were destroyed in 1959, were made in the vineyard camp of the Tatar carving workshop too. This, however, would still have to be examined on the basis of archive material. In the context of the story of Otto Stiehl, the Tatar cemetery and the POW-camp near Wünsdorf, the different ethnicities of the Russian multi-ethnic empire are explicitly taken into account. At least Kazan Tatars are explicitly mentioned as in the case of the Tatar chandelier. This is also due to the fact that in particular Muslim soldiers of the enemy armies were segregated and brought together in separate camps in order to fight against their colonial powers – ideologically instrumentalized – for Kaiser, Sultan and Djihad. Apart from these focused actions, in which only the religion of the prisoners was crucial for the further life, but was not otherwise differentiated in German prisoner of war camps. No matter whether Kazakhs, Tatars, Ukrainians or Bashkirs: Under the term ‘Russians’ many thousand non-Russians were buried in German military cemeteries. So also in Gardelegen.

There are, for example, in the grave lists under the name «Russian» led: Soldier Bismuchametow, Schagersan, 86 J.R. [Infantry Regiment], died near Zienau 12.07.1915 (grave site 258); soldier Muhamedjanow Mykian, 103. J.R., died Zienau 07.12.1918, b. 15.12.1867 (grave site 374); Common Tolubaiew, Mutali, 29th Caval. Reg., died Zienau 05.09.1919 (grave place 388); Common soldier Harifula, Hassino, 187. J.R., died Zienau 31.12.1919 (grave site 391) and «Iwan Nassikoff»¹. Nineteen deceased POWs of the Russian army, who were originally buried in the municipal cemetery, had the city administration transferred to the prisoner of war cemetery at Gardelegen-Zienau after the First World War.

¹ For the sending of the deceased lists I thank the person responsible for the reburial of the war dead, Mr. Joachim Kozlowski of the German War Graves Commission (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e.V.) in Halbe, Brandenburg.

Figure 6. The government building in Douala, Cameroon, with the burial place of Gustav Nachtigal. Taken from: F. Leuschner – Die Gartenlaube, Sammelband 1894, S. 53.

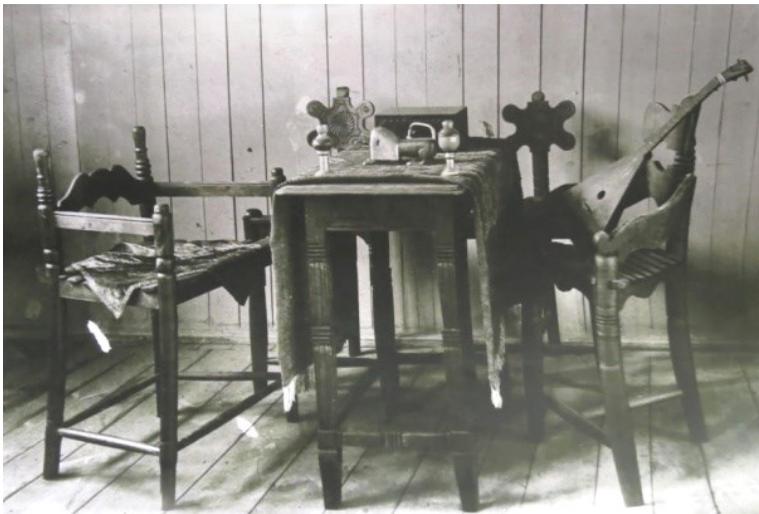

Figure 7. Wooden chairs and table made by Tatar POW of Weinberg-camp near Wünsdorf-Zossen, today in private ownership ©Museum Wünsdorf.

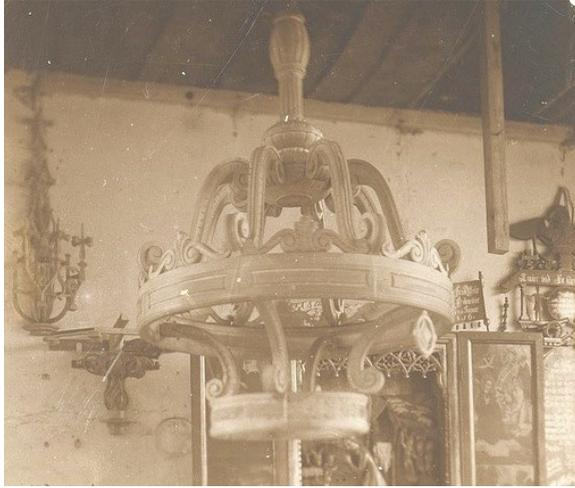

Figure 8. The luster of the «Salt Church» in Hanseatic town of Tangermünde, today missed. Thank for permission to publish to: ©Technical University Berlin / Museum of Architecture. Source: Inv. Nr. 57196,084 / Otto Stiehl 1860–1940, sketch- and photo album 11: St. Elisabeth-Chappel, Tangermünde (1897–1897).

In the corresponding reburial list the soldier «Ivan Nassikoff» is listed as «Russian» (date of death 01.04.1915, 103rd Russian Infantry Regiment, list number 18, grave row 4). The memorial stone, which refers to this dead person in the municipal cemetery with exactly the same data (103. Russ. Inf. Reg. / † 1.4.1915), however, shows the Muslim given name «Shafik Nassikoff» (in German original *Schafik*).

In the fall of 2015 bones by many dead were re-buried: mushroom collectors had rediscovered the forgotten prisoner of war cemetery and reported that to the city administration. After many administrative proceedings between the Hanseatic city of Gardelegen, the state administration office of Saxony-Anhalt and the Volksbund Kriegsgräberfürsorge¹, in the presence of mayor Mandy Zepig and the

¹ The German War Graves Commission (Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge in German) is responsible for the maintenance and upkeep of German war graves in Europe and North Africa. Its objectives are acquisition, maintenance and care of German war graves; tending to next of kin; youth and educational work; and preservation of the memory to the sacrifices of war and

ambassador of the Russian Embassy, Nikolai Avramov, on 13.11.2015 the relocation of 197 war victims from the First and 27 Red Army soldiers from World War II took place their worthy conclusion. The Christian religious communities were represented by Pastor Martin Goetzki (Protestant Church Gardelegen), Archpriest Boris Ustimenko (Archpriest of the Russian Orthodox Church Magdeburg) and Pastor Andreas Lorenz (Catholic parish of St. Hildegard, Gardelegen / Diocese of Dresden-Meissen). On the part of the Islamic and Jewish religious communities, unfortunately, nobody was invited to accompany the path of the cardboard coffins with the bones in the new final resting place. For buried here were now Muslims from the Russian army, who did not have the privilege, apart from the Muslim camp in Wünsdorf thanks better care and housing to have a higher chance of survival or even to remain visible through his own artistic work for posterity. In the various press reports about the elaborate re-burial action continues to speak almost exclusively of Russian war dead¹.

But Tatars and members of other Muslim nations of the Russian multinational are also buried in Gardelegen. The Tartar candlestick from Gardelegen will also remember this in the future. Furthermore, questions remain unanswered. In the so-called salt church of the Han-

despotism. It was founded as a private charity on 16 December 1919 as the recognised German Commission under the war graves provisions of Article 225 of the Treaty of Versailles.

¹ Friedrich, Jana: Gedenkstunde für Gefallene des 1. und 2. Weltkrieges. (Memorial hour for fallen soldiers of the 1st and 2nd World War.) In: Stadtspiegel, Gardelegen, Nr. 11, Dezember 2015, S. 10–11; Schmidt, Stefan: Gedenkstunde: Umbettung russischer Kriegsgefangener auf Gardelegener Friedhof (Hour of remembrance: Re-burial of Russian prisoner of war on Gardelegen cemetery). In: Altmark-Zeitung, 14.11.2015; same: Totenbuch erinnert an gestorbene Russen (The book of the dead is reminiscent of dead Russians). In: Altmark-Zeitung, 18.11.2015; Schulz, Wally: Torso eines Denkmals wiedergefunden (Torso of a monument rediscovered). In: Altmark-Blätter, Nr. 48, 26.11.2016, pp. 189–191; Ilka Marten: Konzept für neue Kriegsgräberstätte steht (Concept for a new war graves area fixed). In: Volksstimme, 10.11.2015; Cornelia Ahlfeld: «Wir brauchen jetzt die Hilfe der Politik» («We now need the help of politics») and Gräbergesetz (graveyard law). In: Volksstimme, 31.01.2015; same.: Waldfriedhof: Umbettung der Toten von Zienau. (Forest-graveyard: reburial of the dead of Zienau) In: Volksstimme, 30.05.2015; Schmidt, Stefan: Den Gefangenen Namen geben (Name the dead prisoners). In: Altmarkzeitung, 23.06.2016.

seatic city of Tangermünde – also in the Altmark – hung a wheel chandelier of the same design. This chandelier was also made of wood, manufactured at the same time under the guidance of Otto Stiehl. So far it has not been possible to find out what happened to this candlestick. And even in Wünsdorf itself, there are still some privately owned objects that come from the Tatar carving workshop. Together with the team of the Garrison Museum Wünsdorf and the state office for archeology there will be some questions to clarify.

MEDIA MIRROR OF YAZMA MIRAS ACTIVITIES 2017 СМИ О ВЫСТАВКЕ

Here is a bibliographical overview of the almost 40 publications concerning the exhibition 2017 as well as their preparation and follow-up.

Figure 1. Dr. Radik Salikhov (from left to right), Dr. Stephan Theilig, Dr. Marat Gibatdinov and Dr. Mieste Hotopp-Riecke accepted the “Tatar chandelier” from the Gardelegen town hall.

The artful exhibit was provided for the Islam exhibition in Kazan.

©Berlan / Altmark-Zeitung 2017.

Aniol, Celina: *Tataren in Wustrau, Wustrau in Tatarstan. Brandenburg-Preußen-Museum forscht zu Gefangenenlager im Ruppiner Land und stellt demnächst in Kasan aus.* In: *Märkische Allgemeine Zeitung*, 05.05.2017, S. 11; *Märkische Allgemeine Zeitung / Dosse Kurier*, 05.05.2017, S. 18; *Märkische Allgemeine Zeitung / Neuruppin*, 05.05.2017, S. 13.

Berlan, Marilena: *Tatarenleuchter aus Gardelegener Rathausaal als Leihexponat für Islam-Ausstellung in Tatarstan* (Tatar candlesticks from Gardelegen's town hall as loan exhibit for Islam exhibition in Tatarstan). In: *Altmark Zeitung*, 22.04.2017. <https://www.az-online.de/altmark/gardelegen/einzig-noch-existierendes-stueck-8202032.html>

Blome, Nikolaus (Ed.): *Brandenburger Ausstellung in Kasaner Moschee zu sehen*. In: *bild.de*, 08.05.2017. <http://www.bild.de/regional/aktuelles/berlin/brandenburger-ausstellung-in-kasaner-moschee-51640912.bild.html>

Gabdräfikova, Liliya: *Expedition of historians to Germany: German Turkologists, Jalil's places of memory and 13th century Tatar tower*. In: *Realnoye Vremya*, 02.05.2017, <https://realnoevremya.com/articles/1424-expedition-of-historians-to-germany-german-turkologists-places-of-memory-of-jalil-and-13th-century>

Hartmann, Petra: *Tatarenleuchter für Ausstellung in Kasan* (Tatar chandelier for a exhibition in Kazan). In: *Volksstimme. Gardelegener Kreisanzeiger*. 05.05.2017.

Haustein-Teßmer, Oliver (Ed.): *Von Brandenburg nach Tatarstan*. In: *Lausitzer Rundschau*, 09.05.2017. https://www.lr-online.de/nachrichten/kultur/von-brandenburg-nach-tatarstan_aid-4640063

Hotopp-Riecke, Mieste: *Der Tatarenleuchter von Gardelegen. Von Zeugnissen deutsch-tatarischer Geschichte im Rathaus der alten Hansestadt und anderswo in der Altmark* (The Tatar scone of Gardelegen. From testimonies of German-Tatar history in the town hall of the old Hanseatic city and elsewhere in the Altmark). In: *Altmark-Blätter. Heimatbeilage der Altmark-Zeitung*, Nr.39, Uelzen: Beckers, 2017, pp. 153–156.

Hotopp-Riecke, Mieste: *Preußen und der Orient. Über 300 Leihexponate aus Brandenburg und Sachsen-Anhalt für große Islam-Ausstellung in Tatarstan* (Prussia and the Orient. Over 300 lending

exhibits from Brandenburg and Saxony-Anhalt for major Islam exhibition in Tatarstan). In: *Islamische Zeitung*, 22.06.2017, p. 17.

Hübner, Wolfgang / Roth, Eva (Eds.): *150 Exponate werden nach Kasan gebracht*. In: *Neues Deutschland*, 09.05.2017. <https://www.neues-deutschland.de/artikel/1050347.exponate-werden-nach-kasan-gebracht.html>

Janicke, Gudrun: *In Seidenpapier aus der Mark in den Orient. 150 Exponate aus Wustrau gehen als Leihgabe zu einer Ausstellung für Kasaner Moschee* (In tissue paper from the Mark to the Orient. 150 exhibits from Wustrau are on loan to an exhibition for the Kazan Mosque). In: *Schweriner Volkszeitung*, 09.05.2017. <https://www.svz.de/regionales/brandenburg/in-seidenpapier-aus-der-mark-in-den-orient-id16769266.html>

Jänicke, Gudrun: Meldung der Deutschen Presseagentur (dpa), vom 08.05.2017: *Brandenburger Ausstellung in Kasaner Moschee zu sehen*. In: *Berliner Morgenpost*, 08.05.2017. <https://www.morgenpost.de/berlin/article210497059/Brandenburger-Ausstellung-in-Kasaner-Moschee-zu-sehen.html>

Knott, Thilo (Ed.): *Brandenburger Ausstellung in Kasaner Moschee zu sehen*. In: *Berliner Zeitung*, 08.05.2017. <https://www.berliner-zeitung.de/berlin/brandenburger-ausstellung-in-kasaner-moschee-zu-sehen-26860032>

Krekel, Miriam (Ed.): *Brandenburger Ausstellung bald in Kasan zu sehen*. In: *B.Z. – Berliner Zeitung*, 08.05.2017. <http://www.bz-berlin.de/liveticker/brandenburger-ausstellung-bald-in-Kasan-zu-sehen.html>

Liesegang, Claus (Ed.): *Von Brandenburg nach Tatarstan: Ausstellung für Kasaner Moschee*. In: *Märkische Oderzeitung*, 08.05.2017. <https://www.moz.de/artikel-ansicht/dg/0/1/1572139/Von-Brandenburg-nach-Tatarstan-Ausstellung-für-Kasaner-Moschee>.

Markert, Oliver (Ed.): *Brandenburger Ausstellung in Kasaner Moschee zu sehen*. In: *focus.de*, 08.05.2017. <https://www.focus.de/>

regional/brandenburg/museen-brandenburger-ausstellung-in-kasaner-moschee-zu-sehen_id_7096732.html

Neukum, Robert (Ed.): *Brandenburger Ausstellung in Kasaner Moschee zu sehen*. In: *berlin.de*, 08.05.2017. <https://www.berlin.de/museum/brandenburg/nachrichten/4849696-3842932-brandenburger-ausstellung-in-kasaner-mos.html>

Pfaff, Michael (Ed.): Ausstellung. Preußisch-Islamische und Deutsch-Tatarischer Kulturgeschichte. In: Deutsche Muslim-Liga / <https://www.muslim-liga.de/termine/> [23.12.2017].

Theilig, Stephan: *Vom Ruppiner See an die Wolga*. In: *Museumsblätter – Mitteilungen des Museumsverbandes Brandenburg*, 31/2017, pp. 92–93.

Tkalec, Maritta: *Mohren, Mauren und andere Berliner. Als Beute geholt, als Menschen aufgenommen: Der Umgang mit “Exoten” im Preußen des 18. Jahrhunderts*. In: *Berliner Zeitung*, 27.02.2017, S. 14.

Tkalec, Maritta: *Von Wustrau nach Kasan. Die Ausstellung “Türcken, Mohren und Tataren” zieht gen Osten. Sie bezeugt 600 Jahre brandenburgisch-tatarische Kulturkontakte* (From Wustrau to Kasan. The exhibition “Turks, Moors and Tartars” moves to the east. It bears witness to 600 years of Brandenburg-Tatar cultural contacts). In: *Berliner Zeitung*, 18.05.2017, p. 16.

* * *

В Академии наук РТ обсудят татарский след в материалах зарубежных архивов // Деловая электронная газета «Бизнес Online»: [сайт]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/346682> [25.12.2017].

В Казанском Кремле представлены 150 выставочных экспонатов из Германии // Телеканал «Татарстан–24»: [сайт]. Режим доступа: http://www.tatarstan24.tv/all-news/society/334256_in_the_kazan_kremlin_feature_150_exhibits_from_germany [25.12.2017].

Гафиятуллина, Ильмира. Татары оставили свой добрый след и в Литве, и в Польше, и в Германии... // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня»: [сайт]. Режим доступа: http://islam-russia.com/islam_v_rossii/tatarstan/my-vidim-cto-tatary-ostavili-svoj-dobryj-sled-i-v-litve-i-v-polse-i-v-germanii/ [25.12.2017].

Иванычева, Ольга. Турки, мавры, татары – мусульмане Пруссии и Германии // Газета «Казанские ведомости»: [сайт]. Режим доступа: <http://kazved.ru/article/80136.aspx> [25.12.2017].

Малоизвестные страницы взаимоотношений татар с Германией представили в Казанском Кремле // Сетевое издание «Эксперт Татарстан»: [сайт]. Режим доступа: <https://experttr.ru/culture/maloizvestnyie-straniczyi-vzaimootnoshenij-tatar-s-germaniej-predstavili-v-kazanskom-kremle.html> [25.12.2017].

Народы мира: Выставка «Турки, мавры, татары – мусульмане Пруссии и Германии» в Казанском Кремле / События культуры / Интернет-портал Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина: [сайт]. Режим доступа: <https://prlib.ru/events/683642> [25.12.2017].

Ниберляйн, Светлана. Татарский светильник из города Гарделеген едет на выставку в Казань // Региональный проект «Idel.Реалии». Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/28451182.html> [13.12.2017].

Самигуллина, Эльвира. Выставка. Турки, мавры, татары – мусульмане Пруссии и Германии» в Музее исламской культуры // Деловая электронная газета «Бизнес Online»: [сайт]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/349720> [25.12.2017].

Татарский светильник из города Гарделеген, Германия // Всемирный Исламский информационный портал: [сайт]. Режим доступа: <http://www.muslim-info.com/tatarskiy-svetilnik-iz-gardelegen-germaniya.html> [25.12.2017].

Уникальная выставка «Турки, мавры, татары – мусульмане Пруссии и Германии» открылась в Казани // Официальный портал органов местного самоуправления города Казани: [сайт]. Режим доступа: <https://www.kzn.ru/o-kazani/press-tsentr/>

novosti/59737_unikalnaya_vystavka_turki_mavry_tatary_musulmane_pruссии_i_germanii_otkrylas_v_kazani_/?sphrase_id=2821 [25.12.2017].

Фаткуллова, Наиля. Выставка «Турки, мавры, татары – мусульмане в Пруссии и Германии»: по следам предков // Dragon news: [сайт]. Режим доступа: <http://dragon-news.ru/archives/4829> [25.12.2017].

Хогопп-Рике, Мисте / Кайзер, Руперт. Татарский светильник из Гарделегена: частные миры Первой мировой войны // Частные миры Великой русской революции. Сборник научных трудов (на русском и татарском языках) / под общ. ред. Л.Р.Габдрафиковой. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. – с. 425–429.

Ширинский, Марат. Турки, мавры и татары в Германии // Татарский мир. – 2017. – № 8. – С. 12.

Экспозиция о мусульманах Европы открылась в Казанском Кремле // Информационное Агентство «Татар-информ»: [сайт]. Режим доступа: <http://www.tatar-inform.ru/news/2017/06/23/559579/> [25.12.2017].

Ярхамов, Ильнур. Подарок от немцев в музее Кул Шариф: услышать живую Гаяза Исхаки и пение воинов-татар легиона «Идель-Урал» // Информационно-новостной сайт KazanFirst. [сайт]. Режим доступа: <https://kazanfirst.ru/article/409244> [13.12.2017].

«Татарлар» [Видеозапись] // Казань: Телерадиокомпания «Новый Век» [Эфир от 11.08.2017]. Режим доступа: <http://tnv.ru/main/katalog/publicisticheskie/tatarlar/?p=9&idVideo=60126#videoanc>

«Без тарихта эзлебез» [Видеозапись] // Казань: Телерадиокомпания «Новый Век». [Эфир от 03.09.2017]. Режим доступа: http://tnv.ru/main/katalog/poznavatelnye/bez_tarihta_ezlebez/

III

A Muslim World in the Heart of Europe

—

Мусульманский мир в сердце Европы

**RELATIONS BETWEEN SAXONY AND THE CRIMEAN
TATARS IN THE 17TH AND EARLY 18TH CENTURIES**

Starting his article with an overview over relations and connections since the 15th century, Schuckelt explores the Saxonian-Ottoman-Tatar history based on the tradition of a museal collection. His main focus is on the Saxonian-Turkish-Tatar relations in the 17th and 18th century, when the Saxon electors also ruled as Polish kings. Their empire directly bordered on the territories of the Sultan and the Khan of the Crimean Tatars. Over a period of several centuries, the elector of Saxony collected oriental as well as oriental works of art of Ottoman and Tatar provenance in the “Türkische Cammer”. Most of these pieces were diplomatic gifts or targeted purchases. Only a relatively small part came as booty from various battles. The “Türkische Cammer” is one of the world's most important collections of Ottoman art. This article gives an impressive insight into the collection.

Keywords: Saxony, Turkish Wars, Türkische Cammer, Khanate of the Crimea.

Saxony's contacts with the Middle East can be traced back to the 15th century. Following the conquest of Constantinople by Sultan Mehmed II in 1453, even rulers who were not directly affected came to appreciate the military threat to Europe posed by the Ottomans. Contemporary sources reveal that in Saxony, too, preventive measures were taken to ward off any potential attack by the advancing Turkish troops. Such sources include the 1471 Regensburg Peace Treaty concluded by Emperor Friedrich III on account of the Turkish threat, a letter from Matthias Corvinus, King of Hungary, to Dukes Ernst and Albrecht of Saxony in 1483 requesting their assistance against the Ottomans, as well as a number of ‘Turk Tax’ registers, to cite just a few examples.¹ Despite this military tension, it was initially in the civil and religious sphere that contact was made with the Middle East, namely through pilgrimages. Three Saxon dukes travelled to the Holy Land

¹ SHStA O.U. 8122; SHStA O.U. 8530 u.a.

during this period (Duke Wilhelm III of Saxony in 1461, Duke Albrecht of Saxony in 1476 and Friedrich the Wise 1493–1494).¹ However, these pilgrimages constituted no more than an episode. The determining factor in relations between East and West over the course of the next few centuries was the series of wars that took place primarily in the Balkans, an ongoing conflict that was often compared to the Crusades. The Electors of Saxony and their subjects were repeatedly confronted with the Ottomans, whose campaigns penetrated ever further into Europe from the 14th century onwards. Saxon soldiers, sometimes under the personal command of the Elector, fought on many battlefields against the Sultan's troops.²

After the Porte had annexed the territory of the Crimean Tatars in 1478, the Tatar cavalry, whose reputation struck terror into the whole of Europe, played an increasingly important role in the Ottoman army. This development was undoubtedly influenced by the fact that before his accession to power Sultan Süleyman I (1520–1566) had resided in the port of Kaffa (modern-day Feodosiya) on the Crimean peninsula, where he was Governor of the town from 1509 until 1512.³ His personal experience with the Tatars as subjects and as seasoned fighters probably led him to make extensive use of their strike power and their formidable reputation. As Sultan, he concentrated his military activities on south-eastern Europe, where he deployed a great many Tatar auxiliary troops. Some of the major events in his campaigns of conquest included the capture of Belgrade (1521), the siege and capture of Rhodes (1522/23), his victory at Mohács and the capture of Ofen (1526), the recapture of Ofen and the unsuccessful siege of Vienna (1529) and the capture of Temesvár (1551).

During this period Elector Moritz of Saxony twice led his own troops to Hungary in order to fight against the Ottomans. His first

¹ Hzg. Wilhelms III. Reise in das heilige Land 1461, in A IV, pp. 283–320; Briefe, die Jerusalemfahrt des Herzogs Albrecht von Sachsen betreffend 1476, NA IV, pp. 343–346; über die Pilgerfahrt Friedrichs des Weisen nach Jerusalem 1493–94, in: NA IV, pp. 37–100.

² Holger Schuckelt, Die Rolle Sachsens in den Türkenkriegen des 16. und 17. Jahrhunderts, in: Im Lichte des Halbmonds – Das Abendland und der türkische Orient, Exhibition catalogue, Dresden 1995, pp. 170–177.

³ Holger Schuckelt, Der Weg der Tulpe nach Europa, in: Tulpomanie. Die Tulpe in der Kunst des 16. und 17. Jahrhunderts, Exhibition catalogue, Dresden and Zwolle 2004, pp. 15–27.

Hungarian campaign took place in 1542, when he still held the title of Duke. On 16th May his infantry, under the command of Wolf Tiefstäter, set off in the direction of Hungary. He himself left Dresden with his cavalry on 3rd June, reaching the military camp outside Vienna on 18th June 1542, where he met King Ferdinand and the imperial commander, Joachim von Brandenburg. The siege of Turkish-occupied Pest did not begin until 28th September. After Moritz had proven his audacity in several military encounters in early October, the siege was abruptly called off. The imperial campaign, which had been difficult to organise in the first place, ended in complete failure. Moritz marched his troops back to Dresden, arriving there during the night of 18th/19th October 1542.

Ten years later Moritz was appointed *Generalobrist* (senior general) in command of all the royal troops in Hungary. His main task was to stop the Ottomans advancing any further. On 16th September 1552 Moritz marched at the head of 5,000 cavalry and 6,000 infantry to Pressburg, moving on as far as Raab in early October. Owing to the superior might of the Turks, the Elector had to content himself with the fortification of Raab. However, the presence of these troops raised the morale of the garrison in Erlau, which was under Turkish siege. Although the campaign did not achieve any major breakthroughs, Elector Moritz of Saxony could be proud of the fact that since his intervention not a single fortress or settlement had fallen into Ottoman hands. At the beginning of November Moritz left Raab and travelled via Vienna to Dresden, where he arrived on 6th December 1552.¹ The extent to which Tatars were deployed in this war is evident from a letter written by Franz Kram in Augsburg on 26th July 1551 and addressed to Georg Komerstadt. The writer reports that Sultan Süleyman I was sending the Beylerbey Mehmed Sokoli to Hungary and Transylvania along with 60,000 Tatars, Moldavians and Walachs as well as 20,000 Turks.²

No evidence has so far been found to confirm whether any booty won from the Tatars came into the possession of the Elector or his

¹ Holger Schuckelt, Sachsen und die Türkenkriege, in: Johannes Kalter & Irene Schönberger (Hrsg.), *Der Lange Weg der Türken. 1500 Jahre türkische Kultur*, Exhibition catalogue, Stuttgart 2003, pp. 103–111.

² Politische Korrespondenz des Herzogs und Kurfürsten Moritz von Sachsen, fünfter Band, Berlin 1998, p. 285.

soldiers at this time. At any rate, the Dresden Armoury does not possess any Oriental objects that can be proven to have been added to the collection by Elector Moritz. That some items do originate from this period is not out of the question, however, since even the 1606 inventory of the contents of the Armoury lists a large number of Oriental weapons. These include several weapons that were described as Tatar. These objects demonstrate the uncertainty that sometimes existed as regards their provenance. The few surviving ‘Tatar’ weapons listed in the 1606 inventory are now clearly identifiable as being of Hungarian or Ottoman workmanship. It has not yet been possible to identify a Tatar reflex bow which is described only briefly. If it still exists, it is undoubtedly to be found among the Ottoman bows. The garniture consisting of bow case and quiver that is described along with this bow has silver fittings that originate from Hamburg. A particularly outstanding object among the group of weapons described as Tatar is a sabre, unfortunately now lost, that is recorded in the inventory entry as having belonged to the son of the sister of the Khan of the Tatars (i.e. the Khan’s nephew) and as having come to Dresden in 1590 as a gift from the Grand Chancellor of Poland to Elector Christian I of Saxony.¹

The oldest surviving Tatar weapon in the Dresden Armoury is a sabre which belonged to a Duke of Holstein². Most probably it came as a gift to Elector August of Saxony (1553–1586) via Duke Johann III of Holstein-Sonderburg, who was the third son of King Christian III of Denmark and the brother of Electress Anna of Saxony. The sabre has a heavy single-edged blade, which is double-edged in the lower part and terminates in a round tip. The grip is covered with ray skin, which not only reinforces the extraordinary appearance of the sabre but also turns out to be extremely functional.

More weapons associated with the Tatars came to Dresden in 1602, having been given to Elector Christian II of Saxony as a gift from Emperor Rudolf II.³ The background to this generous gift from the Emperor was the series of military engagements known as the

¹ Inventar der Rüstammer von 1606, p. 955.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. Y 29.

³ Holger Schuckelt, Ein kaiserliches Geschenk an Kurfürst Christian II. von Sachsen im Jahr 1602. Zur Dresdener Türkenkammer, in: *Dresdener Kunstblätter*, Heft 2/2002, Dresden 2002, pp. 67–74.

“Langer Türkenkrieg” (Long Turkish War) (1593–1606), in which Saxony was a close ally of the Emperor.¹ On 21st January 1602 an imperial legation arrived in Dresden, bringing with them five Turkish or Tatar prisoners and three Oriental horses equipped with saddles, caparisons, bridles, robes and numerous weapons as gifts for the Elector. One of the prisoners was a Tatar, who rode on a dappled horse. The 1674 inventory of the *Türkenkammer* (Turkish Chamber) gives the following detailed description of the Tatar’s equipment: *“Ein Tartarischer Habit mit welchen die damahlige Röm. Keyssel. Mayt. glorwürdigsten andenckens am 23. Febr. ao: 1602. ein rothschimmlichten Zscheckigten Roße und einen Tartar anhero praesentiret, alß, an dem Gesichte eine Tartarische Masque mit einem großen schwarzen Ober Barthe, Eine schwarze Eiserne Panzer Hauben, mit einer eisernen auf denen Streiffen vergüldeten Platte, und einer dergleichen Feder Dille, worinnen eine schwarze Straußen Feder oben mit ezlichen alten Fockenfedern, Ein Roth tuchener Rock, mit seidenen Schleiffen und Knöpfen, worunter Ein gelb Atlaßer Unter Rock mit göldenen Knöpfen und Schleiffen. Ein braun violtuchene Hosen, Eine lange gestricke Carmesin seidene Leibbinde, Ein baar roth lederne Türkische Stiefeln, und Spohren mit sehr langen Hülsen und kleinen Rädergen, An Gewehre und Rüstung. Ein Kupferner vergüldeter Tartarischer langer arm- oder Handschuh, mit Zwecken und Ringelgen beschlagen, mit einem Carmesin sam[m]eten mit Rothen Borthen eingewülsteten Handgriffe auch die Arm Röhre inwendig mit dergleichen Sammet gefüttert, worbey ein schwarz lederner oben mit eisernen Panzer überzogener Handschuh. Ein Tartarischer Sebell, das gefäße, mit eisenfarbenen eckigten Stangen, und einer silbernen vergüldeten Kappen woran eine Kurze seidene geschlungene Goldgelbe Schnure Der griff von schwarzer Zappenhaut umbwunden und mit vergüldeten Zwecken beschlagen, in einer von schwarzer Zappenhaut umbwundenen Scheiden mit einer silbernen vergüldeten Kappe, eisernen orthbande und Banden, und einem rothlederner Gürtel, mit silbernen vergüldeten erhobenen eckigten runden Buckeln, Schnallen und Hacken, woran der eine Stiffi ermangelt, Ein Tartarischer Bogen,*

¹ For details on the Long Turkish War see: Jutta Kappel, *Die Türkennot des Kaisers. Zu einigen Aspekten der Darstellung des Türkenkrieges (1593–1606) in der Hofkunst Rudolfs II.*, in: *Im Lichte des Halbmonds – Das Abendland und der türkische Orient*, Exhibition catalogue, Dresden 1995, pp. 125–133.

mit göldenen und bunden Blumen und Laubwerg gemahlet in braun ledernen Köchern wie auch Noch ein Köcher, darinnen 9. lange, und 6. kurze Tartarische Pfeile, mit eisernen Spizen, oben an Dem gefieder bund gemahlet und vergüldet, Eine Tartarische von braunen leder geflochtene Carbazsche, an einem von Helffenbein und schwarzen Hornen kurzen Stiele woran ein Carmesin geschlungen seidene Schnüre”.¹ The description in the 1606 Armoury inventory is much shorter and gives fewer details. However, it contains some pieces of equipment that apparently no longer existed in 1674. The 1606 entry mentions, for instance, a red, green and yellow painted Tatar saddle, brass stirrups, a red leather bridle with silver fittings and a hat made of red cloth with marten-fur trimming.

Of the Tatar equipment listed in the inventory, five objects have survived in the Dresden Armoury up to the present day. These are the *misiurka* (a flat domed helmet with mail neck guard), the sash, the pair of spurs, the arm guard and the sabre with scabbard and belt. It is difficult to determine where each of these objects were produced, and hence whether they are of Tatar, Ottoman or even Christian workmanship. The *misiurka*² probably really is of Tatar origin. It consists of a domed casque with a riveted plume holder and a carrying ring on a central rosette. The embossed gilt ribs stand out against the damascened ground of the plate. Hanging from the lower edge of the plate is chain mail made up of fine iron rings with a border of brass rings.

The 360 cm-long sash³, whose origin is unclear, is worked in sprang technique. Interwoven and crossed silk threads create lozenge and zig-zag patterns. The gathered ends of the threads are held together with silk knots that form long tassels.

The spurs⁴ were formerly attributed to an *Akinji*, i.e. a member of the Ottoman provincial cavalry. They have long, slender shanks with small spiked rowels. The clamps are short and bulky. Attached to them are large rectangular iron buckles and small oval pendants.

¹ Inventar der Türkenkammer von 1674, pp. 138ff, Nr. 369.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 2a; Inventar der Rüstkammer von 1606, S. 991–999.

³ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. I 76; Inventar der Rüstkammer von 1606, S. 991–999.

⁴ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. L 342; Inventar der Türkenkammer von 1674, S. 138, Nr. 369.

The Tatar or Ottoman arm guard¹ for the left arm consists of two hemispherical gilt copper plates with round rivet heads along the outer edge and a lining of red velvet with light brown trimming. The two plates are joined together by two leather straps sewn into the red velvet and fitted with silver buckles. The gauntlet consists of chain mail lined with red satin on the inside and covered with red velvet on the back of the hand.

The plain Ottoman sabre² has an unadorned single-edged blade which is double-edged at the tip. The only décor on the slightly curved, shagreen-covered hilt is the pommel cap cast in bronze. It is chased, angular in form, and has a relief rosette on the end. There are two flat rivet heads on either side of the hilt. The iron cross-guard is not decorated. The wooden scabbard is covered with dark brown shagreen. The mount on the scabbard mouth is made of a gilt silver plate with openwork decoration. The chape and the two mid lockets are made of iron and have horizontal decorative stripes. The segmented brown leather belt is decorated with green leather braiding and two rosette-shaped bosses made of chased and gilt silver. The silver belt hook decorated with openwork is in the shape of a leaf, the pointed end of which merges into the hook itself.

A few decades after the gift from Emperor Rudolf II, a bow case and quiver which are regarded as Tatar on account of certain characteristics came into the Dresden collections. This garniture³ had initially belonged to the Lord High Chamberlain of the Electorate of Saxony and Chief Magistrate of Chemnitz, Augustusburg and Lichtewalde, Rudolf Vitzthum von Eckstädt (1577–1639), and after his death it came into the possession of the Dresden *Türkenkammer* as part of the group of objects known as “Vitzthum’s Bequest”. The bow case and quiver, which are intended for a reflex bow and for the arrows used with it (figure 2)⁴, are each made of two pieces of leather sewn together. On the fronts there is ornate appliqué décor made of coloured silk

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 9; Inventar der Rüstkammer von 1606, S. 991–999.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 39; Inventar der Rüstkammer von 1606, S. 991–999.

³ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 175; Inventar der *Türkenkammer* von 1674, S. 16, Nr. 35.

⁴ All illustrations for this article included in color in the appendix.

on a dark blue ground. The ornaments, which are bordered with light-coloured leather, consist of leaves, flowers (tulips, carnations), birds (doves, vultures) and palmettes. The lower part of each object has edging consisting of a broad leather strip from which small pointed oval shapes protrude inwards. Of the silver fittings, only those on the quiver have survived. The base of the quiver is broadened in the middle, making it oval in shape. The front is divided into two sections and has ten small openings for additional arrows. Unlike all the other bow case and quiver garnitures in the Dresden Armoury, the straight edges of these two objects are on the left-hand side. On Timurid and Mongol miniatures the warriors carry the bow case on the left side of the body with the opening towards the front and the quiver on the right side with the opening towards the back. The garniture under discussion is designed for this carrying method. The Ottomans, by contrast, carried both bow case and quiver with the openings towards the back, which explains the difference in the form of the bow cases. The décor also distinguishes this garniture from objects of Ottoman workmanship. Although the appliqué ornaments include carnations and tulips, which were very popular among the Ottomans in the 16th century, the overall impression of the decoration is very different from comparable works by Ottoman craftsmen.

The inventories of the Armoury and the *Türkenkammer* between 1606 and 1683 contain other objects that were allegedly of Tatar origin. Regrettably, none of the three Tatar saddles and four bridles listed and described in the 1683 *Türkenkammer* inventory has survived. Neither does the inventory provide any information about the provenance of these objects. Whilst two of the saddles were made of coloured leather partly painted in gold, the third saddle had coloured ivory inlaid in the pommel and cantle.¹ The two former saddles also had leather saddle flaps which were painted in different colours, as in the case of several objects from the early 18th century in the Dresden Armoury's collection (see below). Two sabres, which are tentatively described as «Turkish or Tatar» in the inventory, are the work of Ottoman or Hungarian masters.² A painted steel bow¹ is also described in

¹ Inventar der *Türkenkammer* von 1683, S. 37, Nr. 53; S. 38, Nr. 55 und S. 39, Nr. 56.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 40 und Y 42.

the 1683 inventory as being of Tatar origin. However, this is a mistaken attribution, as the bow is of European workmanship.

A very interesting item is a “*Tartarischer aufgesätzter Habit*” with a high Tatar hat made of red velvet and blue satin, a coat made of cotton with printed flowers, an iron armguard, blue sash, blue trousers, red leather boots with spurs, a sabre with brass décor and a hilt in the form of a lion’s head, a Hungarian pickaxe and a plaid whip with a wooden handle which has white winding around it. In addition to the brief description of the equipment, the inventory also provides information that goes beyond that usually recorded. “*Dieser Tartar ist Zephyr genennet und Ihr Churf. Dhl. Johann Georgen dem andern glorwürdigst und Christmiltesten andenckens als damahligen Chur-Prinzen praesentiret worden, da er auch bis er im gefängnüs unvermuthlich gestorben, aufgewarttet, ist auf einem schwarz Hölzernen Creuze aufgehänget.*”² Hence, the Tatar by the name of Zephyr was presented as a gift to Elector Johann Georg II of Saxony (1613–1680) before his accession in 1656. From whom and precisely when he received the gift is not known; nor do we know the year in which the Tatar died in prison.³

Most of the items cited and described so far were presumably booty from the Turkish Wars and came into the possession of the Elector of Saxony as gifts from European aristocrats, without them personally having any close contact with the Tatars. This changed after the accession of August the Strong, who became Friedrich August I, Elector of Saxony, in 1694 and was then crowned August II, King of Poland, in 1697. August the Strong was appointed commander of the imperial army and personally led his troops against the Ottomans in Hungary (1695/96).⁴ As King of Poland he became an immediate neighbour of the Ottomans and Tatars, which resulted in the establishment of direct diplomatic relations. However, since August the Strong had promised at his coronation in Cracow to recapture the fortress at Kamieniec from the Ottomans, military conflict was initially

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 212.

² Inventar der Türkenkammer von 1683, S. 186, Nr. 367

³ According to the inventory of the Turkish Chamber (Inventar der Türkenkammer von 1716) the Tatar’s clothing and equipment was initially used to decorate various figures. In 1793 and 1814 most of the items were sold.

⁴ Schuckelt 1995, cf. footnote 3.

predominant over other contacts. Saxon troops from Hungary and Saxony were mustered at Cracow and Lemberg (Lviv). In mid-August 1698 the Saxon troops joined up with Polish and Lithuanian forces at Lemberg. At the same time an Ottoman-Tatar army set out to defend the fortress at Kamieniec but were repulsed over the Podolian border by the advancing Polish troops. Meanwhile, negotiations between the Emperor and the Sultan resulted in the signing of the Peace of Karlowitz on 12th January 1699, ending both the Austro-Ottoman War and the Polish-Ottoman War. Under this treaty, Poland regained its former possessions in Podolia and the Ukraine without further fighting.

In the Great Northern War (1700–1721) Saxon-Polish troops under August the Strong fought alongside Russians and Danes against the forces of Charles XII of Sweden and his allies, the Ottomans and Tatars. Following the devastating defeat of the Swedish army by the Russians at Poltava on 27th June/8th July 1709, Charles XII fled into Ottoman territory along with what was left of his army. From his refuge in Bender he endeavoured to continue fighting and draw the Ottomans into the conflict. Saxon-Polish envoys¹ travelled to Istanbul and Bakhchisaray to visit the Sultan and the Khan of the Crimean Tatars. In return, Turkish-Tatar legations were received in Poland. The gradually diminishing prestige of the Swedish king in the eyes of the Sultan strengthened the position of August the Strong. The Tatars initially assumed the role of mediators between the King of Poland and the Sultan, before regular legations were exchanged in order to preserve the now good relations between Poland and the Ottomans and Crimean Tatars.

Initial low-level talks were held as early as the summer of 1712, resulting in an agreement to maintain closer contacts. At this time an envoy of August the Strong, Freiherr von der Golz, was already in Istanbul preparing for the arrival of an official royal Polish mission. In exchange, a Turkish-Tatar legation had been sent to Lemberg, where it arrived in September. At last the foundation was laid for the exchange of government-level ambassadors to the respective courts at Istanbul and Warsaw. The first in this series of official Turkish-Tatar diplomatic visits to Poland was made in 1713. In the meantime, Charles XII's

¹ A detailed publication concerning the diplomatic contacts between August the Strong and the Sultan, with particular reference to the years 1711–1714, is forthcoming.

standing in the eyes of the Ottomans had deteriorated even further. In early February 1713, his obstinacy had resulted in the Sultan employing military force to have him arrested in Bender, which of course facilitated the negotiations between Saxony-Poland and the Turks and Tatars. As early as the end of March 1713 the Polish royal commander awaited the arrival of representatives of the Seraskier of Bender and the Khan of the Tatars in Lemberg. From there they travelled on to Warsaw, where they had an audience with August the Strong on 21st April.¹ The main topics of discussion were to be the presence of Russian troops in Poland and Charles XII's journey home. As a result of these talks, the King of Poland had instructions drawn up for his new ambassadors, La Mar and Bonafous, on 2nd May 1713.

In autumn 1713 another Turkish-Tatar legation travelled via Lemberg to Warsaw where they conveyed letters from their superiors to August the Strong in order to reinforce their friendship. As well as the aforesaid matters, they discussed such subjects as the expansion of the fortress at Chocim, which the Turkish side said was necessary for the preservation of peace².

Of the gifts presented to August the Strong on this occasion, the only item that has so far been identified with certainty is the whip³. This object, which appears unremarkable at first sight, was undoubtedly only a small item among the gifts from the Khan of the Tatars. Through comparison with other gifts presented in similar circumstances, it can be presumed that the whole gift consisted of a fully-equipped Oriental horse with bridle, saddle, stirrups and caparison. Nevertheless, the whip is extremely interesting. Not only because it really is a Tatar object but also because, according to the entry in the inventory, the whip was "*von des Tartar Hans Gemahlin selbst gefertiget worden*" ('made by the wife of the Khan of the Tatars herself'). The whip consists of a straight staff of red-brown briar wood. It is decorated with small s-shaped silver fittings, some of which are gilt, and ivory end pieces. At the lower end is a hand loop with tassels

¹ Cf. SHStA Loc. 3326, fol. 135, Letter from Warsaw dated 23rd April 1713.

² Cf. SHStA Loc. 3552, fol. 426f, Letter from the Seraskiers Abdi Pascha to August the Strong dated 1st September 1713.

³ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 168; Inventar der Türkenkammer von 1716, Nr. 172.

made of coloured silk. The upper half of the staff has gold, silver and coloured silk threads wrapped around it. The whip itself consists of leather covered with plaited threads of gold, silver and coloured silk. At its end is a broad ribbon produced in tablet weaving technique and ending in a fringe of loose strands.

Just one year later another mission was sent to Poland by the Khan of the Tatars, Qaplan Giray I. In late July or early August 1714 the legation arrived in Rydzyna (western Poland), where the Sefer Şak Aga was received by August the Strong himself. The topics of conversation had changed little. They were again concerned mainly with inter-state relations during the Great Northern War, the exiled Swedish king, Charles XII, and the Russian troops in Poland. The gifts from the Khan, which the Aga presented on 9th August, were described in detail in the inventory of the Inventionskammer:

“Specification Dererjenigen Türckisch- und Tartarischen Sättel mit darzu gehörigen Decken und Zeugen, auch anders mehr, so Ihre Königl. Mayth. in Pohlen und Churf. Durchl. Zu Sachßen von den Tartar-Cham zum Praesent übersendet, und durch dieselbigen beyden Abgesandten in Reußen, den 9.ten Augt. 1714 übergeben worden, alß:

Ein rothsammetner Sattel, fornen auf gelben Saffian den Grund mit Golde durchnehet, mit darauf befindl. Silbernen Bluhmen, hinten den Grund gleichergestalt auf gelben Saffian mit Golde durchnehet, und darauf stehenden erhobenen gold- und silbernen 25. stück Rosen, deren iede in der mitte mit einer rothen, neben denen Rosen aber die Spatia mit 40. stück schwartzen Corallen besezt, benebenst 1. paar silbern Steigbiegeln mit rothen ledern Steig-Riehmen, 1. Gurt, 1. rothen ledern schlechten hinter Zeuge, und 1. rothen Unterlege-Küßen. Hierbey ist noch

Eine große Decke¹ über den Sattel, dessen Grund von Silber, und darauf geformeten mit schwarzer seiden umbnäheten goldenen Blühmgen, an beyden Enden und in der mitte einer quer Handt breit goldenen Grund, nebst daran wie auch hinten herumb abhängenden gold- und silbernen Rund-Schnürigen, so durchaus mit gelben Atlas gefütteret,

¹ Sold in 1834.

Eine Decke¹, dessen Grund von Golde, im darin gewürckten großen goldenen Blumen und mit grünen Daffet gefüttert.

Eine rothtuchene Handt-Decke² mit blauer Türckischer Leinwand gefüttert,

Ein gewürckter seidener Gurt über den Sattel, von unterschiedl. Farben,

Ein Türckisch silbern und vergoldetes Haupt-Gestelle mit dergl. daran befindl. Kleinen 15. Panzer-Kettgen, auf beyden seiten an denen untersten Kettgen, wie auch fornem auf den Stirn-Riehmern dergl. hangende 49. stück Bammelgen, dann untern Halße eine silberne und vergoldete Panzer-Kette mit unten daran befindl. Silbern und vergoldeten Kügelgen, umb welcher auch 5. stück Bammelgen, benebenst d. rothen Ledern mit Silber und blauer seiten durchneheten Ziegel, wobey noch 1. silbern und vergoldete Panzer-Ketten-Hälfter, mit daran befindl. Rothseidenen Rund-Schnürgen, hierüber 1. silbern und vergoldetes Förderzeug von getriebener Arbeit, in der mitten eine große dergl. Buckel in Form einer Rosen,

Einen rothsammetnen Sattel³, nebst dergleichen mit gold- und silbernen Blumen gestückten Siz-Küßen, der Baum fornem und hinten mit silbernen Blech beschlagen, worauf goldene Blumen, fornem aufm Sattel-Knopffe wie auch hinten aufm Baume der Sammet mit silbernen Nageln angeschlagen, dabey Ein Paar silberne und vergoldete Steigbiegel⁴ mit weißen ledernen Steig-Riehmern, hierüber Ein Paar rothe auf der rechten seiten mit rothen und grünen Blumen gemahlte und lacirte Beinleder⁵, Ferner einem in der mitten mit rother Leinwand, an beyden Enden aber eine quer Handt breit von gelben Atlas bezogenen Unterlege Küßen⁶, über welchen Küßen eine rothe Cortuane umb und umb mit gold- und silbernen Blumen durchnähte Decke, unter diesen Küßen aber eine von feinen rothen Tuche, auch umb und umb, und auf denen 4. Ecken mit silbernen Blumen und grünen seidenen Zweigen durchnehete Decke, die Blumen mit ges-

¹ Whereabouts unknown.

² Whereabouts unknown.

³ Sold in 1834.

⁴ Sold in 1834.

⁵ Sold in 1834.

⁶ Disposed of in 1803.

chlungenen goldenen Fäden auf bemelten Decken herumb eingefäset, Unter welcher noch eine schlechte weißtuchene Decke.

Hierzu ist noch

Eine feine rothtuchene, ebenfals umb und umb, und zwar mit gold-blau- und rothseidenen Blumen durchnähet Decke¹, die Blumen auch mit geschlungenen goldenen und schwarzseidenen Fäden herumb eingefäset, und mit blauer Leine-Wandt gefüttert, so über den Sattel gehörig.

Ferner

Ein schwarz ledernes Haupt-Gestelle² mit silbern und vergoldeten gebrochenen Nasenbande, nebst darauf befindl. 18. dergl. Schleiffen, 8. kleinen Buckelgen, 1. Schnallen, und 5. doppelten Niethen, daran einem von gold und rother seiden durchwürckten Stirn-Riehmern, auch einer schlechten Trenße. Item

Ein dergl. schwarz ledern Hinterzeug³ mit darauf befindl. Silbern und vergoldeten 2. Stifften, 4. Schleiffen 2. Schnalen, auch 62. ... kleinen silbernen Buckelgen, auf der mitten des Hinterzeuges, eine große silberne und vergoldete Buckel mit darauf gestochenen Zierathen, woran ein wenig von gold und rother seiden durchwürckte Tresse:

Ein schlechter roth Jochtener Sattel⁴, fornem und hinten mit 10. stücken gelben Blech beschlagen, auf beyden seiten des Sattels gemahlte und lacirte Beinleder, nebst 1. paar eisernen Steigbiegeln mit weißen ledernen Steig-Riehmern, 1. weißen schlechten Gurte, 1. Unterlege Küßen von weißen Filze, so oben mit rothen, unten aber gelben Leder bezogen, und 1. rothtuchenen Überzeuge,

Ein schlechter roth Jochtener Sattel, fornem und hinten mit 4. runten vergoldeten Blechen von getriebener Arbeit beschlagen, auf beyden seiten des Sattels gemahlte und lacirte Beinleder, nebst 1. paar eisernen Steigbiegeln mit weißen ledernen Steig-Riehmern 1. weißen schlechten Gurte, 1. Unterlege Küßen von weißen Filze, so oben mit rothen, unten aber gelben Leder bezogen, und 1. rothtuchenen Überzuge,

Hierüber

¹ Whereabouts unknown.

² Sold in 1834.

³ Sold in 1834.

⁴ Sold in 1798.

Ein Türckischer Sebel mit einer rothsammetnen und Silber von getriebener Arbeith, so vergoldet, beschlagenen Scheide, daran der Hefft nur hölzern und mit gelben stifften eingeschlagen nebenst dabey befindlicher rothseidenen Rundschnure.

Vorher beschriebene 4. stück Türckische Sättel mit ihrer Zubehör, und 1. Türck. Sebel, sind von Reußen aus Groß-Pohlen auf die Königl. Pohl. und Churf. Sächß. Rüst-Cammer nacher Dreßden überschickt worden, den 19. Septembris, ao: 1714.”¹

This gift presumably also included Oriental horses, but this has not yet been proven beyond doubt. Of the items described in the inventory, two saddles with stirrups, a bridle comprising headstall, noseband with reins, and chest piece, as well as a sabre with scabbard, have survived, whereas other items, in particular the textiles, were sold in the late 18th – early 19th century.

The first of the two saddles² is of Ottoman workmanship. The wooden tree is covered with leather and the whole saddle covered with red velvet. The pommel and cantle each have a ground of vellum decorated with ornate silver embroidery depicting floral motifs, as well as 25 bosses and inlaid corals. Around the outer edge of the rectangular saddle flaps is a simple border of applied vellum with silver embroidery depicting large carnation-like flowers in the corners. The original girth is woven in coloured fibres.

This saddle was accompanied by a pair of solid silver Ottoman box stirrups³. These each consist of an almost rectangular, slightly domed footplate and curved trapezoid side plates. The attached bridge forms a rib on either side of the stirrup and extends under the footplate, with the two ends each being drawn to a point. On the upper edges of the side plates the bridge is attached to a large loop for the stirrup strap. The strap itself consists of twelve plaited silk braids which are coloured blue (until 1720 red) and which are sewn tightly together with brown leather at the top. In the area around the loop the braids have thin leather strips wound around them. On each side plate of the stirrups there is a small carved rosette on either side of the bridge. Around the outer edge of the side plates is a narrow engraved strip decorated with simple hatching. On the horizontal part of the

¹ Inventar der Inventionskammer um 1700, fol. 30ff.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. L 192a.

³ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. L 316.

bridge there is a test mark. One of the side plates and the loop on the horizontal part of the bridge are stamped with the *tughra* of Sultan Ahmed III (1703–1730).

The bridle¹ consists of leather straps covered with decorative overlapping silver gilt mounts. The martingale has a hexagonal boss with a central rosette and floral motifs between stylised cypresses. The individual segments are decorated with smooth stripes that merge into pointed leaves, edging stripes with parallel small rosettes, and a background of arabesques. The head and neck pieces of the headstall, which has the same form of decoration, are joined together by 15 chains. The brow band has 49 oval pendants. The neck piece has a chain that functions as a throat latch. To complete the bridle there is a snaffle bit and a nose-band made of a chain with reins woven in red and silver thread. On the chest rosette and on the ferrules at the ends of the straps there are test marks and the name Ahmed with three dots framed in the fashion of a *tughra*. Although this may be assumed to refer to Ahmed III, the form of the inscription makes it doubtful as to whether the bridle is of Ottoman or Tatar workmanship.

The second saddle² is most probably the work of a Tatar craftsman. The wooden tree is covered with brown leather which is decorated with embossed ornaments. The pommel and cantle as well as the ends of the skirt are made of wood and are decorated with flat brass mounts. The elegantly simple stirrups have round footplates. This saddle is accompanied by a pair of leather saddle flaps with colourful painted décor. The main colours are gold, red, green and black and the décor consists of semicircular segments at the edges and a figure in the shape of an hour-glass in the middle along with depictions of the tree of life and flowers.

The sabre³ has a slightly curved blade that is double-edged at the tip. It has two grooves along the edge of the blade as well as two stamped crescent-shaped marks. The short silver cross-guard is engraved and gilt and decorated with highly stylised arabesques, some of which are nielloed. The quillons are rolled inwards towards the blade and end in rosettes. The carabelle-type hilt is carved from dark-brown wood and decorated with a herringbone pattern. The numerous rivet

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. L 138.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. L 50.

³ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 94.

heads and the band around the hilt are silver gilt. The wooden scabbard is covered with red velvet. The mount on the scabbard mouth, the chape and the two mid lockets incorporating suspension rings are of silver gilt with chased and engraved highly stylised floral motifs, some of which are nielloed, as well as rough hatching in some areas. Wrapped around the scabbard is a cord made of red plaited silk.

As King of Poland, August the Strong was not only an adversary and neighbour of the Tatars; there were also Tatar elements among the population he governed. There had long been close contacts between Poles and Tatars. In the Battle of Grunwald in 1410 Tatars had fought alongside Poles against the Knights of the Teutonic Order. After that, Tatars were deployed as military auxiliary troops by Lithuanian princes and Polish kings. In the late 16th century, for example, King Stephen Bathory had a large number of Tatar auxiliary troops under his command. In the mid-17th century there were Tatar settlements in Polesia, Volhynia, Podolia and Courland as far north as Vilnius. In the battle to relieve Vienna on 12th September 1683, Tatars fought both on the side of the besieging Ottoman forces and among the relief troops under the command of King Jan III Sobieski. During the Great Northern War and the internal conflicts in connection with the Polish succession, some of the Tatars supported Stanislas Leszcynski, whom Charles XII had chosen as King of Poland, whereas others were allies of August the Strong. In the autumn of 1713 there was an uprising in Poland against August the Strong and, in particular, against the stationing of Saxon troops in Poland. Saxon soldiers under the command of *Generalfeldmarschall* (field marshal) Jacob Heinrich Graf von Flemming confronted the Polish rebels. Although a peace treaty was signed in Lemberg on 24th January 1716, some of the Polish nobility refused to ratify it and so the conflict continued until November 1716. During this period Flemming had a Tatar escort that paid him loyal service in the conflict with the rebellious Polish nobility.¹ The Tatars

¹ Leben und Thaten Des Weltberühmten Königl. Pohln. und Churfürstl. Sächsischen Obersten Staats-Ministers und General-Feld-Marschalls Jacob Heinrichs Des heil. Röm. Reichs Grafens von Flemming / Nebst einiger Nachricht Von Denen beyden ungleicher Zeit verstorbenen Grafen von Vitzthum Und von Watzdorff, Königl. Pohln. und Churfürstl. Sächs. Staats- und Cabinets-Ministris; Aus allerhand bewährten Nachrichten zusammen getragen und mit einem Register versehen von M.R.; Naumburg und Zeitz, Verlegts Michael Gottlieb Griebßbach, Buchhändler 1731.

under Flemming's command won particular respect on account of the staunchness they demonstrated in a skirmish on 8th February 1716. This incident is described in Flemming's biography as follows: „*Alleine 2. Meilen von Petrikau, zu Wolbiretz, überfiel der Feind dennoch den Feld-Marschall, wie er die Pferde füttern ließ: er fand aber noch Zeit, sich in Gesellschaft des Herrn Ribinsky, Weywodens von Culm und des General Goltzens nach Petrikau zu retiriren, da inzwischen die Tartarn, so er zur Escorte bey sich hatte, sich als brave Leute fast eine Stunde lang mit den Confoederirten herum schlugen, endlich aber der Menge weichen mussten, nachdem zwey von ihnen gefangen und 17. getödtet worden.*”¹

A few months after the end of the Polish uprising, on 18th May 1718, August the Strong received a Tatar-Kirgiz sabre² with a scabbard as a gift from the Polish Prince Radziwill. The Radziwills were one of the most prominent families in Lithuania and were among the magnates who had permitted Tatars to settle on their land. It was presumably Karol I Stanislaw Radziwill (1669–1719) who sent the sabre to August the Strong. He was Grand Chancellor of Lithuania. The unusually long blade is strongly curved and extends into an elongated thickened tip. In the immediate vicinity of the tip the single-edged blade becomes double-edged. Parallel to the back of the blade are three grooves of varying length, the outer one of which is decorated with gold inlay. The entire surface at the top of the blade is inlaid with gold: the décor consists of rhomboids filled with various ornaments and spiralling arabesques. The short cross guard and pommel cap are silver gilt. Both are engraved with arabesques. The hilt is made of greyish-white shark or ray skin with five simple decorative rivets. The wooden scabbard is also covered with greyish-white shark or ray skin on the visible side. On the inside is birch bark. The chape and the two mid lockets with suspension rings are silver gilt. The mid lockets are punched and are relatively sparsely decorated with engraved arabesques. The much more sumptuously decorated chape matches the décor of the pommel cap and cross guard. The narrow belt that goes with it is made of green silk braiding with silver thread.

In the following years the diplomatic contacts between Saxony-Poland and the Ottomans and Tatars continued. Visits by several Tatar

¹ Leben und Thaten ... 1731, cf. footnote 45, p. 69.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 67.

legations are evident from the inventories of the Dresden Armoury, although neither their precise background nor any details of events connected with them have been investigated. It must therefore suffice here to discuss only the gifts brought by the envoys. It must be regarded as highly probable that the gifts presented by the respective legations consisted of more than the few surviving items. On the basis of experience we may assume that the “standard gift” from Tatar envoys consisted of an Oriental horse with luxurious horse trappings along with matching weapons, and/or equipment. Detailed research will be needed to establish whether the inventory entries can help to identify other objects which, although they have not survived, are at least described in the inventories.

During his third term of office the Khan of the Tatars Qaplan Giray I (1730–1736) sent a legation to Warsaw, along with gifts for August the Strong which were presented to him in 1732. Of the gifts described in the inventory – a quiver made of yellow morocco leather embroidered with silver thread along with 18 arrows and one knife – only one item has been identified in the collections of the Dresden Armoury. This is the Tatar knife with scabbard and belt¹. The short straight single-edged blade bears a stamped mark that has so far not been possible to decipher. The smooth ivory handle has a rounded end with a silver rivet head in it. The straight wooden scabbard which encloses almost the whole of the knife is covered with black shagreen. Wrapped around the upper end is a broad, salmon-coloured silk belt with interwoven gold thread. The fate of the quiver and arrows is unknown. Whilst they were still included in the 1783 and 1821 Tüirkenkammer inventories, there is no longer any trace of them in the inventory of the Turkish tent drawn up in 1838.

Evidence of another Tatar legation, this time to the court of the son of August the Strong, Elector Friedrich August II of Saxony and King August III of Poland (1733–1763), are to be found in the 1821 inventory of the Gute Sattelkammer (Good Saddle Chamber). In September 1744 the King of Poland received the envoy of the Khan of the Tatars, Selim Giray. The only surviving gift from the Khan is a saddle with leather saddle flaps which are painted in various colours (figure

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. Y 135; Inventar der Tüirkenkammer von 1716, fol. 159, Nr. 422.

3).¹ The side flaps and seat of the buck saddle with a wooden tree are covered with reddish-brown leather. The skirt, pommel and cantle are covered with black shagreen. The mounts, partly decorated with openwork, are made of gilt brass. The saddle has Ottoman-style box stirrups and attached leather saddle flaps. Its décor, in which the dominant colours are gold, black, red and green, consists of four long areas with pointed arches at the ends and painted flowers, as well as various circle and arch ornaments. On the inside are the Arabic letter “sa” and the number 13 written in black. The significance of these symbols is unknown.

Only six years later King August III of Poland received another similar gift. On 28th July 1750 he granted an audience to the emissary of the Khan of the Tatars in Warsaw. On this occasion the envoy brought with him a gift from the Khan consisting of two saddles with stirrups and bridles, reportedly of Polish origin. Whether this gift was perhaps also accompanied by horses is unfortunately unknown. Precisely where the saddles were manufactured is also impossible to determine. However, they correspond to the Tatar-Caucasian type. The fact that one of the saddles² was described in the inventory as an “old Turkish, so-called Courland, saddle”³ would seem to indicate that it may have been the work of a Tatar craftsman on Polish-administered territory. The wooden tree is covered with leather. Whilst the seat is covered with brocade decorated with stripes and floral motifs, the pommel and cantle and the ends of the skirt have mounts made of gilt silver plate with decor consisting of chased and engraved medallions and stylised floral motifs, filled with lattice work made up of small rosettes. The saddle flaps made of reddish-brown morocco leather are embroidered with arabesques and floral motifs made of partially gilt silver wire. The saddle has a pair of brass gilt stirrups⁴ with round foot plates and oval bridges that narrow towards the top. Around the edges of the foot plates and on the lower part of the bridge are soldered sil-

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. L 51.

² Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. L 42 (L 626); Holger Schuckelt, Reitzeuge und Reitzubehör der Osmanen in der Dresdner Rüstammer, in: Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden, Vol. 29/2001, Dresden 2004, pp. 15–30, p. 30, figs. 33 and 34.

³ Inventar der Sattelkammer von 1785, S. 160, Nr. 403.

⁴ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstammer, Inv.-Nr. L 279, Schuckelt 2004, cf. footnote 50, p. 27, fig. 23.

ver mounts in the form of rosettes with inlaid turquoises and rubies, some of which are missing.

The second saddle¹ is similar in form but is covered with red velvet. The pommel, cantle and the ends of the skirt are completely covered with silver plate, engraved, partially gilt and nielloed. The technique and décor of these mounts indicate that this saddle, too, is probably of Oriental rather than Polish workmanship. This saddle has a pair of leather saddle flaps which are painted in various colours. Their décor is executed mainly in black, red and gold and consists of a rectangular central panel with two pointed medallions as well as one broad and one narrow border. The broad border contains ten small rosettes with medallions positioned between them. On the inside of the flaps are the Arabic numbers “2” and “1”. These saddle flaps were expressly mentioned for the first time in the 1838 inventory of the Sattelzimmer (Saddle Room), which does not necessarily mean, however, that they might not have already belonged to the saddle before that date.

Two decades later the Khanate of the Crimean Tatars lost its relative independence. In 1771 it was again occupied by the Russians. In the Peace of Küçük Kaynarca (now in north-eastern Bulgaria) signed on 21st July 1774, Sultan Abdülhamit I was compelled to grant the Khanate “independence”. After only nine more years the Crimea was turned into a Russian province. This development meant that the Khanate no longer pursued its own foreign policy. International contacts were controlled by the Tsar in distant St. Petersburg, and Warsaw therefore saw no more gift-bringing legations from the Khan. Direct relations between Saxony and the Crimean Tatars came to an end².

¹ Staatliche Kunstsammlungen Dresden, Rüstkammer, Inv.-Nr. L 39; Pod jedna korona – kultura i sztuka w czasach unii polsko-saskiej, Exhibition catalogue, Warszawa 1997, p. 303, Cat.-No. IX 25.

² Finally, I should like to thank my wife, Geraldine L. Schuckelt, for translating the original German manuscript and for her forbearance in helping me revise and improve it.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ДОБРУДЖЕ – ОТ ЕГО ИСТОКОВ И ВКЛЮЧАЯ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Добруджа на протяжении долгого времени была домом для немногочисленного татарского меньшинства Румынии, состоящего из различных этнических подгрупп, в частности крымских татар и ногайцев. С ростом реформаторских движений в поздней Османской империи некоторые местные интеллектуалы, вдохновленные мышлением младотурков, призывали к модернизации мусульманской системы образования в Добрудже и более активному участию мусульманского меньшинства в политической жизни Румынии. Эта деятельность привела к появлению в Румынии прессы на турецком языке и, наконец, породила организованное национальное движение среди Добруджских татар, которое продолжалось с конца 1920-х гг. до 1945 г. Его основной целью было утверждение у представителей диаспоры четкой татарской идентичности, которая концентрировалась вокруг Крыма как исторической Родины всех групп татар. Эта тоска по Крыму была подавлена в коммунистический период, но вновь проявилась в начале 1990-х гг. В статье на основе печатных материалов на турецком, татарском и румынском языках анализируется возникновение крымскотатарского национального сознания в Добрудже в XX веке.

Ключевые слова: крымские татары, Румыния, Добруджа, мусульманское меньшинство, этническое сознание, национальное движение, языковая политика, тюркская языковая пресса, татарская литература, история XX века.

Падение коммунистических режимов в Восточной Европе в начале 90-х гг. привело не только в Крыму, но и в румынской Добрудже к тому, что после десятилетий притеснений здесь опять смогло развиваться самосознание крымских татар, каким оно было до Второй мировой войны в регионе Черного моря. Та-

тары Румынии не подверглись депортации, как их братья в Крыму, но любые воспоминания о Крыме десятилетиями подавлялись со стороны государства, а с 1960-х гг. они находились под бременем целенаправленной языковой политики румынизации. Поэтому не может не вызвать уважения тот факт, что малочисленная группа татар Добруджи издает к началу XXI века впечатляющее количество публикаций на родном языке и то, что ведется оживленная дискуссия о вопросах этнической идентичности, татарской истории и языке¹. Современные писатели и представители созданного в 1990 году «Демократического союза мусульманских тюрко-татар Румынии» (УДТТМР – Uniunea Democrată a Turco-Tătarilor Musulmani din România) считают себя последователями первого поколения национальных активистов, которые в 30-е гг. XX века заложили основу для развития (крымско)татарского самосознания в Добрудже. Данная статья дает обзор возникновения и укрепления национального самосознания в румынской диаспоре от его истоков до сегодняшнего дня, уделяя при этом особое внимание периодике и литературе татар².

Исторический фон

Добруджа, северная часть которой ныне принадлежит Румынии, а южная – входит в состав Болгарии, со средних веков была населена тюркоязычными народами³. Здесь встретились два потока передвигающихся на запад тюркских племен – северный (кипчакский) с южным огузским, – и при этом куманский / кипчакский и позднее именно татарский элемент долгое время преобладал и наложил отпечаток на регион. Европейские карты

¹ В то время как официальные румынские статистики за 2002 год называют без малого 24 000 татар, ведущие представители УДТТМР называли автору в 1999 году минимум 40 000 человек. О первой цифре см.: Sallanz, Josef: Die Dobrudscha. Ethnische Minderheiten – Kulturlandschaft – Transformation. Potsdam: Universitätsverlag, 2005, 131.

² О развитии крымскотатарского национального самосознания в XIX–XX вв., с учетом того, что многие крымские татары находились в условиях эмиграции и ссылки, см. подробнее: Williams, Brian Glyn: The Crimean Tatars. The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. (Brill's Inner Asian Library 2) Leiden: Brill, 2001.

³ См. по этой теме: Inalcik, Halil: Dobruđja // Encyclopaedia of Islam, New Edition. Vol. 2. Leiden: Brill, 1991, 610–13; Cossuto, Giuseppe: Storia dei turchi di Dobrugia. (I Quaderni del Bosforo 1) Istanbul: Isis, 2001, 23–73.

XVIII века не случайно называют этот регион татарская Добруджа или же «Добруджеская Татария»¹. Татарский этнос, укоренившийся в этом регионе на протяжении веков, оставил глубокие следы своего пребывания на данной сравнительно небольшой территории. Убедиться в этом можно по тому факту, что румынские чиновники после насильственного присоединения северной Добруджи в конце XIX века насчитали не менее 700 татарских кладбищ, общая площадь которых превышала площадь существующих татарских деревень².

Ислам проник в Добруджу уже в XIII веке. В XV веке Добруджа стала частью Османской империи и оставалась в ее пределах до 1878 года³. Трудно отследить этнический состав тюркоязычного населения Добруджи на протяжении многих веков⁴. В период с XVI и до конца XIX века к коренному, до сих пор плохо изученному татарскому населению, примкнули многочисленные татарские мигранты из Буджака, Эдисана, а также полуострова Крым и прилежащих к нему степных регионов. Османы пересе-

¹ Lascu, Stoica: Călători străini despre turco-tătarii din Dobrogea (sec. XVIII-XIX) // Gemil, Tahsin (под ред.): Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă. București: Kriterion, 1997, 209; см. также: Tafrali, O.: La Roumanie transdanubienne (La Dobroudja). Esquisse géographique et économique. Paris 1918, 152.

² Angelesco, Georges G.: Étude sur la Dobrogea du point de vue de l'organisation des pouvoirs publics. Paris 1907, 59.

³ Об османском периоде см.: Cossuto, Storia dei Turchi, 59–85.

⁴ См.: Müstecib H. Fazıl: Dobruca ve Türkler. Köstence 1940, 23–50; Ibrahim, Nureddin: Comunitatea musulmană din Dobrogea repere de viață spirituală. Viață religioasă și învățământ în limba maternă. Constanța: Ex Ponto, 1998, 32–56; De Jong, Frederick: The Turks and Tatars in Romania. Materials relative to their history and notes on their present-day condition // Turcica. Revue des études turques Louvain: Peeters, Nr. 18 (1986), 165–189; Popovic, Alexandre: L'islam balkanique. Les musulmans du sud-est européen dans la période post-ottomane. (Balkanologische Veröffentlichungen 11) Wiesbaden: Harrassowitz, 1986, 196–253; Schmidt-Rösler, Andrea: Rumänien nach dem Ersten Weltkrieg: Die Grenzziehung in der Dobrudscha und im Banat und die Folgeprobleme. (Europäische Hochschulschriften Reihe III; 622) Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1994, 169–196 sowie Cossuto, Giuseppe: Il senso d'indentità dei turco-tatari di Romania dal 1878 ad oggi // Problematiche islamiche in area balcanica: Albania, Bulgaria, Romania (progetto strategico CNR su «il sistema mediterraneo»). (Oriente Moderno N.15 (76). Supplemento 1996, Numero Speciale) Roma 1996, 113–166.

ляли сюда анатолийских туркмен, среди них – шиитского вероисповедания (так называемых кызылбашей). Так как Добруджа служила исходной базой для османских военных операций в северном направлении, здесь возникло смешанное турецко-валахское население из мусульманских янычаров и местного населения, известное в XVI–XVII веках под названием читак¹. К мусульманскому населению XIX – начала XX вв. нужно причислить черкесов, заселенных в Добруджу после их бегства из России в 1860 году, но уже в 1876-м переселенных в азиатскую часть Османской империи², а также исповедующих ислам рома³. Большая часть последних владела турецким языком⁴, некоторые из них татарским⁵. Существовали также совсем малочисленные группы албан, лазов, курдов, и даже арабов, которые не играли в период после 1878 года существенной роли.

Из-за своего стратегически опасного расположения Добруджа постоянно переживала массивные миграционные перемещения населения, спасавшегося бегством во время военных конфликтов. С конца XVI века мусульмане Добруджи подвергались атакам казаков, и во время опустошительных русско-османских войн XVIII и начала XIX вв. Добруджа систематически теряла

¹ См.: Kantemir, Demetrie: *Geschichte des Osmanischen Reichs nach seinem Anwachsen und Abnehmen*. Hamburg 1745, 346; а также Müstecib H. Fazıl: *Dobruca ve Türkler*. Köstence 1940, 36. В научной литературе эта книга известна в ее втором издании Ülküsal, Müstecip: *Dobruca ve Türkler*. (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları 26) Ankara 1966, а также в третьем издании (Его же: то же. (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları 64) Ankara 1987). В данной статье автор ссылается исключительно на первое издание этой книги.

² Ekrem, Mehmet Ali: *Din istoria turcilor dobrogeni*. Bucureşti: Kriterion, 1994, 50–51.

³ Cossuto, Giuseppe: *I musulmani di Romania e il nuovo corso politico: note sull'attuale situazione sociale e culturale* // *Oriente Moderno* Roma: Istituto per l'Oriente C. A. Nallino. Nr. 13/74 (1994), 204–206.

⁴ Traeger, Paul: *Studien über die Dobrudscha: Geschichte und Ethnographie*. // *Bilder aus der Dobrudscha*. Herausgegeben von der Deutschen Etappen-Verwaltung in der Dobrudscha. Constanza 1918, 286.

⁵ Pittard, Eugène: *Anthropologie de la Roumanie. Contribution à l'étude anthropologique des Tsiganes dits Tatars de Dobrodja* // *Bulletin de la Société Roumaine des Sciences de Bucarest – Roumanie* Année 12, Nr. 5+6 (1904), 379–389.

свое население¹. Бегство на юг и в Анатолию, возвращение на родину после окончания военных действий стало обычным явлением для жителей Добруджи. Война 1829 года привела к особенно ужасающей разрухе: путешественники того времени описывали Добруджу как самую обедневшую и обезлюдившую провинцию Османской империи². Желая увеличить численность населения провинции и, таким образом, экономический и военный потенциал региона, османское правительство прилагало в последующие десятилетия усилия для привлечения эмигрантов на эту землю. Из-за географического соседства и исторической тесной связи с Крымом османы рассматривали, как наиболее приемлимую, возможность расселения в Добрудже крымских татар. В 1812 году в Добруджу эмигрировали ногайцы из Буджака (юго-восточная Бесарабия)³. Но большая часть татарских переселенцев, примерно 60–100 тысяч человек, переселилась с полуострова в период между 1856 и 1865 гг. в результате Крымской войны⁴. Следующие три поколения этих последних татарских переселенцев выдвинули из своей среды политическую и интеллектуальную элиту татар Добруджи. С начала XX века эта культурная элита прилагала усилия для консолидации отдельных групп татарского населения Добруджи (кабаил-татары, ногайцы, таты, керич/чонгар-татары или же степные татары)⁵ в единую нацию, представители которой, согласно их представлениям, должны были считать себя наследниками крымскотатарского ханства.

¹ О русско-турецких войнах и их последствиях для мусульманского населения подробнее см.: Fazıl, Dobruca, 59–73.

² Karpat, Kemal H.: The Crimean Emigration of 1856–1962 and the Settlement and Urban Development of Dobruca // Ch. Lemerrier-Quellejeay (под ред.): *Passé Turco-Tatar présent soviétique. Études offerts à Alexandre Bennigsen.* (Collection Turcica 6) Louvain: Peeters, 1986, 281–285.

³ См.: Danesco, Grégoire: *Dobrogea. (La Dobroudja) Étude de géographie, physique et ethnographique.* Bucarest 1903, 164–165.

⁴ Подробнее по этой теме см.: Saydam, Abdullah: *Kırım ve Kafkas göçleri (1856–1876).* Ankara 1997, 100–138.

⁵ Об этническом составе добруджеских татар см.: Pittard, Eugène: *Anthropologie de la Roumanie. Contribution à l'étude anthropologique des populations de la Dobrodja. VIII. Les Tatars // Bulletin de la Société Roumaine des Sciences de Bucarest – Roumanie 1914. Année. 23, Nr. 1+2 (1914), 43–117.*

Османские источники начала XIX века, описывая население региона, пишут о так называемых кабаил-татарах в Добрудже (особенно в регионе Бабадаг). Кабаил-татары сохранили до середины XIX века свою внутреннюю (также военную) структуру во главе с наследным ханом, являющимся одновременно и официальным османским губернатором (каймакам)¹. Термин кабаил («племена») не имел никакой этнической импликации, а обозначал на османском языке татар, поселившихся до 1840-х гг. в Добрудже, и носил, таким образом, исторически-социологическую коннотацию². В 1820-х гг. к этому старому татарскому населению присоединились ногайские роды из Бессарабии, сохранявшие и в Добрудже еще долгое время полукочевой образ жизни. Позже османы использовали целенаправленно бегство крымского населения с полуострова из-за войны для возведения в Добрудже новых деревень, а также городских центров³. Известнейшим примером османского градостроения того времени является город Меджидиа, названный в честь султана Абдулмеджида. Меджидиа была построена в 1856 году между городами Чернавода и Констанца. Самую большую волну миграции крымских татар пережили города Базарджик и Балчик, расположенные на территории южной Добруджи, которая входила с 1878 до 1913 года и после 1940 в состав Болгарии⁴.

Меджидиа быстро превратилась в центр татарской экономики и культуры в Добрудже – объясняется это тем, что многие мигранты были выходцами из таких городов, как Гёзлеве и Керч. Демографический и экономический расцвет Меджидии стал причиной повышения политического статуса города: в начале 60-х гг. XIX века Меджидиа получила статус столицы региона.

¹ Ionescu[-Dobrogeanu], M. D.: Dobrogiia în pragul veacului al XX-eei. Geografia matematică, fizică, politică, economică și militară. București 1904, 341–342.

² См.: Williams, Crimean Tatars, 205–209.

³ См.: Karpat, Crimean emigration, 288–292, а также: Williams, Crimean Tatars, 209–215. Список всех деревень, основанных или вновь заселенных татарами, дает Fazil, Dobruca, 92–94.

⁴ Romansky, St.: Carte ethnographique de la nouvelle Dobroudja roumaine. Sofia 1915, 25–26; а также Arbore, Alex. P.: Caracterul etnografic al Dobrogei sudice. (Din epoca turcească până la 1913). Cernăuți 1938, 41–45.

Это обстоятельство повлекло за собой изменение соотношения сил между различными татарскими группами: политическое влияние кабаил-татар быстро пошло на убыль, в то время как пришельцы с полуострова – благодаря поддержке османского правительства – стали определяющим фактором в Добрудже. Выходцы с Крыма считали себя представителями более развитой, оседлой культуры и вели себя несколько высокомерно, что привело в 50–60-х гг. XIX века к ожесточённым столкновениям с ногайцами, большей частью бывших кочевниками¹. Документально доказано, что в первой половине XX века ногайцы и крымские татары жили в отдельных деревнях, и их жители общались преимущественно между собой². В целом можно констатировать, что многие переселенцы 1856–1865 гг. сумели выгодно вложить капитал, вывезенный из России и полученный при новом поселении от Османской империи, заложив, таким образом, основу для определенного достатка, который позволил татарским общинам выжить после того, как в 1878 году Османская империя отступила с этой территории³. Определенная материальная база была создана и в сфере культуры: обеспечение мусульманского населения Добруджи мечетями⁴, религиозными школами и медресе было даже лучше, чем в некоторых частях Анатолии.

О демографическом развитии населения рассматриваемого региона имеются противоречивые данные. В присоединенной в 1878 году к Румынии части Добруджи после русско-османской

¹ См.: Williams, *Crimean Tatars*, 215–222. Подобные конфликты утратили значение уже к 1865 году, после того как ногайцы отказались от кочевого образа жизни и социально-экономические условия жизни татар Добруджи сравнялись; Karpat, *Crimean emigration*, 300–302.

² См.: Abdullof, I: *Matériaux sur la langue et le folklore des Nogays de la Dobrudja* // Archiv Orientální Praha: Akademia Publ. House, Nr. 33,2 (1965), 209–224. Похожие неприязнь и предубежденность констатировали ученые в отдельных случаях также между турками и татарами; см.: Pittard, Eugène: *Dans la Dobroudja (Roumanie). Notes de voyage*. Genève 1902, 75.

³ См.: Williams, *Crimean Tatars*, 222–226. См. также замечания Питтарда о татарах: «En général, ce sont des travailleurs économs et sobres. Grâce à ces qualités, ils acquièrent facilement une situation aisée. Plusieurs Tartares dobroudjiens sont devenus de riches propriétaires»; Pittard, Eugène: *La Roumanie. Valachie – Moldavie. Dobroudja*. Paris 1917, 275–276.

⁴ См.: Ibram, *Comunitatea*, 73, 145–156.

войны проживало, в любом случае, больше татар, чем турков¹. Из общего числа примерно 50 000 мусульман, оставшихся после 1878 года в Добрудже, 30 000 были, скорее всего, татарами. Учитывая тот факт, что для болгар и румын вопрос о национальной принадлежности Добруджи несколько десятилетий являлся спорным, нужно с известной долей осторожности относиться к статистическим данным периода 1878–1940 гг.²

Историю мусульман под властью Румынии можно подразделить на следующие пять периодов: 1878–1913 гг., 1913–1918 гг., 1919–1944 гг., 1945–1989 гг., а также с 1990 года по настоящее время.

1878–1913 гг.: период между насильственным присоединением северной и южной Добруджи.

В первое время после аннексии 1878 года румынские власти уделяли умеренный интерес к Добрудже, жители которой хотя и стали гражданами Румынии, но не получили избирательного права до 1909 года. В подготовленных для правительства меморандумах, в которых описывается экономическая польза для королевства от новой провинции и ее жителей, качества мусульман Добруджи описывались по-разному³. Война 1877–1878 гг. и передача Добруджи христианской стране явилась для мусульман большим потрясением. Многие мусульмане покинули свою родину уже во время военных действий, другие собрались эмигрировать, когда в результате Берлинского конгресса было решено передать Добруджу Румынии. И несмотря на то, что некоторые жители, особенно татары⁴, возвращались, мусульманское население

¹ Popovic, *Islam balkanique*, 200–203.

² О споре по поводу Добруджи см.: Schmidt-Rösler, *Rumänien*, 5–196, а также (с болгарской точки зрения): Popov, Joseph V.: *La Dobroudja et les relations bulgare-roumaines*. Liège 1935, или же (с румынской точки зрения): Ponticus: *La Dobrodja. Coup d'oeil sur son histoire et son caractère ethnique*. Bucarest [1939].

³ Оптимистично высказывался, например, d'Hogguèr, Baron [Willem]: *Renseignements sur la Dobrodja. Son état actuel, ses ressources, et son avenir*. Bucarest 1879, 33. Более критично оценивали экономический потенциал мусульман Добруджи Jooris, J.: *La situation économique de la Roumanie et de la Dobrugea*. Bruxelles 1881, 31–33, а также Angelesco, *Étude*, 65.

⁴ Jooris, *Situation*, 33.

ние непрерывно уменьшалось вплоть до конца XIX века. В течение нескольких десятилетий изменился этнический состав Добруджи, и мусульмане, ранее бывшие господствующей нацией, стали меньшинством на своей Родине. Причины массовой эмиграции мусульманского населения на османскую территорию заключались в следующих обстоятельствах¹:

- недоверие к христианскому правительству;
- измененное земельное право²;
- колонизация со стороны румын;
- воинская повинность в христианской армии³;
- несправедливое отношение румынских чиновников к мусульманам (так, например, чиновники извлекали личную выгоду, пользуясь тем, что население плохо владеет румынским языком и не знает национальных законов⁴);

- политическая дискриминация мусульманского населения Добруджи (исключение от избирательного права вплоть до 1909 года);

- более предпочтительные возможности для роста карьеры в Османской империи для мусульман, достигших более высокого уровня школьного образования. Большинство студентов после окончания учебы не возвращалось назад из Османской империи;

- родственные связи с уже эмигрировавшими в Анатолию мусульманами⁵;

- большая засуха 1899 года.

Эта миграция создает неверное впечатление о том, что румынское государство намеренно изгоняло мусульман. Об этом не

¹ См.: Fazıl, Dobruca, 106–111; Popovic, Islam Balkanique, 215–216; Ibrahim, Comunitatea, 51–52.

² Подробное описание ситуации с точки зрения мусульман см.: Fazıl, Dobruca, 122–125.

³ В период между 1882 и 1897 гг. 2965 мусульман Добруджи бежало от воинской обязанности за границу, писала издаваемая в Бухаресте газета Шарк № 8 (10.12.1897), 2–3 (Бенд-и махсус: Хиджрет хаккында бир кач сёз).

⁴ Примеры приводит Angelesco, Étude, 82–83; также Fazıl, Dobruca, 109–110.

⁵ О том, как распались в процессе эмиграции семьи, а позже воссоединялись в Турции описывал на примере своей семьи Мустеджиб Улькюсал; Ülküsal, Müstecip: Kırım yolunda bir ömür. Naturalar. Ankara 1999, 14–31.

может быть и речи. Более того, правительство изначально прилагало усилия для удовлетворения религиозных, культурных и экономических интересов мусульман.

На основании изданного в марте 1880 года «Закона об устройстве Добруджи» и поправки к закону от 1882 года, государство обещало предоставить необходимые средства для обеспечения службы в мечетях и мусульманских школах. Кроме того, в 1886 году были созданы мусульманские суды. Служащие судов, а также мечетей и школ финансировались из средств государства¹. Во главе религиозной иерархии стояли равные в правовом отношении муфтии Констанцы и Тулчи. После первоначально сдержанной позиции, которую они занимали, главы мусульман в конце XIX века перешли к более положительной оценке политики правительства и призывали своих соотечественников не покидать эту землю². При этом они постоянно указывали на разницу в обращении к мусульманскому меньшинству в Румынии и таких странах, как Болгария или Россия³. Так, например, присутствие короля Карола II в 1913 году на торжествах по случаю открытия мечети в Констанце мусульмане восприняли как демонстративное доказательство румынской веротерпимости⁴.

¹ De Jong, *Turks and Tatars*, 175–177.

² Первые газеты мусульман Добруджи вышли в 1897–1898 гг. В период между 1897 и 1940 гг. были изданы в общей сложности 34 газеты и журнала. См.: Aǧuiçenoǧlu, Hüseyin: *Die Turko-Tatarische Presse der Dobrudscha 1897–1940. Annotierter Katalog. (Heidelberger Studien zur Geschichte und Kultur des modernen Vorderen Orients 31)* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2004. О прессе мусульман Добруджи см. также: Popovic, Alexandre: *La presse turque (et tatare) de Roumanie (1888–1940)* // Clayer, Nathalie (под ред.): *Presse turque et presse en Turquie. (Varia Turcica 23)* Istanbul: Isis, 1992, 221–249.

³ Многочисленные примеры этому можно найти в газетах «Седакат» и «Шарк» (1897–98). О периодике мусульман Добруджи см. впрямь: Aǧuiçenoǧlu, *Die Turko-Tatarische Presse*.

⁴ Пресса сообщала в свое время и о торжественной церемонии закладки фундамента в 1910 году; см. газету добруджеских татар: Тешвик. № 4 (30. Хазيران 1910), 2–3 (Добруджа хавадислери: Ваз-и есас-и ресми). Присутствие королевской четы на торжественном открытии в 1913 году было оценено и в стамбульских газетах как выражение благосклонности Румынии по отношению к мусульманским подданным; см. например, панисламистскую стамбульскую газету: Себилуррешад. № 250 (23. Реджеб 1331), 267 (Романия: Кёстендже джами-и шерифинин ресми-и кюшады).

Правительство страны ставило перед собой задачу повышения уровня образования мусульманского населения, и с этой целью в 1880 году приняло решение использовать старинное, почитаемое медресе Бабадаг как учебное заведение по подготовке будущих имамов и учителей¹, но учебный процесс стало возможным проводить лишь с 1889 года. Наряду с исламскими науками и арабским языком, студенты должны были изучать национальный язык в какой-нибудь румынской школе. В 1895 году, наконец, для облегчения студентам изучения румынского языка, в самой семинарии был введен соответствующий курс и на должность учителя назначен Ал. Алеску. В результате эмиграции мусульман из региона Бабадаг, очень быстро уменьшилось количество студентов, и поэтому правительство в 1901 году приняло решение перенести семинарию под руководством господина Алеску в Меджидию. Это решение сыграло значительную роль для позднего татарского национального движения, так как с той поры ведущее учебное заведение румынских мусульман оказалось в центре расселения крымскотатарских эмигрантов. Будущая интеллектуальная элита мусульман Добруджи получала образование в семинарии Меджидии². В этой семинарии учились мусульмане и других народов, но отныне большинство имамов и учителей в Добрудже были татарского происхождения. Немаловажным является и то, что в результате размещения семинарии в Меджидии татары получили больший доступ к изучению румынского языка и культуры³. Важный поворотный момент в истории семинарии имел место в 1907–1908 гг., когда в учебной программе стало возможным предоставлять предметам «родной язык» (а именно османский турецкий язык) и «исламская история» боль-

¹ Alecu, Al.: *Istoricul seminarului musulman din Megidia // Analele Dobrogei* Anul 9, Nr. 2 (1928), 181–87. Наряду с семинарией в Бабадаг/Меджидия, действовала (как учебное заведение выше начальной школы) еще со времен властвования османов мусульманская средняя школа (рюшдие) в Констанце, а также несколько частных медресе в деревнях, см.: Popovic, *Islam Balkanique*, 208–11; Fazıl, *Dobruca*, 176–178.

² Popovic, *Islam Balkanique*, 209.

³ Подробное описание атмосферы, царившей в семинарии, дается в мемуарах Улькюсала за 1914–1916 гг.: Ülküsal, *Kırım yolunda*, 48–51.

шее внимание, нежели раньше¹. Оба предмета сыграли решающую роль для становления современного национального самосознания. Мустеджиб Улкюсал (1899–1996), в свое время также студент этой семинарии, вспоминал позже, что многие ученики в 1908–16 гг. были недовольны авторитарным стилем директора Алеску, и проявляли свое недовольство националистическими, протурецкими высказываниями².

Начало политизации мусульман Добруджи пришлось уже на 1897–1898 гг. Некоторые младотурки, среди них албанец Ибрахим Темо (1865–1945) и крымский татарин Али Рыза (1872–1909), скрывались от преследования полиции Абдулхамида II в Добрудже, где и начали свою публицистическую деятельность, а также создавали тайные ячейки³. Они привнесли идеи младотурков в Добруджу⁴. Кырымзаде Али Рыза умер в 1909 году в Стамбуле во время ответного путча Абдулхамида II (так называемое «событие 31 марта») и был захоронен одержавшими победу младотурками на почетном кладбище младотурецкой революции. Али Рыза, герой, павший в борьбе за османскую независимость, был родом из татарской семьи, эмигрировавшей в 1877 году в Османскую империю из региона Мангалиа Добруджи. Для прогрессивномыслящих мусульман Добруджи он еще долгое время после революционных событий в Османской империи служил примером для подражания⁵.

¹ Fazıl, Dobruca, 179–180.

² Там же, 179; Ülküsal, Kırım yolunda, 50–51.

³ См. подробнее мемуары: Temo, İbrahim: İttihad ve Terakki Cemiyetinin teşekkülü ve hidematı vataniye ve inkilâbi millîye dair hatıratım. Mecidiye 1939, 116 и др. стр.

⁴ См.: Gemil, Tahsin: Asociația din România a «Junilor Turci» // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie «A.D. Xenopol» Iași: Ed. Acad, Nr. 7 (1970), 173–195. Мустеджиб Улькюсал, женатый в первом браке на дочке Али Рызы, вспоминал, что Али Рыза держал политические речи революционного характера в татарской деревне Азаплар и тем оказал влияние на отца Улькюсала; Ülküsal, Kırım yolunda, 23–25.

⁵ Именно в этом качестве представил его читателям Мемет Ниязи в 1931 году в своей статье в «Эмель»; Эмель Меджмуасы. № 6/30 (15. Март 1931), 352–353 (31. Март ве бир хатыра); Биографические данные содержатся в статье Османа Нури в газете Тешвик № 6 (14. Теммуз 1910), 2 (Азаплар: 10. Теммуз ид-и миллиси мюнасебетийле).

В то время как в Добрудже число читателей газеты «Терджиман» Исмаила Гаспринского оставалось низким¹, в публицистической жизни Стамбула после 1908 года – после окончания самодержавного правления Абдулхамида II, татары принимали активное участие. Газеты «Тешвик» и «Добруджа Седасы», издаваемые в 1910–1911 гг. студентами и молодыми учителями, такими как Мемет Ниязи (1878–1931)², считали себя последователями традиций младотюркских патриотических идей и состояли в тесном контакте с татарскими журналистами Стамбула и России³. Они выступали за стандартизацию системы образования во всех мусульманских учебных заведениях в Добрудже и считали, что таким образом будет создана возможность для лучшей подготовки мусульман к жизни в Румынии и к участию в политической жизни страны. Тем более, что с 1909 года мусульмане получили право избирать своих представителей в румынский парламент⁴. В большинстве своем татарские активисты газет «Тешвик», «Добруджа Седасы», а также «Ишык», «Мектеб ве Аиле»⁵, издававшихся в 1914–1916 гг. в Меджидии, предостерегали своих му-

¹ Fazıl, Dobruca, 249–250.

² Информативная библиографическая статья о Ниязи дана в Gemal, Aġi-Amet: Dicționarul personalităților turco-tătare din România. Constanța: Metafora, 1999, 225–237; см. также: Niyazi, Mehmet: Sığış. 2'nci baskı. Köstence: Europolis, 2003 (под редакцией Османа Карахана).

³ Тешвик. № 1 (9. Хазиран 1910), 1 (Ифаде-и мерам ве тешрих-и меслек). Так, например, в газете «Тешвик» многократно помещала рекламное объявление о себе и ссылалась на своего распространителя в Добрудже панисламистская газета «Теарюф-и Мюслимин» (1910–1911), которую издавала в Стамбуле группа российских татар, являвшихся единомышленниками Абдуррешиды Ибрагимова.

⁴ Об усиливающейся политической интеграции мусульман Добруджи см.: Dumitrescu, Stelian: The Muslim-Turkish Community in the Dobrudja within the Romanian State (1900–1918): the Administrative Framework According to the Romanian Archives // Romano-Turcica Bd. 1, Istanbul: Isis, 2003, 219–232.

⁵ Недавно вышел в свет полный сборник номеров газеты «Мектеб ве Аиле», набранный латинским шрифтом; Ülgen, Erol и Ali Aksu: Mektep ve Aile Mecuması (1915–1916). Constanța 2003. Несмотря на то, что «Мектеб ве Аиле» первоначально обращалась ко всем мусульманам Румынии и ее нельзя отнести к одной определенной этнической группе, редакторы этого нового издания представили газету как значительный этап, пройденный татарским просветительным движением.

сультманских соотечественников от неподготовленного участия в политических процессах и размежевания на несколько различных, противостоящих лагерей. Они опасались, что в противном случае мусульмане не смогут отстаивать свои национальные и религиозные интересы¹. Прежде чем начать принимать участие во внутренней румынской политике, нужно унифицировать школьные программы и, по примеру других народов, сделать неотъемлемой частью учебного процесса воспитание молодежи в духе национальной принадлежности. Издатели конкретно указывали на успехи других национальных меньшинств, таких как болгары или армяне, в деле становления национального самосознания. Они критиковали в особенности консервативное духовенство, которое отказывалось признавать пользу национальных светских школ и ценность национального самосознания. Для пропаганды своих идей М. Ниязи и его единомышленники создали в 1909 году в Констанце «Общество для распространения знаний в Добрудже» («Добруджа Тамим-и Маариф Джемиети»), которое, хотя и просуществовало только полтора года, но за это время все же смогло мобилизовать 250 членов². Несколько позже, в 1911 году, выпускники семинарии в Меджидии с большим успехом основали общество «Меджидие Мусулман Семинары Мезунлары Джемиети»³. Из этого общества, сыгравшего важную роль для последующей судьбы татар Добруджи, вышли ведущие предводители татарского национального движения 30-х и 40-х гг. XX века.

Подробное исследование вышеуказанной периодики однозначно показывает, что прогрессивные круги, сплотившиеся вокруг Ибрахима Темо и Мемета Ниязи, еще до 1916 года считали,

¹ Тешвик. № 3 (23. Хазиран 1910), 2 (Романияда сияси фиркалар ве муслиманлар).

² Vuap-Mocanu, Şukran: Memet Niyazi'nin Dobruca Müsülman Tamim Maarif Cemiyeti'nin ilk konferansidir nutuğu hakkında bazı açıklamalar // Renkler Bükreş: Kriterion, Nr. 3 (1992), 166–169.

³ Fazıl, Dobruca, 223–224; Popovic, Islam Balkanique, 208. С 1903 года (по 1933) студенты и выпускники семинарии выпускали свой ежегодник «Ануарул Семинарулуй Мусулман ал статулуй дин Меджидия» («Anuarul Seminarului Musulman al statului din Medgidia»), который способствовал, так же как и само общество, поддержанию тесных контактов между татарами.

что выпускники семинарии должны занимать ведущие позиции в исламском обществе Добруджи (муфтии, кадисы, учителя, а также имамы в крупных мечетях). Это способствовало бы возникновению структуры, которая могла бы взять на себя ответственность за формирование культурного, а позже, возможно, и политического национального движения. Так как выпускниками этой семинарии большей частью были татары, то в случае осуществления этих намерений, основные рычаги в духовной (и политической) жизни румынских мусульман в скором времени оказались бы в руках татар.

1913–1944 гг.: вся Добруджа под румынской верховной властью.

С насильственным присоединением южной Добруджи к румынскому государству в 1913 году (и повторно в 1918–1919 гг.) в Румынии значительно изменилось соотношение между турками и татарами. В это время уже турки доминировали над татарами¹. Но турки южной Добруджи не владели румынским языком, не разбирались в политической культуре румынского государства и, поэтому, многие годы зависели от поддержки своих мусульманских братьев с севера. По числу образованных представителей исламского духовенства и учителей татары превосходили турков и, как следствие этого, немало татар занимало ведущие места в религиозных и культурных учреждениях южной Добруджи и после 1918 года². Подобная доминирующая роль татар в мусульманском обществе была, несомненно, одной из решающих при-

¹ В южной Добрудже, так называемой Кадрилатер, в 1913 году жили лишь 12 376 татар и примерно 124 000 турков; см.: Dumitrescu, *The Muslim-Turkish Community*, 225.

² В результате военных действий 1916–1918 гг. Румыния потеряла контроль над территорией Добруджи, которая перешла под военное управление болгарско-немецких союзников. Но усилия Болгарии, направленные на интеграцию Добруджи в состав своей территории, предпринятые после поражения в 1918 году, не увенчались успехом. Политические представители местных мусульман (в том числе татар) выступили в ноябре 1918 года за передачу этой территории румынскому государству; см.: выпуски газеты «Кувинтул Доброджеи» («Cuvântul Dobrogei») от 13 и 25 июля 1919 года, в которых были опубликованы решения мусульманского комитета.

чин, приведших к конфронтации между турками и татарами в регионе Кадрилатер (южная Добруджа) в 30-х гг. XX века¹.

К числу известных представителей раннего татарского просветительского движения относятся, наряду с уже упомянутым поэтом и учителем Меметом Ниязи², выпускник семинарии и позже кадий Февзи Ибрахим Исмаил³ (1890–1960), члены семьи которого были издателями татарской газеты «Бора» (1938–39)⁴, и Халил Фехми (1888–1933), учитель семинарии, а позже муфтий в Базарджике. Последний был одним из немногих татар Добруджи, принявших участие в создании курултая в 1917–1918 гг. в Крыму⁵. В 1919–1923 гг., после бегства от большевиков, Халил Фехми издавал в Базарджике газету «Добруджа»⁶. Наряду с Меметом Ниязи и Халилом Фехми, в Крым отправился также и Мемет Ну-

¹ См.: Ülküsal, Kırım yolunda, 153–154.

² Что касается значения его личности для Добруджи, то его можно вполне рассматривать как местного Исмаила Гаспринского. Культ вокруг личности поэта развивала и поддерживала с середины 30-х гг. редакция «Эмель Меджмуасы». После крушения коммунистического режима его стихи многократно переиздавались, «Карадениз» посвящала ему статьи. Его могила на мусульманском кладбище города Меджидиа стала важным памятным местом преклонения для активистов национального движения; см., например: Karadeniz Nr. 16:4 (1992), 1 (İç haberler).

³ Он происходил из аристократической семьи, эмигрировавшей во время крымской войны; см.: Gemal, Dicționarul, 124–25.

⁴ Речь идет о Ирфане Февзи (род. 1919) и Ридване Февзи (род. 1921); об обоих см.: Gemal, Dicționarul. S.125–129, а также 88–90. Уже в преклонном возрасте они принимали активное участие в 1990-х гг. во вновь возрожденной татарской периодической печати и повествовали, будучи очевидцами событий, о национальном движении 30-х и 40-х гг., а также о поколении их отцов; см., например, серию статей *Amica noastră, istoria*, написанную Ирфан Исмаилом в татарской молодежной газете «Чаш» в 2001 и 2002 гг.

⁵ После прибытия в Крым он недолгое время являлся директором известного крымскотатарского учебного заведения – медресе Зинджирли; о нем см.: Gemal, Dicționarul, 86–88.

⁶ «Добруджа» («Dobruca») сообщала подробно о национальном движении Мустафы Кемала и о турецкой освободительной войне (1919–1922). Так газета знакомила добруджеских мусульман с революционными событиями в Турции.

ри (1884–1970)¹, где он занялся политической и журналистской деятельностью. После своего возвращения в Добруджу он издавал газету «Йылдырым» (1932–1938) и был временно назначен заместителем мэра в Базарджике. Др. Нури был родственником другого знаменитого татарина Добруджи – Селима Абдулхакима (1887–1944)². Выходец из Констанцы, Селим Абдулхаким был первым татаринном, изучавшим юриспруденцию в Бухаресте. В 20–30-е гг. XX века он стал одним из видных политических и общественных представителей татар Добруджи, а также других мусульман Румынии. Его неоднократно избирали в румынский парламент, а в 1939 году он стал представителем мусульман в преданном королю едином фронте Фронтул Ренаштерии Национале. Он был также одним из издателей татарской газеты «Халк/Попорул» (1936–1939). Упомянутая газета намеренно использовала для публикаций своих материалов два языка (турецкий и румынский), чтобы информировать румынскую общественность о политических целях татар³.

Деятельность первых активистов заложила основу для последующего успеха татарского движения в Добрудже: а именно, в 1929 году группа молодых татар под предводительством юриста Мустеджиба Х. Фазыла [Улькюсал] (1899–1996)⁴ решила издавать национальную газету, которая по предложению Мемета Низязи была названа «Эмель Меджмуасы»⁵. В период между январем 1930 года и сентябрем 1940 года «Эмель» издавался регулярно, что являлось исключением для мусульманской прессы на Балка-

¹ О Мемете Нури, который также был выходцем из уважаемой аристократической семьи, см.: Gemal, Dicționarul, 220–223.

² О нем см.: Karadeniz 14:2 (1992), 2 (Büyüklerimiz: Selim Abdülhâkim). Многочисленные данные о его деятельности содержатся в мемуарах Улькюсала; см.: Ülküsal, Kırım yolunda.

³ Редакция газеты стремилась заинтересовать румынскую общественность в том, чтобы татары остались в Добрудже и была предотвращена миграция татар в Анатолию.

⁴ Его автобиография (Kırım yolunda) охватывает, к сожалению, лишь период 1899–1945 гг. Подробные данные о его личности дает: Altuğ, Giray Saynur: Müstecib Ülküsal. Hayatı ve faaliyetleri. İstanbul, 1995, неопубликованная дипломная работа, написанная в Университете Мармара.

⁵ Об истории возникновения подробно с точки зрения издателя см.: Ülküsal, Kırım yolunda, 148 и др. стр.

нах и свидетельствует о профессионализме редакции газеты. С начала 1930 года для «Эмель» писал Джафер Сейдамет, бывший президент курултая, живший в то время в Турции. С того времени газету «Эмель» можно считать печатным органом крымскотатарского эмиграционного правительства. Газета преследовала цель обеспечить информацией диаспору в Добрудже, Европе и Турции о событиях в Крыму и поддерживать дух национального самосознания в среде своих соплеменников. Газета поддерживала тесные связи с эмиграционными газетами туркестанцев, волжских татар и азербайджанцев, которые совместно боролись против Советского Союза.

Редакция газеты «Эмель» организовывала национальные собрания, например, с 1935 года – годовщины Мемета Ниязи¹, к ежегодному юбилею со дня основания курултая², собрание, посвященное памяти мученической гибели Челеби Джихана или же в 1933 году – к 50-летию со дня выхода в печать газеты «Терджиман». Каждое лето редакция посылала своих представителей в татарские деревни, где они собирали абонементные взносы, вели устную пропаганду общетатарских интересов и узнавали новости о жизни в провинции. Эта стратегия помогла газете «Эмель» стать ведущей татарской газетой в Румынии. Статьи печатались в «Эмель» большей частью на турецком языке, стихи, пословицы и легенды – также и на татарском. «Эмель» публиковала на своих страницах в серии исторические статьи из Крыма на языке оригинала³. Другая газета – «Йылдырым», издаваемая под руководством татар, выходила исключительно на турецком

¹ Для возведения памятника Мемету Ниязи на мусульманском кладбище города Меджидиа «Эмель Меджмуасы» провела кампанию по сбору средств, ставшей отражением возрождающегося национального самосознания. Поминальные встречи у подножия памятника, проводимые с конца 1935 года, стали одним из важнейших ритуалов национального движения татар Добруджи. Могилу Ниязи можно рассматривать как символический памятник Крыму, возведенный в Добрудже; см.: Williams, Crimean Tatars, 283–284.

² См., например: Эмель Меджмуасы. № 11/120 (Тешрин-и сани 1937).

³ Так, например, в период 1933–1936 гг. было опубликовано произведение Ахмеда Озенбашлы под названием «Чарлык хакимиетинде Кырым фаджиасы йахуд Татар хиджретлери» в виде серии.

языке и придерживалась позиции, отличной от курса Джафера Сейдамета и «Эмель». «Йылдырым» ратовала за турецкое национальное самосознание татар, которые, согласно ее представлениям, должны считать Анатолию своей Анаватан (Родиной). Зато тесные контакты с «Эмель» поддерживали «Халк/Попорул», которая выходила на турецком и румынском, и «Бора», публиковавшая статьи на турецком, румынском, а стихи – и на татарском языках. Лишь после Второй мировой войны развитие добруджеского татарского языка достигло уровня, позволявшего публиковать прозу или же статьи на политические темы на татарском. Типография газеты «Эмель» издавала также книги по политическим и историческим вопросам (на турецком языке), а также новые пьесы на национальные темы (на татарском языке). Эту деятельность нужно рассматривать в одном ряду с возникновением татарских культурных обществ. В 85 из 110 деревень и в шести городах с татарским населением возникли такие «национальные культурные общества», объединившиеся в 1934 году в единую организацию «Добруджа Тюрк Харс Кюлтюр Бирлиги», которая поддерживала тесные контакты с редакцией «Эмель»¹.

Когда в начале 30-х гг. XX века правительство в Анкаре совместно с румынским правительством приняло решение о переселении всего тюркоязычного населения Румынии (турков, татар и гагаузов) в Турцию, крымскотатарское национальное движение в Добрудже было поставлено перед дилеммой. Где настоящая родина татар: Анатолия или же Крым? Такие газеты, как «Эмель» и «Халк» предостерегали татар от необдуманной эмиграции в Анатолию. Их издатели отдавали себе отчет в том, что крымскотатарское национальное движение в Румынии имеет большую свободу действий, чем в тогдашней Турции, которая, к тому же, в это время проводила дружественную политику по отношению к Советскому Союзу². По этой причине Мустеджиб Х. Фазыл обратился даже напрямую к турецкому послу в Бухаресте

¹ О данной творческой деятельности см.: Fazıl, Dobruca, 267–270, а также: Ülküsal, Kırım yolunda, 176–192.

² По этой причине правительство в Анкаре в 1935 году запретило ввоз «Эмель» в Турцию; см.: Ülküsal, Kırım yolunda, 193–195.

Х.С. Танрыёверу, который в ответ гарантировал, что татары Добруджи не будут затронуты этой политикой переселения¹.

Но все же татарское национальное движение многократно открыто подвергалось критике со стороны представителей лагеря симпатизирующих Анкаре в Добрудже, например, такими газетами как «Романя», «Тюрк Бирлиги» или же «Делиорман»²: татар обвиняли в антитурецкой позиции, так как они отказывались переселяться в Анатолию, а вместо этого мечтают о своем государстве в Крыму³. В ответ на эту полемику татары Добруджи постоянно подчеркивали свое тюркское самосознание и свою любовь к Турции. Газета «Бора», например, напоминала на своей обложке о братстве турков и татар. «Эмель» без устали подчеркивала, что существование, наряду с Турцией, других тюркских государств (например, Крым) должно соответствовать интересам Анкары. В середине 30-х гг. татарские интеллектуалы все чаще начали называть себя «крымскими турками», для того чтобы отвести от себя всякое подозрение в том, что они ставят единство тюркских народов под сомнение. Они провозглашали себя сторонниками «тюркского национализма» (тюркчюлюк) и постоянно подчеркивали, что не существует никакого отдельного «татарского национализма» (татарчылык)⁴.

Желая убедить румынское население в том, что и для Румынии выгодно дальнейшее пребывание татар в Добрудже, татарские интеллектуалы с середины 30-х гг. все чаще стали писать статьи для ведущих румынских газет, например, для «Доброджеа

¹ Там же, 251.

² «Тюрк Бирлиги» («Türk Birliği») получало финансовую помощь от турецкого посольства, см.: Ülküsal, Kırım yolunda, 249.

³ Газета «Романя» («Romanya») называла татарский национализм (татарчылык) «позорным движением» (чиркин бир джерейан); см. статью: И. Кемал в Романя № 572 (28.4.1931), 1 (Татар джерейаны). Представители Турции, которые поддерживали идею переселения тюркских слоев населения пропагандой и организационно, также атаковали татарских активистов. Так, например, Яшар Наби называл группу вокруг Мустеджиба Улькюсала «врагами народа» (миллет хаинлери), см.: Yaşar Nabi: Balkanlar ve Türklük. Ankara 1936, 122–123.

⁴ См.: Fazıl, Dobruca, 270–273, а также реакцию Мустеджиба Улькюсала на письмо Александре Поповича в редакцию «Эмель»: Emel 16:95 (Temmuz–Ağustos 1976), 13.

Юна». В них обращалось внимание на то, что татары считают себя лояльными гражданами Румынии и не являются, как болгары и венгры, меньшинством, придерживающимся антиправительственной позиции¹. Селим Абдулхаким и Неджиб Хаджи Фазыл (1906–1948), младший брат Мустеджиба², принадлежали к числу ярких татарских журналистов в румынской прессе. В этот период был написан, не потерявший своей значимости и по сей день, подробный труд по истории татар Добруджи – монография «Добруджа ве Тюрклер», автором которой был Мустеджиб Хаджи Фазыл [Улькюсал]. Этот труд был впервые издан в 1940 году в Констанце, переиздан в 1966 году, а также в 1987 году в Турции. Название «Добруджа и турки» Улькюсал выбрал специально, чтобы показать, что крымские татары считают себя частью тюркского мира³.

Когда в 1938 году королем в Румынии была введена диктатура и основан Фронтул Ренаштерии Натионале (Фронт национального возрождения), татарское национальное движение во круг Мустеджиба Улькюсала приложило немало усилий, чтобы заручиться признанием этой националистической партии, указывая на антисоветский характер своих задач⁴, и добилось в этом успеха. Обе стороны ставили своей целью крушение Советского

¹ См. аргументацию Селима Абдулхакима и других известных татарских деятелей, согласно которой турко-татары считали себя гражданами Румынии мусульманского вероисповедания, а не национальным меньшинством; она приводится также в: Die Dobrudscha. (Königlich-rumänisches Ministerium für auswärtige Angelegenheiten; Denkschriften und Dokumente) București, 1940, 54–59.

² См. о нем: Gemal, Dicționarul, 84–86.

³ Между первым и вторым изданиями этой книги имеется разница. Произведение, выпущенное в 1966 году в Анкаре, было переработано не только стилистически, но и по содержанию. В новом издании нашли отражение все негативные события, которые пришлось пережить автору между 1940 и 1966 гг.: депортация его соотечественников из Крыма, умалчивание этого факта тогдашним правительством Румынии, убийство его брата, совершенное румынскими коммунистами, притеснение мусульманской религии, а также крымскотатарского самосознания в коммунистической Румынии не прошли бесследно для Улькюсала.

⁴ См. соответствующую статью в газете: Эмель Медждуасы. № 134 (Канун II 1939), 9–14 (Кырымчылык ве Романия).

Союза: по мнению «Эмель», независимые от Москвы Украина и (татарский) Крым соответствовали бы и интересам румынской внешней политики. Однако дальнейший ход истории показал, насколько иллюзорными были надежды на крах ненавистного Советского Союза – для татар Добруджи последствия оказались особенно тяжелыми. Узнав в 1939 году о пакте между Гитлером и Сталиным и их совместном нападении на Польшу, национальное движение крымских татар пришло в ужас. «Эмель» решительно осуждал агрессию немцев и большевиков¹. Скептической точки зрения по отношению к национал-социалистам придерживался Мустеджиб Улькюсал и позже, когда нацистская Германия и СССР вели войну уже против друг друга, и он сам, находясь в Берлине, прилагал усилия для того, чтобы были учтены интересы крымских татар. Дневник Улькюсала, который он вел в 1941–1942 гг. в Берлине, однозначно показывает, что он с недоверием относился к амбициям немецкой оккупационной политики². Однако усилия татар Добруджи добиться соблюдения интересов своих братьев, крымских татар, шли вразрез с интересами Берлина и Бухареста, и потому не увенчались успехом. Те немногие крымские татары, которые смогли скрыться от советской армии в Добруджу, систематически подвергались преследованию после прихода коммунистов к власти в Румынии. Вместе с ними жертвами гонений стали все те татары Добруджи, чья антисоветская позиция была известна, и те, кто помогал беженцам из Крыма: так в 1948 году был убит брат Мустеджиба, харизматический писатель Неджиб Х. Фазыл³. Эта смерть сделала Неджиба Х. Фазыла национальным героем для посткоммунистического поколения татарских активистов. Для исторического самосознания татар

¹ См.: Эмель Меджмуасы. № 142 (Ейлюл 1939), 1–8 (Хак ве шереф йолунда Лехистан).

² Впервые воспоминания Улькюсала были опубликованы в виде серии в девяти номерах газеты «Эмель», позже они были изданы как монография; см.: Ülküsal, Müstecib: İkinci dünya savaşında 1941–1942 Berlin hâtıraları ve Kıırım'ın kurtuluş dâvası. İstanbul: Emel Yayını, 1976.

³ См.: Williams, Crimean Tatars, 288.

Добруджи сегодня он играет более значимую роль, чем его старший брат, который смог спастись, скрывшись в Турции¹.

1945–1989: татары Добруджи под властью коммунистов.

В послевоенной Румынии, которая в 1947 году была вынуждена окончательно отказаться от южной Добруджи, татары до 90-х гг. представляли самую большую группу мусульманского населения. Конституция 1948 года предусматривала для всех живущих в Румынии наций начальное школьное образование на родном языке. Так как Турция в то время считалась капиталистическим врагом и являлась членом НАТО, коммунистическое правительство приняло решение обучать турков и татар отдельно. Не считаясь с мнением крымскотатарских интеллектуалов Добруджи, которые до сих пор именовали себя «крымские турки» и считали турецкий язык своим родным языком (по крайней мере, литературным языком), румынское правительство добилось того, чтобы татары рассматривались как отличная от турков нация. И по этой причине они должны были изучать в школе татарский язык. Но какой татарский? Крымские татары были депортированы по приказу Сталина, и коммунистическое правительство Румынии не могло позволить, чтобы в Добрудже и дальше крепло самосознание крымских татар. По этой причине были импортированы школьные учебники из Казани.

Но язык волжских татар очень сильно отличался от языка татар Добруджи, так что в середине 50-х гг. уже не вызвала сомнений необходимость составления школьных учебников на местном татарском языке². Благодаря этой мере (предпринятой во время коммунистического режима в Румынии), язык татар Добруджи впервые поднялся на уровень литературного языка. Однако, в школах для мусульман обучение велось на родном языке лишь до 1959 года, позже татары были вынуждены отдавать своих детей в румынские школы. В 1967 году в ходе государствен-

¹ Вполне очевидно, что он является для татар Добруджи местным Челеби Чиханом, а именно героем, павшим за дело нации. В подтверждение этого преклонения можно привести литературное произведение Гюнер Акмоллы (род. 1941); Akmolla, Güner: Vatan. Köstence: Europolis, 1999; его же: Bağışlaymız. Constanța: Metafora, 2003.

² См.: Ibram, Comunitatea, 179–94. Эти учебники выпускались в 1956–1958 гг. тиражом от 1000 до 2400 экземпляров.

ной политики ассимиляции была закрыта и семинария в Меджидии. И только в 1970-х гг. в программу некоторых начальных школ были введены уроки турецкого языка по новым соответствующим учебникам¹.

В то время как в самой Добрудже в 1960–1970-е гг. работа по исследованию татарской литературы и языка приостановилась, восточноевропейские тюркологи и языковеды уделяли интенсивное внимание языковому и литературному наследию различных татарских этнических групп (таты, ногайцы и другие). Наряду с румынскими учеными в Бухаресте, в 50–60-е гг. трудились венгерские и польские ученые над сбором и документацией различных диалектов. Свою задачу они видели в том, чтобы анализировать многообразие языка, который обычно так обобщенно называют татарским². Побочный эффект этой языковедческой деятельности выразился в том, что местное население получило импульс для сбора своего богатого фольклора и его культивирования. В 1980-е гг. оживилась литературная деятельность татар на турецком и татарском языках: находящееся в Бухаресте издательство национальных меньшинств «Критерион» опубликовало в 1980 году сборник по фольклору «Бозторгай», который был переиздан в 1996 году в расширенном варианте³. Еще во время коммунистического правления были выпущены первые из пяти томов сборника «Ренклер»⁴. Они содержат беллетристические и историографические тексты на татарском и турецком языках. «Ренклер» уже к концу коммунистической эры стал местом сбора

¹ См.: Schöpflin, George: The Turkic Peoples of Romania // Bainbridge, Margaret (под ред.): The Turkic Peoples of the World. London und New York 1993, 201–205. Эти учебники и книги по чтению на турецком языке, предусмотренные также и для татарских учеников, были составлены татаринном Ахмед-Наджи Дж. Али (род. 1924) (см. о нем: Gemal, Dicționarul, 35–40) и турком Мустафой Али Мехметом и изданы в 1972–1973 гг. в Бухаресте.

² Из этого поколения тюркологов хотелось бы здесь упомянуть Владимира Дримбу, который в 1950–1970-е гг. интенсивно занимался исследованием татар Добруджи; о тюркологических исследованиях см. также: Cossuto, Il senso, 141–147.

³ Ali, Ahmet-Naci Cafer: Boztorgay. Folklor toplami. Bükreş: Kriterion, ekinçi basılış 1996.

⁴ Эти книги вышли также в издательстве «Критерион» в период между 1987–1993-ми гг.

и платформой для старого поколения татарских интеллектуалов, которые еще помнили о татарском школьном образовании, существовавшем до 1959 года, и желавших поделиться своими знаниями и опытом. Публикацию «Ренклер» можно рассматривать как первый однозначный признак вновь зарождающегося татарского национального самосознания, первостепенной задачей которого на первый момент являлось сохранение татарского языка.

С 1990 года: возрождение татарского национального самосознания.

Идея культурного возрождения 80-х гг. нашла свое воплощение в жизни непосредственно после свержения коммунистического режима в декабре 1989 года. После недолгой попытки объединить обе этнические группы – турков и татар, в единую организацию меньшинств, обе группы сразу же пошли раздельными путями. Возрождение татарского национального самосознания нашло свое отражение в политическом смысле в основании «Демократического союза мусульманских тюрко-татар Румынии» (УДТТМР) и в культурном плане – в издании газеты «Карадениз» (с 1990 года), которая стала рупором УДТТМР.

В области литературного творчества с 1990 года появились многочисленные публикации в Бухаресте и Констанце. Наряду с современной лирикой¹, на татарском книжном рынке преобладают книги по краеведению. В ряду новых публикаций особенно выделяются автобиографические произведения, а также воспоминания очевидцев событий, охватывающих тяжелый период лишений и гонений после 1945 года². Дополнительно к этому выбору книг предлагаются переизданные книги, впервые выпущенные еще до коммунистического периода, а также научные историографические статьи, посвященные общетатарским или же ре-

¹ Из среды старых именитых поэтов, продолжающих свою литературную деятельность в контексте воспитания в молодежи крымскотатарского национального самосознания, здесь можно упомянуть Яшара Меммедемина (род. 1936), который регулярно публикует также и в «Карадениз» и в «Чаш»; о нем см.: Gemal, Dicționarul, 239–246.

² Они издавались на румынском, татарском, турецком языках или же на смешанной форме последних двух.

гиональным вопросам¹. С 1990 года татары Добруджи принимают активное участие на конференциях в Турции, в Крыму, на Балканах и на Северном Кипре. Здесь они сообщают о положении и развитии языка и литературы в Добрудже, тем самым способствуя тому, что эта немногочисленная группа тюркского мира не была забыта. Соответственно возрастает число статей по этим темам в сборниках, объединяющих статьи конференций². При этом следует отметить готовность участников конференций приблизить свою позицию к мнению приглашающей стороны – ибо в Крыму они представляют себя татарами, а в Анатолии – турками. Современные татарские ученые Добруджи и в этом четко следуют тактике своих предшественников 1930-х гг..

«Карадениз» («Мареа Неагра») является важнейшим источником современной истории татар Добруджи, и по этой причине я коротко представлю эту газету в заключение статьи. Эта ежемесячная газета не распространяется в рознице, а финансируется за счет государства и распространяется среди подписчиков. Она является собой богатейший исследовательский материал для историков и тюркологов. Название («Черное море») указывает на геополитическую направленность УДТТМР, которая пытается связать исторические корни и также будущее татар Добруджи далеко за пределами Румынии с Крымом и Турцией. Три флага, а именно Румынии, крымских татар и Турции (слева направо) под логотипом показывают многоплановость идентичности и лояльности татар Добруджи. Большая доля символичности присуща также логотипу с правой стороны от названия: мечеть возвышается над тамгой крымских ханов, и это должно указать на то, что религиозная и культурная идентичность базируются на фундаменте национального самосознания. Ислам является, таким образом,

¹ С научной точки зрения особенный интерес представляет том со статьями интернациональной конференции о происхождении татар, проведенной татарским историком Тахсин Джемилом в 1994 году; см.: Gemil, Originea tătarilor – переизданная в сокращенном варианте Gemil, Tahsin: Tătarii în istorie și în lume. București: Kriterion, 2003.

² Особенно активную деятельность проявляют супруги Енвер и Недрет Махмут (1935 и 1934 года рождения); см., например: Mahmut, Nedret: Dobruca Türk edebiyatı: dünü, bugünü, yarını // Gürel, Zeki (под ред.): İkinci Türk Dünyası Yazarlar Kurultayı, Bildiriler. Ankara: İlesam, 1998, 265–273.

важной, но всего лишь частью татарской идентичности. Читатели газеты сталкиваются с этой смесью национального и религиозно-мировоззрения в многочисленных статьях. В них проявляет себя идеология, родственная тому турецко-исламскому синтезу, который известен с 1980-х гг. в Турции. С левой стороны от логотипа бросается в глаза знаменитое выражение Гаспринского «дилде, фикирде, иште бирлик» (единство в языке, мыслях и поступках), что не только документирует связь с крымскотатарской историей, но и позволяет распознать пантюркистскую направленность.

В конце 1990-х гг. дополнительно к «Карадениз» стали издаваться молодежная газета «Чаш» («Танарул») и с 2002 года – приложение для женщин «Кадын». Статьи в газетах для молодежи и женщин печатаются, как и в «Карадениз», на румынском, турецком и татарском языках. В то же время, с 1997 года, после того как Неджат Салих (1953 года рожд.)¹ перенял руководство УДТТМР, наблюдается следующая тенденция: большую часть статей, в частности, на актуальные политические темы публиковать на татарском языке. Это решение в пользу татарского языка не было беспорным, ибо родной язык румынских татар был возведен до статуса литературного в обход турецкому лишь по указанию коммунистического румынского режима. Не удивительно, что даже бывший руководитель УДТТМР Дженан Болат напоминал своим землякам, предостерегая их от ошибок, что «предводители», такие как Гаспринский или М. Ниязи, всегда использовали в качестве литературного именно турецкий язык. Но при этом они никогда не забывали о своих татарских корнях². Использование татарского языка в письменной форме он рассматривал как акт раскола (бёлмек) и разделения (парчаламаг) тюркского мира. Огромную поддержку этим представлениям о едином литературном языке оказывали в первой половине 1990-х гг. авторы статей из Турции, которые с чувством отстаивали языковое единство

¹ Gemal, Dictionarul, 282–283 см. под Negiat Sali.

² См. его статью в: Karadeniz. № 9–10 (1991), 1 (Türklügümüzü mü kaybediyoruz?).

турков и татар¹. Эта ангажированность турков за языковое единство однозначно потеряла свою интенсивность с конца 1990-х гг.

К числу основных тем газет «Карадениз» и «Чаш» относятся вновь вспыхнувший интерес к истории своего народа в Добрудже². Используя богатый краеведческий материал, авторы показывают, что татарский народ Добруджи неразрывно связан с Румынией и считает ее своей исторической родиной, а не перевалочным пунктом на пути в Анатолию или же назад в Крым. Эта тесная связь татар Добруджи с Румынией никоим образом не противоречит демонстративной солидарности с «братьями» с Крыма; более того, возвращение к теме татарского Крыма, к прошлому и настоящему этого народа является важным импульсом в деле развития культурного и исторического самосознания сегодняшних татар Добруджи, о чем свидетельствуют многие статьи. Наряду с этой центральной темой национальной идентификации, газеты с большим интересом следят за событиями политической и общественной жизни всего тюркского мира Евразии, причем высказываемые здесь пантюркистские симпатии соответствуют известному в Турции националистическому мировоззрению юлкюджу. Статьи в обеих газетах отражают культурное, религиозное и политическое влияние, которое оказывает Турецкая Республика на тюркоязычные общества на Балканах с начала 1990-х гг. Содержание газет – это обильный материал, наглядно показывающий, как Турция на правах «старшего брата» прилагает усилия для того, чтобы контролировать вопросы ислама (религии), школьного образования и литературного языка. Можно утверждать, что «Карадениз» и «Чаш» открыты для упомянутой турецкой ангажированности: так как сохранение и передача национального фольклора, традиций и мусульманской веры молодому поколению являются актуальной и сложной задачей, стоящей перед УДТГМР, и в этом она готова опираться на турецкую

¹ См. статью: Ирфана Унвера Насраттиноглу, председателя турецко-румынского общества дружбы, в которой он выступил против применения татарского языка в литературе, в газете Karadeniz № 23:3 (1993), 1 («Karadeniz»de bütinleşmek gerek...).

² См. экстренный выпуск газеты: Karadeniz (№ 36:1–2 (1996)), посвященный смерти Мустеджиба Улькюсала.

помощь¹. Центральное значение в общем вопросе о родной культуре занимает, безусловно, дискуссия о развитии татарского литературного языка. Использование до сих пор трех языков (румынский, татарский, турецкий) обременительно для такого малочисленного национального меньшинства как татары, и потому кажутся вполне обоснованными опасения, что в будущем лишь немногие татары будут в полной мере и на литературном уровне владеть тремя языками². По причине актуальности языкового вопроса, статьи по языковой проблематике появляются систематически. И, наконец, исследователь должен отчетливо сознавать, что обе газеты являются рупором УДТТМР и обеспечивают на своих страницах возможность выразить единую общую позицию татарского меньшинства (в духе УДТТМР) и довести ее до сведения румынского государства.

Таким образом, в конце XX века татары Румынии, в который раз за свою историю, проявляют свою жизненную энергию, свое умение сплотиться, а также неперемнную волю сохранить свой язык и этническую самобытность. Они противостоят попыткам культурной и языковой ассимиляции со стороны доминирующей Румынии или же выступающего в роли большого брата Турции. Национальное движение татар, находившееся в 1908–1940-е гг. в процессе становления, заложило своей публицистической деятельностью в Добрудже зерно общенациональной идеи, и оно возшло с 1990-х гг. При этом нельзя забывать, что коммунистическая Румыния поддерживала в 1950-х гг. процесс поиска татарской идентичности, исходя сугубо из своих интересов. В основе этой политики могло лежать намерение внести раскол между турками и татарами. Но государственная поддержка татар, как признанного национального меньшинства, привела в конечном итоге к тому, что историческая память этого народа о Крыме и

¹ В качестве примера можно привести публицистическую деятельность, которую осуществлял атташе по вопросам вероисповедания при турецком консульстве в Констанце в газетах «Карадениз» и «Чаш» со второй половины 1990-х гг. Усилия турецких учителей в области образования также были подробно освещены в прессе.

² См. статью: Али Дж. Ахмед-Наджи // Karadeniz. № 32:3 (1995), 3 (Dobruca'da konuşulan Tatar Türkçesi yazılışı hakkında düşüncelerim).

культурной принадлежности к тюркскому миру не были преданы забвению, а переданы молодежи. И вследствие этого мы наблюдаем развитие событий, которое считалось малореальным несколько десятилетий назад. А именно: к началу XXI века на берегах Черного моря, наряду с турецким народом, уверенно заявляет о себе татарский народ – как это было на протяжении предыдущих столетий.

MUSLIMS OF THE EUROPEAN PART OF THE FORMER USSR

The article gives an overview of the current composition of Islamic communities in Europe, demographic changes in the former Soviet republics, radicalization tendencies, and provides statistical information on Islamic populations from the Baltics to Moldava, as well as Eastern European converts to Islam, as of the mid – 2010s Muslim populations in post-Soviet Eastern European states. The argument of the article is that the USSR in the popular mind is spoken of as having been an atheist state, generally, its stance toward religion was more of a laicist. In its governance of religion, the USSR sought, through the state-recognized (and practically directly controlled) institutions, to control religious life of its citizens, including its sizeable Muslim population. After the initial anti-religious Bolshevik frenzy, the ruling Communists' religion policy gradually softened and they not only allowed Islam to continue being practiced but also established Islamic administrations to supervise religious practices of the Soviet Muslims.

Keywords: Soviet Islam, Islam, Eastern Europe, demographic change, Baltics, overview Muslim communities, 21th century.

Though the USSR in the popular mind is spoken of as having been an atheist state, generally, its stance toward religion was more of a laicist. In its governance of religion, the USSR sought, through the state-recognized (and practically directly controlled) institutions, to control religious life of its citizens, including its sizeable Muslim population. After the initial anti-religious Bolshevik frenzy, which led to closure of thousands of mosques and religious institutions (among them, educational and publishing), and dismissal and even incarceration and execution of tens of thousands of imams and other religious figures, the ruling Communists' religion policy gradually softened and they not only allowed Islam to continue being practiced but also established Islamic administrations to supervise religious practices of the Soviet Muslims.

Since after the Second World War, a muftiate based in the Central Asian city Tashkent was recognized by the Soviet authorities as the leading Islamic administration in the country with other muftiates becoming its subordinates. The Caucasian muftiates (in Baku and Buynaksk) were tasked with the supervision of the Caucasian Muslims, while the Ufa muftiate with supervising the affairs of not only Muslims of the European part of Russia but also of the Southern Caucasus Republics as well as the rest of the European part of the USSR. However, as in Estonia, Latvia and Moldova there were practically no functioning Muslim congregations, authority of the Ufa muftiate extended only to the Lithuanian, Byelorussian and Ukrainian communities. All these Islamic administrations, however, were not only under tight state control but even served as state institutions representing state interests more than the believers' sentiments.

Ultimately, as a side effect of the Perestroika of the late 1980s, in 1990, the Soviet Parliament adopted a new, markedly more liberal law on religion, which not only reaffirmed the freedom of conscience but effectively opened a way for more diversity in the forms of religious activities. One of the main features of the new law was that it prohibited persecution on religious grounds, something that had been the basis of the Soviet governance of religion. The law opened the way for re-emergence of Islam in the public.

However, by the end of the next year, the USSR itself was no more and in its place half a dozen sovereign states emerged in the European part of the former USSR. Some of them, such as Lithuania, Latvia and Estonia, merely regained their independence, while others, like Belarus, Ukraine, Moldova, Armenia, Georgia and (nominally Muslim-majority) Azerbaijan became truly sovereign for the first time. Naturally, Russia became yet another sovereign post-Soviet state. In all of them, autonomous Muslim communities emerged and pursued to reconstitute their Islamic affairs, inter alia, by founding their representative religious organizations.

This article focuses on six Eastern European post-Soviet states: namely, Estonia, Latvia, Lithuania, Belarus, Ukraine, and Moldova, which, despite being rather different in their nature, when it comes to the size and origin of Muslim populations in them, internal religious and communal alignments and structures and the forms of Islamic religiosity practiced by them, do share a number of similarities among

themselves. The presence of Muslims in these countries is look at through the prism of the governance of Islam and its institutionalization (as a rule, in the form of institutions of legalist Islam) and the alternative forms of Islamic religiosity collectively known as revivalist Islam.

1. Demographic characteristics of Islam in the former European Soviet Republics

The development of the current Muslim communities in the North-Eastern part of the Old Continent is tightly connected to the legacy of the Soviet times, which they all share, though they have designed different ways to deal with it. A major shared feature is that practically all European former constituent republics of the USSR had experienced immigration from Muslim-majority regions in Russia as well as Caucasian and Central Asian republics with tens of thousands of ‘colonists’ of Muslim cultural background settling on the territories of Ukraine, Belarus, the Baltic States and even in Moldova. So, by the late 1980s, the numbers of Muslims (or at least of people of Muslim cultural background) in the Soviet Ukraine was around 100,000, in each Lithuania, Latvia, Estonia and Belarus hovered around or even exceeded 10,000, and in Moldavia was over 5,000. The single largest ethnic group among those ‘colonists’ were ‘Volga-Ural’ Tatars, followed by Azerbaijanis. In some of the countries under investigation (Estonia, Latvia, Moldova), at the time of their becoming independent (the early 1990s), members of these two ethnic groups made the bulk of the Muslim population. In Belarus, Lithuania and Ukraine, it was autochthonous Tatars who made the biggest ethnic group in the national populations of Muslim background.

In addition to ‘colonists’, some of the Soviet Republics welcomed students from ‘friendly’ Muslim-majority countries in Africa and Asia. Though the overwhelming majority of graduates repatriated, scores stayed forming nucleus of (re)emerging Muslim communities in the late years of the USSR, particularly in Ukraine and Moldavia, and in the early 1990s played a prominent role in the missionary activities on behalf of the Muslim Brotherhood, Salafi, Sufi and other movements. The Baltic States, on the other hand, did not host any foreign students from ‘friendly’ Asian or African countries, so when they

re-emerged as independent countries, they, unlike Ukraine, Moldova or Belarus, had no presence on their territories of Muslims of student-turned-immigrant background.

The break-up of the USSR in 1991 had consequences for the size and demographic make-up of Muslim communities in the post-Soviet European states. Independent Ukraine, having had practically no indigenous Muslims during the Soviet period, saw a dramatic increase in its Muslim population through mass return of Crimean Tatars to their ancestral homeland. The three Baltic States – Estonia, Latvia and Lithuania – on the contrary, witnessed a solid though brief episode of repatriation of many of the Soviet-time ‘colonists’ (among them numerous individuals of Muslim cultural background) from the now re-constituted states. This exodus drastically diminished the number of (nominal) Muslims in them with the overwhelming majority of those remaining in Estonia and Latvia becoming legal aliens in their adopted homelands, while the autochthonous Lithuanian Tatars re-emerged as the leading component in the local Lithuanian Muslim community. Birth of an independent Belarusian state facilitated emergence of an autonomous Belarusian Tatar community (historically having been part of the same Lithuanian Tatar commonwealth). Moldova, on the other hand, appears to have not experienced any significant migratory trends involving people of Muslim background.

The composition of the Muslim populations in the countries under investigation in the past three decades has been gradually altered by appearance and the ever growing presence of another two components: expatriates and immigrants from Muslim-majority lands in Asia and Africa and local converts. Though, admittedly, so far miniscule – hovering around several hundred in most countries, the convert component within the Eastern European Muslim populations is a factor to already be reckoned with, as the forms of the Islamic religiosity practiced by many of them are of revivalist nature, sharply contrasting with the nominal legalist Islam represented by ‘colonists’ and autochthonous (so-called ‘ethnic’) Muslims, first of all, Tatars. The expatriate and immigrant component also remains comparatively small (with the possible exception of Ukraine, hardly reaching several thousand in any other country under investigation) in all the post-Soviet Eastern European countries, as, due to their low living standards and economic situation, they remain unattractive to labor migrants not only from

Asia and Africa but also the territories of the former USSR. For instance, many of the Chechen refugees, who were accepted by the Baltic States during the war in Chechnya in the 1990s and the early 2000s, moved on further to the West.

With little immigration, even with a steady rise in conversion to Islam among citizens, the demographic tendencies in most of the post-Soviet Eastern European states suggest a process of decline in absolute numbers of people of Muslim background. This is happening first of all because of the negative birth saldo – annually, there are less people born than die. Emigration of converts, autochthonous Muslims and those of ‘colonist’ background particularly severely affects the ethnic balance in the national Muslim communities. Finally, more and more citizens of autochthonous and ‘colonist’ background cease to identify with Islam.

Table 1. Eastern European converts to Islam, as of the mid–2010s¹

Country of origin	Current Muslim population	Converts, estimates
Belarus	20,000	300
Estonia	1,500–2,000	200
Latvia	5,000–6,000	300
Lithuania	2,700–4,000	700
Moldova	1,700–5,000	200
Ukraine	200,000–400,000	1,500

Counting the number of Muslims in the post-Soviet Eastern European states is a problematic task as in some states (like Latvia, Ukraine and Belarus) there is no official figure, as a rule, due to the reason that the national census does not include a question of the population’s religious identity or affiliation. The most notorious is the Ukrainian case, where due to the annexation of Crimea by Russia in 2014 and the armed conflict in the east of Ukraine, certain movement of people of Muslim background (chiefly from Crimea to the mainland) took place and certainly has changed the distribution and size of Muslim population remaining under the jurisdiction of the Ukrainian authorities.

¹ All Tables compiled by the author

In the countries, where the census includes a question of religious identity, the official figures are often disputed by Muslim leadership which routinely find the official figures to be underestimates. On the other hand, experts point out that the nominal identity and actual religiousness often do not coincide. The figures provided below are estimates based on research findings and should be treated only as indicative of the size of populations of Muslim background.

Table 2. Muslim populations in post-Soviet Eastern European states

Country	Number of Muslims (estimated)	Muslim, % of population	Muslim, ethnicity
Estonia	2,000–3,000	0.14-0.2	Tatar, Azeri, Estonian
Lithuania	4,000	0.15	Tatar, Lithuanian
Moldova	5,000	0.2	Arab, Tatar, Azeri, Moldovan
Latvia	6,000	0.25	Tatar, Azeri
Belarus	20,000–30,000	0.2-0.3	Tatar, Azeri, Turkmen
Ukraine	200,000–400,000	0.5–1.1	Tatar, Azeri, Arab

2. Governance of Islam and Islamic institutions

The Soviet system of governance of religion was centralized, so all constituent republics had practically identical legislation pertaining to religion. But the religious make-up (speaking both demographically and in respect to religiosity of local populations) of the republics was very different and the presence (and status) of Muslims also varied greatly. Partly because of the ethnic composition and the origins of their Muslim minorities but also because of their internal political dynamics (including approaches to the governance of religion) and international gravitations (like Euro-Atlantic integration), independent states of the European part of the former USSR chose rather different ways to treat their Muslim populations. In some of them, like Lithuania and Belarus, Islam was even officially recognized as a historical faith of the land, while in others it did not fall into this category, though other faiths did, like in Latvia, Moldova, or because no faiths were recognized as ‘traditional’ to the country, like in Estonia and Ukraine.

Legalist Islam is present in all of the countries under the present investigation, usually, in the form of an organization (sometimes more than one) headed by a person with the title of mufti. However, the legal status of muftis and their muftiates varies greatly. For instance, Lithuania, in which Sunni Muslims are recognized as one of traditional faith communities, recognizes the muftiate and its leadership as the sole representative of Islam in the country. Estonia and Moldova also each has one officially recognized Islamic administration, headed by a mufti, though the legal status of mufti in these two countries nowhere nearly resembles that of the Lithuanian mufti. Belarus has two officially registered parallel (and in fact rival) Islamic administrations, each headed by a mufti. There are several officially registered (and a number of unregistered) Islamic administrations in Ukraine, the heads of which claim the title of mufti. Finally, in Latvia, there is no-one claiming the status of mufti and there is no officially recognized Islamic religious administration.

In this regard, the Ukrainian case is the most complex. There, besides the two national Islamic administrations, some other four or five make a stake for themselves as (representative) regional organizations. The rather wide spectrum of Muslim religious organizations was made possible by Ukraine's liberal (some would say indifferent) position in regards to governance of religion (or at least Islam) in the country – there is neither a state religion nor legal hierarchization of religions by, for instance, distinguishing them into 'historical', 'indigenous', 'foreign' or otherwise. Consequently, there is no formally (or even informally) recognized version of Islam as 'historical'/'traditional' to the country. This would have not happened in either Lithuania, where Sunni Islam is a 'traditional' religion with the ensuing legal consequences, or Latvia, where the law allows only for one religious administration per religion (and there in fact there is still none). In Moldova the political and legal atmosphere is so hostile that it was only one organization that managed to register officially as an Islamic administration.

With a conditional exception of Ukraine, practically in all of the other post-Soviet Eastern European states institutions of legalist Islam maintain close relations with Russian Islamic administrations and other Muslim religious establishments. This is partially explainable by the fact that the dominant force in these national Islamic administra-

tions are Tatars, who because of linguistic but also ideological affinity are being pulled into the orbit of the institutionalized Russian Islam. The Estonian, Lithuanian and Belarusian muftis (all Tatars) and the leadership (ethnically also Tatar and Bashkir) of the Latvian Muslim community are frequent guests and participants at all sorts of religious functions in Kazan, Ufa and Moscow. However, one may regard the close relations between national Islamic administrations and the Russian Islamic institutions to be of linguistic, cultural and generational nature and a relic of the Soviet legacy. The new generation of Muslim leadership, particularly composed of representatives of the ever increasing and assertive components, i.e. expatriates/ immigrants and converts, who share no linguistic or cultural affinity with Russia's Muslims, will likely be less inclined to perpetuate these relations. The first signs of this shift from orientation to Russian Islamic institutions toward more globalized versions of Islam may already be observed in the activities and international collaboration of nascent Muslim communities of expatriates/ immigrants and converts, who are much better connected with co-believers in Western Europe and the Middle East.

3. The emerging challenges: revivalist Islam and radicalization

Revivalist Islam arrived to post-Soviet Eastern European states rather belatedly and primarily through missionaries representing such revivalist organizations and movements as Tablighi Jamaat, Hizb at-Tahrir, Muslim Brotherhood, and lately Salafis. As most of the autochthonous Muslim populations are either little religious or followers of legalist Islam, it is the expatriates from the Muslim-majority countries and recent local converts to Islam who are representatives of revivalist Islam in these countries. Though most of the revivalists in these countries are members of non-violent movements and organizations, there is a tiny fraction of those who are on the path of radicalization, all the way to becoming jihadis.

One should establish a mental difference between what is called 'Islamic revivalism' and what may be labelled 'Islamic radicalism'. Although some of Islamic revivalists are prone to religiously motivated (political) violence, the overwhelming majority of revivalists are peaceful and law abiding citizens who shun violence. On the other

hand, it is the fringe groups and individuals among the revivalists who receive the bulk of media's attention, even to the point where it might seem that all Islamic revivalism is about violence. One should avoid by all means blurring the dividing line between those revivalists who simply long for a more Islamic environment to live in and those who are willing to use violence, routinely called by them 'jihad', to attain such an environment. The latter may rightfully be labelled 'radicals' or even 'extremists'.

In Ukraine, revivalist groups have a strong Crimean Tatar presence and in general, Ukraine stands out among the post-Soviet Eastern European countries for its share number of revivalist movements and organizations, some of which have been officially registered by authorities. In this regard, with its liberal governance of religion and no official understanding of 'traditional' Islam, Ukraine is unique among the six post-Soviet Eastern European states under investigation here in its treatment of revivalist Islam. Moldova also hosts a small but vibrant Salafī community which, however, has not been allowed by the authorities to register as a religious organization and thus has to function as a mere NGO. The membership in this organization appears to come predominantly from the Middle East. The Baltic States so far appear not to have discernible component of revivalists in their national Muslim communities. Nonetheless, there are already a score of individuals (particularly converts, some of who reside abroad) who identify with revivalist trends of Islam and propagate their adopted versions on- and off-line.

Belarus, however, finds itself on the opposite of the spectrum. There the regime seeks to closely monitor and control, like other religious communities, the communal activities of Muslims. With this in mind, regime seeks to make sure that Islam practiced in the country is the accepted 'traditional' Islam (for this reason, only citizens may be the heads of Muslim religious organizations) and it persecutes any forms deemed deviant. Any revivalist tendencies are met with suspicion not only by the state but also by the Tatar community, which on the one hand jealously guards its 'traditionalist' Islam and on the other hand wants to make sure the state does not start associating them with any unacceptable (illegal) innovations in beliefs and practices. Revivalist groups (even non-violent) in Belarus are persecuted by authorities – their organizations are outlawed, literature banned and members arrested and prosecuted for proselytization.

The collapse of the nation-states in the Middle East in the wake of the so-called ‘Arab Spring’, the subsequent emergence of armed groups of radicalized Muslims on their territories and the founding of a post-nation state formation, the Islamic Khilafa State, in 2014, opened a new page in the evolution of radical strains of revivalist Islam in Eastern Europe. As the fighting in Syria and Iraq, but also Libya, took on a more international face, with tens of thousands of foreign fighters from all over the world joining various armed factions, Eastern Europe also got its share – the publicly available estimates suggest that a number of Muslims from post-Soviet Eastern European have voluntarily relocated to the parts of Syria and Iraq under the rebel control, in what they themselves consider *hijra* – migration to an Islamic polity. Among them, an entire family with two underage children from Estonia and a married couple from Latvia went to the Middle East. It is known that at least one Latvian muhajir has been killed, while another one arrested. And though, admittedly, the numbers are negligibly small, the very fact of the existence of muhajirun from the post-Soviet Eastern European states situates them (and their Muslim communities) within the global picture.

Table 3. Eastern European muhajirun in the Middle East, beginning of 2016

Country	Muslim population	Muhajirun
Belarus	20,000	n/a
Estonia	1,500–2,000	At least 4
Latvia	5,000–6,000	At least 4
Lithuania	2,700–4,000	None known
Moldova	1,700–5,000	At least 1
Ukraine	200,000–400,000	At least 1

Fear of religious radicalization (read, adoption of ‘non-European’ Islam) leading to extremism enabled, *inter alia*, by the contemporary information technologies, has recently become the major concern for both the governments and the state-endorsed Islamic administrations, as almost all Eastern European countries were faced with a new reality, when, in the wake of the establishing of a claimed Islamic State in the Middle East, scores of Eastern European Muslims headed in what they themselves regarded as *hijra* to the territories governed by it. In

this regard, the official national Islamic administrations and the state have found themselves in the same camp and since have been acting in tandem, though for slightly different reasons – while the state is mainly security-minded, the local Muslim leadership is primarily concerned with the falling following which threatens with their eventual marginalization and potentially (in certain cases already actual) dwindling bargaining power *vis-à-vis* the state.

**Conclusion: many Islams but few Muslims
(or the other way around)?**

As it was indicated, national censuses, even those that include questions on religious identity, fail to disclose, to what extent those identifying with any faith actually engage in religious practices, let alone the contents of those practices. Therefore, the statistical data, foremost the official, census-based, but also expert- and religious leadership-provided estimates often indicate the numbers of nominal Muslims or people of Muslim background. Many, and sometimes a very significant share, of those who count / identify themselves as Muslims, particularly among the autochthonous and those of colonist background, are not religious at all or express their religious identity only during the biggest religious festivities.

So, for instance, in the country with the numerous population of Muslim background and the numerical volume of Muslim religious organizations, Ukraine, the overall religiosity of the country's Muslim population is not that high. The available research results suggest, for instance, that only a fifth of Crimean Tatars consider themselves deeply religious and performance of the required basic duties like ritual prayer, fasting and paying of religious tax is also very low. It may also be pointed out that, according to the 2011 census figures, almost half of the Lithuanian Tatars and two thirds of Estonia's Tatars did not identify with Islam. The Latvian Muslim leadership a decade ago estimated that only 10 percent of the country's population of Muslim background are practicing believers. If mosque attendance on Fridays could serve as a criterion for measuring religiosity, one may conclude that the number of practicing Muslims in Lithuania and Estonia is around the same as in Latvia and hovers around several hundred.

The observable trends suggest that despite the ever expanding spectrum of forms of Islamic religiosity on display in the spiritual

market in the post-Soviet Eastern European countries, the levels of religiousness among the countries' Muslims remain comparatively low. Though this is due to a number of factors, arguably one of the main reasons is that the bulk of autochthonous Tatars and 'colonists' of Muslim background are thoroughly secularized to the point of having effectively become if not atheists than agnostics. Looking perspectively, the level of Muslim religiousness and with it the visibility of Islam in the countries under investigation may increase through the 'new' Muslims – expatriates / immigrants and converts. However, with little immigration and quite high rate of emigration of both autochthons and converts, this is a distant prospect.

Finally, until now, with the Islamic administrations in most of the countries under investigation in the hands of autochthons and colonists, Muslim communities and their representative organizations may be seen as still being to a great deal within the orbit of Russian Islamic space. However, the Turkish Directorate for Religious Affairs, known as Diyanet, has made inroads into the development of local Muslim communities through supplying Turkish imams (Lithuania), religious literature in Russian and the national languages (the Baltic States, Belarus), and mosque construction (Belarus). The Turkish overtures have been welcomed by Tatars, who feel some sort of affinity with Turkey. But Turkish influence is limited to Tatars and Turkish diaspora, which in the countries under investigation is still miniscule, yet already ideologically divided, as scores of Turkish expatriates in these countries are Hizmet followers.

But both the Russian and Turkish Islamic administrations may ultimately become losers if or rather when expatriate / immigrant and convert Muslims become both more numerous and more powerful within national Muslim communities. They then will upset not only the internal constellations but will very likely turn the course of the development of Islam from the state-supported Russian and Turkish versions toward the globalized revivalist trends. In the end, it is very likely that, with a probably exception of Ukraine, other post-Soviet Eastern European countries, in regards to composition of their Muslim populations and the forms of Islam practiced by them, will start resembling Western Europe.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНТАКТОВ ТАТАР ФИНЛЯНДИИ С ЕДИНОВЕРЦАМИ В СССР

(Краткий обзор)

В статье дан краткий обзор истории мусульманской общины Финляндии в 1820-х – 2000-х гг., описываются личные и официальные связи татарской общины с единоверцами на исторической родине в разные исторические периоды. Заключительный раздел посвящен анализу роли современной татарской мусульманской общины во взаимоотношениях официальных властей Финляндии с исламом в свете нового притока мигрантов из мусульманских стран.

Ключевые слова: ислам в Европе, история татарской эмиграции, татарская диаспора, государственно-исламские взаимоотношения, соотечественники за рубежом, интеграция и адаптация мигрантов, исламофобия.

С провозглашением в декабре 1917 года финским сеймом независимости страны, бывшая в течение более ста лет в составе Российской империи Финляндия продолжила свой собственный путь развития. Не всегда взаимоотношения между Советским Союзом и Финляндией складывались удачно. Особо трагичными оказались 1939–1944 гг. Советско-финская война и последующее участие Финляндии во Второй мировой войне послужили разрывом в отношениях не только двух стран, но и единоверцев – мусульман. Несмотря на политические сложности, мусульмане страны имели связи с единоверцами в СССР.

Новую и новейшую историю мусульманских этносов на территории современной Финляндии можно условно разделить на четыре этапа:

1. От 1820-х до 1910-х гг. Служение военных татар в крепостях Свеаборг, Выборг и Або.
2. 1870-е гг. и поныне. Появление и оседание торгового сословия татар из Нижегородской губернии.

3. 1992–2000 гг. Приток беженцев из Среднего Востока и Северной Африки.

4. 2010 г. – поныне. Большая волна миграционных масс из африканских и средневосточных стран.

Как было отмечено, первыми представителями мусульманской конфессии на территории современной Финляндии стали представители татарского этноса. В результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндия вошла в состав Российской империи. Это событие внесло большие изменения во внутреннюю жизнь страны. Активизировались миграционные процессы. Присоединение новых территорий требовало, прежде всего, охрану новых границ. Для этого Военным министерством Российской империи были дислоцированы военные гарнизоны в пограничной зоне. Для расквартирования дивизий в Южной Финляндии велось обширное строительство казарм. Самые крупные были построены в Гельсингфорсе: Абоские, Военно-морские, а также Гвардейские, спроектированные Энгелем. Роль островов архипелага Свеаборг как военно-морской базы оставалась неизменной, и крепость вместе с другими местами расквартирования войск была закрыта для посторонних. Историки отмечают, что в этих самых гарнизонах проходили службу военные татары. Согласно исследованиям ученого Хельсинского университета Гарри Галена (Harry Halén), самые ранние упоминания о служилых татарах в Финляндии относятся к 1812 году. Вполне уместно предположить, что татары наряду с представителями других этносов, которые служили в войсках Александра I, участвовали в русско-шведской войне 1808–1809 гг. и были направлены на дальнейшую службу в Великое княжество Финляндское.

Ведение религиозной практики было важным компонентом повседневной жизни служилых татар. Часто они сами выбирали между собой в качестве священнослужителей самых авторитетных и религиозно-грамотных татар. Представляется вероятным, что с 1809 года по 1836 год служилые татары сами вели религиозную жизнь в полку, обходясь без профессионально подготовленного имама. Данный период изучен недостаточно на предмет религиозной деятельности и требует дополнительного исследования.

Ко времени появления служилых татар в Финляндии подавляющее количество мусульманских приходов Российской импе-

рии (за исключением Закавказья, Крыма и Туркестана) было под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1829 году упорядочивается регистрация актов гражданского состояния. В приходы рассылаются регистрационные книги. Регистрация осуществлялась на платной основе, часть этих средств накапливалась в Духовном собрании на специальном счете. Эти регистрационные книги назывались метрическими. Первая метрическая книга в Финляндии датируется 1836 годом. В Финляндии метрические книги мусульман-татар велись до 1914 года, вплоть до образования первой самостоятельной мусульманской организации.

Первым имамом, которого Оренбургское магометанское духовное собрание направило на службу, был Бикчантай Бикбов, который с 1836 по 1856 гг. проработал имамом в крепости Свеаборг.

В 1857 году на место Бикбова Оренбургское магометанское собрание направило на службу второго гвардейского имама в Гельсингфорсский приход Ахмета Сафу Бакирова, который проработал до 1865 года в должности окружного штатного муллы Финляндии и жил в Гельсингфорсе на улице Альбертсгатан (совр. Альбертинкату).

Третий указной мулла Гиззятулла Тимергалиев приступил к службе в 1866 году. В его обязанности, как и его предшественников, кроме религиозной практики входит и чиновничья работа. Если быть более конкретным, то ведение регистрационных записей в метрических книгах. В 1901 году штатный мулла Гиззятулла Тимергалиев заболевает, и к нему на помощь приходит его сын Атаулла Тимергалиев, который замещает его. В 1907 году со стороны Военного министерства прекращается оплата труда имама и аренда молельного зала, поэтому Гиззятулла и его сын Атаулла возвратились в Центральную Россию. Этим завершается первый этап пребывания мусульман в Финляндии.

Второй этап появления мусульман начался в 1870 году и также был связан с татарами Российской империи. В вышеуказанном году завершилось строительство железной дороги между Санкт-Петербургом и Хельсинки. Появление железнодорожного сообщения давало возможность татарским купцам Петербурга пробовать свои деловые возможности в финских городах. Согласно исследованиям, в конце XIX в. в Петербурге проживало

татарское торговое сословие – выходцы из нижегородских татарских деревень. Именно ими была проложена дорога в Финляндию. В метрических книгах имама Гиззятуллы Тимергалиева к концу XIX – нач. XX вв. отмечается тенденция большего присутствия нижегородских татар. Так, в книге зарегистрирована родившаяся девочка Бибифатима, отцом которой был свободный (неслужильный) торговец Мухаммадсадык Ниматуллин, выходец из деревни Куйсу (Овечий Овраг) Нижегородской губернии.

Начиная с 1900 года в метрических книгах наблюдается преобладание рождения детей, родители которых были выходцами из Нижегородской губернии. Данный факт может быть показателем общей тенденции уменьшения количества служилых татар и увеличения присутствия татарских торговцев.

До Октябрьской революции 1917 года татары, преимущественно, находились на территории Великого княжества Финляндского временно, пребывая там в зимнее время, так как летом занимались сельскохозяйственной деятельностью. Революционные преобразования и установление нового режима в России стало причиной миграции части татар из деревень татарской Нижегородчины. Миграционный процесс продолжился до начала военных действий между СССР и Финляндией. Можно сказать, что формирование татарской диаспоры в Финляндии проходило в период с начала XX века и до 1939 года. В этот период были созданы первые мусульманские организации: Благотворительное общество мусульман Хельсинки (1915), Магометанское общество Финляндии (Suomen Muhammettilainen seurakunta) (1925) (переименовано в Исламское общество Финляндии (Suomen Islamseurakunta) в 1963 году), Культурное общество тюрок Финляндии (Finlandiyan Türkleri Birliği) и др. В это же время в Финляндию были приглашены имамы Самиулла Садри (1907), Вели-Ахмет Хаким (1914) в Хельсинки и Хабибур-Рахман Шакир (1947) в Тампере. Вели-Ахмет Хаким стал одним из основателей Магометанского общества Финляндии, возглавив его на первые два года.

Несмотря на закрытость страны Советов, татары Финляндии поддерживали связь с единоверцами. Зажиточные татары отправляли посылки для своих родственников в Нижегородской (с 1936 г. Горьковской) области. Например, мулла деревни Актукново (Янапар) Вагап Хайретдинов получил из Финляндии перевод на сумму 100 рублей от Жалалетдинова Аймалетдина и 100 руб-

лей от Исмаиловой Зинят. В то же время его внук Нурмухаммет Алеев, бывший в Финляндии, выслал ему 200 рублей. Также азанчей Бахтияров Каюм и мулла Бедретдинов из дер. Суксу (Ключищи) регулярно получали денежные переводы от Фетхуллина Якуба, Арифуллина Исмаила и Шакирова Хусяина в 1933, 1934, 1935 и 1936 гг. В самый кровавый 1937 год репрессий в Советском Союзе эти связи с родственниками из Финляндии и денежные переводы послужили причиной объявить некоторых татар деревень Аткуково шпионами финской разведки и основанием их аресту. Многие были расстреляны, среди которых оказался и мулла Вагап Хайретдинов.

Татары Финляндии общались и с видными религиозными и политическими лидерами татар. Так, еще в дореволюционное время будущий муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Ризаитдин Фахретдин совершил поездку в города Финляндии в 1914 г. Среди прочих он посетил Терийоки (совр. Зеленогорск), Гельсингфорс (фин. Хельсинки), Таммерфорс (фин. Тампере), Або (фин. Турку). Не прекращалось общение с Ризаитдином хазратом и после революции. Согласно историческим данным имам общины Вели-Ахмет Хаким в начале 1920-х гг. во время голода в Поволжье отправлял посылки муфтию, за что тот его благодарил в ответных письмах.

В период с 1939 по 1953 гг. общение с религиозными лидерами СССР было прекращено. Этому следует отнести войны между двумя странами, а также репрессивную политику советского режима, в результате которого большая часть духовенства была уничтожена. Первые предпосылки к началу контактов между соотечественниками двух стран появились в эпоху развенчания культа личности. Тогда среди первых финских туристов, посетивших Москву, были и татары.

В 1955 году в Хельсинки побывал муфтий Шакир хазрат Хиялетдинов, который принял участие во Всемирной Ассамблее мира. С этого времени устанавливаются контакты с Центральным Духовным управлением мусульман. В 1967 году имам Московской соборной мечети Ахметжан хазрат Мустафин посетил Исламское общество Финляндии. Знакомство с московским имамом также послужило началом тесных контактов татар Финляндии с московскими соотечественниками. Позднее в 1980-х гг. в Финляндии побывал муфтий ЦДУМ Талгат хазрат Таджуддин. Им

были приглашены несколько делегаций из Исламского общества Финляндии для участия в различных мусульманских конференциях и форумах.

В конце 1980-х гг. Хельсинки посетил молодой московский имам Равиль хазрат Гайнутдин. Это дало импульс плодотворному сотрудничеству между обществом и Духовным управлением мусульман Европейской части России (совр. Духовное управление мусульман Российской Федерации), которое продолжается и ныне. Среди прочих ДУМ РФ часто приглашает представителей общины на разные научно-конфессиональные мероприятия, а также ежегодно направляет имамов для оказания духовной поддержки в священный месяц Рамадан.

В конфессиональном плане связи с Татарстаном, в основном, возникли в постсоветскую эпоху. С образованием Духовного управления мусульман Республики Татарстан община не раз краткосрочно приглашала имамов в Финляндию. Та же картина наблюдается по отношению Духовного Управления мусульман Нижегородской области.

Третьим этапом развития мусульманского меньшинства Финляндии стало появление беженцев в начале 1990-х гг. Вследствие гражданской войны в Сомали в европейских странах появились сомалийские беженцы. Не стала исключением и Финляндия. Несколько тысяч сомалийцев нашли приют в стране Тысячи озер. В стране начался процесс трансформации мусульманского составляющего. Если до этого времени ислам был представлен преимущественно татарами из Поволжья, то с началом этих событий мусульманским большинством становились выходцы из данной африканской страны. Поворотным событием данного процесса стала трагедия 11 сентября 2001 года. Тогда Исламское общество Финляндии отказалось комментировать события с конфессиональной точки зрения. Медийное пространство постепенно заполнили комментарии ныне покойного имама Ходра Чехаба (Khodr Chehab), который возглавлял Мусульманское общество «Рабита», созданное в 1987 году выходцами из арабских стран. Таким образом, представительские функции мусульман перешли к мигрантам. Отношение последних к татарам было и остается уважительным, как основоположникам мусульманской традиции в Финляндии.

Отличительные черты между татарами Поволжья и мигрантами стран Среднего Востока и Северной Африки в сфере интеграционных процессов заключаются в том, что мигрантам сложнее адаптироваться в новой среде. Татарский народ в целом и нижегородские татары в частности имеют большой опыт сосуществования с немусульманским большинством, что позволило им легко интегрироваться в финский социум, выучить язык и найти источник дохода. Чего нельзя сказать о мигрантах из вышеуказанных стран, которые привыкли жить в мусульманской среде. Данный контраст более четко выявился в четвертом этапе развития мусульманского меньшинства Финляндии. Как известно, в результате цветных революций в странах Северной Африки в начале 2010-х гг., на европейский континент хлынули потоки беженцев, что незамедлительно сказалось и в Финляндии. За короткий период времени десятки тысяч беженцев были размещены в финских городах. Вместе с этим возрос и уровень социального напряжения, пиком которого стало ножевое нападение мигранта на прохожих в городе Турку в августе прошлого года. В ответ на данное преступление прозвучали антиисламские лозунги, были случаи вандализма по отношению к молебным домам мусульман. Понятно, что причина данного происшествия заключается не в конфессиональной плоскости. Но следует отметить следующее: вследствие отсутствия понимания важности выстраивания толерантных взаимоотношений процессы интеграции в стране будут проходить крайне трудно и достаточно долго. В призме этих процессов татарская диаспора Финляндии играет роль положительного примера. Обратимся к конкретному примеру. Из-за ошибочного перевода документа Исламская община Финляндии была включена в список террористических организаций, изданный ОАЭ в ноябре 2014 г. В ответ на данную провокацию официальные власти Финляндии на уровне Министра иностранных дел Эрkki Туомиоя (Erkki Tuomioja) высказались об ошибочности данного утверждения. Более того он привел общину в пример положительной интеграции. Ранее ту же мысль высказывала Президент Финляндии Тарья Халонен (Tarja Halonen) будучи в рабочей поездке в Казани в ноябре 2010 г.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что за все время существования Исламской общины Финляндии ее руководство стремилось поддерживать контакты с духовенством СССР. Пери-

од с началом войн между двумя странами ознаменовался вынужденным разрывом в отношениях между соотечественниками. Начиная с середины 1950-х гг. происходит восстановление контактов с Уфой, Москвой и Санкт-Петербургом. Новые возможности появились после распада Советского Союза и образования Духовных управлений мусульман. В настоящее время община также поддерживает отношения с единоверцами в Российской Федерации. Несмотря на малочисленность, община играет важную роль в жизнедеятельности Финляндской Республики, являясь положительным примером взаимодействия с финским социумом и властями страны.

Список использованной литературы:

Беляев Р.Ф. Татарская диаспора Финляндии: вопросы интеграции и сохранения идентичности. Научная диссертация / Р.Ф. Беляев, Хельсинский университет, 2017.

Зарипов И.А., Сафаров М.А. Ахметзян Мустафин: из истории ислама в СССР. – М.: ИД «Медина», 2017.

Клингге М. Очерк истории Финляндии. – Хельсинки: Изд-во «Отава», 1995.

«Mähallä habärläre», jurnal. 2012–2017.

«Mähallä habärläri», jurnal. 1949–1970.

Орлов А.М. Навеки вместе. Кн. 1. Нижегородские татары – потомки древней мещены / А.М. Орлов, А.М. Файзуллин. – М.: ООО «СиВиДжи», 2011.

Сенюткина О.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей) / О.Н. Сенюткина, Ю.Н. Гусева. – М.; Н.Новгород: ИД «Медина», 2013.

Hälén, H. Unholan aitta 7. Viaporin, Helsingin ja Viipurin linnoituksen imaamien tataarinkieliset metrikkirjat 1851–1914. Helsinki, Helsingin yliopisto, 1997. *Хален, Х. Амбар забвения 7. Татароязычные метрические книги имамов крепостей Ваипори, Хельсинки и Виипури 1851–1914 гг.* – Хельсинки: Изд-во Хельсинского ун-та, 1997.

YLE.FI Финское агенство новостей.

Overview

This volume gathers texts and materials in four thematic areas. This arrangement stems from the genesis of the joint German-Tatar project development of the past four years as cooperation of the Marjani Institute for History of the Tatarstan Academy of Sciences, the Institute for Caucasia-, Tatarica- and Turkestan- Studies in Magdeburg (ICATAT) and of the Brandenburg-Prussia Museum in Wustrau (BPM). All texts refer to rather unlighted facets of European-Islamic history, with details of German-Tatar relations based on archival material, exhibits and analyzes of supposed marginal areas of the phenomenon 'Islam in Europe'. Geographically, the texts include both borderlands and core areas of the territories known in European intellectual history as the Little and the Great Tartary, and in Turkology and Islamic Studies as the Kipchak Steppe – desht-i Kipchak (Dešt-i Qipčaq) – from today's areas of Uzbekistan to the fringes of the North-Black Sea coast.

I. Tatar Materials in Foreign Archives

After opening remarks by the director of the Marjani Institute of History, Rafael Khakimov, the mayoress of the Hanseatic city of Gardelegen, Mandy Zepig, the head of Ehrhardt-Bödecker-Foundation, Andreas Bödecker, and the rector of the Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences, the first section of articles brings together overviews of Tatar materials in archives outside Tatarstan. Since numerous historical upheavals, not least due to the anti-religious policy of Soviet rule, cause immense losses of archival material in Tatar archives themselves, the research and analysis of relevant stocks abroad becomes all the more important. Stephan Theilig (p.30) gives an introductory overview of the iconographic representation of Turks and Tartars, followed by an inventory of Mieste Hotopp-Riecke (p. 42) in relation to the long-standing negative image of the Muslims of the European East and the change of this negative Clichés about Tatars in Germany. Iskander Gilyazov (p. 69) offers insights into archives of the Political Archive of the German Foreign Office, and Ismail Kerimov (p. 83) describes diplomatic-bureaucratic customs in the Khanate of the Crimean Tatars. Temur Kurshutov (p. 99) shows in his text which archive material on Crimean Tatar history can be found in

collections in Germany, and Dinara Mardanova (p. 112) explains this for manuscripts and old prints in the State Archive of Almaty in Kazakhstan. Lyalya Murtazina and Marat Gibatdinov (p.130) give us a look at footprints of two Tatar students discovered in archive materials in America, and Larissa Usmanova (p.140) describes challenges in identifying and analyzing Tatar material in Japanese archives. In the next article, she shares with Ilgizar Akhmedov (p. 148) the fate of the Turk-Tatar emigrants in the Far East, based on archival material from the Bureau of Russian Emigrants in Manchuria. Adolat Rakhmankulova (p. 190) researched aspects of the social and economic life of the Crimean Tartars in Uzbekistan in the period after the deportation by the Stalin regime. Instead of printed or written sources, Ildar Kharisov (p. 202) examined sound recordings of Tatars, prisoners of war during World War I, from the Laut archives of Vienna and Berlin, and Dilara Usmanova (p. 208) gives an overview of materials relating to the cases of Polish-Lithuanian Tatars from 1940–1941 from the “Special Archive of Lithuania” in Vilnius.

II. “Turks, Moors, Tatars” – Muslims in Prussia and Germany

Starting on page 229, topics and archives are presented that were not included in the exhibition “Turks, Moors and Tartars” in Kazan in 2017 or in the same exhibition two years earlier in Wustrau and Berlin or in the respective catalogs for both exhibitions. Also the articles in this section are based directly on topics of the exhibition. Stephan Theilig and Mieste Hotopp-Riecke offer new insights, new researches and new materials in the Musa-Dshalil research from pages 261 and 264 respectively. About the prisoners of war camps for Muslims in the First World War – the Weinberg camp and the “Crescent camp” – Wünsdorf-Zossen is the work of Iskander Gilyazov (p. 277). Directly connected on this, Rupert Kaiser and Mieste Hotopp-Riecke (pp. 282 and 290) illuminate the sensational find of the carved Tatar chandelier from the town hall in Gardelegen, produced in the Tatar carving workshop in these same camps. A media mirror with the bibliographic information on publications following the exhibition rounds off this section (p. 304).

III. World in the Heart of Europe

In the third section, designated connoisseurs of matter describe Tatar archival material and facts from different periods. Holger Schuckelt, conservator of the “Türkische Cammer” of the Staatliche Kunstsammlungen Dresden describes the impressive Tatar objects of art and everyday use, which the Saxon electors brought to Dresden or were donated by Tatar delegations in the 17th and 18th centuries (p. 311). The leading Turkologist of Martin-Luther-University Halle-Wittenberg Dr. Volker Adam analyzes in his article the Crimean Tatar national identity on the basis of press of the Dobrudzha Tartars from their beginnings to the post-socialist era (p. 332) and Egdunas Račius helps us to get an up-to-date overview of the Islamic communities of Eastern European countries in the European part of the former Soviet Union and from the Baltics to Moldova (p. 362). As a conclusion to this section, Rev. Dr. Ramil Belyayev, imam khatib (spiritual leader) of Muslim Tatar Community in Finland and historian as well, describes the development of contacts between the Tatars of Finland and their brothers and sisters in the former USSR and gives a short overview of history of Islam in Finland (p. 374).

Index, project review, media mirror and archive addresses, color charts and abstracts are intended to increase the handling and practical use of the volume and form the conclusion of the book.

APPENDIX

**Report on activities
of the Brandenburg-Prussia Museum in cooperation with the
Institute for Caucasia, Tatarica and Turkestan Studies in the
years 2014 to 2017 in the international research network
«YAZMA MIRAS – Written Heritage» of the Marjani Institute
for History, Tatarstan Academy of Sciences**

On May 24, 2017, the exhibition «Türcken, Mohren und Taren. Muslime in Brandenburg-Prussia – 600 years of German-Tatar cultural contacts» (in the Museum of Islamic Cultures in the Qul Sharif Mosque on the Kremlin site of Kazan (UNESCO World Heritage Site) in the Republic of Tatarstan (RF). The mosque is the second largest in Russia and, together with the other Kremlin museums, has more than two million visitors annually.

The basic concept of the exhibition was taken from the exhibition of the Brandenburg-Prussia Museum, which was shown in 2014 in Wustrau and in 2015 in the cultural center of the Şehitlik Mosque in Berlin. Content points were supplemented by exhibits and information on German-Tatar cultural history. The more than 250 exhibits were shown along with texts and installations on 500 square meters of the Museum of Islamic Cultures in the Qul Sharif Mosque from 24 May to 24 July 2017. During these months around 8000 visitors counted in exhibition. The exhibition project is part of an international research project initiated by the Marjani Institute for History of the Tatarstan Academy of Sciences (TAS): «Yazma Miras – Written Heritage». German project partners are the Magdeburg-based Institute for Caucasia-, Tatarica- and Turkestan Studies (ICATAT) as well as the Brandenburg-Prussia Museum (BPM) in Wustrau as well as other partners in countries such as Japan, Finland, Turkey, Poland and Great Britain.

The exhibition in Kazan was preceded by more than two years of content and logistical preparations, research and conceptual activities, which were accompanied by numerous symposiums and conferences.

Here is a selection of activities to be followed flanked by photos and documents from the process of exhibition planning, the research travel and the accompanying measures of public relation.

Figure 1. Opening event of the special exhibition «Turks, Moors and Tatars» in the Şehitlik Mosque the 27th February 2016 in Berlin.
 In the center: Dr. Franziska Giffey (Mayor of Berlin-Neukölln, left to her Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Preußen Museum) and Raed Saleh (SPD Group Chairman, Berlin). To the right of Ms. Giffey: H.E. Hüsein Avni Karşoğlu (Ambassador of Turkey) (©BPM)

Figure 2. Transportbox for the exhibits from Germany for Kazan 2017 in the Airport Berlin-Schönefeld. (©BPM)

Figure 3. Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT) and Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Preußen Museum) 2017 in Kazan, shortly before construction of the exhibition. (©BPM)

Figure 4. Last preparations before the opening May 23, 2017

Figure 5. Official opening ceremony with the presence of: Zilya Valeeva (Director of Kazan Kremlin museums), Rafael Khakimov (Director of Marjani Institute for History, Vice-President of the Tatarstan Academy of Sciences), Alibeman Eghbali Zarch (Iranian Consul General in Kazan), Shakira Tosun (Vice-Consul of Turkey in Kazan).

Figure 6. Kremlin and the Qul Sharif Mosque are the places no any visitors of Kazan simply can't miss. Mufti of Tatarstan Kamil Samigullin in the Museum of Islamic Cultures, Qul Sharif Mosque.

Figure 7. Visiting the Kazan Kremlin and the Qul Sharif Mosque on May 25, 2017: the Russian Prime Minister Dmitry Medvedev, on the right: Uzbekistan's Prime Minister Abdulla Aripov; the Director of Kazan Kremlin museums, Zilya Valeeva (center), on her left: Prime Minister of Belarus Andrei Kobyakov; left outside: Sooronbai Zheenbekov, Prime Minister of Kyrgyzstan.

Figure 8. Opening Day in Qul Sharif Mosque. The curatorial team (from left): Dr. Marat Gibatdinov (Marjani Institute for History), Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT), Dr. Nuria Garaeva (Museum of Islamic Cultures, Qul Sharif Mosque), left outside: Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Prussia Museum); and colleagues: Dr. Dilara Usmanova (Kazan Federal University), Prof. Dr. Iskander Gilyazov (Institute of Tatar Encyclopedia).

Figure 9. Below: First guided tour by Marat Gibatdinov.

Figure 10–11. Turquerie's of the 19th century, toys of the collection Bödecker and postcards of the ICATAT archive.

Figure 12. A exhibition highlight: The Tatar chandelier made by the Tatar prisoner of war in camp Wünsdorf, 1916, on loan from the museum of the Hanseatic city of Gardelegen.

Figure 13. Subject area of the Bosniaks

Figure 14. Paintings by Wilhelm Gantz from Neuruppin.

Figure 15–16. Visitors of exhibition in Qul Sharif Mosque

Figure 17. Closing ceremony (from left): Hassan Haacke (private collector, Berlin), Prof. Dr. Iskander Gilyazow, Dr. Nuria Garaeva, Dr. Stephan Theilig, Dr. Marat Gibatdinov.

Figure 18. Final guided tour by Dr. Stephan Theilig.

Conferences and symposiums 2014 till 2017
**«Türcken, Mohren und Tartaren. Muslime in Brandenburg-
Preußen» (international Symposium at Brandenburg-Prussia Mu-
seum), 11.9.–13.9.2014**

Organizer: Brandenburg-Prussia Museum Wustrau, Yunus-Emre Institute Berlin, Institute for Caucasic-, Tatarica und Turkestan Studien (ICATAT) together with Centre for German-Turkish Studies at the Marmara University Istanbul

In the papers and discussion groups, topics were discussed that dealt with the multifaceted history of Brandenburg-Prussia's relationship with the world of Islam, with the Ottoman Empire but also with the Tatars of Eastern Europe, from the 15th century to the time of the Weimar Republic. They showed how the people of the «Orient» and their culture were received here, how the transformation of the Turkish and Tatar image ran from the dreaded enemy to the exotic friend to the acknowledged Prussian citizen.

Referring to the highlights of the first special exhibition on Islam in Brandenburg-Prussia, the symposium also explored the potentials and perspectives of joint activities in science and culture for and with industry in addition to thematic in-depths on individual exhibition topics. Scientists from Germany, Hungary, Lithuania, Crimea, Tatarstan and Turkey engaged in a thematic exchange on (historical) migrations in Europe and discussed ways to use these insights. A crucial role is played here by intercultural education, which can not be confined to schools, museums and universities. The idea was to show the exhibition in Kazan because of its cultural and historical importance.

Participants:

Prof. Dr. Erhan Afyoncu (Marmara University, Istanbul/Turkey)

Dr. Andreas Bödecker (Ehrhardt Bödecker Foundation/Brandenburg-Prussia Museum)

Dr. Hab. Leyla Çoşan (Marmara University, Istanbul/Turkey)

Dr. Uğur Demir (Marmara University, Istanbul/Turkey)

Dr. Marat Gibatdinov (Marjani Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan)

Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT, Magdeburg/Berlin)

Dr. Gábor Kármán (Academy of Sciences, Budapest/Hungary)

Dr. Temur Kurshutov (Scientific Research Center for Crimean Tatar History, Language and Culture at KIPU Simferopol/Krim)

Dr. Ahmet Önal (Bilecik Şeyh Edebali University, Bilecik/Turkey)

Prof. Dr. Egdunas Raciūnas (Vytautas Magnus University, Kaunas/Lithuania)

Prof. Dr. Fikret Sarıcaoğlu (Istanbul University, Istanbul/Turkey)

Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Prussia Museum)

<https://icatat.wordpress.com/2015/07/13/entfesselt/>

**«History unleashes ...» Muslim-Christian cultural contacts
behind bars (conference in Magdeburg),
17.7.–19.7.2015**

An event on political and historical education in the old Magdeburg Prison, organized by: Landeszentrale Politische Bildung Sachsen-Anhalt, Otto von Guericke University Magdeburg, Kulturanker eV, ICATAT-Institute, Network Democracy and Courage, the Memorial Museum Moritzplatz / Foundation Memorials of Saxony-Anhalt, the County Association of Cultural Children and Youth Education Saxony-Anhalt eV.

As part of the new art campaign by Kulturanker e.V. «SINNLICKEIT» (sensualism) phenomena such as political prisoners / concentration camp prisoners / prisoners of war were illuminated not only by artistic means, but also through publicly accessible academic and popular science events in a historical perspective. The spectrum ranged from the time of Magdeburg as a fortress city over the 1st and 2nd World War to the time of the GDR and should encourage to deal with totalitarianism, militarism, freedom and democracy. The focus of the events was on the mediation of political-historical education through workshops, guided tours, readings and lectures.

In the old hospital wing of Magdeburg Prison, the various actors occupied different cells with exhibitions for the «Weekend of Historians». In the cell, which had been arranged by the ICATAT, were showed large-format photos of the Magdeburg's photographer and architect Otto Stiehl as well as lyrics from the First World War, which reflected the Islamic-Christian cultural encounters under the conditions of the war. The exhibition was accompanied by songs and music recorded in German POW camps – Bashkir, Volga, Crimean and

Nogay Tatar, Chuvash and Kyrgyz prayers, chants and melodies of the sound archives of the Humboldt University Berlin, the German National Library and the Vienna Sound Archive.

In addition to the short presentations and workshops in the exhibition cells of the Hospital wing there was parallel lecture and presentation program in the theater hall of the prison. The contributions of the ICATAT, supported by the Brandenburg-Prussia Museum, dealt with Christian-Muslim cultural contacts under the sign of war and tyranny from the Early Modern Period to the Second World War.

Participants:

Prof. Dr. Iskander Gilyazov (Federal State University Kazan/Tatarstan)

Dr. Thomas Henne (Chair of Legal History and Legal Theory at the University of Lucerne / Switzerland)

Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT Magdeburg/Berlin)

Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Prussia-Museum Wustrau / ICATAT)

International Research Panel «Yazma Miras / Textual Heritage» at the World Congress of the International Council for Central and Eastern European Studies (ICCEES) in Tokyo, 3.8.–8.8.2015

The IX. World Congress of the International Council for Central and Eastern European Studies (ICCEES) was held for the first time in an Asian country from 3 to 8 August 2015 in Japan. At the KANDA University in Makuhari / Tokyo under the motto «Where many West's meets many East's» more than 1400 scientists from all over the world participated.

Two sessions formed the international interdisciplinary project group «Yazma Miras Written Heritage» which combines history, Turkology, stereotype research, philology and migration studies with new methods of didactics and modern pedagogical approaches as well as the presentation of the exhibition «Turks, Moores and Tatars – Muslims in Brandenburg -Prussia».

At the ICCEES, the partners from Germany – Dr. Mieste Hotopp-Riecke, ICATAT – and from Japan – Dr. Larissa Usmanova –

together with Dr. Marat Gibatdinov results of the first phase of the project. Colleagues from the Crimea, Poland, Turkey and Germany (Dr. Stephan Theilig / Brandenburg-Prussia Museum, Dr. Temur Kurshutov and Prof. Leyla Coşan / Marmara Üniversitesi İstanbul) were also involved in the preparation of the presentations. The two parts in Japan and Germany are currently the most successful and most developed subprojects of the Yazma Miras project, which started in April 2014, but it will be the next steps for submitting project groups and / or staff in Italy, Turkey, Poland, Hungary and Scandinavia.

Internationale Conference «Tatar documents in Polish Archives» in Warsaw, 31.3.–1.4. 2016

Organizer: Marjani Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences, Polish Academy of Sciences, Historical Institute of the University of Warsaw and the Institute of Caucasia, Tatarica and Turkestan Studies (ICATAT).

The international research project «Yazma Miras / Textual Heritage» lead by the Marjani Institute for History, Tatarstan Academy of Sciences invited interested colleagues and journalists to discuss the perspectives, progress and goals of the «Yazma Miras» project. The core contents of the project are: Investigations, categorization, translation, analysis and publication of previously unpublished documents about the Tatars in the archives of the Russian Federation, Germany, Japan and from 2016 also in Poland.

Participants:

Dr. Andrzej Drozd (Asia Studies at Adam Mickiewicz University Poznan)

Dr. Marat Gibatdinov (Marjani Institute for History, «Yazma Miras/ Written Heritage» project coordinator.

Dr. Andrzej Gliwa (Institute of History of the University of Warsaw)

Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT, Magdeburg/Berlin)

Prof. Dr. Dariusz Kołodziejczyk (Institute for History University of Warsaw)

Prof. Dr. Adas Jakubauskas (Mykolas Romeris University Vilnius / Association of Tatar Communities of Lithuania)

Dr. Artur Konopacki, (University of Białystok, Faculty of educational

science und Psychology, Institute of history of education)

Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Prussia Museum, Wustrau)

Prof. Dr. Andrzej Zakrzewski, (University of Warsaw, Associate Professor, Faculty of Law and Administration, head of the department of history of polish state and law)

International Symposium «Fremde.Nähe.Heimat. – Muslime in Mitteldeutschland gestern und heute» (Strangers. Nearness. Homeland. – Muslims in Middle Germany in past and presence) in Magdeburg, 9.9.–10.9.2016

Organizers: Institute for Caucasic-, Tatarica- and Turkestan Studies ICATAT; the project areas «Kiezrebellion» and «Searching for Own Tracks» of the Association for Cultural Education for Children and Youth Saxony-Anhalt, Otto von Guericke University, Cultural History Museum Magdeburg, Brandenburg-Prussia Museum, Time Travel Manufactory, Meridian eV, the cross-media platform «Die Wählerischen» of Magdeburg-Stendal University of Applied Sciences, Network for Democracy and Courage Saxony-Anhalt, the Society for Eastern European Advancement eV

«Euro-Islam. Roots, Moves and Potentials», Panel at the German Day of Turkologists, Hamburg, 17.9.2016

Organizer: ICATAT at the University of Hamburg

The Magdeburg conference and the subsequent Hamburg panel at the German Turkology Day 2016 dealt scientifically with the topics of Muslims in Middle Germany / Central Europe during the period of the First World War 100 years ago as well as wars and flight in the present. But opposing phenomena such as the careers of Germans in the East were discussed too. Thousands of Muslims were present in 1914–18 as prisoners of war as well as apprentices, students, business people and military in landscapes of Middle Europe. Questions were: What was the situation of foreigners, including Muslims in Middle Germany of the outgoing empire and the former Weimar Republic? What is the situation today? What traces left Ottomans, Turks, Tatars and Bashkirs in Germany, how did locals and strangers meet? What

were the opposing movements from Prussia, Anhalt and Saxony towards the Orient and what potential can be developed from this today with regard to tourism, a shortage of skilled workers and cultural diversity? Experts from the fields of history, Islamic studies, Turkology and cultural education invited them to work on and visualize these topics in various formats.

Participants:

Prof. Dr. Ismail Kerimov (University for Engineering and Pedagogics, KIPU, Director of the Institute for Crimean Tatar History, Language, Culture and Literature, Aqmescit/Simferopol, Republic of Crimea)

Dr. Marat Gibatdinov (Marjani Institute for History, Vice director for international cooperation)

Prof. Dr. Adas Jakubauskas (University Vilnius, Lithuania; World Congress of Crimean Tatars)

Prof. Dr. Swetlana Czerwonnaja (Institute for Human Anthropology, Copernicus-University Torun, Poland)

Ildar Kharissov, M.A. (Music ethnologist, Society for Eastern Europe Advancement)

Prof. Dr. Iskander Gilyazov (Institute of the Tatar Encyclopaedia, Federal State University of Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation)

Venera Gerasimov-Vagizova, head of Association „Tatarlar Deutschland“, Berlin/Frankfurt

Dr. Temur Kurshutov (KIPU Aqmescit/Simferopol, Crimea)

Dr. Hüseyin Çiçek (Friedrich-Alexander-University Erlangen-Nürnberg, Centre for Islam & Law in Europe)

Dr. Stephan Theilig (Director Brandenburg-Prussia-Museum / ICATAT)

Ralf Regener, M.A., (Library of the Otto-von-Guericke-University Magdeburg)

Dr. Mieste Hotopp-Riecke (Director ICATAT Magdeburg/Berlin)

Roman Alieiev, M.A., Initiative Group QIRIMLI, Stendal

Timur Vakhabov (Violinist, Berlin), Djemil Kharikov & Family (Musicians, Kiev), Martin Rühmann & Friends (composer, musician, Magdeburg), The Sharks (Dennis Butewitz, Viktor Subbota, Jewgenij Reichel), DJ Moe (Stendal/Damascus).

Project partners

«Yazma Miras –
Written Heritage»

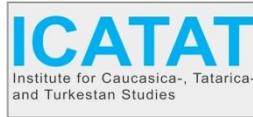

Brandenburg-Preußen Museum

Wustrau

Институт Истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

LIST OF FIGURES OF COLOR INSET

1. The poster of the exhibition “Turks, Moors, Tatars – the first Muslims of Germany”. Design by Jamil Fedotov.
2. Tatar bow case and quiver, early 17th century. Rüstkammer, SKD, Inv.-Nr. Y 175. By permission of Staatliche Kunstsammlungen Dresden / Dresden State Art Collection ©
3. Tatar saddle, before 1744. Rüstkammer, SKD, Inv.-Nr. L 51. By permission of Staatliche Kunstsammlungen Dresden / Dresden State Art Collection
4. Ataman Platov with Tatars, Bashkirs, Kalmyks and Cossacks in Leipzig, from the: Donath, Fritz: Leipzig 1813: die Völkerschlacht im nationalen Befreiungskampf des deutschen Volkes, Leipzig 1953.
5. Wooden box, made by Tatar POW; from Garrison Museum Wünsdorf with permission by the vice head of Museum association Wünsdorf, Mr. Dieter Meier (Förderverein Garnisonmuseum Wünsdorf e.V.). Photo by M. Hotopp-Riecke, 2017.
6. August Wilhelm Kiesewetter. Kazan Tatar (Tatar Imam from Kazan). 1842, from Museum of European Cultures, Berlin.
7. August Wilhelm Kiesewetter. Tatar. Kasan. 1842, 1842, from Museum of European Cultures, Berlin.
8. The Mosque in the “Halbmondlager” camp in Wünsdorf, from: Alexander Backhaus, Die Kriegsgefangenen in Deutschland: Gegen 250 Wirklichkeitsaufnahmen aus deutschen Gefangenenlagern, ed. Walter Stein (Siegen, Leipzig, Berlin: H. Montanus, 1915),
9. Plan of so-called “Camp of the lust of Zeithain”, took place from 31.05. until 18.06.1730 near Dresden. Photo: M.Hotopp-Riecke, ICATAT.
10. Tatar and German scholars meet with inhabitants of Kleinbeucha near the Tatar grave. Jun 2017. Photo: M.Gibatdinov.
- 11–12. Young pupils from city of Zossen-Wünsdorf made Memorial-Signs for remembrance. A project conducted by “Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge”, S.a.: <http://www.volksbund.de/nc/brandenburg/brandenburg-aktuell0/aktuelles-im-detail/artikel/ministerpraesident-woidke-gedenkt-gemeinsam->

mit-volksbund-und-internationalen-gaesten-der-opfer-von-kr.html (22.07.2017).

13. Ferdinand of Quast (1807–1877), Tatars in Russia: Metsched, Kutefka, houses and homesteads, Akeima, Gepantschow and Japan Aschino, tomb of a Tatar saint, Asbertinskai on Kluok. Five Leaves with Drawings: Five Perspective Views of a Church, a Homestead and a village as well as the house of a Nogay Tatars, floor plan of the Tatar homestead of the Farmers Saihredi, after Haxthausen, I, 488, 490, II, 70, 188, 200. Berlin Architecture Museum, Inv. No. 44413.
14. Opening event of the exhibition “Turks, Moors and Tatars” in the Brandenburg-Preußen Museum in Wustrau, 23th March 2014. (©BPM). F.r.: Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Preußen Museum) and Faruk Şen (General Consul of Turkey)
15. Opening event of the exhibition in Qul Sharif Mosque. The curatorial team (from left): Dr. Nuria Garaeva (Museum of Islamic Cultures, Qul Sharif Mosque), Dr. Marat Gibatdinov (Marjani Institute for History), Dr. Mieste Hotopp-Riecke (ICATAT), Dr. Stephan Theilig (Brandenburg-Prussia Museum)
16. Sak-Sok: *The First Lesson Of Tatar*. Label: Liga Records, Germany, – CD AA–101/1000
17. “Der Schüräle” by Gabdulla Tukaj translated by Alia Taissina with illustrations made by Rais Khalilov. See further under: <http://www.rais-khalilov.de/> and the publishing house “Bertugan” under URL: <http://www.bertugan.de/>
18. “Der böse Blick – Nazar” (The evil eye – Nazar), 50x70cm, acryle on canvas, Suzan Emine Kaube, Pinneberg.
19. Sculpture “Papageispielzeug” (Parrot toys) by Iskender Yediler, diverse material and cast aluminium.
20. The work *WIR SIND EIN VOLK* (We are one people) by Schamil Gimajew, East Side Gallery, Part of the Berlin Wall, Berlin, Germany (© Andreas Muhs/Agencja Fotograficzna Caro/Alamy) © (Bing Germany) Online under URL: <http://www.forexdata.org/wpcontent/uploads/2014/11/18824-thumb.jpg> (21.2.2018); with permission by Schamil Gimajew.
21. “Der heiße Wind” (The hot wind), oil on canvas, 100 x 150 cm, 2009 by Nazilya Nagimova

22. “Vor der Hochzeit” (before the wedding), watercolor, by Dschamilia Hergenreder.
23. Photography / body painting / multimedia performance “The Walls” within the framework of the program “Market of Continents” / “Calligraphy Theater” and the band “Tschiltan” with Furkat Niyazi, Thomas Steinbach, Ildar Kharissov, Minako Seki, Viktor Nikolaev, Natalia Pschenitschnikowa and Ingo Reulecke on November, 27–28 2010 in the Museum of European Cultures Berlin. See: <http://gofberlin.livejournal.com/17395.html> [20.2.2018].
24. Event poster on the occasion of the 110th birthday of Musa Dshalil 2016 by Dzhuliya Gerasimova
25. “Bewegung im Raum” (moves in the space), oil on canvas, 150x120 cm, by Rais Khalilov
26. “Akt 2”, Oil on canvas by Dschamilia Hergenreder.
27. Woman’s Fez, Crimean Tatars, red velvet, embroidered, before 1925. Collectors: Hans and Nata Findeisen; © Museum Europäischer Kulturen-Staatliche Museen zu Berlin, Stiftung Preußischer Kulturbesitz; Photo: Waltraud Schneider-Schütz.
28. Modell “The Palace of Tatar-Khans at Crimea”, A.W. Kiese-wetter, 1846, Crimea, Oil on Canvass and wood, 30 x 133 x 103 cm, © Museum Europäischer Kulturen – Staatliche Museen zu Berlin.

Archive Adresses for research in Germany

In general, the following applies to all the German archives listed below: They are accessible to any scientist without major bureaucratic obstacles. For some archives you have to prove a scientific research purpose or send a letter from your academy or university. For all archives it is advisable to register beforehand. Ordering times for archive material vary from archive to archive. For example, in the Political Archives of the Federal Foreign Office, the desired materials are retrieved from the depot after written orders and made available in the reading room. A few days are needed. In the Secret Prussian State Archives, on the other hand, the required archival material is made available within a few hours directly on the day of the order. The possibilities and permission for copying and photographing also vary from archive to archive, but in Germany it is very service oriented and liberal organized.

Archive of the Volksbund (Archiv des Volksbundes)

Volksbund Deutsche Kriegsgräberfürsorge e. V.

Bundesgeschäftsstelle

Tel.: +495 61 – 70 09 – 1 39 Mobil: +491 72 – 1 72 70 28

Werner-Hilpert-Str. 2

34112 Kassel

e-mail: [presse\(at\)volksbund.de](mailto:presse@volksbund.de)

Internet: www.volksbund.de

The Volksbund charity was founded on 16 December 1919. It was born out of necessity. At the time, the only recently proclaimed Weimar Republic was neither politically nor economically in a position to take care of the graves of the soldiers killed in action during the First World War. The Volksbund, which saw itself as a citizen's initiative supported by the entire population, dedicated itself to this task henceforward and established numerous war cemeteries until the early 1930s. The Volksbund established from 1946 over 400 war cemeteries nationwide in only a short period. In

1954, the federal government commissioned the Volksbund with locating, safeguarding and maintaining the graves of German war casualties abroad in dozens of European countries, even in Tatarstan.

In accordance with bilateral agreements, the Volksbund now fulfils this task in Europe and North Africa. The charity currently takes care of 833 war cemeteries and graves in 46 countries, the last resting places of about 2.7 million war casualties. Today, several thousand volunteers and 566 salaried employees deal with the organization's various activities.

In consequence of the political revolutions in Eastern Europe, the work of the Volksbund extended to the former Eastern Bloc countries, where around 3 million German soldiers lost their lives in the Second World War – almost twice as many soldiers as those resting in war cemeteries in the other European countries. This harboured huge challenges for the Volksbund: many of the over 100,000 gravesites were difficult to locate, or they had been destroyed, overbuilt or plundered.

Since 1991, the Volksbund has repaired or reconstructed 330 Second World War cemeteries and 188 burial grounds from the First World War in Eastern, Central and Southeast Europe. A total of 856,722 war casualties have been reinterred on 82 gravesites.

In the online archive of the Volksbundes one can search for tombs and after persons who died in the 1. or 2. World war. Especially a function of this online platform is innovative and helpful: If the last name or first name of the person you are looking for has not been spelled correctly, or if today's spelling differs from the orthography, you can use the phonetic search function. All names that sound so similar but are written differently, then appear in the results display.

Sie sind hier: [Startseite](#) ▶

Deutsch ▼

Ihr Suchergebnis

Sie haben gesucht nach: nasibulla

Keine exakten Übereinstimmungen gefunden
13 phonetische Übereinstimmungen wurden gefunden

Anzeigen: **10 Ergebnisse auf einer Seite** ▶

◀ Vorherige Seite | Seite 1 von 2 | Nächste Seite ▶

Nachname	Vorname	Geburtsdatum	Todes-/Vermisstendatum	Geburtsort
Nasibullin	Garifulla		31.12.1918	
Nasibullin	Ja. W.			
Nasibullin	Scheichula		29.10.1918	
Nassibullah			13.11.1918	
Nasibulin	Ch. N.	1900	19.04.1945	
Nasibulin	Paul	04.05.1923	22.07.1944	Ober Mahliau
Nazibulin	I.			
Nassebulei	Nematugana		09.03.1917	
Naspal	Nastja	24.08.1920	11.06.1943	
Naschwili	G.N.			

Zurück zur Suchabfrage | ◀ Vorherige Seite | Seite 1 von 2 | Nächste Seite ▶

Figure 1. Online phonetical search tool by “Volksbund” for names, surnames, places of birth.

Archive of the German Oriental Society (Deutsche Morgenländische Gesellschaft, DMG)

1) The archive of the DMG (is housed in the university archive of the Martin Luther University Halle, Pfännerhöhe 48, 06110 Halle (Saale).

Inquiries about the existing stock and the use of the archive material are to be sent directly to the archive. The contact person is Mrs. Karin Keller, Tel. 0345 120 1166, email: archiv@uni-halle.de.

2) The manuscript collection of the DMG is housed in the Department of Special Collections of the University Library, August-Bebel-Strasse 13, 06114 Halle. Inquiries for use please contact:

Mrs. Laila Guhlmann

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg

Branch library of ULB / Head of DMG Library

Mühlweg 15, 06114 Halle

Phone: ++ 49- (0) 345–55–22043 Fax: ++ 49- (0) 345–55–27320
E-mail: laila.guhlmann@bibliothek.uni-halle.de
<http://www.dmg-web.de>

3) Coins and artefacts are stored also in the special collections section

4) Scientific bequests from former Orientalists and members of the DMG and the collection of photographs (5) are also to be consulted with Mrs. Laila Guhlmann in the library of the DMG.

Federal Archive (Bundesarchiv)

Potsdamer Straße 1

56075 Koblenz

Telefon: 0261/505-0

Fax: 0261/505–226

e-mail: koblenz@bundesarchiv.de

<http://www.bundesarchiv.de/index.html.de>

Here, files are stored with reference to:

Federal Republic of Germany (from 1949)

German Democratic Republic (1949–1990)

Allied occupation zones (1945–1949)

German Empire: National Socialism (1933–1945)

German Empire: Weimar Republic (1918–1933)

German Empire: Kaiserreich (1871–1918) including the North

German Confederation (1867–1871)

German Confederation (1815–1866) and Provisional Central Power (1848/49)

The Holy Roman Empire (1495–1806).

The Federal Archive was founded on 3 June 1952 and houses files from the 15th century to today. The places of use of the Federal Archives are Bayreuth, Berlin-Lichterfelde, Berlin-Wilmersdorf, Freiburg and Koblenz.

German Music Archive (Deutsches Musikarchiv, DMA)

Deutscher Platz 1, 04103 Leipzig, Phone: +49 341 2271-453,
http://www.dnb.de/EN/DMA/dma_node.html
e-mail: datendienste@dnb.de

The German Music Archive is the central collection of printed and recorded music and the music-bibliographic information centre for Germany. It is a Federal agency founded in 1970, tasked with collecting all music published in the country. Publishers of printed and recorded music in Germany are required by law (since 1973) to deliver two copies of every edition as legal deposits to the archive. But even older collections and smaller archives of music publishers are bought up, inventoried and digitized. Every month, for example, new artifacts can be found in the online catalog, including wax rolls, shellac plates and cylinder rolls from the 19th / 20th century. The DMA constitutes a department of the German National Library (Deutsche Nationalbibliothek). Since 2010 it is located in Leipzig at the national library. A special service of the German Music-Archiv is the remote ordering of MP3 files. One can order by e-mail old recordings, e.g. of shellac discs from the 1st or 2nd World War and receive a digital file for payment.

Political Archive of the Federal Foreign Office (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, PA AA)

Kurstraße 36
10117, Berlin
Tel: +49 (0) 30 1817-2159
<http://www.archiv.diplo.de/>
e-mail: 117-S@diplo.de

The PA AA was founded in 1920 and received its name 1924, which is still valid today. It is a ministry archive of diplomatic and secret service issues, correspondences, files that preserves the sources of German foreign policy from the founding of the North German Confederation (1867) to this day.

The documents kept in the Political Archive have a circumference of about 27 kilometers. In addition to the files that make up the majority of the holdings, there are about 30,000 contracts under international treaties, 300 diplomatic offenses, 10,000 photos and 300 audiovisual media.

The stocks include:

Files of the Federal Foreign Office (1867–1945)

Files of the Foreign Representations (until 1945)

Files of the Federal Foreign Office (1949/1951 until today)

Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the GDR (1949–1990)

Files of the Foreign Representations of the Federal Republic of Germany (1950 to Today)

Archives of international agreements

Personal file archive

Estates / contacts of former members of the public

Picture collection / audiovisual archive

Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz / Секретный Прусский государственный архив)

Archivstraße 12–14

D–14195 Berlin (Dahlem)

Tel.: 030/266 44 75 00

Fax: 030/266 44 31 26

gsta.pk@gsta.spk-berlin.de

<https://www.gsta.spk-berlin.de/>

The oldest archival document is from 1188. The files thus date from the 12th century to the years of the National Socialism, ending mostly in 1933/34 and partly in 1945.

Within the scope of the scholarship program, the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation are available grants for funding one-to-three-month research stays in the Secret State Archive. The scholarship program is mainly aimed at foreign researchers to finance their stay in Berlin.

Sound-Archive of the Humboldt-University Berlin (Lautarchiv der Humboldt-Universität Berlin)

Lautarchiv der Humboldt-Universität zu Berlin
Hermann von Helmholtz-Zentrum für Kulturtechnik
c/o Institut für Musikwissenschaft und Medienwissenschaft
Am Kupfergraben 5, 10117 Berlin
Telefon: 030-2093 5875
<https://www.lautarchiv.hu-berlin.de/>
e-mail: lautarchiv@hu-berlin.de

The sound archive of the Humboldt-University Berlin is a collection of sound documents. It was founded on 1 April 1920 on the initiative of the linguist Wilhelm Doegen. From 1915 onwards, Wilhelm Doegen was commissioned by the Prussian Phonographic Commission as commissioner to record and collect voices, language and music from 215 different nationalities and tribes and related texts in different POW-camps all over Germany up to the end of the war.

In 1916 he was appointed head of the Department of Sound at the State Library in Berlin. The sound archive of the Humboldt-Universität zu Berlin has an acoustic collection in the form of approximately 7,500 shellac plates, wax rolls and tapes. They mainly contain portraits of famous personalities of the German Empire as well as the Weimar Republic, and document a variety of languages and dialects, among other things in sensitive sound recordings from camps of the First and Second World War, amongst them Turkic and Caucasian languages like Tatar, Azerbaidjan, Avar. The sound archive belongs to the earliest sound archives in Europe and is distinguished by its focus on phonetic and linguistic interests.

Archive of the Centre for Modern Oriental Studies
(Zentrum Moderner Orient / ZMO)

Kirchweg 33
14129 Berlin

Tel.: 030/80307-0 Fax: 030/80307-210 <https://www.zmo.de/>

e-mail: zmo@zmo.de

The ZMO is a German research institute in Berlin. The researchers focus on comparative study of the Middle East, Africa, South and Southeast Asia from a historical and social scientific perspective. Current research topics focus on predominantly Muslim societies and relations with non-Muslim neighbours. The ZMO was founded in 1996. As described in chapter 3 (footnote 2), there are also collections of scientists who are relevant to Tatarica research, including the extensive estate of Prof. Höpp.

State Library Berlin (Staatsbibliothek Berlin) and
Prussian Heritage Image Archive (Bildarchiv preußischer Kulturbesitz, BPK)

Potsdamer Straße 33, 10785 Berlin
central number +49 30 266-0 directly request under +49 30 266-433888. <http://staatsbibliothek-berlin.de/en/>
e-mail: orientabt@sbb.spk-berlin.de
Or for Orient department also directly Mr.Christoph Rauch (christoph.rauch@sbb.spk-berlin.de).

The Berlin State Library (German: Staatsbibliothek zu Berlin; colloquially Stabi) is a universal library in Berlin and a property of the Prussian Cultural Heritage Foundation. It is one of the largest libraries in Europe, and one of the most important academic research libraries in the German-speaking world. It collects texts,

media and cultural works from all fields in all languages including Tatar languages, from all time periods and all countries of the world, which are of interest for academic and research purposes. The collection of oriental manuscripts and block prints currently comprises about 42,000 volumes – works in over 140 languages and 70 different writings from Asia, Africa and Europe. Since March 2013 the database of oriental manuscripts is online: <http://orient-digital.staatsbibliothek-berlin.de/content/index.xml>

Among the more famous items in its collection are the oldest biblical illustrations, in the fifth-century Quedlinburg Itala fragment, a Gutenberg Bible, the main autograph collection of Goethe as well as in general more than 11 million books (amongst them more than 200,000 rare books), 4,442 incunabula, 18,300 occidental manuscripts (including parts of the Nibelungenlied), 42,170 oriental manuscripts, 2.3 million microfiches and microfilms and 13.5 million images at the Prussian Heritage Image Archive (BPK). This BPK stock was founded in 1966 and consists of about 1 million daguerrotypes, talbotypes, photographic prints, negatives, engravings and lithographs. Through targeted acquisitions, donations and estate gifts, BPK's collection has grown to over 12 million photographs today and is one of the largest in Europe. Access are getting commercial and academic researchers by appointment only.

Otto-Nagel Haus
Märkisches Ufer 16–18
10179 Berlin-Mitte
<http://www.bpk-images.de>,
Telefon +49 (0)30 278 792-0
Fax +49 (0)30 278 792-39,
e-mail: kontakt@bpk-bildagentur.de

County Archives / Regional Archives

On September 24, 2014, the «Archivportal-D» was officially handed over to the public at the opening ceremony of the 84th German Archive Day in Magdeburg. This «Archivportal D» is now being continuously expanded into an information and research platform for all archives in Germany. Under the URL: www.archivportal-d.de/ information about archives and research possibilities as well as digitized archive material from all over Germany are provided on the Internet for free use. A portal is thus available to research and to all archives of interest, in order to investigate the archives of the participating archives in an overwhelming and professional manner, and to make search results and digitized archival records from archives of different bearers. Here, for the hundreds of district, state and regional archives, we only give some examples from locations where unpublished materials are stored concerning Tatar prisoners of I. World War in Havelberg, Magdeburg, Parchim and Voerde-Wesel.

Archive of the Prignitz-Museum

Domplatz 3
39539 Havelberg <http://www.prignitz-museum.de>
e-mail: prignitz-museum@gmx.de Telefon (03 93 87) 21 422
Telefax (03 93 87) 88 778

ICATAT-Archive Magdeburg

ICATAT e.V., Brandenburger Straße 9, 39104 Magdeburg,
Tel.: +49 1573 175 88 23, www.icatat.de,
e-mail: office@icatat.de

In the rooms of the ICATAT Institute in Magdeburg are preserved: correspondences, photographs, historical film programs, newspapers, samizdat literature, music-cd's, coins, stamps, videos and documents on the Tatar-German history of the 19th to 21st century, in particular almost complete year volumes of Crimean Tatar magazines Avdet, Polu Ostrov, Qırım, Yañı Dünya, Günsel, Qasevet, Tahsil, Yıldız and Qırım Sedası as well as bequests of

Prof. Dr. Kellner-Heinkele, Venera Gerasimov-Vagizova, the former Tatar-German Association TAMGA and Dzhaliil-researcher Horst Herrmann. A workplace with W-LAN access is available. The use is free.

Archive and Museum Parchim (Museum der Stadt Parchim)

Lindenstraße 38, 19370 Parchim, tel. 03871 213210, e-mail: museum@parchim.de, contact person Mr. Kaelcke, URL: <http://www.stadt-parchim.de/museumpch.htm>

The scanned photos come from the year 1994 in different scanning quality. These grave slabs are four of the remaining approximately 700 grave slabs made of sandstone in the year 1929, which were made by 4 different stonemasons. From above left to down right: Register Nr. 339, *Salalutin Jamaltinow*, soldier, age 38, year fo birth: 1879 (according archive list: 1897), Kazanski gov., Russian, death: 25.09.1917; Reg. Nr. 44, *Masala Arganba-jew*, soldier, age 31, year of birth: 1886, Orenburg, Russian, death: 13.05.1917; *Assan*, unknown, Reg.Nr. 53; Reg. Nr. 998, *Michail Serpanow* (according Archive list: *Stepanow*), soldier, age 29, year of birth: 1889, Mogylewskoi, White Russian, death: 12.06.1918. In the tomb lists were divided between Ukrainians, Belarusians and Russians. Tatars, Bashkirs and other Muslim soldiers were however also designated as Russians and marked only by half-moon symbol as Muslims. © Reprinted with a kind permission of the management of the Parchim-Museum.

Town Archive Voerde (Stadtarchiv Voerde)

Rathausplatz 20

46562 Voerde

Telefon: +49 2855 80–227 Telefax: +49 2855 9690–147

<https://www.voerde.de/de/dienstleistungen/stadtarchiv/>

e-mail: stadtarchiv@voerde.de

In 1914 near the town Voerde, federal state North-Rhine-Westphalia (NRW), in Friedrichsfeld began the construction and expansion of a barrack camp, which at the time housed up to 40,000 prisoners. Soldiers from different nations, such as Russians, English, Serbs, Italians, Portuguese and Belgians, were interned here. Between 1914 and 1919, 620 of the war prisoners were ill and died because of the disastrous hygienic conditions. As in many other documents, it was notified mostly the citizenship of the prisoners, but not their religion or nationality. On the basis of the names, however, Tatar prisoners can also be identified in Friedrichsfeld. All municipal and regional archives of NRW can be found at: <http://www.archive.nrw.de/kommunalarchive/index.php>

In the Index of deceased prison of war, there are also notes on the causes of death, such as «touching the electrical conduction» (Nagumanov, Miftakhdin), inflammation of the brain, tuberculosis (Khusnadinov, Sapha), heart valve failure, and heartbeat inflammation (Shdanov, Serasitdin) or pulmonary tuberculosis (Taimasov, Ahmed-Sultan; Bantin, Mitachtin; Mukhamediyev, Muhamed-Ali; Sabarsdshan, Abdukhan; Khayrulin, Bagoutin; Gisatulin, Fatula). These causes of death noted there point to the devastating circumstances in the camps despite international agreements.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адам Фолькер – профессор, др., Университет Мартина Лютера Халле-Виттенберг. E-mail: volker.adam@bibliothek.uni-halle.de

Ахмедов Ильгизар Анварович – краевед, Набережные Челны. E-mail: ah-timergasi@yandex.ru

Беляев Рамиль Фаритович – PhD (Хельсинкский университет), Имам-хатыб Мусульманского общества Финляндии. Главный редактор журнала “Mähallä habärläre”. E-mail: ramil.belyaev@helsinki.fi

Гибатдинов Марат Мингалиевич – заведующий Центром истории и теории национального образования Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, к.пед.н. E-mail: marmingi@mail.ru

Гилязов Искандер Аязович – директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, д.и.н. E-mail: gilyazov1958@mail.ru

Кайзер Руперт – М.А., член городской администрации ганзейского города Гарделеген, ответственный за культуру и музейную работу. E-mail: kultur2-gardelegen@t-online.de

Керимов Исмаил Асанович – ведущий научный сотрудник Крымского научного центра (КНЦ) Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, директор Научно-исследовательского института крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма при КИПУ, д.филол.н. E-mail: alimes@mail.ru

Куршутлов Темур Нияверович – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма при КИПУ, к.филол.н. E-mail: kurshutov@mail.com

Марданова Динара Замировна – научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш.Марджани АН РТ; ведущий библиограф Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ. E-mail: dinara.mardanova@gmail.com

Муртазина Ляля Раисовна – в.н.с. Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, к.пед.н. E-mail: lyalyamur@mail.ru

Рахманкулова Адолат Хушбаковна – доцент кафедры гуманитарных наук Ташкентского института ирригации и мелиорации сельского хозяйства, к.и.н. E-mail: adolat2005@yahoo.com

Рачюс Эгдунас – профессор кафедры ближневосточных и исламских исследований факультета Регионоведения Университета Витаутас Магнус (Каунас, Литва). E-mail: raciusegdunas@gmail.com

Тайлиг Штефан – PhD, директор Бранденбург-Прусского музея в Вустрау; вице-директор ИКАТАТ, член правления Музейной Ассоциации Бранденбурга. E-mail: stephantheilig@web.de

Усманова Диляра Миркасымовна – профессор Казанского (Приволжского) федерального университета, д.и.н. E-mail: dusmanova2006@mail.ru

Усманова Лариса Рафаэлевна – с.н.с. Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доцент УНЦ «Философия Востока» Российского государственного гуманитарного университета, к.пед.н., PhD по социологии (Университет Симанэ, Япония). E-mail: ousmanoval@gmail.com

Харисов Ильдар Ирекович – тюрколог, президент Общества содействия Восточной Европе, член консультативного совета ИКАТАТ, сотрудник пресс-службы Международного общества по поддержке музыки, театра и искусства (ЕКW), главный редактор журналов «Studia Turcologica» и «Kulturwelten». Берлин. E-mail: osteuropa-foerderung@gmx.de

Хотопп-Рике Мисте – PhD, директор Института Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ИКАТАТ) в Магдебурге, автор многочисленных работ по теме ислама и татар в Европе. E-mail: Hotopp-Riecke@icatat.de

Шукельт Хольгер – Dr. Phil., главный хранитель «Турецкой палаты», Государственные художественные коллекции Дрездена. E-mail: Holger.Schuckelt@skd.museum

INDEX

A

Abdülhamit I, 329
Abdullah, 66
Abdurreshid Ibrahim, 51
Abraham Hinckelmann, 7
Abramova, 44
Academy of Sciences, 8
Adam Olearius, 235
Afghans, 51
Africa, 144, 291, 292, 299, 361, 362, 399, 405, 406
Ahmad, 67
Ahmad Erwin Khors-Helle, 51
Ahmadiyya Lahore Community, 51
Ahmadiyya-Mosque, 51
Ahmed, 324
Ahmed III, 323, 324
Akinçi, 35
Akinji, 314
Albrecht, 309
Alfred Rosenberg, 267
Algerians, 51
Ali, 17, 265, 289, 409
Alim Idris, 51
Allegory of Victory, 39
Almanya, 55
Alois Brandl, 256
Altmark, 7, 20, 288, 289, 290, 292, 293, 300, 302
Altmark-Zeitung, 300, 301
Amirpur, 67
Amman, 13
Amsterdam, 64, 67, 71
Anderson, 67
Anhalt, 299
Anifa, 265
Aniol, Celina, 301

Ankara, 288, 332, 334, 338, 349, 355
Anna, 312
Anne Lequy, 15, 17, 18, 263
Aqmescit, 56
Arabs, 23
Archaeological State Museum, 269
Archangelsk, 60
Archive, 398, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408
Archives of the Foreign Ministry, 268
Armenia, 360
Armenians, 16, 273
Armoury, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 327
Arslanova, 67
Asia, 144, 151, 265, 361, 362, 393, 405, 406
Augsburg, 311
August II, 317
August III, 327, 328
August the Strong, 317, 318, 319, 320, 325, 326, 327
August Wilhelm Schlegel, 24
Augustus II, 55
Augustusburg, 315
Austria, 34, 36, 37, 38, 203, 289
Austro-Ottoman War, 318
Avar, 404
Avramov, 299
Azerbaidjan, Azerbaijan, 360, 361, 404
Azeri, 363, 364

B

Bad Lausick, 49
Bahçesaray Palace, 55

Bakhchisaray, Baĥċesaray, 56, 318
 Baku, 359
 Baldauf Ingeborg, 77
 Balkans, 309
 Baltic, 7, 44, 361, 362, 367, 370
 Baltic States, 361, 362, 367, 370
 Baptism, 265
 Baranowski, 265
 Bashkirs, 7, 266, 269, 290, 296,
 365, 408
 Bauer, 67
 Beck, 67
 Becker, 67
 Belarus, 360, 361, 363, 364, 367,
 368, 370, 383
 Belarusian Tatar, 362
 Belarusians, 266, 408
 Belgium, 273
 Belgrade, 33, 39, 310
 Bender, 318
 Benedict Anderson, 46
 Berlan, Marilena, 302
 Berlin, 13, 16, 29, 30, 34, 35, 38,
 45, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57,
 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67,
 68, 69, 70, 71, 77, 102, 104, 207,
 263, 264, 265, 266, 267, 269,
 271, 273, 274, 282, 289, 291,
 292, 295, 311, 351, 379, 389,
 390, 392, 393, 395, 401,
 402, 403, 404, 405, 406
 Berlin-Lichtenberg, 66
 Bethlehem, 35
 Beylerbey Mehmed Sokoli, 311
 Binder, 67
 Bismuchametow, 297
 Black Sea, 45
 Blome, Nikolaus, 302
 Bonafous, 319
 Bonn, 65, 67
 Böttcher, 68
 Brandenburg, 7, 13, 18, 34, 49, 52,
 54, 55, 69, 71, 263, 264, 265,
 266, 269, 282, 289, 291, 297,
 301, 302, 303, 304, 305, 379,
 384, 390, 391, 392, 393, 394,
 395
 Brandenburg State Office for the
 Preservation of Monuments and
 the Archaeological State
 Museum, 269
 Brandenburg-Preußen, 13
 Brandenburg-Preußen Museum,
 263, 301
 Brandenburg-Prussia, 7, 52, 263,
 264, 266, 289
 Brandenburg-Prussia Museum, 263,
 264, 266, 269
 Braudel, 68
 Brian Hersch, 27
 Bronsky, 62
 Bruges, 7
 Budapest, 265
 Bug, 1, 2
 Bulgaria, 64, 329, 332
 Bundearchiv Militärarchiv, 267
 Bürgers, 68
 Buynaksk, 359

C

Cameroon, 297
 camp, 266, 267, 268, 269, 292, 295,
 299, 409
 Captured Turks, 265
 Carinthia, 34
 Carl Wache, 56
 Caucasian, 269, 404
 Caucasus, 7, 56
 Celts, 25
 Central Asia, 7
 Central Germany, 7, 289
 Chafissow Nasybulla, 295
 Chalikow, 68
 Charles V, 38
 Charles XII, 318, 319, 320, 325

Chechnya, 362
 Chemnitz, 315
 Chinoiserie, 39
 Chocim, 319
 Christen, 13
 Christian, 32, 33, 36, 37, 38, 203,
 291, 299
 Christian I, 312
 Christian II, 312
 Christian III, 312
 Christian Welzbacher, 50
 Christianity, 36
 Christians, 16
 Clio, 39
 Collaborative Research Center
 Memory Cultures, 264
 Cologne, 65
 Constantinople, 309
 Cosack Hetman, 53
 Cossacks, 47, 290
 Courland, 325, 328
 Cracow, 317
 Crimea, 16, 44, 55, 56, 58, 70, 329,
 363, 390, 393, 395
 Crimean, 20, 24, 45, 47, 55, 57, 58,
 61, 65, 71, 267, 273, 310, 318,
 329, 331, 333, 334, 335, 336,
 347, 351, 361, 366, 369, 391,
 395, 407
 Crimean Tatar, 20, 267, 273, 309,
 310, 318, 329, 361, 366, 369,
 407
 Crusades, 309
 Cwiklinski, 267
 Czech Republic, 273

D

Dąbrowski, 61
 Dahlem, 403
 Daniel, 60, 241, 283
 David Bauke, 290
 Denmark, 273, 312

Deutschen, 13
 Dianov, 45
 Dippoldiswalde, 49, 53
 Dobrudja, Dobrudža, 44, 57, 59,
 64, 331, 335, 342
 Douala, 297
 Dresden, 48, 50, 57, 58, 67, 299,
 310, 311, 312, 314, 315, 316,
 319, 323, 324, 326, 327, 328,
 329
 Dshalil, Džalil', 20, 273, 275, 263,
 264, 266, 268, 269, 270, 271,
 272, 273, 274, 275, 302, 408
 Dusseldorf, Düsseldorf, 65

E

East, 8, 16, 23, 24, 25, 28, 267,
 274, 309, 366, 367, 368, 392,
 394, 405
 Eastern Bloc, 399
 Eastern Europe, 7, 28, 29, 274, 367,
 390, 399
 Eastern Germany, 48
 Edilerski Fazil, 205
 Edition Hasbro, 27
 Edwin Nitter, 296
 Elbe, 1, 2, 17
 Elector August, 312
 Emel, 349, 351
 Emine Ese, 64
 Erkki Tuomioja, 377
 Erlau, 311
 Ernst, 309
 Ernst-Thälmann-Straße, 294
 Estonia, 359, 360, 361, 363, 364,
 367, 368, 369
 Estonian, 363, 365
 Eugen von Savoyen, Eugene of
 Savoy, 39
 Euro-Islam, 23, 24, 28, 49
 Europas, 13

Europe, 1, 2, 16, 20, 23, 28, 37, 49,
50, 56, 57, 59, 61, 62, 63, 67, 70,
203, 211, 212, 224, 265, 274,
288, 290, 299, 308, 309, 310,
366, 367, 370, 390, 394, 395,
399, 404, 405, 406
European, 38, 274, 289
Evangelical, 266

F

Fama, 39
February-revolution, 56
Federal Archives, 268
Federal Republic of Germany, 266,
273
Ferdinand, 310
Fernand Braudel, 46
First World War, WW I, 7, 8, 50,
52, 266, 269, 293, 297
Fischer, 68
Flemming, 325, 326
France, 18, 51, 54, 274
François, 68
Françoise Daucé, 273
Frank, 68
Franz Kram, 311
Frederick William I, 51
Freiburg, 263, 267, 401
Freie Universität Berlin, 269
Freiherr von der Goltz, 318
French, 268, 274
FRG, 275
Friedrich, 265
Friedrich August I, 317
Friedrich August II, 327
Friedrich Eberhard Boysen, 291
Friedrich III, 309
Friedrich the Wise, 309
Frieser, 267
Fronsperger, 36
Füssel, 68

G

Gabdrifikova, 302
Gainullin, 61
Gardelegen, 7, 8, 20, 46, 282, 283,
284, 287, 288, 290, 291, 292,
293, 294, 295, 296, 297, 299,
300, 301, 302, 386
Garifullina, 61
Gaynullin, 64
General Barfuß, 265
Genghis Khan, 24
Georg Komerstadt, 311
Georg Schünemann, 255
Georgia, 360
Georgian, 266, 267
Gerasimov-Vagizova, 45, 52, 62,
408
German, 7, 8, 16, 17, 18, 20, 24,
25, 26, 27, 33, 34, 36, 38, 44,
203, 263, 264, 265, 266, 267,
268, 269, 271, 272, 273, 274,
275, 288, 289, 290, 291, 292,
293, 296, 297, 299, 302, 329,
379, 390, 391, 394, 398, 399,
400, 401, 402, 404, 405, 407,
408
German Democratic Republic,
GDR, 7, 270, 271, 274, 275,
296, 401, 403,
German Empire, 401, 404
German Historical Museum, 38
German Oriental Society, 400
German-Jordanian University, 18
German-Tatar, 266, 407
Germany, 7, 16, 18, 19, 20, 27, 28,
29, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51,
52, 55, 57, 59, 60, 61, 62, 63, 64,
65, 66, 70, 227, 264, 266, 267,
268, 269, 270, 273, 274, 289,
290, 293, 302, 390, 392, 393,
394, 398, 402, 404, 407
Gesichte, 313

Gibatdinov, 301, 383, 388, 389,
392, 394, 397
Gimadeev, 271, 272, 274
Gimayev, Gimajew, 60, 66
Giray I, 320, 327
Gnessin Russian Music Academy,
64
Goldap, 48, 49
Golz, 69
Gotthold Weil, 207, 256
Great Britain, 51, 379
Great Northern War, 318, 320, 325
Grimm Brothers, 25, 29
Grunwald, 325
Gudrun Wall, 64
GULAG, 270
Günther, 69
Gursuf, 56
Gustav Adolf Küppers, 57
Gustav Nachtigal, 291, 297

H

Halbe, 297
Halbmondlager, 20, 251, 253, 276,
277, 278
Halle, 13, 16, 400
Hamburg, 52, 65, 69, 70, 281, 290,
312, 332, 394
Hanifa, Hanife, Anifa,
17, 265, 289
Hannover, 294
Hanns Eisler, 64
Hans Findeisen, 56
Hans Guldenmundt, 35
Hans Weigel, 36
Harry Halén, 372
Hartmann, Petra, 302
Hassino, 297
Haus-Hof-und Staatsarchiv, 96
Haustein-Teßmer, Oliver, 302
Havelberg, 407
Heinrich von Lettland, 230

Henscheid, 24, 25, 29
Henschel, 24, 29
Herbert Jansky, 205, 256
Hergenreder, 60, 65
Hetman Kruse, 290
Hilbertz-Enikeeva, 61
Hinckelmann, 290
Hinckelm, 281
Hisameddin Nur Muhammed, 207
Hoffmann, 267
Hogenberg, 37
Hohenzollern, 263
Holger Schuckelt, 309
Holocaust, 292
Holstein, 312
Holstein-Sonderburg, 312
Holy Land, 309
Holy Roman Empire, 32, 33, 34, 36
Höpp, 50, 51, 69, 405
Hotopp-Riecke, 2, 18, 19, 20, 22,
23, 28, 29, 43, 44, 48, 49, 52, 53,
54, 60, 61, 62, 63, 68, 69, 263,
265, 270, 271, 288, 289, 291,
294, 301, 302, 303, 383, 384,
389, 390, 391, 392, 393, 394,
395, 396, 410, 412, 418,
House of Russian Science and
Culture in Berlin, 266
Hübner, Wolfgang, 303
Hungarian, 311, 316
Hungary, 34, 36, 37, 58, 309, 310,
311, 317, 390, 393
Hunns, 27
Huns, 25, 26
Hussein Bodaninskiy, 56

I

Ibrāhīm ibn Ya'qūb, 13, 16
İbrahimoglu, 61
ICATAT, 2, 3, 4, 14, 15, 17, 18, 22,
44, 45, 61, 62, 263, 264, 269,
271, 273, 274, 298, 379, 384,

385, 390, 391, 392, 393, 394,
 395, 407
 Idel-Ural, 270
 Idel-Ural Legion, 267
 Ignác Kúnos, 204, 255
 Institute of Near Eastern
 Archeology, 269
 Institutum Judaicum et
 Muhammedicum, 13, 16
 Iraq, 367
 Isenschnibbe, 7
 Iskhakov, 70
 Islam, 13, 14, 16, 17, 23, 24, 27,
 28, 29, 32, 49, 50, 51, 59, 63, 67,
 71, 144, 264, 267, 301, 302, 303,
 331, 336, 337, 339, 340, 343,
 359, 360, 362, 363, 364, 365,
 366, 367, 368, 369, 370, 374,
 390, 394, 395
 Islamic, 32, 114, 119, 120, 144,
 270, 272, 289, 292, 299
 Islamic world, 32
 Istanbul, İstanbul, 64, 204, 263,
 318, 331, 339, 342, 346, 351,
 393
 J
 Jachina, 62
 Jacob Heinrich Graf von
 Flemming, 325
 Jacob van Schuppen, 39
 Jan III Sobieski, 38, 325
 Jan Sobieski, 38
 Janicke, Gudrun, 303
 Jansky Herbert, 205
 Jaworski, 70
 Jesus Christ, 35
 Jews, 16
 Joachim Hoffmann, 267
 Joachim von Brandenburg, 310
 Johann Georg II, 317
 Johann Heinrich Callenberg, 13, 16

Johann III, 312
 Jordanien, 13
 Juden, 13
 Jussuf, the son of Mustapha, 53
 Justus von Liebig University of
 Giessen, 264

K

Kaffa, 310
 Kahlenberg, 38
 Kalmyk, 267
 Kama, 1, 2, 45
 Kamieniec, 317
 Kammermohr, 39
 Kara Mustapha, 37, 38, 39
 Karadeniz, 344, 345, 356, 358
 Karlowitz, 318
 Karol I Stanislav Radziwill, 326
 Kaube, 61, 64, 65
 Kaulbach, 70
 Kazakhs, 273, 296
 Kazan, Kasan, 7, 13, 16, 17, 30, 52,
 59, 63, 66, 270, 271, 292, 295,
 296, 301, 302, 303, 304, 305,
 365, 379, 380, 382, 383, 384,
 390, 392, 395
 Keller, 400
 Khadeeva, 60
 Khakimov, 23, 28, 381
 Khalilov, 60
 Kharissov, 62
 Khodr Chehab, 376
 Kiesewetter, 55, 56, 58
 Kiev, Kiew, 13, 16, 65, 70, 395
 Klein Beucha, Kleinbeucha, 49, 53
 Klopprogge, 26, 30
 Knott, Thilo, 303
 Kolditz, 26, 30
 Konopacki, 62
 Kopiec Tatarski, 53
 Köprülü Mehmet Pascha, 37
 Koran, 7

Kozłowski, 297
Krakau, 13
Krakow, Kraków, 16, 54, 70
Krekel, Miriam, 304
Krim, 13
Krupchanskaya, 64
Küçük Kaynarca, 329
Kurdistan, 8
Kurds, 23
Kurmaeva, 60
Kurmashev, 266

L

Kyrgyzstan, 288
La Mar, 319
Lach Robert, 205
Lancer, 265
Landau, 28
Langen Kerls, 239
Latvia, 359, 360, 361, 363, 364,
365, 367, 368, 369
Ledenev, 64
Legnickie Pole, 53
Leib-Squadron, 265
Leipzig, 13, 16, 18, 30, 53, 57, 61,
62, 71, 205, 207, 271, 274, 402
Lemberg, 13, 16, 317, 318, 319
Leningrad, 66
Leon Nebenzahl, 270
Leon Sulkiewicz, 53
Leonhardt Fronsperger, 36
Libya, 367
Lichtewalde, 315
Liegnitz/Legnica, 54
Liesegang, Claus, 304
Lietuvos Ypatingasis Archyvas,
209, 213
Lipka-Tatarian, 47
Lips, 64
Lithuania, 28, 326, 360, 361, 363,
364, 365, 368, 369, 370, 390,
391, 393, 395

Lithuanian, 317, 325, 359, 361,
363, 364, 365, 369
Lithuanian Tatars, 361, 369
London, 37, 40, 62, 64, 70, 191,
352
Long Turkish War, 36
Lorraine, 38
Lower Silesia, 53
Lübeck, 54
Łukasz Olszewski, 54
Lviv, 7, 16

M

Macbeth, 25
Magdeburg, 13, 14, 15, 16, 17, 44,
46, 52, 54, 61, 62, 104, 263, 264,
265, 271, 272, 273, 274, 289,
290, 291, 292, 299, 379, 390,
391, 392, 393, 394, 395, 407
Magdeburg Stendal University, 263
Magdeburger, 13
Magdeburger Straße, 294
Magdeburg-Stendal, 15, 16, 17
Mahomet, 32
Malik, 70
Malikov, 61
Mandy Zepig, 8, 299
Mardjany-Institute for History at
the Academy of Sciences in
Tatarstan, 263
Marian Füssel, 49
Markert, Oliver, 304
Marmara University, 263
Matthias Corvinus, 309
Max Kutschmann, 294
Max Nöggerath, 294
Maximilian II, 36
Mecca, 24, 54
Mediterranean, 17
Mehmet, 60
Mendel, 47, 70
Metz, 18

- MHM, 58
 Middle Ages, 32
 Middle East, 309, 366, 367, 368
 Middle Germany, 7, 16, 46, 48, 49,
 290
 Miguel de Cervantes, 36
 Military Archives, 268
 Military History Museum, 57, 58
 Moabit Papers, 274
 Modern Ages, 32
 Mohács, 310
 Moldavians, 311
 Moldova, Moldavia? 359, 360, 361,
 362, 363, 364, 365, 367, 368
 Moldovan, 364
 Mongolia, 24
 Moors, 20, 227, 263
 Moritz, 310, 311
 Moscow, 64, 266, 365
 Motadel, 28, 29, 30
 Muhamedjanow, 297
 Müller, 33, 49, 55, 70
 Munich, 65
 Münster, 66
 Museum Cross Country, 265
 Museum of European Cultures, 55,
 56, 57, 71
 Museum of Islamic Cultures in
 Kazan, 23, 292
 Muslimen, 13
 Muslims, 7, 16, 20, 23, 29, 39, 44,
 51, 52, 63, 70, 144, 146, 211,
 212, 224, 227, 263, 264, 265,
 269, 271, 290, 293, 296, 299,
 359, 360, 361, 362, 363, 364,
 365, 367, 368, 369, 370, 392,
 394, 405, 408
- N
- Nabereshnye Chelny, 59
 Nachrichtenstelle für den Orient,
 277
- Nagimova, 62, 66
 Napoleon, 265
 Naqshbandiyya, 51
 Nassibullah, 295
 Nassikoff, 297, 299
 Naszyrow, 65
 Nata Findeisen, 56
 National Library, 402
 Nebenzahl, 271
 Neidenburg, 53
 Neues Deutschland, 275
 Neukum, Robert, 304
 Neuruppin, 266, 269, 274
 Nidzica, 53
 Nora, 70
 Norbert Fischer, 49
 North, 24, 299, 360, 399, 401, 402,
 409
 North Africa, 299
 Novgorod, 7
- O
- Ober Barthe, 313
 Occident, 34, 37
 Ofen, 265, 310
 Olszewski, 70
 Operation Barbarossa, 267
 Orient, 16, 20, 32, 34, 37, 40, 288,
 289, 290, 291, 292, 303
 Oriental, 32, 33, 38, 39, 204, 405,
 406
 Orientalism, 33, 40
 Orientalists, 401
 ÖsterreichischesStaatsarchiv, 96
 Ostlegionen, 267
 Otto I, 13, 16
 Otto Stiehl, 292, 294, 296, 298,
 300, 391
 Ottoman, 28, 32, 33, 34, 35, 36, 37,
 38, 39, 265, 310, 311, 312, 314,
 315, 316, 317, 318, 323, 324,
 325, 328

Ottoman army, 310
Ottoman Empire, 32, 33, 37, 39,
265
Ottomans, 34, 36, 37, 39, 309, 310,
311, 316, 317, 318, 326
Oxford, 32

P

Papa, 37
Parchim, 407, 408
Paris, 40, 64, 70, 331, 336
Pendik, 64
Pest, 310
Pfaff, Michael, 304
Pinneberg, 62, 65
Pirola, 60
Plamper, 271, 272
Plumper, 274
Podolia, 318, 325
Poland, 28, 50, 51, 53, 55, 57, 58,
59, 62, 63, 271, 312, 317, 318,
319, 320, 325, 326, 327, 328,
379, 393, 395
Poland–Lithuania, 50
Polesia, 325
Polish, 268
Polish-Ottoman War, 318
Political Archives of the Federal
Foreign Office, 398
Poltava, Poltawa, 13, 16, 318
Porte, 310
Potsdam, 50, 51
POW, Prisoners of War, 53, 55, 63,
266, 267, 269, 296, 297, 298,
391, 404
Prag, 13
Prague, 16
Pressburg, 311
prisoners, 37, 50, 51, 265, 267, 268,
274, 292, 295, 296, 300, 312,
391, 394, 407, 409
private archive, 268

Prussia, 16, 20, 28, 51, 52, 55, 227,
263, 264, 265, 266, 269, 288,
290, 303, 379, 384, 390, 391,
392, 393, 394, 395
Przeworsk, 53
Pskow, 7

Q

Qur'an, 291

R

Raab, 311
Račius, 20, 28, 359
Rackow, Ernst, 256
Radolenski Lancer, 265
Radziwill, 326
Red Army, 57, 267, 299
Reich Labor Service, 267
Reichsarbeitsdienst, 268
Remien, 70
Rhodes, 310
Riksarkivet, 89
Robert Lach, 205, 255
Röm, 313
Romania, 64, 332, 333, 352
Roth, Eva, 303
Royal Prussian Ulan Regiment No.
16, 291
Rudolf I, 315
Rudolf II, 312
Rudolf Trache, 58
Rudolf Vitzthum von Eckstädt, 315
Russen, 13
Russia, 30, 47, 50, 56, 114, 264,
271, 274, 359, 360, 363, 365,
379
Russian, 37, 266, 272, 273, 289,
296, 297, 299, 300, 329
Russian Federation, 8, 47
Russians, 16, 318, 329
Russländische Föderation, 47

Rydzyna, 320

S

Sacco di Roma, 35

Sachsen-Anhalt, 303

Sagadeev, 60

Salikhov, 301

Saxony, 8, 18, 20, 28, 46, 49, 52,
53, 54, 55, 57, 58, 61, 265, 272,
292, 299, 303, 309, 310, 311,
312, 315, 317, 318, 326, 327,
329, 391, 394, 395

Saxony-Anhalt, 8, 18, 52, 54, 61,
265, 272, 299, 303, 391, 394

Scandinavia, 56

Schabracke, 38

Schäfer, 71

Schleswig-Holstein, 54

Schmidt, 30

Schmieder, 26, 30

Schnittke, 64

Schuckelt, 20

Schulreich, 71

Schünemann Georg, 206

Schuppen, 39

Schwarz, 267, 271

Schwarz Joachim Chaim, 270

Schwetzingen, 50

Scythians, 25

Second World War, WWII, 7, 28,
53, 57, 266, 292, 293, 299, 359,
399, 404

SED, 275

Sefer Şak Aga, 320

Selim Giray, 327

Shah Jahan Mosque, 50

Shakespeare, 25

Simaev, 266

Simferopol, 65

Sommerswalde, 50

South, 16, 24, 139, 405

Southern Caucasus Republics, 359

Soviet, 268

Soviet Army, 7

Soviet Union, 56, 272

St. Petersburg, 329

Staatsbibliothek, 405

Stanislas Leszcynski, 325

Steglitz-Zossen, 295

Stendal, 289

Stephan Bathory, 325

Stiehl, 294, 295

Styria, 34

Süleyman I, 311

Süleyman Khanune, 37

Sulkiewicz Mustafa, 53, 292

Sultan Mehmed II, 309

Sultan Süleyman I, 310

Susan Pollock, 269

Sweden, 318

Syria, 8, 367

T

Taissina, 61

Tajiks, 273

Tangermünde, 300

Tarja Halonen, 377

Tartar, 24, 25, 26, 27, 29, 272, 295,
300, 313, 317, 319, 320

Tashkent, 60, 61, 65, 359

Tatar, 7, 8, 16, 19, 20, 24, 25, 26,
27, 28, 31, 33, 37, 44, 45, 46, 47,
48, 49, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 58,
59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67,
70, 144, 146, 151, 263, 264, 265,
268, 271, 272, 273, 274, 275,
288, 289, 291, 292, 293, 294,
295, 296, 298, 300, 301, 302,
305, 310, 311, 312, 314, 315,
316, 317, 318, 319, 324, 325,
326, 327, 328, 333, 358, 362,
363, 364, 365, 366, 367, 379,
384, 386, 390, 391, 392, 393,
395, 404, 406, 407, 409

Tatar Leib-Squadron, 265
 Tatar-Bashkir Culture Society
 Berlin, 263
 Tataren, 13
 Tatars, 7, 16, 19, 20, 23, 24, 25, 26,
 28, 32, 34, 35, 38, 39, 44, 45, 46,
 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 57, 58,
 61, 62, 63, 67, 68, 71, 114, 227,
 263, 264, 266, 269, 271, 273,
 288, 289, 290, 292, 293, 296,
 300, 310, 311, 312, 317, 318,
 319, 320, 325, 326, 327, 328,
 329, 331, 332, 333, 334, 335,
 336, 338, 347, 351, 361, 362,
 365, 369, 370, 390, 392, 393,
 394, 395, 408
 Tatarstan, 8, 13, 16, 24, 30, 44, 59,
 67, 270, 271, 272, 274, 301, 302,
 303, 304, 379, 382, 383, 390,
 392, 393, 395, 399
 Technical University Berlin, 298
 Temesvár, 310
 Teutonic Order, 325
 Teutons, 25
 The Collaborative Research Centre
 Memory Cultures, 264
 Theilig, 19, 20, 28, 29, 32, 34, 39,
 49, 61, 62, 69, 71, 263, 265, 271,
 282, 291, 301, 304, 384, 389,
 391, 392, 393, 394, 395
 Theodor von Götz, 58
 Third Turkish War, 36
 Tietmeyer, 71
 Tivoli Square, 291
 Tkalec, Maritta, 304, 305
 Tobacco-Mosque, 50
 Todd, 32
 Tolubaiew, 297
 Transylvania, 311
 Tumarova, 60
 Tunis, 292
 Turk, 25, 265
 Türk Birliği, 348
 Türkenkammer, 312, 313, 314, 315,
 316, 317, 319, 327
 Turkestan, 269
 Turkey, 16, 47, 59, 64, 65, 288,
 289, 370, 379, 382, 390, 391,
 393
 Turkic, 404
 Turkish, 33, 34, 35, 36, 37, 39, 146,
 263, 265, 273, 288, 289, 312,
 316, 342, 344
 Turkish Chamber, 312
 Turkish Wars, 38
 Turkmen, 364
 Turks, 19, 20, 23, 32, 34, 36, 37,
 38, 227, 263, 265, 289, 311, 332,
 338
 Tzageroff Garaim, 252
 Талаг паша, 109

 U
 Ufa, 359, 365
 Ukraine, 47, 318, 360, 361, 362,
 363, 364, 365, 366, 368, 369,
 370
 Ukrainern, 13
 Ukrainian, 273
 Ukrainians, 16, 266, 296, 408
 Ülküsal, 332, 338, 340, 341, 344,
 345, 346, 348, 351
 Ulrich Rückriem, 65
 University of Giessen, 264
 Urals, 17, 45
 USSR, 20, 51, 57, 59, 267, 270,
 274, 359, 360, 361, 362, 364
 Ustimenko, 299
 Uzbekistan, 60, 65, 383

 V
 Vaghabov, 61
 Valeeva, 62
 Valiullina, 62

Valparaiso University, 139
Van Schuppen, 39
Veliöf Schid, Veliöf Schahid, 204
Venetian, 36
Verdi, 24
Victoria, 39
Vienna, 33, 34, 35, 38, 39, 310,
311, 325
Vilnius, 325
Vineyard Camp, 295
Vitzthum, 315
Vlasov army, 270
Volga, 7, 47, 51, 55, 56, 59, 68,
267, 271, 304, 361, 391
Volga Tatars, 267
Volga-Ural, 7, 361
Volga-Ural region, 7
Volhynia, 325
Volksbund Deutsche
Kriegsgräberfürsorge, 398
Voltaire, 32

W

Wahlstatt, 53
Wahn, 257
Walachs, 311
Warbook, 36
Warsaw, 318, 319, 327, 328, 329
Washington, 64
Weber, 71
Wehrmacht, 267
Weil am Rhein, 61
Weil Gotthold, 207
Weimar, 398, 401, 404
Weimar Republic, 398, 401, 404
Weinberg-camp, 298
Weinberglager, 20, 251, 253, 276,
277
Welzbacher, 50
Wesel, 407
West, 24, 28, 50, 292, 293, 309,
362, 392

West Germany, 401, 403
Western Europe, 7, 56, 366, 370
Western Prussia, 53
Wilhelm Albert Doegen, 256
Wilhelm Doegen, 207
Wilhelm III, 309
Wilmersdorf, 51, 401
Woking, 50
Wolf Tiefstätter, 310
woodcut, 36
Wünsdorf, 50, 52, 63, 69, 77, 269,
293, 295, 296, 298, 299, 300,
386
Wünsdorf-Zehrendorf, 296
Wünsdorf-Zossen, 293, 298
Wustrau, 63, 263, 265, 266, 267,
268, 269, 274, 295, 301, 303,
305, 379, 390, 392, 394

Y

Yediler, 65
Yugoslavia, 8
Yurushbaev, 61

Z

Zaatov, 58
Zalilova, 272
Zephyr, 317
Zienau, 297
Zincirli-Medresse, 65
Zossen, 296

УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абдрахманов Хусаин, 78
Абдужемиль Рефат, 86
Абдуллаев, 88
Абдуллаев Ибраим, 88
Абдуллин Фахрелислам, 75
Абдулмеджид, 335
Абдулхамид II, 340, 341
Абдулькерим-Агъа, 94
Абдурахман, 205
Абдурахманов, 199
Аблаев, 200
Аблова, 150, 152
Або, 371, 375
Абрахам Хинкельман, 9
Абрахамович Зигмунд, 88
Абызова, 2
Август III, 86
Авдет, 86, 201
Авджи султан, 100
Авраам Гинкельманн, 281
Аврамов Николай, 286
Австрийская академия наук, 203
Австрия, 92, 96, 100, 104
Австро-Венгрия, 102, 203, 255
Аги Магира, 142
Агишев, 156
Адам, 20, 411
Адам Олеарий, 235
Адам Ольшлегель, 235
Адам Фергюсон, 11
Аджи Селим-Герай-Хан, 86
Аджимуллаев, 200
Адиль-Герай, 94
Адольф, 238
Азак, 90
Азербайджан, 87, 221
азербайджанцы, 346
Айдаров, 214, 223
Айчуваков Баймухаммед, 116
Академия наук Республики
Татарстан, 5, 10, 77, 305
Акимов, 199
Акмечеть, Акъ-Месджит, 93, 94,
95, 115, 116
Акмолинск, 117, 119
Акмолинская область, 117
Акмолинский округ, 116
Актуково, 374
Акъ-Сарай, 93, 94, 95
Ал. Алеску, 340
ал-Атнави Абдалхаким ибн
Абдеррәшид, 125
албанцы, 333, 340
Албеков, 121
ал-Газали, 127
Алеев Нурмухаммет, 374
Александр I, 244, 372
Александр Гольц, 102
Алеску, 340
Алжир, 277
Али, 238
Али Рыза, 340, 341
Алибеков, 214, 215
Али-Гъазы-Агъа, 94
Алиев, 199, 200
Алматы, 19, 114, 115, 119, 121,
122, 127, 128, 130, 192
Алоис Брандл, 256, 257
Алтанлы, 199
Альбертинкату, 373
Альбертсгатан, 373
Альтмарк, 9, 244, 245, 281, 283
Альшеевский район, 77
Алядин Шамиль, 199
Америка, 19, 132, 133, 134, 135,
136, 139, 151
американцы, 134
Амирхан Фатих, 126

Анатолия, 333, 336, 338, 346, 347,
348, 355, 357
Анваров Фуад, 133, 134, 136, 137,
138, 139
Анверофф Фуад, 134
англичане, 76, 279
Англия, 136, 276, 279
Ангора, 233
Анда, 78
Андижанская область, 193
Андреас Бодекер, 12
Андреас Лоренц, 287
Аничков, 127
Анкара, 142, 348, 349, 350
Антанта, 251, 276, 277, 278
Анхальт, 286
Апанаев Фуат, 146
Апанаевы, 141, 143, 147
арабский, 121, 125, 127, 339
арабы, 136, 277, 333
Арифуллин Исмаил, 374
Армения, 233
армяне, 343
Арсланово, 75
Архив Министерства
Иностранных дел ФРГ, 101
Асадуллин, 78
Асанов, 200
Асахи, 147
Астана, 119
астраханские татары, 204
Астрахань, 120, 235
Атласи Хади, 127
Атнагулов Салах, 127
Аугсбург, 233
Ауэзов, 121, 127, 128, 130
Африка, 251, 279
африканцы, 277
Ахматович, 106, 163, 168, 175,
214, 215, 216, 217, 218, 219,
221, 222
Ахмедов, 19, 149, 155, 157, 163,
410

Ахмед-Хан, 100
Ахмет Рефик Алтынай, 11
Ахмет-Агъа, 95
Ахмет-Герай, 94
Ахметзянов Нигматулла, 77
Ахметов, 201
Аягуз, 123

Б

Бабадаг, 334, 339, 340
Багъча-Сарай, 93, 94, 95
Базарджик, 335, 345
Базово, 78
Байбулатов, 133, 139
Байкадамов Сеил, 115
Байсунский район, 196
Бакиров Ахмет Сафа, 373
Бакшеев, 152
Балканы, 346, 354, 357
балкарцы, 198
Балтика, 236
Балтия, 243
Балчик, 335
Барановский Януш, 238
Бараш, 200
Барбаросса, операция, 260
Барбулл, 238
Баруди Галимджан, 124
Бастаново, 78
Бату хан, 230
Батыршин, 115, 116
Баутцен, 244
Бахадыр-Агъа, 95
Бахадыр-Герай, 90, 91, 92, 93, 94,
95
Бахадыр-Герай бин Селямет-
Герай, 90
Бахишев, 200
Бахористон акъикваты, 199
Бахт-Герай, 93
Бахтияров Каюм, 374
Бахчисарай, 85, 92, 98, 100

- Бахчисарайский ханский дворец, 101
- Бахшиш, 200
- башкиры, 9, 114, 117, 138, 203, 243, 244, 251, 260, 282
- Башкортостан, 77
- Баязид, 233
- Бедретдинов, 374
- Бекимов, 127
- Бекиров, 200
- Бекирова, 200
- Беккулов Касым, 127
- Бёлау, лагерь, 279
- Белебейский уезд, 75, 76
- Белоруссия, 212
- белорусы, 260
- Белосток, 242
- бельгийцы, 279
- Беляев, 20, 371
- Бёрде, 244, 245
- Березин, 127
- Берлин, 12, 72, 101, 105, 106, 107, 108, 109, 142, 143, 203, 229, 236, 237, 239, 249, 253, 255, 257, 258, 259, 277, 351, 411
- Берлинская библиотека, 19, 72, 77, 79
- Берлинская консерватория, 73
- Берлинский конгресс, 337
- Берлинский университет им. Гумбольдта, 203, 207, 208
- Берлинский фонограммархив, 203, 206, 207, 208
- Берлинский этнологический музей, 203
- Бесарабия, 334
- Бессарабия, 334
- Бигиев, 4, 125, 126, 127
- Бикбов Бикчантай, 373
- Бикчантаев Шариф, 73
- Билялов, 200
- Бишмухаметов Шагержан, 286
- Болат, 199
- Болгар, 126
- Болгария, 136, 331, 335, 339, 344
- болгары, 336, 343, 349
- Большая Орда, 215
- большевики, 345, 351
- Бора, 345, 347, 349
- Боскамп, 102, 103
- Бразилия, 136
- Брамыков Мухаметзян, 78
- Бранденбург, 236, 260
- Бранденбург-Пруссия, 9, 228, 236
- Бранденбург-Прусский музей, 4, 12, 21, 228, 260
- Брест-Литовский округ, 211
- Брюгге, 9
- Буби Габдулла, 126
- Буг, 1, 2
- Бугульминский уезд, 77
- Будапешт, 142
- Буджак, 96, 332, 333
- Буджакская орда, 103
- Булганаклы, 199
- Булгар, 233
- Булгъанакъ-Сарай, 93, 95
- Бухара, 119, 120
- Бухарест, 337, 345, 348, 351, 352, 353, 354
- Бухарская область, 193
- Быкмаев, 116
- Бюро ЦК КП(б), 194
- В**
- Ваисов, 214, 219, 223
- Вайль, 207, 259
- Вайнбергский лагерь, 72, 279
- Ваккас, 155
- Вакыт, 133, 134, 143
- Валеев Шахид, 204
- Валиди Ахмед Заки, 127
- Валиев Ярулла, 126
- Валпараисо, 138
- Вальдемара Уде, 245

Вальпараисо, 132, 133, 134, 137,
138, 139
Вамбери Герман, 127
Ван, 257
Вардин, 92
Варинин Буджи, 246
Варшава, 22, 87, 211, 222
Варшавский университет, 86
Васеда, 143, 144
Васильсурский уезд, 78
Веджих-Эфенди, 100
Веймар, 244
Вейнберг-Цоссен, 284, 285
Вели-Ахмет Хаким, 374, 375
Велиев, 199
Великая Орда, 90, 91, 92
Великая Отечественная война,
213, 214, 216, 218, 222
Великий Юрт, 90, 91, 92
Великое княжество
Финляндское, 372, 374
Вельяминов-Зернов, 86
Вена, 19, 96, 98, 100, 203
Венгерская академия наук, 204
венгры, 349
Венская академия наук, 205
Венский фонограммархив, 203,
204, 205
Вербен, 281
Виленская губерния, 211
Виленский край, 209
Виленский округ, 211
Виленский университет, 216, 217
Виленское воеводство, 212
Вильгельм II, 108, 109, 255
Вильно, 209, 210, 211, 212, 213,
214, 215, 216, 217, 219, 220,
222
Вильнюс, 19, 209, 213
Висбаден, 249
Виттенберг, 249
Владивосток, 151, 154
Власьевский, 152
Возгрин, 90, 91, 103
Возрождение, 107, 354
Волга, 127, 235
Волго-Уральский регион, 9, 114,
119, 120, 124, 243
волжские татары, 203, 206, 207,
346, 352
Вольтер, 228, 242
Восток, 9, 10, 21, 86, 213, 214,
281, 411
Восточная Европа, 9, 22, 212,
238, 239, 282, 330, 411
Восточная Пруссия, 238, 240,
241, 242, 243
Восточно-Казахская степь, 120
Восточный Казахстан, 120
Воткинск, 149, 153, 154, 155
Воткинская губерния, 154
Вторая мировая война, 9, 150,
196, 212, 260, 282, 283, 286,
330, 347, 371
Вуэстрау, 4, 21, 260, 261, 262, 411
Выборг, 371
Высокая Порта, 238
Вюндсдорф, 207, 251, 253, 254,
277, 283, 284, 285, 287
Вюндсдорфская мечеть, 72
Вюндсдорфский лагерь, 72, 77, 78,
84, 253, 277
Вюндсдорф-Церенсдорф, 284

Г

Габаша, 125, 126
Габбас, 154
Габдрафикова, 253, 307
Гавельберг, 281
гагаузы, 348
Газали, 126
Гази-Герай, 86
Гази-Герай-Хан бин Девлет-
Герай-Хан, 86
Газы-Герай II, 89

Гайнутдин Равиль, 375
 Галибов, 200
 Галия, *медресе*, 133
 Галяметдин, 79
 Гамбург, 101, 246, 281
 Ганзейский союз, 9, 10
 Ганновер, 284
 Гараева, 255
 Гарделеген, 9, 10, 20, 229, 281,
 282, 283, 284, 285, 286, 287,
 306, 307, 410
 Гарлеген, 284
 Гарри Гален, 372
 Гаспринский, 341, 344, 355, 356
 Гассино Гарифула, 286
 Гафиятуллина, 305
 Гафури Мажид, 126
 Гаффаров, 200
 ГДР, 9, 270, 285
 Гёзлев, 335
 Гельсингфорс, 372, 373, 375
 Генрих II, 231
 Георг Шюнеман, 255
 Герберт Янски, 256
 Германия, 1, 4, 9, 10, 19, 20, 21,
 22, 75, 79, 96, 101, 102, 105,
 106, 107, 111, 113, 136, 203,
 217, 218, 219, 227, 228, 229,
 233, 251, 252, 255, 260, 271,
 273, 276, 278, 279, 280, 281,
 282, 284, 286, 305, 306, 307,
 351
 Германская империя, 277, 278
 Гете, 244, 248
 Гибатдинов, 2, 19, 132, 142, 230,
 255, 410
 Гильметдин, 155
 Гилязов, 19, 20, 72, 77, 207, 251,
 276, 410
 Гитлер, 350
 Гобэйдуллин, 126
 Гоголь, 127
 ГОКО, 192
 Гольц Александр, 104
 Гольц Карл, 238
 Горацией Вернет, 246
 Горький, 222
 Горьковская область, 374
 Государственная Берлинская
 библиотека, 101, 229
 Государственная библиотека
 Прусского культурного
 наследия, 72
 Государственный
 Академический Большой театр
 имени А. Навои, 200
 Государственный архив
 Хабаровского края, 149
 Государственный Комитет
 Обороны СССР, 195
 Гота, 249
 Готтгард Кеттлер, 236
 Готтхольд Вайль, 207, 256
 Греция, 233
 Гродненская губерния, 211
 грузины, 260
 Грузия, 233
 Губайдуллин, 126, 127
 Гурджистан (Грузия), 87
 Гъзы-Герай, 93, 94, 95, 98
 Гюльбюн-и-ханан, 90, 91, 93

 Д
 Дабшинский, 116
 Давид Бауке, 281, 282
 Давлеткильдеев Абдулгаиз, 73
 Дайрен, 153
 Дальний Восток, 19, 142, 146,
 149, 150, 151, 154, 157, 191
 Дания, 88, 102
 Данциг, 236, 249
 де Кюстрин, 236
 Дёбельн, 281
 Девлет Гирей, 236
 Девлет-Бийим, 93

Девлет-Герай, 86, 91, 94
Девлет-Герай I, 89
Девлет хан, 95
Дёген Вильгельм, 207, 256, 257
Делиорман, 348
Деляверов Фатхелислам, 77
Деникин, 217
Дерменджи, 199
Дессау, 244, 246
Дешт-и-Кыпчак, 90, 91, 92, 96
Дж. Мерк, 239
Джавтобели, 199
Джалиль, 20, 22, 260, 270, 273
Джан-Мырза-Агъа, 94
Джан-Тимур-Бек, 93
Джантюрин Араслан, 116
Джелал ад- Дин, 236
Дженан Болат, 356
Джунгария, 120
Диваев, 127
Диппольдисвальде, 247
Добруджа Юна, 349
Добруджа, 20, 22, 330, 331, 332,
333, 334, 335, 336, 337, 338,
339, 340, 341, 342, 343, 344,
345, 346, 347, 348, 349, 350,
351, 352, 353, 354, 355, 356,
357, 358
Добруджа Тамим-и Маариф
Джемиети, 343
Добруджа Тюрк Харс Кюлтюр
Бирлиги, 348
Дон, 87
Дрезден, 244, 246
Дрезден-Мейсен, 287
ДУМ, 376
Думаи Нажип, 126
Дустлик, 199
Духовное Управление
мусульман, 375, 376
Дюндар Мерхан, 141, 146

Е

Евразия, 357
евреи, 136
Европа, 1, 2, 4, 9, 11, 20, 21, 22,
103, 132, 133, 136, 141, 142,
212, 238, 239, 282, 307, 308,
346, 410
Езеф Матуз, 88
Екатерина I, 239
Екатеринбург, 72, 76
Елизавета Петровна, 104
Ельцин, 306
Ерхард Бодекер, 12

Ж

Жалалетдинов Аймалетдин, 374

З

Забири Абдаррахман, 127
Забири Мирза Габдрәшид, 126
Зайнуллин Набиулла, 81, 82, 83
Зайсанский район, 134
Зайсанский уезд, 134
Закавказье, 372
Зальцведель, 281
Запад, 10
Западная Африка, 279
Западная Европа, 9, 132, 133
Западная Пруссия, 242
Западно-Восточный Диван, 244
Звуковой архив, 207, 208
Зегаузен, 281
Зеленогорск, 375
Зиннатуллина, 2
Зиннур, 155, 162
Золотая Орда, 114, 233
Золотая Татария, 234
Зөләйха, 125

И

Ибрагим, 278
Ибрагимов Абдурашид,
Габдеррашид, Габдрашит 4,
144, 145, 251, 342, 410
Ибрагимов Галимджан, 126, 127
Ибрахим Темо, 340, 343
Ибятула, 79
Иванычева, 305
Игнац Кунош, 204, 255
Идель-Урал, 87, 214, 256, 307
дрис, 154
Идриси 251
Идриси Галимджан, Алимджан,
72, 76, 132
Известия Общества археологии,
истории и этнографии, 127
Исеншниббе, 9, 282
Иззетов, 200
ИКАТАТ, 252
Ильяс, 155
Ингеборг Бальдауф, 77, 79
Ингрид Эриксон, 89
Ингрия /Ижора, 87
ингуши, 198
Индиана, 135
индийцы, 277, 279
Индия, 136
Институт Востока Варшавского
университета, 86
Институт истории им.
Ш.Марджани АН РТ, 2, 5, 21,
22, 143, 307
Институт Кавказских, Татарских
и Туркестанских
исследований, 1, 4, 21, 228,
410
Институт литературы и
искусства имени М.О.
Ауэзова, 121, 127, 128, 130
Иоганн Генрих фон Гюнтер, 242
Иран, 115, 136

иранцы, 136
Исаев Хиялетдин, 375
ислам, 114, 119, 125, 174, 175,
176, 186, 215, 221, 276, 305,
331, 355
Ислям-Агъа, 93
Ислям-Герай, 86, 90, 93, 94
Ислям-Герай II, 89
Исмаилова Зинят, 374
Испания, 136, 282
Истекбаев Бухарбай, 115
Исхаки Гаяз, 4, 214, 223, 256,
258, 307
Исхаков, 114
Италия, 136
Ишмухамет, 79
Иш-Мухаммед-бек, 116
Ишык, 342

Й

Йосыф, 125
Йоханн Давид фон Дзингель, 240
Йылдыз, 199
Йылдырым, 345, 347

К

Кабайл-татары, 334
Кабарда, 96
Кавказ, 9, 87, 191, 221, 246
Кадрилатер, 344
Кадыаскерские тетради, 85
Кадын, 356
Кады-Сарай, 91
казаки, 243, 244, 282, 333
Казан, 125, 126, 132, 204, 205,
207
Казанка, река, 235
Казанская губерния, 4, 72, 75,
118, 149, 153
казанские татары, 204, 206

Казанский Кремль, 21, 305, 306, 307
Казанский уезд, 76
Казанский университет, 77, 130, 248
Казанское ханство, 114
Казань, 1, 2, 9, 21, 22, 77, 114, 115, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 127, 130, 132, 142, 143, 146, 155, 204, 220, 228, 229, 235, 248, 249, 252, 306, 307, 352, 377
казахи, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 127
Казахская степь, 117, 118, 119, 120
Казахстан, 22, 114, 115, 117, 121, 123, 130, 134, 192, 198
Казем-бек, 127
Каир, 132
Кайзер, 19, 281, 283, 307, 410
калмыки, 191, 243
Кама, 1, 2
Камал Галиаскар, 126
Канада, 136
Кара Мустафа-паши, 100
Карадениз, 344, 354, 355, 356, 357
карачаевцы, 198
Карелия, 87
Карими Фатих, 127
Каримов, 122
Каримов Бари, 73, 74
Карл X Густав, 94
Карл Кристоф фон дер Гольц, 238
Карлюк, 196
Кароль II, 339
Карциг, 237
Кассел-Нидерцверен, 206, 255
Каунас, 217
Кашка-Дарьинская область, 193
Кельн, 257
Кемаледдин Бедри, 73, 74
Кемаль Намык, 80
Кемниц, 206, 255
Кенигсберг, 236
Керимов, 19, 85, 410
Керимова, 200
керич/чонгар-татары, 334
Керменчекли, 200
Керч, 335
Керчь, 72, 86
Кеттлер Готтгард, 236
Киев, 106, 108, 109
Кизеветтер, 248
Кильки Ракиба, 147
Кильки Фарит, 147
Кильки Хусаин, 147
Кимакский Каганат, 114
Киргизия, 198
киргизы, 119, 127, 203
Кислицын, 152
Китай, 123, 132, 136, 150, 151, 153
Китайско-восточная железная дорога, 151
Клайнбойха, 247
Ключищи, 374
Кобе, 142, 143, 145, 146, 147, 154, 155, 156
Кодекс Куманикус, 233
Козловский Иоахим, 286
Кок-Козь, 93, 94
Коми, 87
Константинополь, 279
Констанца, 335, 338, 339, 343, 345, 350, 354, 357
Кончек, 86
Коран, 9, 80, 130, 146, 206, 229, 244, 256, 281
корейцы, 191
Королевская Прусская фонографическая комиссия, 206, 255
Королевский архив, 88

- Краков, 87, 142
 Краковский университет, 86
 Красинский, 244
 Красная Армия, 212, 217, 220,
 222, 260, 286
 Красовский, 119
 Кристина, 238
 Кричинский, 210, 214, 215, 221,
 222, 223
 Крузе, 282
 Крым, 86, 87, 88, 90, 93, 96, 97,
 101, 102, 103, 104, 105, 106,
 107, 108, 109, 114, 191, 192,
 194, 195, 196, 199, 201, 219,
 221, 233, 243, 330, 332, 333,
 335, 345, 346, 347, 348, 349,
 350, 351, 354, 355, 357, 358,
 372
 Крым-Герай, 103, 104
 Крымская АССР, 193
 Крымская война, 101, 334
 крымские татары, 19, 86, 101,
 103, 104, 191, 192, 193, 194,
 195, 197, 198, 199, 201, 202,
 203, 204, 206, 236, 330, 331,
 333, 335, 350, 351, 352, 355
 Крымский инженерно-
 педагогический университет,
 85, 410
 Крымский медицинский
 университет, 98
 Крымский областной
 государственный архив, 89
 Крымское историческое
 обозрение, 86
 Крымское Краевое
 правительство, 106
 Крымское ханство, 19, 85, 86, 88,
 90, 92, 93, 96, 102, 103, 104,
 105, 236
 крымскотатарский, 19, 20, 85, 86,
 88, 90, 101, 102, 105, 110, 111,
 192, 198, 199, 200, 201, 202,
 331, 334, 340, 345, 346, 348,
 350, 352, 354, 355, 410
 Кряжли, 77
 Кубань, 87, 96
 Куйсу, 373
 Кул Шариф, 307
 кумыки, 203
 Кунош, 205
 Курбан Али-Халиди, 123
 Курбангалиев, 144, 145, 146
 Курдистан, 10
 курды, 333
 Курмышский уезд, 76
 Куртнезир, 199
 Курултай, 105, 106
 Куршатов, 19, 101
 Кутлгуш, 79
 Къадыаскер дефтерлери, 85
 Къады-Сарай, 93, 94
 Къаплан-Герай, 96
 Къырым, 87
 Къырым-Герай, 93, 94, 95
 Кырымзаде Али Рыза, 341
 Кюстрин, 238
- Л
- Лагерь на Виноградской горе, 253,
 277
 Лагерь полумесяца, 253, 277
 лазы, 333
 Ласси, 101
 Латвийский Генрих, 230
 Латъпов Идрис, 76
 латыши, 150
 Лах Роберт, 205
 Лебидзиови Яков, 242
 Легница, 230
 Лейпциг, 142, 243, 244, 245, 246,
 247, 259
 Ленин байрагы, 199
 Ленинское знамя, 199
 Леопольд I, 98

Ливония, 230
Лизогуб, 107, 108
Линхарта Рехартингера, 233
Литва, 19, 209, 210, 211, 212, 213,
214, 215, 216, 217, 218, 219,
220, 221, 305, 411
Литовская республика, 212
Литовская ССР, 213
Лодзь, 216
Лозанна, 132
Ломба, 76
Лукишки, 219
Львов, 9
Льеж, 132
Людвигслюст, 248
Лютцен, 244

М

М. фон Оппенхайм, 276, 277
мавры, 20, 21, 22, 227, 229, 305,
306, 307
Магдебург, 1, 21, 22, 230, 244,
246, 287, 410
Мазинов, 98
Майнц, 249
Макс Кутшманн, 284
Макс Нёггерат, 284
Максуди Ахмед, 127
Малая Азия, 233
Маликов, 61
Мамбет, 199
Мамсинская волость, 76
Мамутов, 200
Мангалиа, 341
Мансурово, 78
Маньчжоу-ди-го, 152, 153
Маньчжурия, 149, 150, 151, 155
Маньчжурская империя, 19, 149,
150, 151, 152, 163
Марданова, 19, 114, 121, 410
Марджани, 1, 21, 22, 132, 143,
146, 229, 410, 411
Мареа Неагра, 355
Марокко, 136, 277
Мартин Гётцки, 287
Мартин Шерер, 250
Махмутов, 114, 115, 119
Махубджамал, 78
Меджидиа, 335, 339, 344, 347
Меджидие Мусулман Семинары
Мезунлары Джемиети, 343
Меджидия, 335, 340, 342, 343,
352
Мейдан Газы-Ага, 97, 98
Мектеб ве Аиле, 342
Мемет Ниязи, 341, 343, 344, 345,
346, 347
Мемет Нури, 345
Меметов, 201
Мензелинский уезд, 81
Меньли-Герай, 93
Мерзбург, 206, 255
Мессершмидт Даниил, 249
Мехмед Гирей, 236
Мехмед Эмин, 80
Мехмет-Герай, 92, 94, 95
мечеть, 343
Миграж эн-Нэбий, 125
Милде, река, 281
Миллет, 108
Милли Байрак, 142, 143, 154, 155
Минден, 229
Миних, 101
Миних Бурхард, 85
Миннулла, 153
Минская губерния, 211
Минский округ, 211
Михаил Фёдорович, 235
Михалева, 201
младотурки, 340
Монголия, 123
Москва, 73, 78, 133, 191, 192,
239, 350, 375, 377, 378
Московская соборная мечеть, 375

Московский государственный архив старых дел, 88
Мөхәммәд Галим, 125
Мөхәммәд Закир, 126
Мөхәммәд Латыф, 125
Мөхәммәд пәйгамбәр, 125
Мөхәммәд Хан, 125
Мубарек-Герай, 92, 93, 95, 100
Музей исламской культуры, 306
Мукден, 142, 150, 153, 157
Мунд, 103
Мурад, 98, 199
Мурад ал-гарифин, 125
Мурад Гирай Султан бин Мубарек Гирай Султан, 87
Мурад Гирей, 236
Мурад-Герай, 89, 92, 93, 94, 95
Муртаза Али-Агъа, 94
Муртазаев, 200
Муртазина, 18, 131, 412
Муса, 79
Мустафа-ага, 93, 103
Мустафин Ахметжан, 375
Мустафина, 77
Мустеджиб, 338, 340, 341, 346, 348, 349, 350, 351, 356
мусульмане, 9, 10, 20, 21, 22, 75, 78, 84, 91, 114, 118, 119, 120, 121, 123, 124, 135, 136, 147, 211, 213, 221, 227, 228, 229, 238, 239, 242, 243, 244, 251, 253, 255, 276, 277, 278, 279, 282, 285, 305, 306, 333, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 352, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377
Мухамеджанов, 158, 160, 161, 162, 286
Мухамеджанова, 157, 162
Мухамеджановы, 149, 153, 154
Мухаммед-Герай, 89, 98, 99, 100
Мухаммед-Герай II, 89
Мухаммед-Герай IV, 89, 98, 99

Мухаммед-Герай-Хан, 98
Мухаммедназиб, 76
Мухаммед-Садык-ходжи, 116
Мухаммедшакир, 76
Мухаммед-Юсуф-бек, 115
Мухля, 214, 215
Муштари Марьям, 127
Мэнди Цепиг, 10, 286
Мюнхен, 143, 233

Н

Нагаев, 199
Нагоя, 147
Назибуллах, 285
Назибулла, 284, 287
Налбандов, 200
Наманганская область, 193
Наполеон, 246
Нар-Мухаммед-кушбеги, 115
Народный Комиссар Внутренних Дел, 193
Народный комиссариат по делам национальностей, 73
Нассиков, 286
Насыри Каюм, 126
Насыров Джалалетдин, 76, 77
НАТО, 352
Национальная библиотека Республики Казахстан, 121, 127, 130, 131
Неджат Салих, 356
Неджиб Хаджи Фазыл, 350
Немецкая цифровая библиотека, 208
Немецкий исторический музей г. Берлина, 229
немцы, 4, 20, 107, 150, 228, 229, 230, 244, 282, 307, 351
Неплюев, 119
Ниберляйн, 306
Нидерланды, 101

Нижегородская губерния, 72, 78,
371, 373, 374, 378
Нижегородская область, 374, 376
Нижегородчина, 374
Низами, 199
Николаевский уезд, 78
Никольск-Уссурийск, 154
Никополь, 233
Ниматуллин Мухаммадсадык,
373
Ниязи, 343, 356
НКВД, 191, 192, 193, 194, 196,
197, 198
НКГБ, 192
Нобуо Мисава, 141, 146
Новгород, 9
Новогрудское воеводство, 212
Ногаева, 200
ногаи, 96
Ногайская Орда, 114
ногайцы, 90, 92, 114, 204, 333,
334, 335, 353
Нойруппин, 242, 260, 262
Нью-Йорк, 139, 246

О

ОАЭ, 377
Общество для распространения
знаний в Добрудже
Добруджа Тамим-и Маариф
Джемиети, 343
огузский, 331
Октябрьская революция, 374
Олеарий Адам, 235
Ольгерд Гурка, 88
Омеров, 201
Омск, 117, 130, 133
Омская область, 220
Ордуф, 206, 255

Оренбург, 72, 74, 117, 119, 120,
122, 125, 126, 127, 130, 133,
143
Оренбургская губерния, 115, 128
Оренбургское магометанское
духовное собрание, 118, 372,
373, 375
Оренбургское Неплюевское
военное училище, 115
Орзулл, 238
Осман, 238
Османская империя, 11, 80, 103,
105, 276, 331, 332, 333, 336,
338, 341
османский, 277, 340
Османский Государственный
архив, 88
османы, 332, 333, 334
Остербург, 281
Острожский, 236
Отто Герлах, 250
Отто фон Герике, 22
Отто Штиль, 254, 283, 284

П

Пайо де Монтальберто, 246
Паллас Петер, 249
Париж, 88
Пархим, 206, 255
Первая мировая война, 9, 10, 19,
20, 203, 205, 207, 215, 251, 255,
276, 278, 279, 280, 283, 286,
307
Первая Силезская война, 237
Персия, 233
Петербург, 125, 133, 249
Петр I, 239
Петр III, 104
Петроград, 125
Петропавловск, 72, 73, 120
Петряксы, 76
Платов, 243

- Поволжье, 130, 206, 375, 376, 378
 Полония, 87
 Полторжичский, 214, 222
 Польская республика, 222
 Польское государство, 209, 211, 212, 216
 Польское королевство, 247
 польско-литовские татары, 19, 209, 213, 236, 244
 Польша, 22, 86, 87, 88, 92, 101, 102, 110, 210, 211, 212, 214, 215, 217, 218, 220, 223, 238, 243, 282, 305, 350
 Померания, 242
 Попорул, 346, 347
 Потсдам, 234, 237, 239
 Прибалтика, 230
 Пруссия, 12, 20, 21, 22, 96, 97, 102, 103, 104, 110, 227, 229, 236, 238, 239, 242, 243, 289, 305, 306
 Прусский королевский мусульманский полк, 229
 Прусское королевство, 239
 Псков, 9
 Пуххайм, 206, 207, 255
 Пушкин, 127
- Р
- Рабига, 153, 154
 Рапп, 106
 Рахимкули, 116
 Рахманкулова, 19, 191, 192, 195, 410
 Рахманкулый Султан, 127
 Редиванов Шверид, 239
 Резмий Бахадыр-Герай, 90
 Рейхштадт, 247
 Ренклер, 353
 Речь Посполитая, 210, 212
 Роберт Лах, 255
 рома, 332
- Романович, 214, 215, 219, 220, 222
 Романя, 348
 Росси, *генерал*, 244
 Российская Императорская Академия, 86
 Российская империя, 104, 117, 119, 223, 286, 287, 371, 372, 373
 Российская Федерация, 10, 115, 375, 376, 378
 Российское государство, 118
 Россия, 72, 77, 84, 88, 90, 91, 92, 103, 104, 123, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 150, 151, 153, 155, 157, 191, 219, 238, 251, 276, 279, 286, 287, 332, 336, 339, 342, 373, 374, 375
 Ростов, 248
 Руми, 200
 Румыния, 110, 330, 331, 336, 337, 339, 342, 344, 345, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 358
 румынский, 342, 345, 346, 357
 румыны, 336, 337
 Русия, 255
 Россия, 230
 русские, 92, 149, 150, 152, 235, 238, 282, 287
 русско-шведская война, 372
 Рустам Раза, 246
 Рустемов, 85
 Рыкнер, 246
 Рычков, 152
- С
- Саадет-Герай, 95
 Сабитов Габдулмузиб, 76, 77
 Сагди Абдарахман, 127
 Сайфульмулюков Галимзян, 134, 135

Саксония, 247, 286
Саксония-Анхальт, 10, 286
Саксонское княжество, 247
Салагаш, 147
Самарканд, 130
Самаркандская область, 193
Самарская губерния, 72, 77, 78
Самигуллина, 306
Самиулла Садри, 374
Санкт-Петербург, 85, 86, 122,
130, 142, 221, 248, 373, 377
Санкт-Петербургский
университет, 221
Сан-Франциско, 133, 153, 154,
157
Сарадж-Эли, 93
Сафа Гайнан, 147
Сафа Рамазан, 147
Сафа Рукия, 157
Сафа-Герай, 90, 91, 92, 93, 95
Сафиуллина, 129
Сахалин, 153
Сахиб-Герай, 89
Свеаборг, 371, 372, 373
Свидригайло, 236
Северная Африка, 251, 279, 371,
376, 377
Северная война, 90, 91
Северный Кипр, 354
Северо-Восточная Азия, 143, 151
Северо-Казахстанская область,
118
Седлеки Станислав, 88
Сейтовская слобода, 117, 118
Сейдамет Джафер, 86, 105, 106,
107, 108, 109, 113, 346, 347
Сейфуллин, 116
Секретный Прусский
государственный архив, 228,
236, 237, 408
Селим Абдулхаким, 345, 349
Селим-Герай, 86, 94, 95, 96
Селим-Герай I, 89
Селимов, 199
Селямет-Герай, 90, 91, 93, 94, 95,
96
Семипалатинск, 117, 120, 122,
123
Семипалатинская область, 117
Семиреченская область, 117
Семиречье, 123
Сергачский уезд, 78
Сетвелиев, 200
Сефер-Гъазы, 93, 94
Сефи I, 235
сибирские татары, 207
Сибирь, 78, 119, 134, 233, 249
Сивирен, 95
Симанз, 21, 141, 142, 143, 147
Симбирская губерния, 72, 76
Симон Петлора, 109
Синьцин, 153
Синьчжоу, 154
Сирия, 10
Скоропадский, 106, 107, 108
Слак, 77
Собачий Остров, 76
Совет Народных Комиссаров
СССР, 193, 195, 197, 198
Советская Армия, 9, 283
Советский Союз, 155, 213, 218,
219, 260, 346, 348, 350, 371,
374, 377
Советско-финская война, 371
Сойсал, 86, 87, 88
Сомали, 376
Средний Восток, 371, 376
Средняя Азия, 9, 120, 131, 233
СССР, 20, 96, 191, 192, 193, 195,
196, 198, 212, 213, 214, 218,
220, 282, 351, 371, 374, 375,
377, 378
Сталин, 191, 193, 197, 350, 352
Стамбул, 86, 90, 96, 130, 132, 134,
142, 155, 341, 342
Стендаль, 281, 283

- Степь, 115, 116, 118, 119, 122, 129
 Стерлитамак, 74
 Стерлитамакский уезд, 115
 Стокгольм, 91, 93
 Стокгольмский государственный архив, 89
 Субэдэй, 230
 Сузак, 116
 Суксу, 374
 Сулейманов Нияз-Мухаммед, 126
 Султан Улан, 244
 Сулькевич, 106, 109, 247
 Сурхандарьинская область, 196
 США, 22, 134, 154, 157
 Сырымов Казы, 116
 Сүйрен-Сарай, 93, 94
- Т
- Тавгачи, 90, 92
 Тагиров, 252
 Таджуддин Талгат, 375
 Тайлиг, 2, 20, 230, 260, 411
 Таймазов, 201
 Талат-паша, 108
 Тамбовская губерния, 72, 73, 78
 Тамерлан, 233
 Таммерфорс, 375
 Тампере, 374, 375
 Танарул, 356
 Тангермунде, 281
 Танрыёвер, 348
 Тарих-и-Веджихи, 100
 Тартар, 26
 Тархан, 73
 Тарья Халонен, 377
 Татарская Башня, 230
 татарский, 79, 127, 134, 148, 154, 155, 278, 284, 285, 287, 331, 349, 350, 352, 356, 357, 358
 Татарский Азби, 81
 Татарстан, 2, 4, 5, 10, 21, 141, 142, 143, 146, 157, 205, 376
 татары, 4, 5, 9, 10, 19, 20, 21, 22, 31, 67, 83, 90, 92, 96, 98, 106, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 121, 123, 124, 126, 129, 132, 133, 134, 135, 138, 141, 142, 145, 146, 147, 149, 150, 151, 192, 194, 202, 204, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 215, 219, 221, 222, 227, 228, 229, 230, 231, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 242, 243, 244, 246, 248, 249, 251, 253, 255, 256, 260, 271, 277, 279, 282, 283, 285, 287, 289, 305, 306, 307, 330, 331, 334, 335, 336, 337, 339, 340, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 410
 Татищев, 105, 106, 109
 таты, 90, 92, 334, 353
 Тахт-Герай, 94
 Ташбулатово, 78
 Ташкент, 115, 130, 134, 201
 Ташкентская область, 193
 Ташкентский педагогический институт, 199
 Таш-Яргъан, 93, 95
 Тевтонский орден, 236
 Темимдара Мухита, 141, 147
 Терджиман, 341, 347
 Терийоки, 375
 Тешвик, 339, 341, 342
 Тивали, 282
 Тильке, 252
 Тимергалиев, 373
 Тимур-Агъа, 94
 Тимур хан, 95
 Тобольск, 207

- Токио, 141, 142, 143, 145, 146, 147
- Толубаев Мутали, 286
- Томская губерния, 72, 81
- Топкапы, 88
- Топчи, 200
- Тохтамыш-Герай, 95
- Трасинова, 200
- Троицк, 72, 120
- Туган-Барановский, 222
- Тукай, 142
- Туканай, 79
- Тулча, 338
- Тунис, 277
- Турецкая империя, 88
- Турецкая Республика, 357
- турецкий, 80, 141, 333, 340, 346, 352, 356, 357
- Туркестан, 372
- туркестанцы, 346
- турки, 9, 20, 21, 22, 227, 228, 229, 233, 238, 242, 279, 305, 306, 307, 336, 344, 348, 349, 350, 352, 354, 355, 356, 358
- Туркистан, 87
- туркмены, 203, 332
- Турку, 375, 377
- Турция, 80, 88, 101, 103, 104, 105, 108, 109, 110, 132, 136, 155, 219, 338, 345, 346, 348, 349, 350, 351, 352, 354, 355, 356, 357, 358
- Тынчеров, 199
- Тюрингия, 248
- Тюрк Бирлиги, 348
- тюркотатарский, 88
- тюркоязычный, 142, 331, 332, 348
- тюркчюлюк, 349
- У
- УДТТМР, 330, 354, 355, 356, 357
- Узбекистан, 19, 22, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 200, 201, 202
- Узбекская ССР, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200
- Узбекский государственный театр оперы и балета им. Навои, 200
- Украина, 87, 106, 107, 108, 191, 193, 350
- Украинская Народная Республика, 109
- украинцы, 260, 282
- Улькюсал, 338, 340, 341, 345, 346, 349, 350, 351, 356
- Умеров, 199
- Университет Вальпараисо, 133, 134, 137, 138
- Университет Васеда, 141, 143, 144
- Университет Гумбольдта, 257, 258
- Университет Мартина-Лютера, 10
- Университет Отто фон Герике, 22
- Университет Симанэ, 21, 141, 143, 147
- Урал, 130, 233
- Урало-Поволжье, 119
- Уральск, 114, 122
- Усейнов, 200
- Усманов, 77, 120
- Усманова, 19, 77, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 149, 151, 209, 210, 215, 216, 219, 221, 411
- Уссурйск, 154, 155
- Устименко Борис, 287
- Уфа, 122, 377
- Уфимская губерния, 72, 75, 76, 81

Ф

Фазыл, 199, 346, 348, 351
 Фаизханов Хусаин, 86
 Фархадская ГЭС, 197
 Фатих-Герай, 94
 Фаткуллин, 75
 Фаткуллова, 306
 Фатхулбаян, 76
 Фахретдин Ризаэддин, 126, 375
 Фахрутдинова, 157
 Февзи Ибрахим Исмаил, 345
 Фейзи Рахман Юртэр, 96
 Ферах, 93, 94
 Ферах-Бийим, 93
 Ферах-ханым, 94
 Ферганская долина, 120
 Ферганская область, 193
 Фетхуллин Якуб, 374
 ФЗО, 198
 Финляндия, 20, 22, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378
 Финляндская Республика, 378
 Фолькер Адам, 19, 330, 413
 Франк Ален, 120
 Франкфурт на Майне, 252
 Франкфурт-на-Одере, 206, 236, 255
 Франкфуртер цайтунг, 278
 Франсуа де Тотта, 102
 Франц де Тотт, 102
 Франция, 102, 103, 276, 279, 282
 французы, 76, 279
 Фридрих, 238
 Фридрих II, 237, 238, 242
 Фридрих II Великий, 102, 103, 104, 105
 Фридрих III, 235
 Фридрих Великий, 228, 242
 Фридрих Вильгельм, 236
 Фридрих Вильгельм I, 98, 239
 Фридрих Вильгельм II, 243

Фридрих Леопольд фон Шрёттер, 242, 243
 Фриман, 106
 Фронтул Ренаштерии Национале, 346, 350
 Фрэн Христиан, 248
 Фукс Карл, 248

Х

Хааке Хассан, 229
 Хабаровский край, 149
 Хабибур-Рахман Шакир, 374
 Хаджи Фазыл, 350
 Хаджы-Герай, 94, 95
 Хайбуллаева, 200
 Хайлар, 150
 Хайретдинов, 81, 374, 375
 Хайретдинов Гайнельхади, 81
 Хакимов, 2, 4
 Халиди, 119, 123, 124, 127,
 Халил Фехми, 345
 Халк, 346, 347, 348
 Хамада, 141
 Ханзаде-ханым, 90
 Ханский дворец, 85, 93
 Харбин, 142, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156
 Харисов, 19, 203, 411
 Хасан Алеб-имам, 244
 Хасбиуллин, Хасбюллин, 156
 Хаттори Сиро, 141, 142, 143, 147
 Хафизов Назибулла, 284
 Хаяси Сенджуро, 144
 Хеб, 204
 Хельсинки, 142, 373, 374, 375, 378
 Херборн, 248
 Хикмет бей, 108
 Хишфельд, 244
 Хисам-Герай, 94
 Хисаметдин Нурмухаммед, 207
 Ходжанийаз-бий, 116

Ходр Чехаб, 376
Холокост, 282
Хотопп-Рике, 2, 19, 228, 250, 281,
307
Хоттендорф, 283
христиане, 91, 282
Хроника Ливонии, 230
Худаймендин Коньркулжа, 116
Хунанин, 246
Хусаинов, 76, 122
Хусяин, 79

Ц

Центральная Азия, 123
Центральная Германия, 9, 10, 22,
281
Центральная научная библиотека
Республики Казахстан, 121,
125, 127, 129
Центральная научная библиотека
РК, 122, 130, 131
Центральное Духовное
управление мусульман, 375
Центральный архив РК, 115, 116,
118, 128, 130
Центральный Государственный
архив РК, 127, 130
Центральный государственный
музей РК, 128
Центральный Государственный
музей РК, 127, 130, 131
Церенсдорф, 279, 284
Церковь Святого Лауренция, 248
Цзямусы, 153
Циенау, 286
Цин, *династия*, 120
Цоссен, 207, 253, 277, 283, 284

Ч

Чаш, 345, 354, 356, 357
Чебоксарский уезд, 75

Челеби Джихан, 347
Чембилей, 76
Черкез-Али, 199
Черкесия, 96
черкесы, 90, 92, 332
Чернавода, 335
Чёрное море, 330, 355, 358
Честохов, 217
Чехия, 204
Чехрин, 92
чеченцы, 198
Чингизхан, 83, 123
читак, 332
Чобан Адиль-Герай, 89
чуваши, 203
Чугучак, 123
Чурлу, 200

Ш

Шакиржан ал-Халиди ат-Такви,
127
Шакиров Хусяин, 374
Шамсадин Мухаммад ал-
Кухистани, 125, 129
Шанхай, 150
Шарлотта, 238
Шахрух, 233
Шацкий уезд, 73
Шварца, 248
Шведский престол, 91
Швеция, 22, 89, 90, 91, 92, 95,
101, 102
Шемъи-заде, 199
Шериат сиджиллери, 85
Шибельский полк, 247
Шильтбергер, 233, 234
Шинкевич, 214, 219, 220, 222
Ширази Хафиз, 130
Ширинский, 307
Шотт Вильгельм, 249
Штейн, 261
Штеттин, 236

Штиль, 284
Штральзунд, 236
Штрелен, 103
Шулдат, 81
Шумкова, 155
Шура, 133, 135
Шюнеман Георг, 206, 255

Э

Эблаев, 88, 192, 200, 207, 349
Эвлия Челеби, 99, 100
Эгер, 204
Эдвин Ниттер, 285
Эдемова, 199
Эдилерский Фазыл, 205
Эдисан, 332
Эдисон, 204
Эйхель, 104
Эльба, 1, 2, 230
Эль-Джихад, 279
Эмель, *журнал*, 87, 88, 341, 344,
346, 347, 348, 349, 350, 351
Эминов, 200
Эрдман Иоганн, 249
Эрдман Фридрих, 248
Эреджепова, 200
Эрки Туомиоя, 377

Эрнст Раков, 256
Эрфурт, 248
эстонцы, 150

Ю

Юго-Восточная Европа, 238
Югославия, 10
Юсуф, сын Мустафы, 247

Я

Якубов, 200
Ян Казимир, 88
Яна Милли Юл, 143
Яна Япон Мохбире, 143, 146
Янапар, *деревня*, 374
Янболу, 90
Янгилдино, 75
Янски Герберт, 205
Янушевский, 214, 215
Япония, 19, 21, 22, 132, 141, 142,
143, 144, 145, 146, 147, 151,
153, 154, 155, 156, 157, 411
Японская империя, 152
Ярмунча, 76
Яруллин Абдрахман, 78
Ярхамов, 307

**«Beyond the TARTAROS»
A Muslim World in the Heart of Europe
between Elbe, Bug and Kama**

**«По ту сторону ТАРТАРА»
Мусульманский мир в сердце Европы
между Эльбой, Бугом и Камой**

Сборник научных трудов

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 28.12.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 28,25+1,0 цв.вкл. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46,
231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

Татары,
турки,
мавры –
первые
мусульмане
Германии

Германиянең
беренче
мөселманнары:
татарлар,
төрөкләр,
мавлар

Tartaren,
Türcken
und Mohren –
Muslime in
Brandenburg-
Preußen

Адрес: Музей-заповедник
«Казанский Кремль», мечеть Кул Шариф,
Музей исламской культуры

Выставка работает ежедневно с 09.00 до 19.00
e-mail: islamuseum@yandex.ru ;
www.kazan-kremlin.ru; uk.com/islamuseum

Иллюстрации к статье
Holger Schuckelt. Relations between Saxony
and the Crimean Tatars in the 17th and early 18th centuries (fig. 2–3).

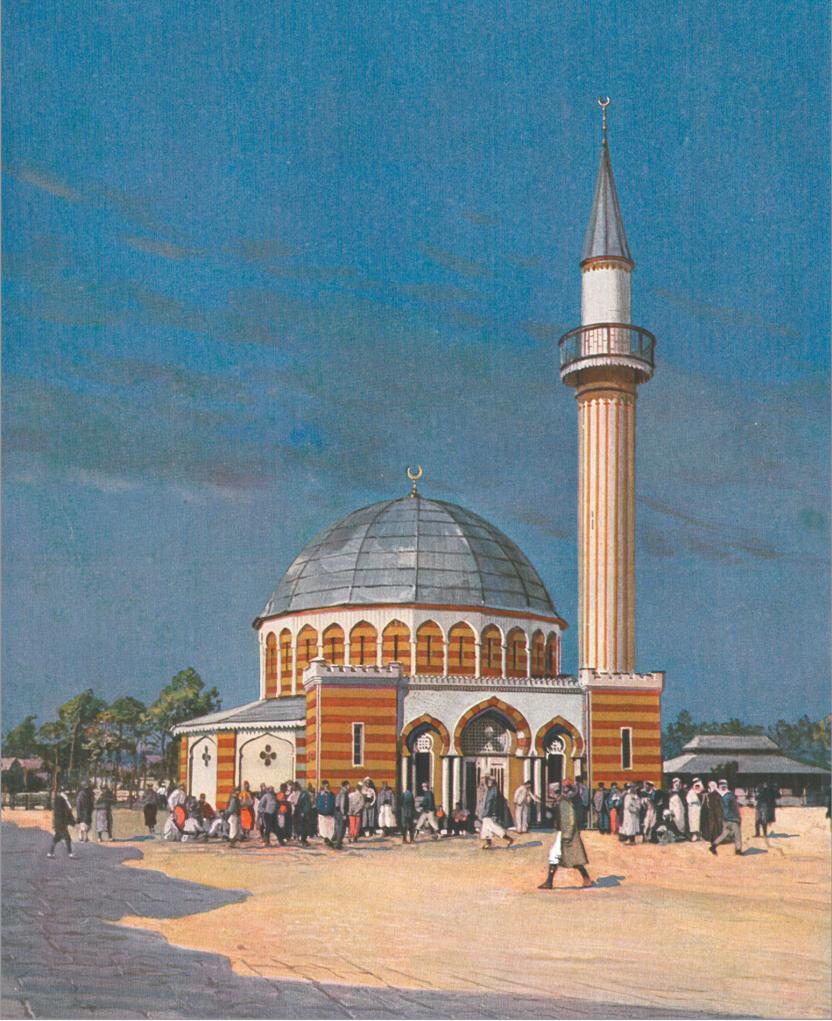

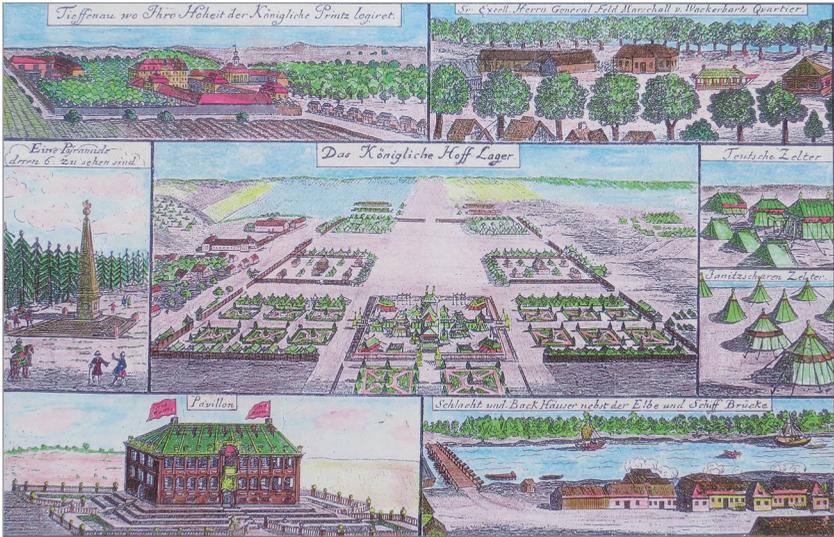

6

7

9

10

11

12

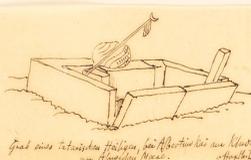
Tataren in Russland.

Kutejka

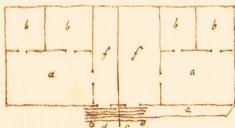
Akeima

Asbertinskai am Kluok

Gopantschow

Tatarische Metochie in Gopantschow, zur linken im Bild, die rechte Seite die Vorderseite (Metochie mit 4 Säulen in ungefähr 1870) nach der Trennung von den Kindern.

- a. Große Wohnstube = Tschibana
- b. Kammer = Tschibana
- c. Bekleete Treppe zur oberen Stube = Kuchin, a. Kuchin
- d. Bekleete Treppe zur unteren Stube = Kuchin, a. Kuchin
- e. 4' hohe 8' breiter Tisch mit Lederdecke, Lederstühle d. oben zu Tschibana
- f. Tische - unter dem Tisch = Pothofje.

Gopantschow

Gopantschow

Gopantschow

a. Wohnstube (16)
 b. Tische mit 4 Stühlen
 c. Tische mit 4 Stühlen
 d. Tische mit 4 Stühlen
 e. Tische mit 4 Stühlen
 f. Tische mit 4 Stühlen
 g. Tische mit 4 Stühlen
 h. Tische mit 4 Stühlen
 i. Tische mit 4 Stühlen
 j. Tische mit 4 Stühlen
 k. Tische mit 4 Stühlen
 l. Tische mit 4 Stühlen
 m. Tische mit 4 Stühlen
 n. Tische mit 4 Stühlen
 o. Tische mit 4 Stühlen
 p. Tische mit 4 Stühlen
 q. Tische mit 4 Stühlen
 r. Tische mit 4 Stühlen
 s. Tische mit 4 Stühlen
 t. Tische mit 4 Stühlen
 u. Tische mit 4 Stühlen
 v. Tische mit 4 Stühlen
 w. Tische mit 4 Stühlen
 x. Tische mit 4 Stühlen
 y. Tische mit 4 Stühlen
 z. Tische mit 4 Stühlen

Japan Aschino

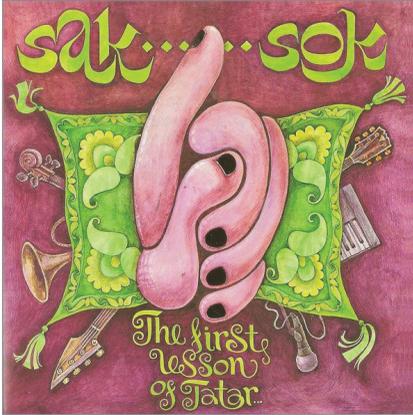
14

15

Иллюстрации к статье

M.Hotopp-Riecke: Lieux de mémoire of Tatars in public space of Germany: Tatarian craftwork, art and graveyards (fig. 5, 11,12, 16–28).

16

17

18

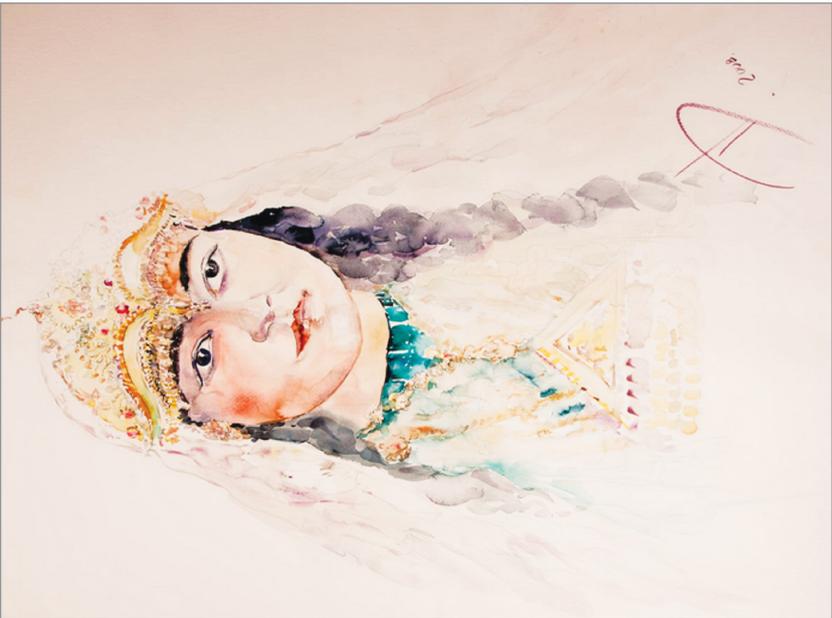

19

21

22

23

ZUM GEDENKABEND AN DEN BEDEUTENDEN
TATARISCHEN DICHTER

**25.02
2016**
GROßER SAAL
18.00

Mussa Dshalil
(15.02.1906–25.08.1944) VERURTEILT
ZUR UNSTERBLICHKEIT

*„Ist als ein Volkslied
mein Leben verflozen,
ruft als ein Kampflied
mein Sterben zur Tat“*

Mussa Dshalil

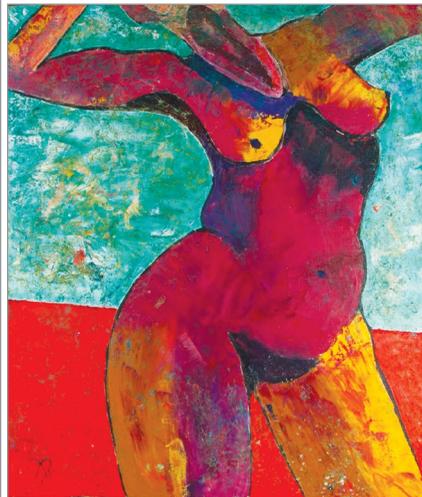
RUSSISCHES HAUS DER WISSENSCHAFT UND KULTUR
Friedrichstr. 176-179, 10117 Berlin
Eine Anmeldung ist erforderlich bis zum 20. Februar 2016 unter:
Tel.: 030/ 20 30 22 29, 030/ 20 30 23 20, Fax: 030/ 20 44 058

24

25

26

27

28

Татары,
турки,
мавры –
первые
мусульмане
Германии

Германиянең
беренче
мөселманнары:
татарлар,
төрөкләр,
мавлар

Tartaren,
Türcken
und Mohren –
Muslime in
Brandenburg-
Preußen

Адрес: Музей-заповедник
«Казанский Кремль», мечеть Кул Шариф,
Музей исламской культуры

Выставка работает ежедневно с 09.00 до 19.00
e-mail: islamuseum@yandex.ru ;
www.kazan-kremlin.ru; uk.com/islamuseum

Иллюстрации к статье
Holger Schuckelt. Relations between Saxony
and the Crimean Tatars in the 17th and early 18th centuries (fig. 2–3).

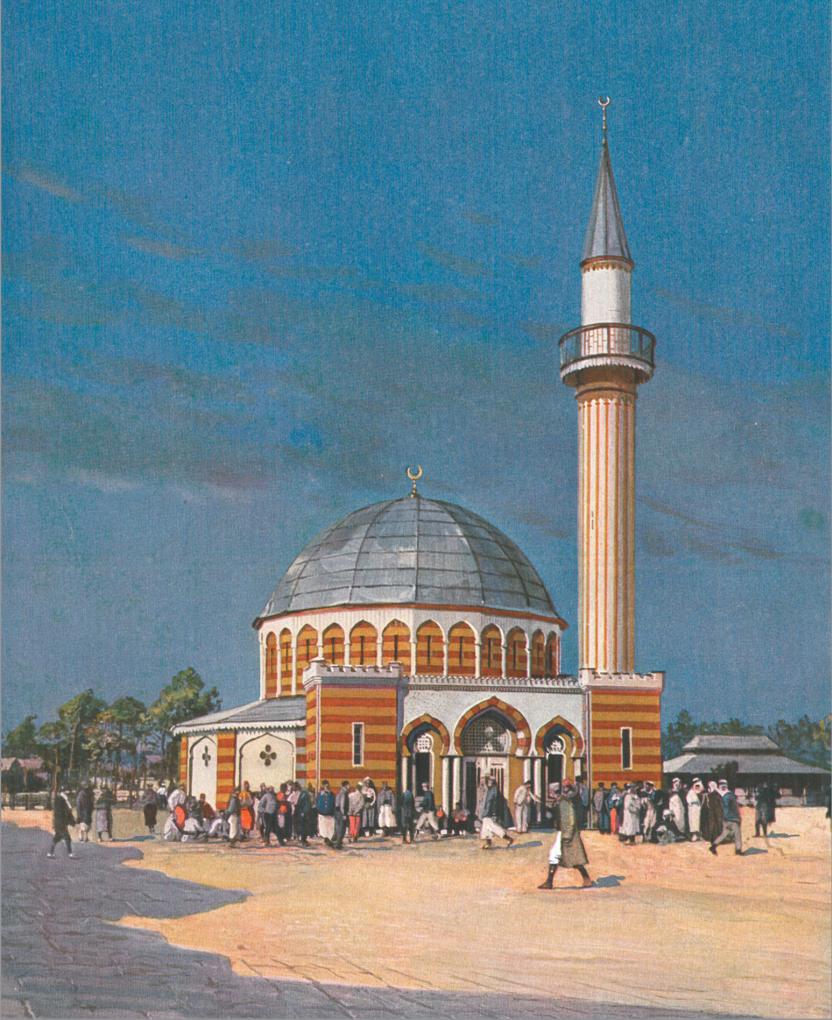

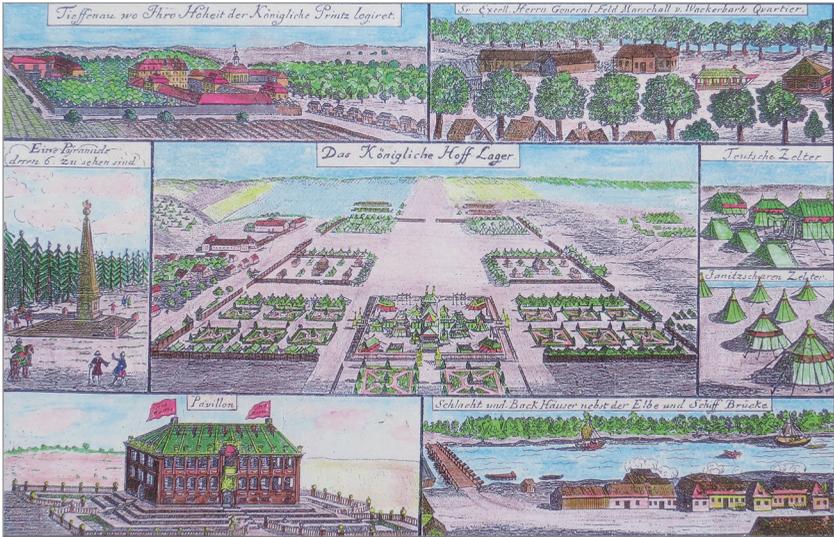

6

7

9

10

11

12

Tataren in Russland.

Tatarische Metochie in Kutejka zur Prof. u. Tschow.
Haupt II. 186.

Kutejka

Haus eines Mannes in Akeima in Tatar. Akeima ist
weit d. M. in der Gegend von Akeima.
Haupt II. 188.

Akeima

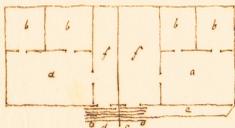

Grund eines Tatarischen Fischerboots bei Akeima bei dem Kluck.
von Akeima. Haupt II. 189.

Asbertinskai am Kluck

Haupt II. 190

Türanstellung in Gopantschow, zur linken im Bild, die rechte
rechts die Türanstellung (Wahl mit 4 Türen in ungefähr 1/2 Weg
links die Türanstellung im Inneren.
a. Große Vorhalle = Tür b. Tür
c. Kaminraum = Tür d. Tür
e. Bekannte Treppe zur oberen Tür = Tür f. Tür
g. Bekannte Treppe zur unteren Tür = Tür h. Tür
i. 4" hohe 8" tiefe Tür mit Leinwand, Leinwand d. Tür
j. Tür
k. Tür
l. Tür
m. Tür
n. Tür
o. Tür
p. Tür
q. Tür
r. Tür
s. Tür
t. Tür
u. Tür
v. Tür
w. Tür
x. Tür
y. Tür
z. Tür

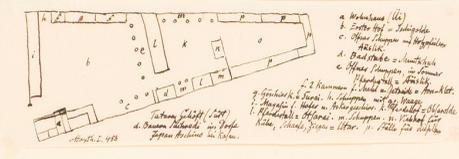
Gopantschow

Türanstellung Gopantschow
wie viele in Gopantschow.

Haupt II. 195

Gopantschow

Haupt II. 198

Japan Aschino

a. Vorhalle (11)
b. große Tür = Tür
c. große Tür = Tür
d. große Tür = Tür
e. große Tür = Tür
f. große Tür = Tür
g. große Tür = Tür
h. große Tür = Tür
i. große Tür = Tür
j. große Tür = Tür
k. große Tür = Tür
l. große Tür = Tür
m. große Tür = Tür
n. große Tür = Tür
o. große Tür = Tür
p. große Tür = Tür
q. große Tür = Tür
r. große Tür = Tür
s. große Tür = Tür
t. große Tür = Tür
u. große Tür = Tür
v. große Tür = Tür
w. große Tür = Tür
x. große Tür = Tür
y. große Tür = Tür
z. große Tür = Tür
1. große Tür = Tür
2. große Tür = Tür
3. große Tür = Tür
4. große Tür = Tür
5. große Tür = Tür
6. große Tür = Tür
7. große Tür = Tür
8. große Tür = Tür
9. große Tür = Tür
10. große Tür = Tür

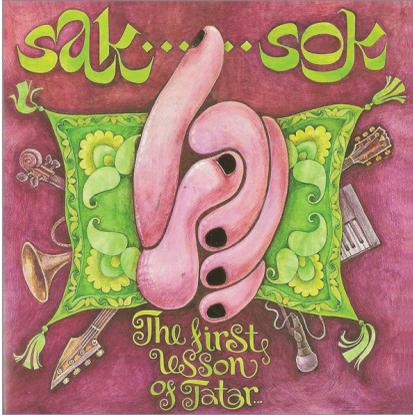
14

15

Иллюстрации к статье

M.Hotopp-Riecke: Lieux de mémoire of Tatars in public space of Germany: Tatarian craftwork, art and graveyards (fig. 5, 11,12, 16–28).

16

17

18

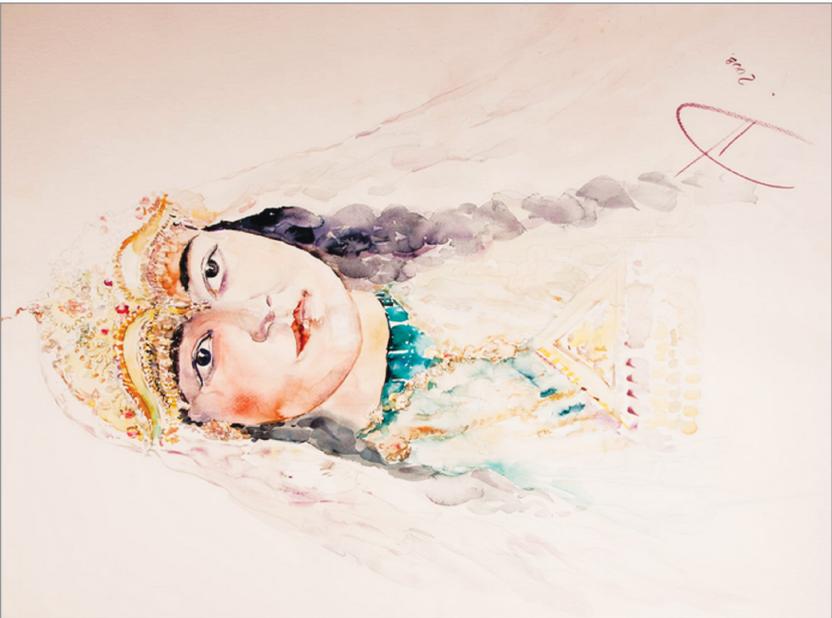

19

21

22

23

ZUM GEDENKABEND AN DEN BEDEUTENDEN
TATARISCHEN DICHTER

**25.02
2016**
GROßER SAAL
18.00

Mussa Dshalil
(15.02.1906–25.08.1944) VERURTEILT
ZUR UNSTERBLICHKEIT

*„Ist als ein Volkslied
mein Leben verflozen,
ruft als ein Kampflied
mein Sterben zur Tat“*

Mussa Dshalil

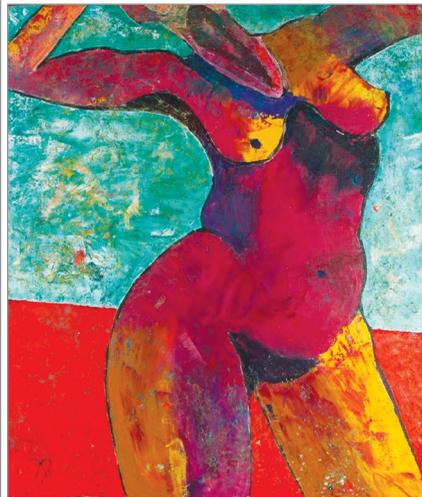
RUSSISCHES HAUS DER WISSENSCHAFT UND KULTUR
Friedrichstr. 176-179, 10117 Berlin
Eine Anmeldung ist erforderlich bis zum 20. Februar 2016 unter:
Tel.: 030/ 20 30 22 29, 030/ 20 30 23 20, Fax: 030/ 20 44 058

24

25

26

27

28